

Лекции по истории и философии науки

Оглавление

1 История и философия науки как научная и учебная дисциплина	5
1.1 Философия науки, ее объект, предмет и структура. Роль философии в науке	5
1.1.1 Философия науки, ее объект и предмет	5
1.1.2 Структура философии науки	5
1.1.3 Функции философии в науке	6
1.2 Проблема взаимосвязи философии и науки и основные концепции ее решения	7
1.3 Наука как предмет прикладных исследований в XX веке в контексте научно-технической революции и развития «большой науки»	8
1.3.1 История исследований феномена науки.	8
1.3.2 «Большая» и «малая» науки. Основные тенденции развития науки в XX веке. Понятие научно-технической революции	8
1.3.3 Комплекс современных дисциплин, изучающих различные аспекты науки	9
2 Многообразие научного знания и его структура	12
2.1 Различные типы знания. Специфика научного знания и его критерии	12
2.1.1 Сущность знания и познания	12
2.1.2 Особенности научного знания	13
2.1.3 Научные конструкты и требования к ним	14
2.1.4 Сравнительная характеристика научного и обыденного знания	14
2.2 Основные классы научного знания и их дисциплинарная организация	15
2.2.1 Проблема классификации науки	15
2.2.2 Фундаментальное и прикладное научное знание	18
2.2.3 Дисциплинарная структура науки	18
2.3 Уровни научного познания и соответствующие им методы и формы знания	18
2.3.1 Эмпирический уровень научного познания	18
2.3.2 Теоретический уровень научного познания	19
2.3.3 Метатеоретический уровень научного познания	20
3 Социально-коммуникативные аспекты науки	22
3.1 Коммуникативные аспекты науки	22
3.1.1 Понятие коммуникации, статус коммуникации в рамках научной деятельности	22
3.1.2 Формы и способы коммуникации в научной среде	23

3.1.3	Специфика научного языка	24
3.1.4	Нормы научной коммуникации	24
3.1.5	Коммуникация в сфере науки как ценность	25
3.2	Наука как социальный институт.	25
3.2.1	!!! Индивидуальное и социальное. Профессия и призвание .	25
3.2.2	Социологические исследования научной деятельности . .	29
3.2.3	Понятие социального института. Государственная организа- зация науки	29
3.2.4	Социальные функции науки	31
3.3	Этические аспекты научных исследований	31
3.3.1	Понятие этики, морали, нравственности, совести	31
3.3.2	Этические системы и попытка построения «научного ethos»	31
3.3.3	Этические проблемы различных областей науки	33
3.3.4	Виды и аспекты проявления ответственности исследователя	34
4	Наука как феномен культуры	36
4.1	Культурная и цивилизационная роль науки. Сциентизм и антис- циентизм	36
4.1.1	Понятия «культура» и «цивилизация»: трактовки и взаи- модействие	36
4.1.2	Роль науки в культуре и для цивилизации	38
4.1.3	Сциентизм и антисциентизм	39
4.2	Специфика науки как вида культуры. Наука и другие виды куль- туры	40
4.2.1	Почему науку считают видом культуры?	40
4.2.2	С чем сопоставлять науку как феномен культуры?	40
4.2.3	Взаимодействие науки и других видов культуры	41
4.3	Культурно-исторический контекст развития науки и его фило- софские основания	42
4.3.1	!!! Понятие культуры в связи с её фундаментальными ос- нованиями	42
4.3.2	!!! Система философских оснований и культурно-исторический контекст развития науки	44
4.3.3	Историческая проблема «начала» науки и деление на эпохи	46
5	Натурфилософские программы античности I	47
5.1	Социально-культурные условия формирования античной филосо- фии и науки	47
5.1.1	Социально-исторический контекст формирования антич- ной культуры	47
5.1.2	Феномен «возникновения» философии и науки в Древней Греции (в VII-VI вв. до н.э.)	51
5.1.3	Онтологические основания и сущностные черты античного мировоззрения	52
5.2	Первые натурфилософские учения античности	54
5.2.1	Понятие натурфилософии и ее древнегреческая вариация .	54
5.2.2	Философская проблема первоначал и первопричин	56
5.2.3	Милетская школа философии: вопрос о Первоматерии . .	56
5.2.4	Пифагорейская школа философии: музыка небесных сфер	58
5.2.5	Гераклит Эфесский: правящая молния	61

5.2.6	Элейская школа философии: фундаментальный онтологический парадокс	62
5.2.7	Атомизм Левкиппа-Демокрита	63
6	Натурфилософские программы античности II	64
6.1	Афинская философская школа: Сократ, Платон, Аристотель	64
6.1.1	Великое дело Сократа	64
6.1.2	Философия Платона	68
6.1.3	Философия Аристотеля	76
6.1.4	Целостный замысел Афинской школы философии	83
6.2	Философия и наука в эпоху Эллинизма и ранней Римской Империи	84
6.2.1	После Аристотеля: социокультурный контекст и плюрализм направлений	84
6.2.2	Эпикурейцы, киники и стоики о метафизике, физике и этике	89
6.2.3	Александрийский Мусеон: механика Архимеда, неоплатонизм	100
7	Философия и наука в Средневековой Европе	105
7.1	Социально-исторические условия формирования европейского Средневековья	105
7.2	Христианство как основа мировоззрения европейского средневековья	116
7.3	Средневековые университеты	124
8	Философия и наука в эпоху Возрождения	138
8.1	Социально-историческая характеристика эпохи Возрождения	138
8.2	Итальянское Возрождение. Феномен ренессансного гуманизма	148
8.3	Северное возрождение. Роль и сущность движения Реформации. Специфика гуманизма Северного Возрождения	161
8.4	Формирование европейской социально-политической мысли в эпоху Возрождения	168
9	Классическая рациональность и наука Нового времени	173
9.1	Социально-исторические и идеологические условия формирования науки Нового времени	173
9.2	Гносеологический поворот в философии Нового времени и её роль в формировании научной рациональности	180
9.3	Формирование экспериментально-математического естествознания в XVII-XVIII вв. Основные черты классической научной картины мира	192
10	Рождение неклассической науки	200
10.1	Предпосылки кризиса классической науки. Философские основания неклассической рациональности	200
10.1.1	Социально-экономические и политические условия	200
10.1.2	Философские основания	205
10.2	Кризис	223
10.3	Роль квантовой механики	229
10.4	Основные черты неклассической КМ	233

11 Постнеклассическая научная картина мира	238
11.1 Технократизм. Искусственный интеллект	238
11.1.1 Технократизм и технологический детерминизм	238
11.1.2 Искусственный интеллект	239
11.2 Становление кибернетики, ее предмет и функции	240
11.3 Информация как важнейшее понятие науки XX века	241
11.4 Формирование синергетики и ее основных понятий	242
11.4.1 Научные школы (течения) в синергетике	243
11.4.2 Основные элементы синергетической концепции самоорганизации	243
11.5 Особенности постнеклассической научной картины мира	244
12 Философия XX в. о языке и человеке	246
12.1 Антропологический поворот неклассической философии	249
12.1.1 Определение	249
12.1.2 Позитивный проект О. Конта	250
12.1.3 Проект «универсального» человека	254
12.1.4 Психоанализ	256
12.1.5 Экзистенциализм	262
12.1.6 Итоги	267
12.2 Лингвистический поворот в неклассической философии	268
12.2.1 Проблема определения языка и смысла	269
12.2.2 Философия языка Л. Витгенштейна	272
12.2.3 Язык – среда бытия: М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер	274
12.2.4 «Философия диалога» М.М. Бахтина	277
12.2.5 Тайна происхождения языка: молчание и бессознательное .	278
12.2.6 Структурализм: язык управляет нами?	282

Лекция 1 История и философия науки как научная и учебная дисциплина

1.1 Философия науки, ее объект, предмет и структура. Роль философии в науке

1.1.1 Философия науки, ее объект и предмет

Философия науки (ФН) — философская дисциплина, исследующая структуру научного знания, средство и метода научного познания, а также способы обоснования и развития научного знания.

ФН как дисциплина появляется на рубеже 19-20 вв. В западной традиции принято использовать понятие эпистемология, но по содержанию это понятие уже, чем ФН, процесс познавательной деятельности в науке, ФН шире, структуру.

Объект ФН — наука как исторически изменчивое единство её важнейших элементов (знание, техника, научные институты, типы научной деятельности, субъекты науки). Наука исторична, меняется вместе со сменой исторических эпох.

Предмет ФН — наука, рассматриваемая через призму философии данной эпохи и общества. Точка анализа науки изменчива исторически, меняется наука и философия науки, который её исследует.

1.1.2 Структура философии науки

Исследование науки как социокультурного феномена, как вида сознания и знания

;-)

Изучение философско-методологических оснований науки

Онтологические представления о том, как устроен мир, гносеологические – методы достижения истинного знания, методологические знания -0 какой метод лежит в основе науки.

Анализ проблемы возникновения науки и основных стадий ее развития

Существует два подхода к пониманию развития науки. Согласно концепции *континуизма*, наука развивается поступательно и непрерывно, следуя эволюционному ходу. Концепция *дисконтинуизма* утверждает, что развитие науки

прерывается научными революциями, после которых она переходит на качественно новый этап с изменёнными фундаментальными представлениями.

Изучение социокультурной динамики науки

Иначе — определение движущих сил развития науки. Выделяются позиция *экстернализма*, согласно которой основными движущими силами развития науки являются внешние факторы (например, социальный заказ, социальные ожидания от науки), а также позиция *интернализма* — основными движущими силами развития науки являются внутренние факторы (интеллектуальные философские, собственно научные).

Исследование философских проблем областей научного знания

Например, проблема жизни. Что такое жизнь с точки зрения различных научных дисциплин? Как эти разные понимания жизни объединяются? Есть ли у физики, биологии, химии, психологии нечто общее в понимании того, что такое жизнь?

Или проблема происхождения Вселенной. Существовала ли она всегда, либо она появилась в какой-то момент?

1.1.3 Функции философии в науке

Долгое время обсуждалось, как отделить философию от науки и минимизировать её влияние, вплоть до полного устраниния. Однако с конца XIX века, когда философия стала частью профессиональной подготовки ученых, возникла необходимость понять, какую роль она играет в научном образовании.

Можно выделить несколько функций, которые философия выполняет в рамках научной деятельности.

- *Интегративная*. Системное, целостное обобщение разнообразных форм познания, практики и культуры. Создание всеобщего и универсального знания.
- *Критическая*. Выяснение границ применимости получаемого человеком знания. Формирует критического сознания.
- *Мировоззренческая*. Разработка определенных моделей реальности, сквозь призму которых ученый смотрит на предмет исследования (например, материализм, идеализм, дуализм)
- *Гносеологическая*. Исследование наиболее общих закономерностей познавательного процесса.
- *Методологическая*. Создание общенаучных методологических принципов. Например, принцип инструментализма (Галилей) — для получения научного знания необходимо использовать приборы и измерительные инструменты. Либо принцип историзма — рассмотрение явления без отрыва от контекста его возникновения, протекания и привязки к определенной эпохе и обществу.
- *Аксиологическая*. Формирование определенных мировоззренческих и ценностных установок ученого. Это ответ на вопросы: «зачем заниматься наукой?», «что является в науке главной ценностью?», «какую роль наука выполняет в культуре и в обществе?», и т.п.

- *Прогностическая*. Разработка идей и представлений, значимость которых обнаруживается на будущих этапах развития науки. Например, принцип атомизма — представление о том, что все твердые тела состоят из мельчайших элементов. Появился еще в античности, долгое время не был вос требован в науке, но в 18 веке стал центральной опорой всего корпуса химического знания.

1.2 Проблема взаимосвязи философии и науки и основные концепции ее решения

Еще в период античности возникает вопрос: «как элементы научного знания взаимосвязаны и взаимодействуют с философией?». Рассмотрим концепции взаимосвязи философии и науки.

Метафизическая концепция

Появилась в античности усилиями Аристотеля.

Философия - это знание целого, а наука — это знание об отдельных областях действительности. Философия — это некое состояние ума, которое позволяет рассуждать о предельных основаниях, о бытии, об истине и о ценности, а наука (или эпистема) — это знание, которое можно обосновать с помощью доказательства (например, математическое доказательство).

Наука включается в рамки философии, так как наука является частным случаем рассуждения о всеобщих основаниях. Аристотель приводит такое утверждение: все частные «науки» возникают из философии (н-р, геометрия, математика, астрономия, биология, география).

Позитивистская концепция

Возникла в XIX веке. Основоположник концепции — Огюст Конт.

Наука — это особый вид познавательной деятельности, являющейся самодостаточным и обладающим приоритетом среди остальных видов познания. Это логический вывод из концепции развития общества Канта, где он выделяет три стадии:

1. *теологическая*. Окружающий мир объясняется с точки зрения религиозных представлений (н-р, анимизм, тотемизм, фетишизм);
2. *метафизическая*. Окружающий мир объясняется с точки зрения философии (период: от античности до XIX века);
3. *позитивная* (научная). Окружающий мир объясняется с точки зрения науки. Каждый раз, когда происходит смена этапа развития общества, предыдущий способ объяснения мира не исчезает, но он теряет свой приоритет.

Концепция оказалась продуктивной для развития науки, так как позволила науке выработать собственный строгий методологический инструментарий, благодаря чему в 19-20 веке произошли громкие научные открытия. Однако позитивизму не удалось отделить философию от науки — ни в плане научного языка, ни в плане научной методологии, ни в плане мировоззрения.

Антиинтеракционизм

Возник в начале 20 века на фоне Первой Мировой войны (Ж.-П. Сартр, К. Ясперс, Н.А. Бердяев).

Основные проблемы общества — из-за науки, так как технический прогресс привел к глобальным социальным проблемам (мировая война, массовый голод, эпидемии). Наука не способна исследовать подлинное бытие, что с точки зрения ряда философских направлений является внутренним миром человека

Диалектическая концепция

Представители — Г. Гегель, Б.М. Кедров, В.С. Степин.

Философия и наука — это разные способы познания, но которые не могут существовать друг без друга. Философия изучает всеобщее, наука изучает частное. При этом философия без науки пуста, но наука без философии слепа.

1.3 Наука как предмет прикладных исследований в XX веке в контексте научно-технической революции и развития «большой науки»

1.3.1 История исследований феномена науки.

XIX век. Дискуссия между Фрэнсисом Гальтоном и Альфонсом Декандолем

Она касалась причин возникновения науки. Гальтон связывал развитие науки с расовыми особенностями, утверждая, что наука была создана исключительно белой расой. Декандоль, напротив, в своей книге «История науки и ученых за два века» (1873) на основе статистического анализа выделил 20 социальных факторов, определяющих развитие науки, таких как развитая система образования, доступ к материальным ресурсам, благоприятный климат и поддержка общественного мнения. Он доказал, что развитие науки зависит от социальных условий, а не от расы.

1.3.2 «Большая» и «малая» науки. Основные тенденции развития науки в XX веке. Понятие научно-технической революции

С точки зрения Дерека Прайса, основоположника современного прикладного исследования науки, в истории науки было несколько периодов:

1. малая наука — разрозненные усилия отдельных людей по познанию окружающего мира (в античности, средневековье и в эпоху Возрождения);
2. наука — в классическом понимании, возникшая в период нового времени (XVII век);
3. большая наука (XX век) — характеризуется резким увеличением числа ученых, реализацией больших научных проектов и резким ростом научной информации.

Факторами формирования большой науки являются:

- Первая и Вторая мировые войны (высокий спрос на прикладные научные исследования);
- возникновение тесной связи науки и государства (глобальные и дорогостоящие научные проекты);
- рост роли науки в культуре общества.

К **особенностям большой науки** можно отнести:

- резко возросшее число ученых (XVIII век $\cong 10^3$, XX век $\cong 10^6$);
- рост количества научной информации (в XX веке объем научной информации удваивается с периодом 10-15 лет);
- превращение науки в профессиональную деятельность;
- научно-техническая революция (в конце 40-х годов XX века);
- реализация больших научных проектов.

Научно-техническая революция — это коренное преобразование производительных сил общества на основе науки.

1.3.3 Комплекс современных дисциплин, изучающих различные аспекты науки

Науковедение

Основоположник — Джон Берналл («Социальная функция науки» — 1938 г.).

Задачей *аналитического* направления науковедения является раскрытие закономерностей развития науки.

Нормативное науковедение занимается разработкой основ совершенствования организации научной деятельности. Нормативное науковедение стремится оптимизировать структуру науки для того, чтобы она работала более эффективно.

Социология науки

Представители — Л. Флек и Р. Мертон.

С точки зрения Л. Флека задача социологии науки — это исследование интеллектуальных коллективов, изучение взаимодействия ученого (как индивида и личности) со своей социальной группой.

С точки зрения Роберта Мертона социология науки изучает универсальные нормы научной деятельности (объективизм, колLECTИВИзМ и т.д.), или т.н. научный ethos.

Наукометрия

Основоположник — В.В. Налимов.

Задача наукометрии — измерить количественные результаты научной деятельности, эффективность как отдельного ученого, так и научного коллектива с целью дальнейшего принятия организационных решений в области науки.

История науки

История науки занимается проблемой возникновения и развития феномена науки. Можно выделить несколько уровней исторического исследования феномена науки:

- наука в контексте развития общества (н-р, «почему именно в Древней Греции возникает преднаучное знание?»);
- наука как социокультурного феномена (н-р, история российской науки);
- история отдельных наук;
- история отдельного открытия, исследователя и т.п.

Психология науки

Изучает психологические факторы научной деятельности. Среди ее основных задач следующие:

- исследование психологических механизмов производства научных знаний в условиях индивидуальной и коллективной деятельности;
- разработка проблем психологической подготовки научных кадров, диагностики и формирования соответственных личностных качеств и установок;
- разработка проблем возрастной динамики творчества;
- анализ психологических аспектов научных коммуникаций, восприятия и оценки новых идей;
- анализ психологических аспектов автоматизации и компьютеризации исследований.

По большому счету психология науки занимается психологическим аспектом труда ученых.

Нормативно-правовое регулирование научной деятельности

До конца Второй мировой войны, до так называемого Нюрнбергского трибунала практически не было практики нормативно-правового регулирования труда ученых.

Нюрнбергский кодекс. Кодекс включает в себя несколько принципов, из которых, например, «Добровольное согласие испытуемого на медицинский эксперимент»; «Интересы индивида преобладают над интересами научного сообщества».

Хельсинская декларация Всемирной медицинской организации (1964 г.). Представляет собой набор этических принципов для медицинского сообщества, касающихся экспериментов на людях. Введено разделение на исследования:

- с лечебной целью — которые направлены на разработку новых методов лечения или применяются в ситуациях, когда другие способы помочь пациенту невозможны, а его состояние угрожающее.
- с теоретической целью — которые изучают особенности работы организма, например, реакции на экстремальные условия (перегрузки, переохлаждение, отсутствие сна), без непосредственного лечебного значения.

Конвенции о правах человека и биомедицине. Сформулирован принцип необходимости этических комитетов, осуществляющих независимую экспертизу обоснованности необходимости проведения эксперимента.

Декларация о геноме человека и правах человека (ЮНЕСКО). В декларации постулируется, что геном человека – основа изначальной общности всех представителей человеческого рода, и он не должен служить источником извлечения доходов. Все геномные исследования должны быть тщательно выверены, их обоснованность не должна вызывать никаких сомнений, и каждое национальное государство обладает своим суверенитетом в деле разрешения или запрещения геномных исследований.

Наиболее явным образом нормативно-правовое регулирование научной деятельности осуществляется для исследований, направленных на изучение человека (медицинские, физиологические и пр.). Можно ожидать, что со временем начнет регулироваться и научная деятельность как таковая, поскольку современные исследования могут иметь последствия, которые необходимо учитывать в глобальном планировании развития экономики и общества.

Лекция 2 Многообразие научного знания и его структура

2.1 Различные типы знания. Специфика научного знания и его критерии

2.1.1 Сущность знания и познания

Понятие знания

Знание – это *проверенный практикой* результат познавательной деятельности, форма социальной и индивидуальной памяти. Знание выступает в виде усвоенных понятий, законов, принципов и так далее.

Знание можно разделить на две большие группы:

- **знание-умение** (практическое знание, «знание как»). Имеет специфическую проверку (н-р, можно уметь или не уметь кататься на велосипеде, но нельзя кататься на велосипеде истинно или ложно);
- **знание-информация** ("знание что") — о наличии у предметов каких-то свойств, знание о закономерностях, знание о последовательности действий в той или иной ситуации. Для него характерна проверка на истинность.

Любое знание нуждается в объективации. В продуктах труда, в технологиях, в социальных институтах, в произведениях искусства, в текстах. Даже когда мы говорим об индивидуальном знании, то, которое содержится только в нашей памяти, оно объективируется там в понятиях, в образах, в воспоминаниях и в других формах. После своей объективации знание может быть передано другому человеку.

Субъект знает некий предмет, если соблюдаются следующие условия:

- условие истинности предмета;
- условие убежденности/приемлемости;
- условие обоснованности.

Понятие познания

Познавательная деятельность — это сознательная деятельность субъекта, направленная на приобретение информации об объектах и явлениях реальной действительности. Это единство чувственного восприятия, теоретического мышления и практической деятельности.

В результате познания формируется познавательный образ — образ, возникающий в сознании при непосредственном или опосредованном взаимодействии субъекта с объектом.

Познавательные образы делятся на:

- чувственные образы:
 - элементарные (ощущение, восприятие и представление);
 - синтетические (чувственные образы, стереотипы, художественные образы, модельные представления);
- рациональные образы (теоретическое восприятие особенностей класса предметов через систему всеобщих и необходимых свойств этого класса, выраженных в понятии.):
 - элементарные (понятия, термины);
 - синтетические (совокупность понятий, связанных единым смыслом или единой политикой их применения в теории или в гипотезе.)

2.1.2 Особенности научного знания

Системность

Наука — это иерархически организованная система знаний, которая делится на отдельные дисциплины. Изменение значимого элемента в этой системе приводит к постепенному пересмотру всей структуры научного знания (например, переход от физики Ньютона к физике Эйнштейна).

Объективность

Наука стремится изучать предметы и явления так, как они существуют в объективной реальности. Поэтому знание можно проверять на практике, в эксперименте, в наблюдении и другими способами.

Культурно-историческая обусловленность

Наука зависит от периода и общества, в котором она развивается. Общие характеристики науки существуют, но они абстрактны. Наука исторически меняется, и современная её версия сильно отличается от науки прошедших эпох, несмотря на общую основу.

Всеобщность

Научное знание изучает общие законы и свойства предметов, стремясь формулировать универсальные законы, применимые в любой точке Вселенной. (Хотя и существует гипотеза о возможных исключениях во Вселенной, она остается неподтвержденной.)

Необходимость

В научном знании фиксируются системообразующие стороны явлений.

Дисциплинарная принадлежность

Научное знание можно распределить по различным дисциплинам, что представляет собой горизонтальную структуру. Вертикальная структура связана с иерархией уровней. Междисциплинарное знание возникает на стыке дисциплин, но часто приводит к созданию новых дисциплин, таких как физическая химия или эволюционная психология.

Подтверждение научным сообществом

В 17-18 веках, когда институт науки только формировался, распространенной практикой было приглашение ученых или уважаемых людей для демонстрации экспериментов, чтобы подтвердить результаты. Если эксперимент не удавался, ученый мог быть подвергнут остаркизму. Сегодня существуют институциональные механизмы подтверждения научных результатов, такие как рецензирование и редактирование статей, а также защита диссертаций, которые обеспечивают коллективное признание научных достижений.

2.1.3 Научные конструкты и требования к ним

Объект исследования, который чаще всего наука изучает, является не самим объектом, а является конструктом. *Научный конструкт* — это умозрительное построение, вводимое гипотетически и создаваемое по правилам логики.

К ним выдвигаются следующие требования:

- возможность логических операций над конструктами как языковыми выражениями;
- множественность связей между конструктами в рамках некоего целого;
- устойчивость конструктов (то есть постоянство значений в различных контекстах);
- экстраполируемость конструктов (то есть возможности их максимально широкого использования помимо породивших их ситуаций);
- согласованность выражений конструктов с установленными закономерностями;
- простота конструктов.

2.1.4 Сравнительная характеристика научного и обыденного знания

Обыденное знание	Научное знание
непрофессиональное, неспециализированное жизненно-практическое, повседневное знание	Продукт специализированной, профессиональной формы человеческой деятельности
не имеет строгого концептуального, логического, системного оформления.	носит теоретический, концептуальный характер; отличается системной организацией

Обыденное знание	Научное знание
не требует для своего усвоения специального обучения и подготовки	требуется специальное обучение для овладения ими
констатация явлений, связей и отношений	ориентировано на поиск закономерностей
может иметь субъективный характер.	в идеале должно быть объективным, доказательным, точным.
предмет всегда нагляден и доступен восприятию	включает в себя системы абстрактных объектов.
дается преимущественно как типичное, понимаемое по аналогии.	имеет творческий характер
осуществляется познание единичных ситуаций и явлений	носит универсальный характер.
решает конкретные, сиюминутные жизненные проблемы	выходит за рамки практической заинтересованности
спользует для фиксации знания устную разговорную традицию	использует письменную традицию

Проблема демаркации научного и обыденного знания остаётся нерешённой, потому что обыденное знание часто предшествует научному. Наука возникает на базе первичных представлений о свойствах объектов, с которыми человек взаимодействует в повседневности. Кроме того, наука использует естественный язык, схожий с тем, который применяется в обыденном знании, хотя стремится к большей формализации. В истории были попытки создать строго формализованный научный язык, свободный от недостатков естественного, но полностью это не удалось. Исключение составляет, возможно, математика, которая может быть рассмотрена как формализованный язык. Научный язык и язык обыденного знания связаны через общие понятия и вложенные в них смыслы.

2.2 Основные классы научного знания и их дисциплинарная организация

2.2.1 Проблема классификации науки

Научное знание может быть классифицировано на определенные элементы. Проблема классификации наук заключается в том, что в результате этой классификации необходимо раскрыть взаимосвязи между элементами науки и выработать представление о ее некой целостной структуре.

В истории философии были неоднократные попытки классифицировать научное знание. Рассмотрим некоторые из них.

Классификация Аристотеля (384-322 гг. до н.э.)

Аристотель делил знание на:

- *теоретическое*, где познавательная деятельность ведется ради самого познания. И философия, и наука относятся к теоретическому знанию, занимаясь познавание из отстраненной позиции, пытаясь созерцать явления во всей полноте.

- *практическое*, где познание ведется для выработки идей для поведения человека; К практическому знанию относятся те отрасли, которые вырабатывают определенные принципы поведения человека в жизни (повседневной, политической, и т.д.). Например, этика и политика.
- *творческое*, где познание осуществляется для достижения чего-либо прекрасного. К творческому знанию относятся виды деятельности, направленные на получение чего-то прекрасного. Например, риторика, поэтика, живопись.

В основании классификации положен принцип цели познавательной деятельности. Данная классификация не приближает к пониманию специфики науки, определенного класса знания.

Классификация Фрэнсиса Бэкона (1561-1626 гг.)

Науки делятся на:

- *исторические* — описание фактов (как гражданских, так и естественных);
- *теоретические*, или философия в широком смысле слова;
- *поэтические* — литература, искусство, поэзия.

В основании классификации Бекона лежит принцип опоры на определенные интеллектуальные способности: память, разум или воображение. При выборе интеллектуальной способности возникает класс научного знания. Однако внутри класса трудно провести дальнейшую спецификацию.

Классификация Гегеля (1770-1831 гг.)

Исходя из своей системы диалектики, он делит знания на три раздела:

- *логика*: учение о бытии, учение о сущности и учение о понятии;
- *философия природы*: механика, физика и органическая физика;
- *философия духа*: изучение субъективного духа (человека), объективного духа (общества) и абсолютного духа (Бога).

Система является стройной, и внутреннее деление на дисциплины близко к современной классификации.

Классификация Огюста Канта (1798-1857 гг.)

Им предложена следующая классификация:

- математика (вкл. механику);
- астрономия;
- физика;
- химия;
- биология;

- социология.

При движении от математики к социологии увеличивается сложность предмета исследования: геометрические фигуры, числа, их взаимодействие наиболее простой предмет исследования, а социальные процессы — наиболее сложные.

В обратную сторону происходит увеличение абстрактности предмета: у социологии предельно конкретный предмет исследования, у математики — предельно абстрактный.

Предметы исследования в данной классификации достаточно изолированы друг от друга.

Классификация Фридриха Энгельса (1820-1895 гг.)

- механика;
- физика;
- химия;
- биология;
- социология.

Предметы не изолированы, а дисциплины означают диалектический переход от одной формы движения материи к другой. Т.о., социальная форма движения материи включает в себя остальные формы движения материи, но ими не определяется по своей природе.

Классификация В.И. Вернадского

Вернадский разделял науки на две категории:

- науки, законы которых охватывают всю реальность;
- науки, законы которых свойственны только Земле.

Эта классификация имеет практическую ценность в рамках концепции Вернадского о развитии планеты и общества. Для Земли характерны уникальные явления, такие как жизнь и разумный человек, которые не найдены в других частях Вселенной. Поэтому науки, изучающие человека и общество, являются уникальными для Земли. Напротив, такие науки, как физика и химия, охватывают всю реальность.

Современная классификация наук

В современности деление происходит по трем аспектам: предмет исследования, особенности методологии и критерии научности в данной отрасли.

- математические науки;
- естествознание;
- гуманитарные науки;
- социальные науки;
- технические науки.

2.2.2 Фундаментальное и прикладное научное знание

Разделение наук на фундаментальные и прикладные — еще один вариант классификации, который широко используется, в том числе для повседневного описания науки.

Фундаментальная наука

Это область научного познания, включающая теоретические и экспериментальные исследования основополагающих явлений.

Фундаментальная наука характеризуется концептуальной универсальностью и всеобщностью во времени и пространстве. Ее выводы применимы ко всем системам и условиям в любой точке Вселенной и касаются основополагающих явлений, таких как строение материи, энергия, фундаментальные взаимодействия и эволюция Вселенной.

Прикладная наука

Направлена на интеллектуальное обеспечение инновационного процесса, как основы развития современной цивилизации. Прикладная наука обеспечивает конкурентное преимущество.

Прикладные научные исследования начали развиваться в 19 веке благодаря деятельности Юлиуса фон Либиха, который систематически использовал науку в интересах промышленности, начиная с химической отрасли.

2.2.3 Дисциплинарная структура науки

Научная дисциплина — это форма систематизации научного знания. Она формируется на основе общности объекта исследования, методов, идеалов и норм исследований.

Для появления научной дисциплины важно не только осознание общности вот этих элементов, но и появление институциональных форм существования этой научной дисциплины. Кроме этого, в дисциплинарной структуре науки постоянно происходит интеграция и дифференциация научных дисциплин. Дифференциация подразумевает собой появление дисциплин с все более узким предметом исследования. Интеграция, наоборот, означает то, что предмет исследования расширяется.

2.3 Уровни научного познания и соответствующие им методы и формы знания

2.3.1 Эмпирический уровень научного познания

В результате непосредственного или опосредованного контакта с предметом исследования ученые получают знания об определенных событиях и явлениях.

Формы эмпирического знания

Научный факт — это форма эмпирического научного знания, в которой фиксируется некоторое конкретное явление или событие. Чтобы факт мог называться научным, необходимо соблюсти следующие требования:

- отношение к определенной предметной области науки;
- содержательное описание процедуры и обстоятельств фиксации события;
- усредненность результатов наблюдений и измерений;
- воспроизводимость в научной деятельности других исследователей;
- соотношение с некоторой совокупностью, системой родственных или схожих фактов;
- теоретическая нагруженность (понятия, с помощью которых факт формулируется, соотносятся с определенной научной теорией, и в рамках этой теории обладают определенным смыслом).

Научный факт имеет определенную структуру, состоящую из трех компонентов:

- *перцептивный* компонент — это чувственный образ, который возникает в результате восприятия явления;
- *материально-практический* компонент — это совокупность приборов, инструментов и действий с ними, используемых для установления факта;
- *лингвистический* компонент — это высказывание, формулирующее факт.

Эмпирическое обобщение — это форма знания, которая фиксирует в себе некую внешне проявляющуюся причинно-следственную связь. Например, если мы 10 раз уронили бутерброд с маслом, и он каждый раз падал маслом вниз, мы можем сформулировать эмпирическое обобщение, что бутерброды с маслом, вероятно, будут падать маслом вниз. Причины этого явления нам пока неизвестны, но мы зафиксировали внешнее проявление причинно-следственной связи: уроненный бутерброд всегда падал маслом вниз.

Методы эмпирического знания

Среди эмпирических методов выделяют наблюдение, эксперимент, сравнение, описание и измерение.

Эксперимент — это метод эмпирического научного исследования, который подразумевает активное и целенаправленное вмешательство в протекание изучаемого процесса, в том числе в специально созданных и контролируемых условиях.

Научное *наблюдение* предполагает фиксацию некого внешнего изменения того или иного процесса.

2.3.2 Теоретический уровень научного познания

Теоретическое познание описывает идеальные объекты, которые, в отличие от реальных объектов, характеризуются конечным числом свойств.

Формы эмпирического знания

К ним относятся проблема, гипотеза, закон и теория.

Научная теория — это форма теоретического научного знания, содержащая целостное отображение закономерных и существенных связей определенной области действительности.

Научная теория представляет собой высокий уровень организации научного знания, включая гипотезы, концепции, закономерности и законы, которые составляют теорию. Теория — это квинтэссенция теоретического знания, объясняющая явления в широкой предметной области.

Например, теория всемирного тяготения не ограничивается падением яблока, а охватывает общие принципы взаимодействия материи. Теория эволюции описывает общий процесс эволюции, а не изменения отдельных видов животных.

Компонентами научной теории являются:

- исходные основания — фундаментальные понятия, принципы, законы, аксиомы, которые являются отправной точкой теоретического исследования объекта;
- идеализированный объект — модель существенных свойств и связи изучаемых предметов;
- логика теории — совокупность определенных правил и способов доказательства;
- философские установки, социокультурные и ценностные факторы (н-р, элементы картины мира самого ученого);
- совокупность утверждений, выводимых из этой теории в качестве следствий.

Методы теоретического знания

Среди теоретических методов выделяют формализацию, аксиоматический подход, гипотетико-дедуктивный метод, обобщение и идеализацию.

Гипотетико-дедуктивный метод заключается в создании системы дедуктивно связанных между собой гипотез, из которых выводится утверждение о возможных эмпирических фактах. Далее, в эксперименте или в наблюдении отыскиваются спрогнозированные факты. Если они обнаружены, то гипотеза косвенно подтверждается.

2.3.3 Метатеоретический уровень научного познания

На метатеоретическом уровне научного познаниярабатываются идеи и принципы, с помощью которых происходит обоснование представлений научной картины мира. Они служат одним из условий включения научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи.

Формы метатеоретического знания

К ним относятся научная картина мира, научная парадигма, общенаучные принципы и философские основания науки.

Философские основания науки — это система философских идей, которые используются для обоснования различных аспектов научной деятельности. Рассмотрим некоторые основания науки:

- *онтологические* — принятые в данной науке представления о строении окружающего мира;
- *гносеологические* — содержат представление о критериях истинности знания;
- *логические* — содержат представление о той логике, которой нужно оперировать для доказательства;
- *аксиологические* — содержат представление о главных ценностях науки (н-р, получение нового знания, пользы для человека, и т.п.);
- методологические — представление о том, с помощью какой методологии мы можем получать истинное научное знание (эксперимент, математическое моделирование, и т.п.).

Методы метатеоретического знания

К ним относятся методологическая рефлексия и философские методы.

Философские методы — методы познания, которые являются сугубо философскими. Например, диалектический метод — метод рассмотрения развивающихся явлений через диалектическую логику единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и отрицания отрицания.

Методологическая рефлексия — это исследование оснований собственной научной деятельности с точки зрения общих принципов познавательного процесса.

Лекция 3 Социально-коммуникативные аспекты науки

3.1 Коммуникативные аспекты науки

3.1.1 Понятие коммуникации, статус коммуникации в рамках научной деятельности

Понятие коммуникации

Среди определений человеческой коммуникации наиболее распространены такие варианты, как обмен информацией и общение людей.

В широком смысле, коммуникация представляет собой связь, взаимодействие, предполагающее положительное взаимно связывающим некими потоками отношение (???).

Основные отличительные черты человеческой коммуникации:

- процесс, который предполагает двух и более участников (при общении с собой — противопоставление самому себе);
- передача опыта, смысла, эмоций, информации и т.д.;
- восприятие и интерпретация;
- длящийся во времени и требующий времени (для осмыслиения) процесс;
- совместность, осуществление связи между людьми, обычно с целью некоторого взаимного положительного эффекта, предполагающего взаимное духовное развитие, обогащение, понимание.

Статус коммуникации в рамках научной деятельности

В научной среде коммуникация не должна претендовать на основное место в процессе научной работы. Коммуникация и коллективная работа важны наряду с индивидуальной деятельностью, только в рамках которой возможно творчество.

Несомненно, обмен знаниями и совместное планирование исследования, постановка проблемы, поиск методов ее решения, обсуждение полученных результатов и так далее, крайне важны для научно-исследовательской работы.

Творчество, производство нового знания — ядро собственно научной деятельности. Без творческой составляющей, просто из общения как обмена готовыми мнениями научное знание не могло бы родиться.

Согласно исследованиям французских мыслителей XX века Жиля Делёза и Феликса Гваттари, творчество всегда единично.

Это означает, что коммуникация как обмен мнениями может лишь способствовать творчеству, вдохновить человека, обратить внимание одного на то, что более ясно видится другому с его точки зрения, но не в силах заменить собой творческий элемент научной деятельности.

Макс Вебер утверждал, что помимо коммуникации и творчества, значимой оказывается и повседневная рутинная работа, не в меньшей степени обеспечивающая и подготавливающая научное открытие.

Таким образом, коммуникация в научной сфере имеет достаточно важное значение, однако скорее выполняет вспомогательную и интегративную функцию, чем играет единственную ведущую роль.

3.1.2 Формы и способы коммуникации в научной среде

Благодаря достижениям техники можно выделить также и широкий спектр инновационных возможностей и средств для осуществления профессионального общения.

Традиционные	Инновационные
Личная беседа	Интернет-технологии
Письма	Аудио- и видеоконференцсвязь
Научные публикации	Дистанционные технологии по-дачи и рецензирования публикаций
Конференции, лекции, теоретические доклады, совещания, съезды	Онлайн-встречи, вебинары
Стажировки, повышение квалификации, совместные праздничные мероприятия	Интерактивные игровые формы: тренинги, модели, неформальные корпоративы

Личное общение дает больше опыта коммуникации и осуществления научной деятельности, поскольку при этом участвует несколько каналов восприятия, есть возможность физического воспроизведения.

Майкл Полани поднимает важную тему личностного или неявного знания. Знания обретаются не только в ходе устной или письменной коммуникации. Ряд знаний, умений, навыков для профессиональной деятельности обретается лишь в процессе регулярной практической деятельности, зачастую оседая на бессознательном, интуитивном уровне.

Обычную коммуникацию в целом подразделяют на:

- вербальную
 - устную: дискуссии, сообщения, участие в конференциях и т.п.;
 - письменную: статьи, отчеты, книги и т.п.;
- невербальную: мимика, жесты, взгляд, интонация, поза, темп и тембр речи.

Указанные формы выражения играют роль в рамках профессиональной коммуникации, поскольку выражения воспринимаются по-разному в зависимости от сложности конструкций, эмоциональной загруженности, неверbalного оформления и соблюдения вежливости.

3.1.3 Специфика научного языка

Для научного языка характерны *термины* (15-20% научной лексики). Это слова или словосочетания, обозначающие понятия в специальной области знаний или деятельности, которые стремятся к однозначности и не выражают экспрессии. Важно, что у терминов есть референт в реальности.

Большую часть научной лексики (30-40%) составляют: *абстрактная лексика*, *специальные фразеологизмы*, *клише* и *стандартные обороты*.

Для научных текстов свойственен академический стиль, имеющий следующие особенности:

- логичность, непротиворечивость выражений;
- высокий регистр (исключение расхожих фраз, оборотов обыденного языка);
- четкость, ясность, умеренная простота конструкций;
- точность выражений (отсутствие двузначности, размытых и пустых формулировок, полное отражение всей фактической информации);
- безличные конструкции (употребление научного «мы»);
- научная лексика;
- аргументированность (доказательность и иллюстративность сформулированных положений).

Важно уметь отличать его от смежных стилей, соблюдая баланс в рамках официальной научной коммуникации.

Нельзя также не сказать хотя бы в двух словах о нормах научной коммуникации, которые Часть этих моментов мы рассмотрим подробнее в третьем вопросе сегодняшней темы, потому что они больше относятся к этическим аспектам.

3.1.4 Нормы научной коммуникации

Помимо очевидного соблюдения *вежливости*, *непредвзятости* и *аргументированной критики*, к нормам научной коммуникации относятся к культура цитирования и ответственность за самостоятельность получения и представление результатов научной деятельности.

Культура цитирования

В рамках академического стиля действует следующая культура цитирования:

- принято ссылаться в основном на научные статьи и монографии (до 80% источников цитирования);
- возбраняется ссылаться на неавторитетные и недостоверные источники;
- недопустимость плагиата.

Генеральная цель науки — создание нового знания. Поскольку новое научное знание как правило основано на уже созданных представлениях, необходимо соблюдать баланс между опорой на авторитетные источники и творческим элементом собственного исследования.

Самостоятельность получения и представление результатов

Помимо проблемы плагиата, этот вопрос можно рассмотреть в контексте появившихся недавно нейросетей. Выделим следующие принципы использования нейросетей в научной деятельности и коммуникации:

- недопустимо применение для обмана, оскорбления, подлога или искажения данных;
- недопустимо использовать при требовании самостоятельной работы;
- недопустимо применение в области принятия этических и экзистенциальных решений;
- декларировать использование, указывать объемы и аспекты применения.

3.1.5 Коммуникация в сфере науки как ценность

Наряду с ценностями самого научного знания (истинность, рациональность, общедоступность и др.), коммуникация в научной среде сама обладает огромной ценностью, поскольку:

- является живой средой формирования и функционирования научного знания (научное знание выражается в языке, распространяется в среде);
- позволяет делиться опытом (обсуждение обогащает пониманием специфики исследования, позволяет учиться на чужих ошибках, подчеркнуть позитивный опыт);
- дает возможность рассмотреть проблему с различных точек зрения;
- высвечивает новые перспективы и вопросы;
- побуждает участников точно и ясно формулировать свои идеи.

Важно осуществлять коммуникацию в сфере науки на международном уровне, поскольку воспитанные в разных традициях, коллеги из разных стран могут дополнять друг друга и совместно находить решения общих проблем, помогать друг другу в научных исследованиях, которые имеют общечеловеческую ценность.

3.2 Наука как социальный институт.

3.2.1 !!! Индивидуальное и социальное. Профессия и призвание

Для категориальной пары «индивидуальное и социальное» существуют синонимы: «的独特的 и универсальное», «частное и общественное», «личное и коллективное».

В каждом человеке одновременно равноправно присутствуют оба эти полюса противоположностей. Ни социальное само по себе, ни индивидуальное само по себе не первично, т.о. не определяют человека полностью. Проблемой является понимание, где и как пролегает граница между индивидуальным и социальным в каждом человеке.

Прежде всего, когда мы говорим о человеческом обществе, мы имеем в виду не только популяцию, набор сосуществующих друг с другом особей одного вида, иначе нам бы не потребовалась специальная наука социология, достаточно было бы биологии.

Казалось бы, очевидно, что человеческое общество невозможно без другого, или, что, по сути, говорят в том же самом, без отношения к другому. Но, давайте всмотримся в этот очень тривиальный, на первый взгляд, простой и даже наивный тезис.

Интересно, что структура другого, во-первых, не дана нам изначально от рождения, а во-вторых, формируется сначала во внутреннем измерении, затем уже как бы экстраполируется на внешних других.

Тогда получается интересная неожиданная вещь. Действительно ассоциальность, а не та, которую мы в обыденном понимании интуитивно предполагаем за этим словом включает в себя и внутреннее пространство человека в той мере, в какой он отстоит сам от себя, сам для себя является другим и с этим другим выстраивает отношения неизбежно совместного бытия. От другого внутри себя уже никак не отделаться и не отселиться, как это можно было бы устроить физически по отношению к другим людям.

Так что можно сказать, что каждый носит прежде всего в себе внутреннюю социальность и как бы через призму внутренних оценок, своих представлений, к тому же меняющихся у нас в течение жизни, встраиваться во внешние коллективы, группы, коммуникации. Естественно, наши идеализированные представления о других и о себе, различные надежды и ожидания часто не оправдываются на деле. Видимо, из-за этого человеческие отношения такие сложные и в обществе происходят неоднозначные феномены. Действует прослойка или экран осмысления. Мы не просто повторяем, воспроизводим тысячелетиями сложившиеся иерархии и все эти связи с другими, мы можем поставить под вопрос необходимость именно такого социального уклада и предположить, что другое, более действенное, удобное, правильное, на наш взгляд.

Отсюда возникает история человечества, как трансформация социальных порядков, опирающаяся на изменения в понимании человека мира и своего места в нем.

Что делает каждого из нас собой? Индивидуальным не является то, что каждый разделяет с другими внешними людьми, например, верование, представление о мире, моральные нормы, в которых мы соглашаемся с другими, которые перенимаем от них. Поскольку это вещи внешние, они могли бы быть другими.

А вот что в нас не иное? В чем проявляется индивидуальность? То есть, что в каждом из нас неделимо и от каждого неотделимо? Своё собственное, не иное. Отличает от всего другого и всех других, но безусловно, это не собственность в обыденном смысле, поскольку вещи юридической принадлежности не определяют собственно человека. Их можно полностью поменять, но от этого не изменится своё.

Интуитивно кажется, что может быть ближе и роднее, чем своё собственное тело. Однако, процессы в теле, наши гормоны, гены, физиологические особенности не детерминируют нас. Многое делается напротив, вопреки как внешним обстоятельствам, так и внутренним условиям. Все клетки тела обновляются, меняются каждые 7-10 лет, но мы остаёмся собой. Материи, из которой мы сделаны, форма, в смысле генетически заложена, единят нас с другими, обеспечивая семейные сходства и принадлежат к одному роду. Время, в котором мы живём, пространство, которое занимаем тоже максимально общие универ-

сальные формы, скорее мы принадлежим им, чем они наша собственность.

Тогда возможно собственно своё обеспечивается не чем-то одним, но набором особенностей. В конце концов уникальность для каждого человека отпечатки пальцев, строения роговицы, память, точка зрения, особенности характера, способности, интересы, жизненный опыт поступки. Также и у каждой даже внешне не похожей на другую вазы на деле уникальное окрашивание, чуть различные составы, форма, трещинские звук при постукивании. Что уж говорить о гораздо большем числе специфических черт у животных и растений.

Возьмёмся определить таким образом собственно своё, например, конкретного кота. Опишем внешность повадки, предпочтения, назовём имя собственное и все применяемые к нему уменьшено ласкательное и перечислим события его жизни, с чем имел дело, как на что реагировал, как опыт усвоил и в этом своё ускользает. Почему? Кота можно приучить к другому. В новой среде он будет вести себя не так, как обычно. На какие-то вещи даже знакомые спонтанные иначе иногда реагировать, но при этом останется собой. Все эти вещи окажутся набором проявлений его индивидуальности, но не ей самой.

У человека тем более могут полностью измениться привычки, в экстремальных условиях он выдаст иной раз, чего даже сам от себя не ожидал, он может изменить имя, скорректировать характер и внешность. Кроме того, полнота описания невозможны. Детали, нюансы и потенции можно перечислять бесконечно, бесконечно углубляться в подробности, но это не исчерпает сущности определяемого. Когда мы теряемся перед этими парадоксами своего собственного, перед неприступностью того, что уникально, нам может начать казаться, что все могло бы быть иным, то есть, что все изменчиво и заменяemo.

Но на самом деле свое уникальное безусловно есть, обеспечено самим фактом существования каждого отдельного и изменчивым его не назовешь, потому что если бы оно изменялось, мы бы не оставались собой.

Так вот, что означает этот ход принять парадокс в нашем случае, когда мы ищем свое собственное? Этот шаг принять, что мы не знаем свое, но незнание своего, невозможность его концептуализации не означает, что оно нам недоступно, ведь мы и так без нашего желания от рождения сами свои уникальные есть. То есть, я могу только быть собой, но знание о том, что делает меня мной, невозможно. Почему знание об уникальном невозможно? Чисто логически, ребят, смотрите, в знании мы схватываем универсальное, общее, для ряда похожих, но на деле единичных предметов или явлений, а об уникальном знание просто не может быть, потому что оно противоположно универсальному и это нормально. Никто бы из нас, наверное, не хотел, чтобы о нашей индивидуальности было доступно всем знание и оно бы нас полностью детерминировало, значит, закрепщало бы, повязывало бы по рукам и ногам, а мы свободны. Кстати, этимологически свое и свобода слова одного происхождения и не будет в принципе, даже если кто захочет, ограничивающего знания об индивидах.

Еще раз смотрите, какой здесь ход. любая попытка уловить свое является смотрением со стороны, поэтому неизбежно оборачиваться разделением, противопоставлением себя, самому себе, а значит, потерей единства, которое только и может хоть как-то приблизить к своему, потому что индивид это неделимое по определению.

Есть такие сферы бытия, в которых знание невозможно или не действует. Даже если мы его составим, например, об этом конкретном котике, оно не будет иметь ценности, потому что вся прелест его в том, что он сам самобытный, самостоятельный и с долей спонтанности. Все это, естественно, не означает, что о таких вещах не нужно говорить. Напротив, ведь, конечно, каждый хочет най-

ти себя, понять, что именно его свое собственное. Сделать это трудно еще и потому что со всех сторон другие спешат нам указать, кто мы такие и чем должны заниматься. Мы не доверимся социальным стереотипам, не пойдем в данном случае по пути предлагаемым коллективам, потому что ищем противоположное, индивидуальное, свое. Тогда берем философский инструментарий и продолжаем мужественно в такие вещи все равно самостоятельно всматриваться, как они нам являются. То есть, пусть в своей глубинной сущности они не преступны, но какими-то сторонами к нам поворачиваются через что мы имеем с ними дело, в чем они нам доступны, в каких аспектах открываются. Пребывая при своем собственном или исполняясь в собственном своем, мы совпадаем с собой. В таком состоянии в нас как бы выключается дублер-наблюдатель, мы перестаем смотреть на себя со стороны и становится неважно, как мы выглядим, правильно ли делаем то, чему отдали здесь и сейчас, что было до этого и что будет потом. То есть, исчезают также страхи и желания. Это состояние можно назвать «меня нет». Оно связано с определенным отключением от восприятия себя. Например, когда нас что-то захватило, мы в какой-то момент перестаем замечать, что у нас что-то болит, когда до этого болело, или долгое время не чувствуем голода. То есть, нам не мешают представления о себе, контролирование себя, они как-то растворяются и не отвлекают. И этому сопутствует чувство единения со всем миром, чувствуется одиночество, даже если человек в этот момент не среди других людей. Мы всем своим существом пребываем здесь и сейчас, не рассеиваясь ни на сопоставление с другими, ни на представление неприсутствующих непосредственно перед нами пространств, не копаемся в прошлом и не строим планы на будущее. Мы целиком концентрируемся в моменте «теперь». А он единственное, настоящее, реальное, подлинное. Ведь прошлого уже нет, а будущего еще нет. И даже если мы их представляем, они лишь возможности у нас в голове. А концентрация на том, что непосредственно сейчас дает максимальную полноту действительности. Это счастливое состояние. Не случайно в языке есть поговорка «счастливые часов не наблюдают». В экстазе полноты исполнения исчезает восприятие времени. Занимаясь чем, мы перестаем замечать течение времени. Это может быть все, что угодно. Прогулка и наслаждение пейзажем, пребывание рядом с любимым человеком, воспитание детей, осмысление чего-то важного, игра, интересная работа, чтение, просмотр фильма, уборка, слушание музыки и так далее. Общее в этих моментах состояние захваченности, когда мы отаемся полностью вплоть до самозабвения. Парадокс в том, что мы по-настоящему обретаем себя, только отдав себя захватывающему чему-то исполняемому, то есть достигаем интенсивной полноты своей жизни, что позволяет нам взять свою максимальную амплитуду в данных условиях.

Таким образом, индивидуальность каждого предполагает разворачивание своего собственного данного нам отрождения уникального угла зрения. Никто другой в моей шкуре за меня так видеть, переживать, осмысливать не может. И в свете этого зрения уникального набора способностей, интенсий, склонностей.

Наконец, пометим главный критерий своего. Это то, что мы не можем не делать, чем бы ни занимались. Например, кто-то может во всем видеть сложные задачи и исполняться в том, чтобы их решать, все вокруг оптимизировать. Кто-то не может без коммуникации общаться с другими, помогать им советом, поддерживать, делиться информацией, выстраивать связи и в том числе вести с собой диалог. Кому-то обязательно надо что-то новое придумывать, критерий, ведь даже в обыденных рутинных делах кого-то тянет все упорядочиво, систематизировать, тщательно, аккуратно выполнять, пусть и обыденные рутинные

процедуры, но доводя любое дело не до совершенства.

Свое собственное каждый человек может развернуть на любом содержании, в любом делании. Этим-то призвание и отличается от профессии.

Профессия имеет содержательное наполнение, то есть, что человек делает?

В то время, как призвание основано на уникальном способе быть, поступать, видеть, думать, то есть, как человек делает, важно, что именно.

3.2.2 Социологические исследования научной деятельности

Исследования в области социологии научной деятельности проходят на трех уровнях:

- микроуровень (исследование научных коллективов: их формирование, управление ими, распределение ролей, сеть связей вокруг учёного, призвание и профессия);
- мезоуровень (как наука существует в государстве, в каких организациях занимаются наукой и т.д.);
- макроуровень (какова внутренняя структура научных учреждений и иерархия их соподчинения, как происходит воспроизводство научных кадров).

Теория Роберта Мертона

Роберт Мerton считал, что ученые, получившие признание коллег на ранних этапах научной карьеры, имеют в дальнейшем гораздо больше шансов к продвижению своих идей, публикации работ, дополнительному финансированию и т.д., по сравнению с исследователями, которые медленнее набирают обороты или на этапе обучения не были высоко оценены старшими коллегами. Эта закономерность получила название *эффекта Матфея*.

Внимательно рассматривая эту теорию, можно заметить, что данный эффект верен лишь на уровне социального стереотипа. В действительности известны прямо противоположные случаи, когда, вопреки именно неблагоприятным условиям, и в отсутствии раннего проявления способностей вырастает настоящий.

Акторная сетевая теория Бруно Латура

Основная идея Латура в том, что продукт научной деятельности создается как учеными, так и множеством сопутствующих акторов (среди которых, н-р, рецензенты, поставщики материалов и оборудования, финансирующие структуры, лабораторные животные и т.д.). Они выстраиваются в удачной или не очень конstellации или сети взаимосвязей.

3.2.3 Понятие социального института. Государственная организация науки

Слово институт в широком смысле является синонимом организации (иерархическая правительственные структура, а также процесс создания связей, структурирования). Примеры социальных институтов: семья, армия, церковь, государство, образование.

Социальный институт — исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части.

Под формой организации совместной жизнедеятельности понимаются смысловые образования, понимаемые и разделяемые членами общества, а также предполагающие передачу будущим поколениям в ходе воспитания.

Рассмотрим внутренние институты науки и примеры реальных учреждений в РФ.

1. Институт управления наукой — занимается общим регламентом структурирования и функционирования исследовательской деятельности (Министерство науки и высшего образования).
2. Институт подготовки научных кадров — институт аспирантуры и докторантуры, институт научного руководства, институт повышения квалификации (высшие учебные заведения и Институты РАН).
3. Институт аттестации научных кадров — контроль за процессами и проведением процедуры аттестации, оценка подготовки кадров высшей квалификации и присваивание официального статуса (ВАК РФ).
4. Институт экспертизы науки — рецензирование научных публикаций, институт патентования, институт наукометрии (Роспатент).
5. Институт научной информации — институты авторства и соавторства, институты публикации и хранения научных произведений, и т.п. (РИНЦ на портале e-library).
6. Научные организации — места, в которых трудятся профессиональные ученые (университеты, Институты РАН, исследовательские и конструкторские отделы предприятий, НИИ и медицинские научные организации).

Рассмотрим три модели взаимодействия науки и государства в виде следующей таблицы.

Модель отношения	Плюсы	Минусы	Результат для учёного
Наука существует абсолютно свободно от власти	Свобода творчества, на личном интересе учёных	Нет организаций, единства, финансирования	Нет ориентиров, наука только на свои деньги
Власть подчиняет науку, использует в своих интересах	Организация, финансирование угодных областей	Идеологизация, принуждение, необъективность	Нет свободы, идеологизация ограничивает
Умеренное соотношение, гармоничное сосуществование науки и власти	Гос. поддержка исследований, управление/нужные государству разработки	Неполная свобода (выполнение госзаказа), расходы и риски, конфликты с учёными	Приспособливаться, используя выгоды от государства и иногда отстаивая больше прав

В современных условиях чрезвычайной сложности и многообразия мировых и локальных процессов, науке со стороны государства необходима, наряду

с правовой, как материальная поддержка, так и институциональная, Однако, и в данных аспектах следует стремиться к балансу и гармоничному взаимовыгодному сосуществованию.

3.2.4 Социальные функции науки

Среди социальных функций науки:

- теоретическая — формирование для общества целостную, многогранной картины окружающей реальности, благодаря которой люди ориентируются в мире;
- образовательная — обучение, ориентирование в действительности;
- интегративная — объединение людей в рамках одного общества посредством общность представлений о действительности;
- утилитарная — создание разнообразных техник, технологий, устройств, конечная цель которых полезность, принесение блага обществу;
- экспертная — оценочные компетентные суждения по проблемам и их решению, внутренняя и внешняя экспертиза

3.3 Этические аспекты научных исследований

3.3.1 Понятие этики, морали, нравственности, совести

Этика — философская дисциплина, занимающаяся вопросами блага. В рамках этики исследуются философские основания поведения человека, осуществления выбора, совершения поступков в категориях добра и зла, свободы и необходимости, мужества и долга, совести и честности, ответственность, справедливости и так далее.

Мораль и нравственность являются основными категориями этики наряду с категорией «благо».

Мораль — в широком смысле принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения в этих представлений.

Нравственность — относящиеся к индивиду, внутренние этические интенции, в соответствии с которыми поступает отдельный человек.

Совесть — то что совместно со знанием в плане взаимодействия с ним и дополнительности к нему (???). *Совесть* — это внутренний диалог человека, главной функцией которого является постоянное восстановление единства с самим собой, миром и другими.

Жан-Поль Сартр считал, что человек — открытое существо, которое способно само конструировать себя посредством поступка, и в этом смысле существо свободное. Делая каждый свой выбор, человек выбирает свой мир и выбирает будущее всего человечества.

3.3.2 Этические системы и попытка построения «научного ethos»

На вопрос о том, что есть благо, можно давать разные ответы, в свете каждого из которых будет выстраиваться определенная этическая система.

Утилитаризм

Под благом понимается польза, т.е. если поступок, вещь, события, условия полезны, приносят удовлетворение, удовольствие, счастье, то это хорошо

Оцениваются не люди сами по себе, не действия сами по себе хорошие они или плохие, но результаты, последствия, действия и поступков. В связи с этим альтернативное название — консеквенциализм.

Благополучие нескольких людей перевешивает благополучие одного. То есть, если возникает соответствующая ситуация, согласно утилитаризму пожертвуют меньшинством ради большинства.

Как этическую систему, утилитаризм концептуализировал британский философ-правовед Иеремия Бентам

Аретология

Согласно этике добродетели, благо определяется добротностью намерений и поступков личностных качеств человека. То есть, хорош тот человек, который прежде всего стремится быть добродетельным, проявлять мужество, мудрость, справедливость, добродушие, искренность и другие положительные качества.

На второй план уходят вопросы о том, счастлив ли добродетельный человек, и к хорошим ли результатам приводят его поступки. Истинное счастье обеспечивается уже самим фактом стремления к добродетели, а последствия поступков находятся скорее в руках судьбы или проведения и далеко не всегда даже самый добродетельный человек самыми благими помыслами может на них повлиять.

Представители данного направления: Платон, Луций Анней Сенека, Святой Августин, Фома Аквинский.

Деонтология

Система предполагает благим поступок по долгу, то есть в ситуации выбора наилучшим будет поступить как должно, даже если это противоречит личному удовольствию, а иногда и проявлению добродетели. Является основой профессиональной этики.

Систему связывают с именем философа Иммануила Канта.

Ученых существуют гласные и негласные требования профессионального долга. Эти нормы в свое попытался выделить и систематизировать Роберт Мerton. Он вместе с несколькими коллегами разработал концепцию **научного этиоса**, в рамках которой были сформулированы следующие правила осуществления научной коммуникации:

- универсализм — научное знание должно иметь надличностный характер, необходимо исключить уникальное для субъекта культуры конкретной общности;
- коллективизм — плоды исследования должны принадлежать всему научному сообществу, а не ограниченному кругу лиц;
- бескорыстность — отсутствие экономических и эгоистических мотивов, получения личной выгоды, стремления к сенсации;
- организованный скептицизм — адекватная критика коллег;

- рационализм — наука должна стремиться к объективной истине, логически доказанной и обоснованной;
- эмоциональная нейтральность;

Соблюдение данных правил сопровождается балансированием между двумя противоположными тенденциями, например:

- ученый должен скорее публиковать результаты своих исследований, но и опасаться поспешности выводов;
- ученый должен быть восприимчив к новым идеям, тенденциям, но при этом не должен поддаваться интеллектуальной моде;
- ученый должен стремиться получить знание, которое удостоится высокой оценки коллег, при этом работать, не обращая внимание на мнение других.

Ученый должен быть восприимчив Любая конкретная этика заводит в тупик, поэтому нужно каждый раз задумываться и соотносить действия в конкретной ситуации с общечеловеческим.

3.3.3 Этические проблемы различных областей науки

Рассмотрим внутренние этические проблемы научной деятельности, разделив их спектр на два основных блока.

Проблемы морали и нравственности, возникающие для любого учёного

Ученые занимаются прежде всего созданием нового знания реальности, поэтому необходимо оценить само знание.

Поскольку исследование начинается с целей, следует прояснить, благая ли она, и все ли члены научного коллектива ее понимают и разделяют.

Полнота, качество, глубина проработки, ценности исследования закладываются на каждом этапе от широты изучения литературы и методологической грамотности до достоверности результатов и тщательности проведения экспериментов. Не допускаются фабрикация и фальсификация данных.

Наконец, важно грамотно выразить полученное знание, академично представить его в публикациях или выступлениях. Главное требование — отсутствие плагиата. *Плагиат* — это заимствование данных, информации и идеи, чести текста из опубликованных работ без правильного оформления цитирования.

Вред plagiarism:

- последствия от преступления в сфере интеллектуальной собственности;
- получение денег за труд другого;
- отсутствие развития науки;
- отсутствие развития plagiarismа, нереализация творческого потенциала.

Примеры вопросов о благе, характерные для конкретных отраслей научного познания

- Связанные с объектом исследования
 - В какой манере и какой доле известной врачу информации о состоянии здоровья и угрозе жизни он должен раскрывать пациенту?
 - Этично ли проводить испытания лекарств на животных, прежде чем предложить людям новые фармацевтические препараты?
 - Как способствовать применению результатов исследований во благо, а не во зло?
- Связанные с условиями исследования
 - Техника безопасности при работе с приборами.
 - Защита данных, информации.
 - Соблюдение условий по методикам.

3.3.4 Виды и аспекты проявления ответственности исследователя

Ответственность является готовностью иметь дело с *любыми* последствиями своего выбора или поступка. Каждый прежде всего ответственен субъективно перед собой за исполнение своего уникального бытия.

Рассмотрим на примере научной деятельности разной виды ответственности:

- индивидуальная — касается общей добросовестности ведения научной работы, обеспечения достоверности данных, отсутствие плагиата, качество интерпретации результатов, выполнение должностных обязанностей и т.д.;
- профессионального или экспертного суждения — влияние на общественное мнение через публичное высказывание;
- коллективная — члены научного коллектива совершают индивидуальные поступки от лица коллективного актора перед лицом той или иной структуры;
- косвенная — переживающий ее не совершает действий сам, но оказывается причастен к событию, обычно путем примеривания на себя поступков другого, зависящего от него или автономного;
- социально-политическая — осознание возможных рисков и масштабных последствий использования результатов проведенного исследования на благо или во вред природе, обществу.

Рассмотрим позитивный пример Вернера Гейзенберга, который рефлексирует в своем философском размышлении. В результате обсуждений исследователи приходят к разграничению между открывателем и изобретателем. Открыватель следует логике развития науки и даже предполагая возможное использование своего исследования во вред не в состоянии остановить прогресс науки. Деятельность же изобретателя оказывается более этически нагружена, поскольку он направляет применение уже сделанного открытия во благо или во зло. Как

резюмирует Гейзенберг, для индивиду, перед которым научно- технический прогресс поставил важную задачу, недостаточно думать лишь об этой задаче, он должен рассматривать ее решение как составную часть общего развития.

Лекция 4 Наука как феномен культуры

4.1 Культурная и цивилизационная роль науки. Сциентизм и антисциентизм

4.1.1 Понятия «культура» и «цивилизация»: трактовки и взаимодействие

Однозначной трактовки этих понятий не существует по следующим причинам.

- Данные категории по-разному понимают с точки зрения различных философских, исторических, социологических, культурологических Определение будет зависеть от оснований самого подхода/теории.
- Такие термины, как «культура и цивилизация» имеют более узкие и более широкие трактовки (человеческой цивилизации вообще или шумерская цивилизация; культуре вообще или европейская средневековая культура).
- Помимо общепринятого разделения понятий культура и цивилизация есть немалое множество немейнстримных классификаций, которые позволяют увидеть новые грани в этих понятиях.

РАЗЛИЧИЯ		СХОДСТВА
Культура	Цивилизация	
Осмысленная деятельность человека и её продукты	Совокупность материальных и духовных достижений общества в конкретный период истории	<ul style="list-style-type: none">• Историчность изменений• Человеческие феномены• Классифицируют по социальным, моральным, политическим, экономическим, мировоззренческим, географическим и другим особенностям
Совокупность ценностей человека (как духовных, так и материальных)	Общность людей, характеризующаяся специфическими чертами (соц. отношения, тип культуры, ист. и географ. рамки, экон. и полит. ситуация)	
Образ жизни (способ бытия)		
Знаковая (символическая) система		

Главное интуитивно ощущаемое различие между терминами в том, что цивилизация — это какие-то люди, а культура — что и как они делают.

Наиболее фундаментальное определение культуры: культура как способ бытия. Это универсальное, определение, которое подходит к самому широкому смыслу, включающему не только человеческое бытие.

Аналогично, цивилизация — это общество, исторически развивающееся в рамках определенной культуры, то есть действующее определенным способом на одних основаниях.

Соотношение культуры и цивилизации

Различные мыслители подмечают либо сходство и близость этих терминов, и тогда отождествляют их, либо различия, на основании которых данные понятия разграничиваются, вплоть до подчеркивания их противоположности.

Отождествление понятий культуры и цивилизации. Эти понятия понимаются в целом как совокупность знаний, верований, искусства, моральных норм, законов, обычаяев и т.д., имеющих место в том или ином человеческом социуме.

Представители: Эдвард Тайлер, М.К. Мамардашвили.

В случае неразличения культуры и цивилизации, исследователи обычно сконцентрированы на противопоставлении данных феноменов природе, имея в виду, что человек, как культурное цивилизованное существо, поступает не только в согласии с природой, но развивает мораль и общественные законы, которые не являются чисто природной необходимостью.

Поэтому некоторые исследователи считают, что культура и цивилизация — вещи одного порядка и, в принципе, указывают на одну и ту же специфику человека.

Противопоставление понятий культуры и цивилизации. Такая позиция встречается у немецкого философа Освальда Шпенглера.

В своей известной книге «Закат Европы» он проводит идею о том, что культура — это царство органически-жизненного, а цивилизация — совокупность технико-механического.

Жизненный цикл любой культуры таков, что она постепенно развивается, на своем закате вырождается в цивилизацию и погибает.

Поначалу общество рождает артефакты своей культуры; со временем остаются только готовые техники и технологии, и люди без должного осмыслиения и творчества продолжают по инерции ими пользоваться; жизнь от этого опустошается — цивилизация разрушается, когда утрачиваются основание, духовность.

Различение понятий культуры и цивилизации. Полагается, что культура определяет специфику типа цивилизации, лежит в ее основе.

Примеры:

- *Формационный подход в марксизме*

Карл Маркс, полагал, что у любой цивилизации одинаковый путь развития через ряд общественно-экономических формаций: первобытный строй, затем рабовладельческий, затем феодальный, затем капиталистический, в конце — коммунистический.

Маркс не отрицал видимого разнообразия культур, однако, анализируя специфику исторических процессов, предположил, что в любом обществе в контексте развития орудий труда и благодаря изменениям в типе производства, экономических отношений, социальной иерархии имеют место такие переходы.

Перескочить какой-то этап нельзя, и особенности цивилизации в текущий момент во многом обусловлены тем, на какой стадии находится общество.

- *Теория культуры П. Сорокина*

Питирим Сорокин сформулировал теорию культуры, акцентируя внимание на том, что во многом именно содержание ценностей определяет существование конкретно культуры.

В развитии культур он выделял три стадии, определяющие тип цивилизации:

1. Сначала в обществе доминируют религиозные представления.
2. На переходном этапе они ценностно уравновешиваются с жизнью в материальном мире, объективной окружающей реальности (например, этим характеризуется эпоха Возрождения);
3. Происходит перевес в сторону чувственного контакта с миром (например, как это произошло в Новое Время).

Конечно, между собой культуры отличаются и по экономическим, и по климатически-географическим, по этническим, по исковым и так далее, другим особенностям.

- *21 цивилизация в концепции Арнольда Тойнби*

Арнольд Тойнби предполагал, что на развитии цивилизации происходит по схеме вызов, стимул, ответ.

Каждое общество сталкивается с какими-то проблемами, находит мотивацию и средства для их решения и формирует ответ, противостоя этим трудностям.

Далее на новом витке все повторяется. На каждом этапе возможны стагнация или сбой, тогда цивилизация не способна дальше развиваться и погибает.

Так, исследователь на основании различных признаков выделял 21 цивилизацию, среди которых и ныне существующие, и уже ушедшие в прошлое (то есть не справившиеся на каком-то цикле своего развития с вызовами и формулированием ответа на них).

4.1.2 Роль науки в культуре и для цивилизации

Наука мыслится как один из видов культурной деятельности человека.

Специфика науки и ее отношения к предметам своего изучения, методология, ведущие способы познания влияют на культуру в целом, определяя особенности цивилизации.

Формирующаяся культура накладывает на человека свой отпечаток, и его деятельность, в том числе научная, определяется нормами культуры.

Хосе Ортега-и-Гассет: Человек — это всегда человек какой-то культуры или в рамках какой-то цивилизации. Мы поступаем определенным образом, потому что культура определяет нормы поведения, в ней уже даны идеалы и ценности. Поступая якобы по-новому, мы все же действуем в горизонте нашей культуры.

Пример: наука и культура в ходе становления эпохи Нового Времени в Западной Европе

Человек начал стараться максимально отличить себя от природы. В науке нормой стал эксперимент, мнение о том, что нужно над природой совершить какое-то насилие, чтобы выпытывать у нее тайны. При этом в моде: парики, обилье различной косметики, маскирующие естественный вид человека; повальное увлечение механическими игрушками.

С тем, чтобы подчеркнуть отличие человека от природы, наука изобретает способы окрашивания тканей в яркие цвета, методы нанесения орнаментов, механизмы различных размеров и назначений. То есть наука обслуживает культуру и запросы общества, как в сфере развлечения, так и в сфере производства.

4.1.3 Сциентизм и антисциентизм

В XIX веке в сознании западного человека прочно укрепляется мнение о том, что наука — это благо, поскольку получение новых знаний позволило решить ряд насущных проблем и способствовало росту качества жизни. Такую мировоззренческую установку, согласно которой ведущая роль в развитии культуры и общества принадлежат науке, принято называть **сциентизмом**. Представителями данной позиции являются позитивисты, в их числе Огюст Конт.

Кризис классического естествознания, смена ведущей парадигмы в самой науке на рубеже XIX-XX веков, а затем ужасные события двух мировых войн XX столетия, когда научные достижения использовались во вред человечеству (химическое оружие, атомное оружие, эксперименты нацистов над людьми) начали связываться с последствиями бурного развития науки и техники, заставляли задуматься над позитивной ролью науки как основания человеческой культурности. Такую мировоззренческую установку принято называть **антисциентизмом**.

Антисциентизм может быть выражен в разной степени. Это спектр мнений: от сомнения в передовой роли науки, до радикального отказа от научной деятельности и научного способа познания.

Методологический анархизм Пола Фейерабенда. На многочисленных примерах показывает, что хотя методология науки выглядит правдоподобной и эпистемологически обоснованной, большинство крупных научных открытий делается вопреки ее рекомендациям. Убедительность правил научной работы имеют скорее культурные и психологические корни. Т.о., руководство правилами и нормами в научном исследовании нецелесообразно. Эти наблюдения ставят науку по в один ряд с другими феноменами культуры, которые также строятся не только на рациональных основаниях и тоже направлены на постижение мира.

4.2 Специфика науки как вида культуры. Наука и другие виды культуры

4.2.1 Почему науку считают видом культуры?

В любом феномене действительности, содержится парадокс одновременного со-существования противоположностей:

- науку можно считать универсальным внекультурным феноменом (н-р, могут ли естественные науки, которые нацелены на изучение универсальных законов природы, различаться в зависимости от культуры).
- науку можно считать культурным феноменом (теории науки разных эпох могут отличаться как по содержанию формируемой картины мира, так и по способу ее построения)

Науку можно считать видом культуры по следующим причинам:

- наука связана с постижением, осмыслением окружающей действительности и человека, осмыслением специфической человеческой деятельности;
- наука предполагает основания в виде идеалов, норм, правил организации научной деятельности;
- язык науки имеет символическое выражение и правила построения научных суждений;
- наука имеет цели и ценности, на которые ориентируются в своем развитии;
- наука порождает материальные и духовные продукты, полезные изобретения, а также теории и законы, помогающие человеку понимать мир, ориентироваться в нем.

4.2.2 С чем сопоставлять науку как феномен культуры?

Если мы понимаем культуру как совокупность норм, традиций, символического выражения, принятых в определенном обществе, то к видам человеческой деятельности относится практически вся жизнедеятельность человека, (за исключением чисто природных биологических процессов в нас).

Продуктивнее считать, что человеческая культура базируется на смыслополагающей деятельности человека, на таких практиках, в которых происходит творчество смысла. Тогда можно выделить такие виды культурной человеческой деятельности: *искусство, наука, философия и религия*.

Почему не указан миф? Миф в сравнении с остальными видами деятельности *синкетичен*: содержательно в нем слиты религиозные представления о сверхъестественном, нормы морали и права, мировоззренческие ориентиры, и т.д.

Миф своей смесью различных человеческих практик замещает собой полностью разветвление на отдельные феномены культуры: в готовом мифе все объяснено. Т.о., мифы *нерефлексивны*, в рамках их содержания нет возможности выйти к первопричинам.

Почему не указана идеология? Идеология обычно включает описание устройства социальной жизни, взаимодействий в ней, регулирующей системы ценностей. Идеология не рефлексируется и ее содержание синкетично.

Почему не указаны иные виды? Педагогическую деятельность, право, спорт, технологии, производство и т.д. в пределе можно свести к одному из четырех базовых феноменов культуры философии, либо их комбинации.

Что касается остальных видов деятельности, мне хотелось бы показать вам, как можно в пределе , искусству, науки и религии.

4.2.3 Взаимодействие науки и других видов культуры (миф, религия, искусство, образование, идеология, философия и т.д.)

Наука и философия

РАЗЛИЧИЯ		СХОДСТВА И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
Наука	Философия	
Предмет изучения – <u>область реальности</u> (часть)	Осмысление отношения «Человек – Мир» <u>в целом</u> (О=П)	Направлены на постижение мира и человека
Рассматривает свой предмет в деталях, <u>в частности</u>	Нацелена на целое, исходит из <u>единства</u> всего, имеет дело со всей полнотой реальности	Стремятся к истинности, точности, системности, логичности
Язык – <u>термины</u> , формульно-матем.	Язык – философские <u>категории</u>	Имеют специфический язык
Строит <u>обобщённые представления</u> , <u>схему явлений</u>	Проясняет <u>пределные основания</u> бытия и мышления	Борются с мнениями, иллюзиями

Наука и религия

РАЗЛИЧИЯ		СХОДСТВА И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
Наука	Религия	
Действительность, доступная <u>на опыте</u>	Вера в <u>сверхъестественное</u> , надчеловеческое	Направлены на объяснение устройства мира
Новые знания постоянно <u>уточняют</u> и <u>отвергают</u> предыдущие	Содержит <u>систему доктрины</u> (догматов), которые не ставятся под вопрос в рамках конфессии	Содержат в своих основаниях <u>систему исходных положений</u>
Подчиняется светской власти	Самостоятельна от светской власти	Институционально строятся по принципу иерархии (звания, должности) в соответствии с достижениями деятелей
Теоретическое мышление, <u>предметное противопоставление</u>	Запоминание, воспроизведение, <u>интерпретация священных текстов</u>	© Бирючева Е.В.

РАЗЛИЧИЯ		СХОДСТВА И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
Наука	Искусство	
Стремится к <u>объективности</u> познания	Нацелено на выражение <u>субъективных ощущений</u> автора	Соединяются в <i>технике и технологии</i>
Удовлетворяет <u>познавательные и практические потребности</u>	Служит удовлетворению <u>духовных и эстетических потребностей</u>	В основании – неотъемлемая <i>творческая составляющая</i>
Теория, логичное, рациональное	Интуиция, чувственное, иррациональное	Нацеленность на <i>новизну</i>
Жёсткая система <u>норм и правил</u> организации деят-ти	Не содержит инструкций по созданию произведений	В обучении – <i>воспроизведение образцов деят-ти</i>

4.3 Культурно-исторический контекст развития науки и его философские основания (онтологические, гносеологические, этико-аксиологические)

4.3.1 !!! Понятие культуры в связи с её фундаментальными основаниями

Культурология знает, ведает, безусловно, чрезвычайно много о культурах, но сколько я не читала труды исследователей в этой области, находила только поверхностные определения культуры, не в смысле плохие, но замечающие только внешние проявления, все то, что у нас обычно и ассоциируется с культурой, традицией и ценностями. Это все замечательно.

Однако, такое знание, хотя, несомненно, важно, интересно и для определенных целей полезное, ничего не говорит о том, почему сложилась именно такая культура, почему не другая, почему не иначе. Говорить, что так исторически сложилось, или потому, что такой менталитет, или благодаря такому особому языку, значит, повисать над бездной. Мы всегда можем дальше спросить, а почему так сложилось, почему такой язык и менталитет, на каком основании?

Это только философия может помочь, поскольку именно она занимается прояснением предельных оснований человеческого бытия и мышления. И, по сути, понимание особости каждой культуры делая ответы на тот же философский вопрос о своем собственном, которым мы задавались на предыдущей теме, говоря об индивидуальном в человеке.

Культуры отличаются своими традициями, идеалами, нормами, ценностями, которые, в свою очередь, выросли из своего собственного, каждой культуры. Они сформировались в свете определенного способа бытия, образа организации жизни. Что значит способ бытия? это образ мысли, способ видения мира и себя в нем, способ понимания окружающей действительности, в русле которого мы выстраиваем свои отношения с миром, с природой, с другими людьми, с теми же продуктами, имеющимися культурой, в которой рождаемся. Поэтому мы и говорим, что философское определение культуры это способ бытия, а именно в случае человеческой культуры способ понимания человека мира и

своего положения в нем, в свете которого выстраивается определенное отношение к окружающей действительности, результирующиеся в выработке норм и идеалов человеческой деятельности.

Когда я говорю об основаниях, как о способе бытия, я имею в виду, что оснований нет в виде какого-то определенного что. Мы знаем, что исторически меняются содержание научного знания, нормы и идеалы в искусстве появляются и уходят со сцены религиозной системы и так далее. Надежное основание возможно только не субстанциально в форме как образа действия или способа бытия. Конечно, плюрализм или множественность оснований и в форме как, очевидно, в случае каждого человека, но надежен для меня только мой способ бытия, другой не может быть за меня моим способом, хотя с содержаниями мы можем с одинаковыми иметь дело.

Способ как конкретный путь, образ действий, по определению единичен, целостен и уникален, то есть своей особостью и будет отличаться от других способов, но он не зависит от того, на материале каких содержаний действует, он как-то поступает со всем, что ему дано, что-то видит, что-то игнорирует, что-то использует, что-то нет и так далее. На основании чего мы что-то делаем, видим, используем. Не потому, что так принято или все вокруг считают это ценным. Мы можем поставить это под вопрос и заменить одни говорят одно, другие другое, третье, третье. Кому поверить? Почему надо вот это делать, не вот это? Что реально, а что иллюзорно? Почему я к этому так отношусь? На подобные вопросы мы даем каждый пропускать через себя, думая по-своему, на материале, личностной истории и в свете своих уникальных склонностей, способностей, наполняя смыслом, даем свои ответы.

Мы отталкиваемся от своего фундаментального основания, которое неизменное, а не имеющимся из стороны в сторону, гонимые то одним, то другим чем-то мнением и не слепо автоматически делаем, как принято. Иначе бы основания не переосмыслились и эпохи бы не менялись, и культура была бы у людей одна одинаковая по всему земному шару.

И вот точно так же, рефлексируя по направлению к основанию культуры, мы приходим к необходимости прояснить самые фундаментальные из них, то, в связи с чего мы мыслим и поступаем в бытии, речь об онтологических основаниях, в контексте которых также возможным становится прояснение и других философских оснований, гносеологических, этических, аксиологических и так далее. Тогда, парадоксальным образом, философия у нас становится философией и культурой, ведь именно прояснением этих оснований, понимания всего в целом, а у разных культур они разные, мы занимаемся.

4.3.2 !!! Система философских оснований и культурно-исторический контекст развития науки

Внешне система философских дисциплин может напоминать разделение науки на области знания. Однако разделы философии на самом деле не похожи на области исследований в рамках науки, которые избирают каждое для себя какой-то пласт реальности и не затрагивают другие.

Каждая из них все равно имеет дело с отношением человек-мир, но смотрит на него сквозь призму своих базовых категорий. Продуктивнее представить философию как кристалл, а ее различные разделы как грани.

- **Онтология.**

Самая общая и фундаментальная грань. Онтология — философская дисциплина, занимающаяся осмыслинением бытийных и сущностных оснований отношения человека-мир. Ее базовые категории бытие и сущие.

Отсюда название греческие, то он означает то, что есть. Имеют относится пространство и время, качество и количество материю и идею движений, покой, части целой и множество других. Но все они получают свое содержательное наполнение в зависимости от того, как понимается бытие.

Или, если говорить проще, какой дается ответ на вопрос, что значит быть. Так что, говоря об онтологических основаниях определенной эпохи, мы сможем после прояснения самых фундаментальных перейти к разбору того, например, какие были представления о пространстве и времени или как понималась материя.

- **Гносеология.**

Область философии, занимающаяся вопросами познавательной деятельности сознания, проблемами сущности и видов знания, истинной достоверности сущности и методологии познания.

То есть, гносеология тоже на все смотрит, но через призму категорий знания и познания.

- **Этика.**

Занимается пониманием блага в категориях добра, зла, долга, ответственности, греха и так далее. В рамках той или иной системы морали и нравственности. Базовая категория этики — благо.

- **Эстетика.**

Это философская дисциплина, осмысляющая сущность и формы прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни.

Базовые категории — красота, прекрасное.

- **Антрапология — о человеке.**

- **Социальная философия — об обществе и человеке как общественном существе**

- **Аксиология — о ценностях, идеалах и нормах.**

А в новое время будут рационалисты и эмпирики,

Эпоха	Онтологические основания	Гносеологические основания	Этико-аксиологические основания	Круг вопросов	Представители
Средневековые (IV – XIV вв.)	Отношение «Человек – Мир»: иерархичный мир Творец ангелы человек животные растения Онтологическая интуиция (несомненное): креационизм Категория бытия: акт творения – статический vs. динамический	Основной источник познания: Священное Писание, авторитетные первоисточники (Платон, Аристотель, неоплатоники, отцы церкви) Области знания: Науки о Слове (логика, риторика, грамматика) + натурфилософия (н-р, физика) Методы познания: комментирование, интерпретация, толкование	Благо: добродетели => праведная жизнь, победа над грехами, воззвание души Ценности: спасение души Идеалы и нормы: ...	Что такое душа, добро, зло, грех, добродетель...? Как обрести спасение? Как охарактеризовать Бога? Каков онтологический статус общих понятий (универсалий)?

Гносеология изучает, как мы познаем. Познанию подлежит всё: от материалов до понятий вроде добра, от природы до Бога. Варианты познания различны, но это всё равно познание.

Эстетика интересуется прекрасным, которое можно увидеть, услышать, ощутить и выразить в разных формах.

Фундаментальные вопросы онтологии: как понимается отношение человека – мир, онтологическая интуиция, что такое бытие (В Средневековье: чистое бытие открывается в акте творения Богом, который создаёт каждую вещь; Бог — само бытие, сущность и существование тождественны; сотворённость мира Богом — очевидная истина.)

Мир Средневековья иерархичен: от неодушевленных камней до ангелов. Человек ниже ангелов, но обладает творческими способностями, будучи созданым по образу и подобию Бога. Мир эстетичен и статичен, но в нём есть динамика изменений.

Главная ценность Средневековья — Бог, а чистейшая часть человека — душа. Цель — спасение души, праведная жизнь. Основное обучение связано с интерпретацией Священного Писания и наставлением к праведной жизни. Познание природы второстепенно; преобладают методы комментирования текстов, авторитетными источниками служат труды Платона, Аристотеля, отцов церкви.

В Средневековье развиваются гуманитарные науки: грамматика, логика, риторика, герменевтика, экзегеза. Наука сосредоточена на слове; цитирование и аргументация становятся важными методами.

В античности мир воспринимался как единое целое, часть отражала целое. Например, кусок камня содержит свойства всего камня. В Новое время: целое состоит из частей, и части меньше целого. Декарт: понимание целого через анализ частей.

Каждая эпоха определяет культуру через философские основания. Отношение человека к миру влияет на жизненный уклад и способ познания. Эпохи трансформируются медленно, через накопление критической массы людей с новыми основаниями.

Наука развивается через смену концепций, но истина остаётся неизменной. Видение истины зависит от типа культуры (например, закон всемирного тяготения Ньютона — истина существовала всегда, но была осознана лишь в XVII веке).

Понимание культуры невозможно без философских оснований. Исторические эпохи характеризуются различными способами познания, что связано с основными мировоззренческими принципами.

4.3.3 Историческая проблема «начала» науки и деление на эпохи

Задаваясь историческим вопросом «в какой момент возникла наука?», прежде необходимо определить, что понимается под наукой.

Понимая науку как экспериментально-математический способ рационального познания мира, мы неизбежно упираемся в основание новоевропейской науки (рубеж XVI-XVII веков).

В попытке избежать европоцентризма, многие современные исследователи, задались вопросом о науке как о феномене человеческой культуры вообще. Наука понимается как вид человеческой деятельности, которая состоит в построении системы знаний о мире. Тогда наука возникла с *появлением человека*, который задолго до изобретения письменности уже формировал картину мира, познавал и плоды своего познания применял в практических целях.

Мартин Хайдеггер определяет науку как теорию действительного. То есть создание уме, представление, картины реальности, действительного, которое выражается в научном знании. Научное знание и методы его добычи впервые четко отделились от ненаучного мнения как общепринятого суждения в Древней Греции (VII-VI вв. до н.э.)

Разделение культурно-исторических эпох в отечественной традиции

Историю науки делят на два кардинально различающихся крупных периода: **натурфилософский этап** развития науки (эпоха Античности, Средневековье и эпоха Возрождения) и этап **научной рациональности**(XVI-XVII вв.: Классическая, Неклассическая и Постклассическая рациональности).

Разделение культурно-исторических эпох в западной традиции

Выделяется период Модерна (рубеж XIX-XX вв.) — отказ от абсолюта, от Бога, от принятых устоев, традиций, ценностей, от необходимости единого, устойчивого в культуре в целом и в науке в частности.

Домодерновый и Постмодерновый периоды выделяются естественным образом.

Лекция 5 Натурфилософские программы античности I

Когда-то между философией и наукой невозможно было провести границу, они были единым целым. Геометрическими формами обозначались первоосновы всего сущего, а исследование природы было предметом глубочайших философских изысканий. Медицинские практики ориентировались на движение небесных сфер, а бытие описывалось в математических понятиях. Имя этому этапу жизни науки в её связи с философией — Античность.

5.1 Социально-культурные условия формирования античной философии и науки

В античной философии свёрнута вся последующая философия, в античной науке свёрнута вся последующая наука.

5.1.1 Социально-исторический контекст формирования античной культуры

Истоки античной культуры локализуются в Древней Греции, а затем в Древнем Риме. **Начало античной эпохи в нашем курсе** — условно XI век до н.э.

С этого момента берёт начало так называемый Гомеровский период античной истории. Идёт активное формирование культурной традиции. В своих постоянных чертах оформляются мифы и легенды о богах и героях. Появляются литературные произведения, посвящённые в частности странствиям Одиссея и Троянской войне.

Также с XI столетия до н.э. происходит формирование древнегреческих полисов — городов-государств, представлявших собой специфические административные образования, взаимоотношения внутри которых и между которыми также легли в основании социокультурных особенностей эпохи.

Окончание Античности обычно связывают с упадком Римской империи, имевшим место в IV-V веках н.э.

География

Племена единого этнического происхождения населяли достаточно обширные территории Средиземноморского и Черноморского побережья. Эллины имели колонии в Малой Азии на территории современной Турции, проникли на восток вплоть до полуострова Крым в Чёрном море, оставив там знаменитый Херсонес, колонизировали Черноморское побережье современного Краснодарского края, а также прибрежные земли на территории современной Грузии.

Западные древнегреческие колонизаторы населяли Сицилию, некоторые территории современной материковой Италии, побережье Испании и множество островов, окружающих современную Грецию.

Древняя Греция не представляла собой единого государства в современной форме. Тогда не существовало привычных межгосударственных границ, а каждый полис фактически представлял собой город-государство, т.к. имел систему управления. Таким образом, межгосударственные отношения выстраивались между полисами.

Важнейшие философские школы были основаны в Милете, Кротоне, Элее, Афинах и других полисах.

Особенности древнегреческой культуры

- Древние греки были отличными **мореплавателями и путешественниками**, активно исследовали новые земли, выстраивая с ними экономические и культурные связи за счет обмена товарами и взаимного обучения.
- В **полисах** процветали различные ремесла, торговля, занятия искусствами.
- Древние греки высаживались на неосвоенные земли для более удобного осуществления торговли с другими народами, основывая **колонии**. Т.е. такая колонизация изначально предполагала постройку новых полисов на неосвоенных землях для мирного взаимодействия с другими народами.
- На обширных плодородных почвах Средиземного моря развивался оседлое **земледелие** и скотоводство. **Рабовладение** для греков было естественно сложившейся и глубоко укорененной в культуре традицией, возникшей первоначально преимущественно по принципу долгового рабства. Примечательно, что во многом именно благодаря рабовладению граждане полиса смогли освободить себе время для обучения, развития наук и искусства, также совершенствования системы государственного управления.

Единство древнегреческой культуры

Язык На древнегреческом языке записывались мифы и легенды, создавались поэтические, эпические, драматические произведения, велась переписка, описывались исторические события, хронология, генеалогия знатных родов, математические расчеты и исследовательские наблюдения.

Открытый доступ общества к произведениям культуры, мифам, истории, наукам, возможность путешествовать, обучаясь в разных местах и древнегреческий язык, интегрирующий все эти формы деятельности, обеспечивали бурное развитие всех сфер культуры Древней Греции.

Влияние древнегреческого языка на другие языки колоссально. В них используется огромное количество слов, происходящих от древнегреческих корней. Например:

- архэ — древний, главный,
- атомос — неделимый,
- феория — мысленное созерцание, и т.д.

В обыденной и художественной речи используются фразеологические выражения, имеющие древнегреческое происхождение. Например:

- Сизифов труд,
- Ящик Пандоры,
- Ахиллесова пятна, и др.

Мировоззрение: мифология Единство любой культуры обеспечивается и единством мировоззрения. Исторически первой формой представления о мире является мифологическое объяснение его устройства.

Оно предполагает одушевленный характер всего мира, управления им чьей-то могущественной волей и сверхчеловеческими способностями. Обычно в мифах также предполагается хотя бы случавшийся ранее непосредственный контакт божеств с людьми.

Мифологические представления удовлетворяли человеческую потребность в объяснении окружающей действительности. Они давали ответы на вопросы о том, как произошел мир, как он устроен, кем управляется, каким нормам и идеалам необходимо соответствовать в собственной жизни.

Искусство Древней Греции

Данные особенности мифологического мировосприятия вместе с вниманием древних греков к языку не могли не отразиться в искусстве Эллады.

- Для почитания богов строились величественные храмы из камня, в связи с чем развивалась архитектура.
- В связи с необходимостью украшения храмов развивались пластические искусства — скульптуры из камня и бронзы, гончарное мастерство, выкладывание мозаик, а также техника росписи фресками. Изображались прежде всего мифологические персонажи и события с их участием.
- Поскольку дела богов мыслились священными и возвышенными, мифы и легенды излагались в поэтической форме (величайшие поэты Гомер и Гесиод), с соблюдением ритма и в сопровождении музыкальных инструментов, постепенно совершенствующихся в связи с этим.
- Устная передача мифов и легенд способствовала их значительному искажению, поэтому появилась необходимость письменной фиксации древнегреческой мифологии.

Социокультурные условия

Распространены празднества в честь богов с фестивалями и обрядами.

- Неотъемлемыми элементами праздников являлись театральные представления, разыгрывающие поначалу события мифов и сказания о героях Эллады, а затем и драматические произведения с самостоятельным сюжетом, которые постепенно выделились в отдельный жанр.
- Богам посвящались и многочисленные спортивные состязания различного уровня и масштаба (например, Олимпийские игры). Спортивные соревнования, кроме зрелищности, позволяли различным полисам продемонстрировать друг перед другом способности своих атлетов.
- Зрелища и праздники, на которые тратились государственные средства, несоизмеримые по своему объёму с другими расходами, на долгие столетия стали единящим древнегреческое общество культурным ядром.
- Монархические формы правления архаического периода постепенно сменились в полисах олигархическими. В правительствах полисов ценились прежде всего поступки, а не материальное богатство. Полисы развивались эффективнее под предводительством Совета, учитывавшего социальные и этические потребности граждан, культурно-экономические и военные преимущества.

О популярности трагедий В основе их сюжета лежит социально-этическая апория — принципиально неразрешимое противоречие, столкнувшись с которой герой попадает в состояние амехании — беспомощности.

Каждый раз героям в конкретике уникальных обстоятельств приходится делать выбор на свой страх и риск. Они мужественно выдерживают распятие на апории, изгоняют в себе пороки, благодаря чудовищным испытаниям судьбы понимают нечто важное, сохраняя человеческое лицо.

Зрители страдали вместе со своими героями и понимали, что настоящее человеческое держится только усилием, стремлением к высшим идеалам и усилием противостояния порокам в себе. Это укрепляло гражданский дух жителей полиса.

Об остракизме Это голосование, в ходе которого каждый член полиса на общем собрании писал на черепке имя наиболее опасного человека для города. «Победившего» изгоняли из полиса на срок от 10 лет.

Практика остракизма побуждала вести себя честно, мужественно, справедливо, сдержанно и рассудительно. Древние греки очень дорожили согласием со своими согражданами, ведь изгнание было страшным позором, а также приводило к потере имущества и социальных связей.

Таким образом, к VII веку до н.э. на территориях Древней Греции складываются уникальные по своей специфике социально-культурные условия, способствовавшие выделению в отдельной практике особой формы понимания действительности — **теоретического мышления**.

5.1.2 Феномен «возникновения» философии и науки в Древней Греции (в VII-VI вв. до н.э.)

Говорят о «возникновении» философии и науки, так как феномены познания, накопления опыта, передачи знаний, а также такие приемы как обобщение, выделение сущностных связей, классификация и т.д. существовали задолго до Древней Греции.

Однако это носило фактуальный характер, использовалось исключительно для применения на практике. Свойственное самой природе человека теоретическое мышление не было систематически развивающимся.

В эпоху Античности феномен теоретического мышления отделился от эстетического-мифологического миропонимания. Особенности теоретического уровня осмысливания:

- высокая степень абстракции, необходимая для выделения сущностных повторяющихся черт в эмпириическом многообразии явлений;
- умозрительный контакт с объектом (независимо от физического ощущения);
- обобщение, и др.

В Древней Греции к VII веку до н.э. сложился комплекс условий, в которых:

- мифологические представления не могли дать ответы на интересующие человека вопросы о том, почему все устроено **именно так**, зачем человек должен (и должен ли) быть таким, как его рисует миф;
- культурная и социально-политическая жизнь побуждала специально разрабатывать и практиковать именно теоретические способности.

Причины и основания выделения теоретического мышления

- Сложившийся в рамках мифотворчества соревновательный дух, а также публичность и зрелищность культуры Древней Греции побуждали поэтов, актеров и др. совершенствовать свои умения и навыки. В результате развития словесных речевых жанров активно начали использоваться художественные приемы: метафоры и **сравнения, сопоставления**, что требовало и высокого уровня **абстрагирования** (мысленного одновременного представления нескольких вещей, событий или феноменов и выделения в них на фоне общего особенного).
- В силу освоения мореходства и международной торговли происходило активное знакомство с другими этносами и их культурами. Традиции, обычай и мифологию других народов греки сравнивали со своими, что сказалось на широте кругозора эллинов и переосмысливании собственного привычного уклада и мировоззрения с учетом опыта других народов.
- Становление олигархических, а затем демократических режимов правления в полисах приобщало свободных граждан к вопросам правления. Для участия в политической деятельности на собраниях (проводившихся на центральной площади — агоре) требовались особые личностные качества, самостоятельность мышления, критический подход, умение рассуждать, аргументировать свое мнение, владение ораторским мастерством.

Миф и искусство не давали ответов на многие интересующие человека вопросы (например, из чего все состоит, что такое добро и зло, и др.). Возникла необходимость осмысливать ряд вопросов другими средствами. Умозрение стало основой античного теоретического мышления как метод, с помощью которого можно проникнуть сквозь видимость к истинной сути вещей. Несмотря на это, миф и искусство продолжали выполнять собственные функции выполняли.

О причинах возникновения науки и философии Многие исследователи реконструируют «возникновение» науки и философии как появление новых практик в силу неспособности мифа отвечать на интересующие вопросы:

- Формула «от мифа к логосу» принадлежит советскому антиковеду Ф.Х. Кессиди.
- Подобное понимание характерно для и А.Ф. Лосева, исследователя культуры в ее символическом и эстетическом измерениях.
- Мераб Константинович Мамардашвили говорит, что наука не появляется из простого накопления техник, умений, но обязательно человеку должно стать что-то непонятно. В мифе все объяснено, и непонятного нет, а проблемность — это черта науки.

С одной стороны, обильная историческая, философская литература подводит к такому варианту: первые теоретические произведения появляются с VII-VI веков до н.э (Фалес Мiletский, Пифагор и др.).

Но при этом для мифов характерны новые ветви сюжетов, накопление подробностей, добавление уточнений в них при устной передаче. Возможно, если бы люди не задавались вопросами, миф был бы один раз и навсегда.

Это наводит на мысль что, возможно, философию, науку и теоретические понятия не изобрели в этот период, а лишь обратили внимание на вопрошение и осмысление как отдельный вид деятельности.

5.1.3 Онтологические основания и сущностные черты античного мировоззрения

Идеалы и особенности мышления

- Любовь к рассказыванию историй, отражённая в мифах, усиливала интерес к генеалогии. Со временем это привело к поиску **причинно-следственных связей**, сделав **рефлексивность** (осмысление через вопросы о причинах) фундаментальной особенностью древнегреческого мышления.
- Древние греки интересовались всем — от новых земель до древних преданий, от замысловатого движения звезд до отражения окружающих предметов в капле воды. Их культура внимания не выстраивала иерархию вещей: движение далёких звёзд и роса под ногами были одинаково значимы, как и рассказы о богах и размышления о человеке. Первые философы утверждали: **«всё во всём»** — всё состоит из **одного** и может безгранично **превращаться** друг в друга. Мрамор становится статуей, зерно — хлебом, а пища — движением и мыслю.
- Греки восхищались совершенством природы и стремились подражать ей в искусстве, создавая **завершённые цельные** образы. Осознавая изменчивость мира, они умели видеть уникальность и полноту каждой вещи.

Целостность, оформленность и границы стали их идеалом. Понимание сущего происходило через видение его **границ**, его формы, его единичности как завершенности и полноты. Поэтому **единица** в античной культуре не была просто числом, а основой числового ряда, счета. Важнее всего была целостность предмета, а сам мир воспринимался как упорядоченная, наибольшая единица.

- Греки ценили **упорядоченность** природы, что отразилось в их искусстве и мышлении. Главными принципами стали **гармония** и **соподчиненность**. Ценность имело целое в единстве своих разнородных частей. Всё соизмерялось — от пропорций колонн до тонов в музыке. Раз небесные сферы движутся гармонично, то и человек должен уподобляться им, упорядочивая мысли и организуя жизнь.

Онтологические основания античной культуры

1. Как понимается отношение Человек-Мир?

Античный мир представлялся как гармоничный и упорядоченный **космос**, где каждая единичность была целым. Человек понимался как **микрокосм** — отражение Вселенной в меньшем масштабе, а его жизнь должна была стремиться к той же упорядоченности и соподчиненности.

Идеал заключался в совершенстве как внешнем, так и внутреннем. Занятия должны воплощать совершенство, упорядоченность и оформленность мышления, что выражалось понятием **Логос**. Этическим ориентиром стала добродетель (арете) — неотъемлемое качество разумного и правильного человека.

2. Что мыслится несомненным?

Для древних греков несомненным было представление о **единстве** всего **сущего**. Несмотря на видимое многообразие, теоретическое мышление позволяло постигать скрытую связь вещей. Если всё превращается друг в друга, значит, существует единое первоначало, из которого состоит всё.

Логос, пронизывающий Вселенную, обеспечивал её порядок и, отражаясь в человеческом разуме, давал возможность и гарантировал способность познавать мир. Это стало основой для теоретического знания, связующего науку с реальным устройством мира.

Однако античная мысль была разнообразна. Философы спорили о природе материи, причинности, устройстве мира. Поздние школы — стоики, эпикурейцы, неоплатоники — часто расходились во взглядах. Поэтому вместо «интуиции Единого» (А.В. Ахутин) точнее говорить об интуиции Логоса — принципа, связывающего всё воедино, но включающего в себя противоположности и парадоксы, которые греки стремились осмыслить.

3. Что значит быть в рамках соответствующего типа мышления?

Быть по-настоящему — значит иметь форму, быть целым и завершённым, соподчиненным остальному миру. Ключевую роль в этом играет категория **меры**. Реальность бытия заключается в внутренней и внешней соподчиненности. Идеал человека — быть живой мерой, действуя умеренно и согласно порядку, соизмеряя свои действия с каждой ситуацией, а не хаотично и сверх меры.

«Ничего сверх меры» — важная формула древнегреческой культуры. Богатые античные граждане, даже если были образованы, одевались скромно, не излишне украшали дома и не копили золото. Умеренность означала искусство гармонично упорядочивать жизнь, избегая как накопительства, так и расточительства. Быть познанным в мире означало быть частью гармоничного целого, соразмерным с другими элементами.

Для древних греков бесконечность и безмерность существовали как абстракции, возможные лишь в воображении. Всё беспредельное, аморфное и неумеренное не имело реального бытия — только возможности, которые существующие лишь в воображении. Поэтому действительное считалось большим возможного.

Не стоит идеализировать античность. Мы говорим об идеалах, к которым стремились люди, но реальные люди часто от них далеки. Хотя в античности были высокие этические и эстетические принципы, многие люди, как и сегодня, поддавались соблазнам, не всегда были красивы, умны или добры, и не всегда могли контролировать свои пороки, как например гордость или несправедливость.

5.2 Первые натурфилософские учения античности

5.2.1 Понятие натурфилософии и ее древнегреческая вариация

Чаще всего под натурфилософией понимается буквально философия природы, т.е. целостное осмысление природы как общего понятия, через которое возможно объяснение отдельных явлений и познание фундаментальных законов.

Данное определение предполагает, в частности, что познание природы и ее частей происходит умозрительно, теоретически, философски, в том смысле, что знание о природе начинается не с практического взаимодействия с отдельными ее областями и явлениями, а с построения обобщенного представления благодаря созерцанию целостной сущности данного понятия и философской рефлексии.

Отдельные явления и области затем изучаются, в том числе эмпирически, в свете такого представления о природе в целом. Так, натурфилософия, как осмысление категории природы, может иметь место в рамках любой культурно-исторической эпохи и находит свои воплощения, например, в метафизике природы нового времени, в стихийном понимании природы мыслителями романтизма XIX века, а также в современных междисциплинарных парадигмах вроде энергетики.

В нашей дисциплине, **натурфилософия** — это период становления науки, берущий свое начало в древнегреческих учениях о первоосновах и первоначинах мира и заканчивающийся в натурфилософский период в магически-пантеистических представлениях о природе в эпоху Возрождения.

В этом смысле натурфилософию именно как период развития науки противопоставляют экспериментальному математическому естественному знанию, оформляющемуся с XVII столетия и последующему развитию науки, ограничивающей свою специфику от философской методологии.

Натурфилософский этап развития науки включает в себя специфику научного знания и научного познания в рамках Античности, Средневековья и

Возрождения.

Объединяющими чертами развития науки в данных периодах являются такие особенности, как:

- Теоретический, умозрительный подход к познанию. Эмпирические методы были вспомогательными и использовались для уточнения или подтверждения теории.
- Философское осмысление природы как целого, без четкого разделения области.
- Изоморфность представлений о природе всех вещей вследствие единого основания понимания категории природы. Иначе говоря, в основе любого естественного объекта или явления видится нечто единое, связывающее его со всем остальным в мире. (Изоморфность — это сходство различных сущностей по форме.)
- Метафизическая ориентированность натурфилософского познания, т.е. преобладание проблематики поиска первоначал и первопричин всего сущего.

Несмотря на отмеченные сходства, в рамках каждого культурно-исторического типа мышления натурфилософия приобретает и уникальные черты, характерные только для данной эпохи.

Для античной натурфилософии характерны следующие особенности.

1. Как понимается категория природы?

Природа — фюзис, т.е. естество. Естественное положение вещей, как оно непосредственно представляется без специфического ракурса рассмотрения и неестественных ограничений.

Аристотелем фюзис противопоставляется техне — искусству, специальной деятельности человека, направленной на создание объектов, которых самих по себе в природе не могло бы возникнуть. (Например, дерево в форме дерева растет само, а мебель из дерева нуждается в искусстве плотника.)

Античная натурфилософия это фактически физика — исследование того, что, как и благодаря чему есть само. Ее задача в том, чтобы изучить что и как рождается, в каких видах существуют. Поэтому здесь осмысление движения и преобразования всего сущего устройства Вселенной и жизни души — вещи одного порядка.

2. Каков основной источник познания природы?

Логос — порядок, пронизывающий Вселенную. Согласно Логосу, как в космосе все организовано и движется определенным образом, так и в человеческом разуме (макрокосме) все логично отражено.

Основным источником было разумное созерцание и теоретическое осмысление в его соразмерности самой природе. В этот период формировались различные учения о природе, но каждый мыслитель подвергал их осмыслению и соотнесению собственным видением.

Для античных исследователей не возникала проблема истины, ведь Логос течет через все, поэтому открыты все возможности для познания, и затуманить его может только собственное нежелание человека учиться логичности.

3. В чем специфика античного метода познания природы?

Этот метод принято трактовать как теоретический, умозрительный, рациональный, логический, в том смысле, что знание о природе формировалось на основании логически построенных рассуждений, в рамках которых мыслитель оперировал категориями, понятиями, выделяя с их помощью сущностные черты изучаемого.

Основной первичной операцией было **абстрагирование**, то есть выделение из видимого, наблюдаемого общих закономерностей, свойств, форм. Предельные абстракции — число и геометрическое представление, поэтому с ними неизменно переплетаются натурфилософские учения античности. (Но не в свете достижения точности или абсолютности, а скорее математика суть язык Логоса.)

Другая важная мыслительная процедура — **аналогия**. Это сопоставление, уподобление, перенесение характеристик одних объектов на другие.

5.2.2 Философская проблема первоначал и первопричин

1. Есть ли у мира начало, или он существовал вечно?
2. Из чего все состоит? Что собой представляет единая основа всего?
3. Почему в мире все именно так устроено, как нам является (цвета, звуки, материалы, формы и т.д.)?

Данный спектр вопросов образует собой единое смысловое поле проблематики, которое принято обозначать как «Проблема первоначал и первопричин мира».

Вопросами, подобными рассмотренным, задаются люди любой эпохи; в этом смысле они являются вечными философскими вопросами. Но в контексте каждой эпохи даются различные по своему содержанию ответы, отражающие онтологические основания того времени.

У авторитетных философов естественным образом появлялись ученики и последователи, которые передавали учения наиболее выдающихся мыслителей. Так органичным образом складывались **философские школы** — спонтанно возникающее сообщество мыслителей, учеников и последователей, которые разделяли определенную концепцию.

В отсутствии каких-либо ограничений на свободу мысли сложилось так, что различные мыслители находили отличающиеся друг от друга ответы на данный вопрос. Все они были достаточно убедительными, последовательными, логичными, поэтому даже не совпадающие концепции нельзя называть ложными или выделить только одну из них в качестве единственной истинной.

5.2.3 Милетская школа философии: вопрос о Первоматерии

Хронологически первой философской школы Древней Греции является Милетская (полис Милет в Ионии).

Фалес Милетский Это выдающий человек с обширными познаниями в различных сферах, путешественник, получивший образование в процессе странствий и изучения культур других народов. Во всех сферах своей жизни Фалес

целенаправленно практиковал теоретическое мышление (впервые точно предсказал солнечное затмение, изобрел метод измерения высоты пирамид).

Как философ, Фалес интересен прежде всего постановкой вопроса о первоматерии, из которой все состоит — она была названа им **архэ**. В свете интуиции Логоса Фалес предпринял попытку выделить *единое* основание для всего и видел **воду** в качестве первоматерии. Ведь без воды все живое вскоре погибает, при поливе растения дают хороший урожай, моря и реки дают рыбу, все живое сдерживает влагу. Вода представлялась в таком качестве в более широком смысле, как жидкость вообще. Другие же стихии получаются путем превращения воды.

На основании данного философского учения Фалес логически выводит, что небесные тела не божественные сущности, а состоят из того же самого, но они чрезмерно разогреты, поэтому светятся. Это революционная идея для того времени.

Анаксимандр Ученик Фалеса Милетского. Многое сделал, чтобы язык философии отделился от художественного стиля изложения в стихах, а содержание было достаточно самостоятельным от мифа. В частности, он писал свои труды в прозе.

Наблюдая превращение друг в друга четырех стихий, Анаксимандр не счел возможным взять одну из них за основание, и принял за него нечто от них отличное. Первоначалом мыслитель считал **апейрон** (беспределное):

Анаксимандр считал, что свете вопроса о первичности мера оказывается вторичной, ведь она ограничивает, а это необходимо делать с уже чем-то имеющимся. Значит, если ставится вопрос о первоначале, то оно должно иметь свойство **неограниченности**, чтобы посредством соединения с мерой дать уже ощущаемые оформленные вещи. Также свою первую материю мыслитель наделяет свойствами **неуничтожимости** и **всеобъемлемости**.

Другие достижения Анаксимандра:

- *Идея о движущей силе противоположностей.* Вечное движение более древнее начало, чем влага; благодаря ему одно рождается, а другое погибает. Из единого выделяются соединенные в нем противоположности. Рождение происходит не через изменение стихии, а через обособление благодаря вечному движению противоположностей (например, добро и зло, предельное и беспределное). Они влияют друг на друга, своим неравенством запуская движение.
- Первая формулировка *закона сохранения материи*. Из чего все вещи получают свое рождение, в то все они и возвращаются, следуя необходимости. Все они в свое время наказывают друг друга за несправедливость (занимание собой всего пространства).
- *О происхождении человека.* Первый человек произошел от живых существ другого вида, а жизнь вообще родилась в океане, из которого со временем на сушу вышли существа, покрытые чешуей. Их чешуя лопнула, и вскоре они изменили свой образ жизни.
- А также начертил первую *географическую карту* мира, занимался вычислениями движения небесных тел, предложил впервые небесный глобус, изобрел *гномон* для усовершенствования солнечных часов и пр.

Анаксимен Ученик Анаксимандра. Свел все причины вещей к беспредельному воздуху. Он наделил архэ свойствами газообразных тел или стихии воздуха, который как бы вдыхает жизнь во все.

Анаксимен полагал, что из беспредельного воздуха при разряжении рождается огонь, а при сгущении ветер, туман, вода, земля, камень. Данные воззрения позволяли наглядно представить смену агрегатных состояний и превращение вещей друг в друга.

5.2.4 Пифагорейская школа философии: музыка небесных сфер

Одной из самых многочисленных и влиятельных школ Древней Греции, возникшая в южно-италийском полисе Кротон.

Пифагор Уроженец острова Самос в Ионии, обучался в Египте; историки полагают, что Пифагор учился у известного мудреца пророка Зороастра (Заратустры).

Учение Пифагора при его жизни оставалось внутри сообщества учеников, связанных обетом молчания. Однако политическая активность пифагорейцев способствовала распространению славы их школы по Элладе.

Сообщество отличалось общностью имущества, а учеников Пифагор отбирал лично. Обучались у него как мужчины, так и женщины. Сочинений самого Пифагора не сохранилось, но дошли отрывки трудов его последователей, в которых излагались основные положения учения мыслителя.

Размышляя о первоначалах как сочетании предела и беспредельного, Пифагор заметил присутствие противоположностей во всем — правое и левое, мужское и женское, и т.д. Однако он уловил и их единое основание. Без этого фундамента противоположности либо нивелировали бы друг друга, либо смешались в неразличимую массу. Если бы противоположности и только они были первичны, то это противоречило бы интуиции единого Логоса; кроме того неясно, что удерживало бы их от смешения и взаимного уничтожения.

Пифагор первым назвал себя философом, а не мудрецом, подчеркивая, что человек не способен постичь предельное основание бытия, поскольку оно выше и не создано им. Он считал, что мудр только Бог, а стремящихся к истине следует называть философами — любящими мудрость. Философия, происходя от греческих слов «филия» (любовь) и «софия» (мудрость), означает любовь к вселенской мудрости и устройству мира.

Смысл пифагорейского учения, по В.В. Бибихину, заключается в указании на непостижимую основу, из которой возникают противоположности. Мы видим мир уже разделенным на пары, но их единое основание остается недоступным. Пифагор назвал себя философом, потому что философия — это не обладание мудростью, а любовь и верность ей, осознание ее недоступности.

Разница между мудрецом и философом принципиальна. Мудрецы претендуют на абсолютное знание, создавая жесткие схемы, но мир не обязан им соответствовать. Истинный философ понимает ограниченность человеческого ума, оставляет вопросы открытыми и не спешит фиксировать окончательные ответы. Человеку необходима свобода мысли, а жесткие конструкции перекрывают ему «воздух».

Любовь, как и философия, — это доверие и принятие. Мы любим не из-за знания всех деталей, а вопреки им, ценя целостность и парадоксальность мира. Истинная свобода — это позволить вещам и людям быть самими собой, без

стремления переделать или подчинить их. Философия учит не контролировать, а восхищаться гармонией вселенной, сохраняя открытость перед ее тайнами.

Пифагор был не только философом, но и ученым, стремившимся к разумному познанию природы. Он видел двоичность предела и беспредельного, понимая, что ни одна из стихий не может быть единой первоосновой. Ответ Пифагора гениален: основой всего является **число**.

Число — это предельная абстракция, доступная нашему разуму. Оперируя числами, мы постигаем единство вещей, а математическое мышление позволяет нам мыслить формы независимо от их материальных носителей. Именно поэтому пифагорейцы считали число фундаментом мироздания.

Благодаря философским вопросам о пределе, пропорции и гармонии пифагорейцы внесли огромный вклад в развитие **математики**. Однако для них она не была просто инструментом вычислений, а способом понять вселенский порядок — Логос. Математика становилась языком мироздания, посредником между структурами мира, позволяя настраивать ум на восприятие космической гармонии. В этом слиянии науки и философии зарождалась традиция постижения бытия через абстрактные формы, что отличает античное мышление от современного утилитарного подхода к числам.

Единица у пифагорейцев не выделялась как непосредственно число, а была началом и основанием счета. Чтобы считать предметы, нужно сначала выделить их как отдельные единицы. Единица символизировала завершенность и целостность — будь то космос, человек или капля воды.

Как отмечает философ А. В. Охотин, единицы у пифагорейцев были разными по природе. В материальном мире деление единицы уменьшает ее как тело, но в числовом смысле она увеличивается, так как одна вещь превращается в несколько. Таким образом, пифагорейская концепция единицы сочетала в себе идею целостности и множественности одновременно.

Пифагорейцы наделяли числа особым смыслом. Число 10 считалось божественным и совершенным, так как представляло собой сумму первых четырех чисел ($1 + 2 + 3 + 4$) и включало поровну четных и нечетных значений. Кроме того, десятками удобно считать из-за 10 пальцев на руках, что предопределило распространенность десятичной системы.

Числа у пифагорейцев также соотносились с геометрическими формами: единица — точка, двойка — линия, тройка — треугольник как первая плоская фигура, четверка — тетраэдр как первая объемная фигура, символизирующая трехмерное пространство. Пропорции, симметрия и правильность форм считались высшим проявлением гармонии. Идеалом же совершенства была окружность и сфера — фигуры, в которых воплощена абсолютная симметрия.

Поэтому космос, как наиболее совершенное, мыслился сферическим и замкнутым, а движение небесных тел — круговым. Математические исследования пифагорейцев не были чисто умозрительными, находя применение, например, в описании космоса и создании теории музыки.

Именно пифагорейцы открыли и математически описали музыкальную **гармонию** на основе числовых пропорций. Музыка, по сути, математика, так как ее благозвучность зависит от точных расчетов интервалов и высот звуков. Они исследовали звучание струн, натянутых с разными грузами, массы которых находились в пропорциях 1:2, 2:3 и так далее, заложив основу современной теории музыки.

Поиск пропорций и подобия во всем характеризовал пифагорейский метод: от устройства Вселенной до музыки. Отсюда и выражение «музыка небесных сфер» — для пифагорейцев оно не было метафорой. Земная музыка воспро-

изводила идеал космической гармонии, ведь, согласно их учению, сам космос звучал, подобно музыкальному инструменту.

Алкмеон Кротонский Был известным врачом-пифагорейцем, который развел учения о противоположностях применительно к человеческому телу. Он считал, что равновесие сохраняет здоровье, ибо господство одной противоположности действует гибелью (например, как избыток пищи, так и её недостаток вредны для здоровья).

Алкмеон впервые предпринял препарирование человеческого тела. Благодаря этому он описал, например, как глаза соединены с мозгом зрительными нервами, чем доказал в частности, что ощущения поступают в мозг через органы чувств, а в целом — то, что первенствующая часть души находится в мозге.

Алкмеон также сформулировал фундаментальное отличие человека от других живых существ: только он, человек, понимает, а другие животные ощущают, но не понимают.

Филолай Впервые опубликовал основы пифагорейского учения, которое до этого было тайным и систематически не распространялось.

Филолай интересен тем, что как раз, что благодаря сохранившимся его произведениям мы много знаем о пифагорейской философской системе видения мира с помощью языка чисел и геометрических представлений, а также о пифагорейской теории музыки.

Филолай понимает устройство космоса не геоцентрически, не гелиоцентрически, а как Вселенную, в центре которой находится очаг, вокруг которого вращаются и звёзды, и Солнце, и другие планеты, в том числе Земля.

Мнение лектора Когда смеются над взглядами древних греков и считают их зачатками науки, значит, не понимают, насколько наши сегодняшние научные представления повторяют сказанные античными мыслителями.

Вроде бы смешно считать, что всё есть число или всё состоит из некой единой первоматерии, но давайте присмотримся на вопрос, из чего всё состоит и вдумаемся. Наши современники отвечают, что из молекул и атомов, а специалисты уточняют из энергии, потому что современная физика выяснила, материя на микроуровне энергия. Те самые элементарные частицы, из которых всё состоит, в пределе представляют собой энергетические уровни или энергетические состояния.

А что такое энергетические уровни? Это числа, решение уравнения Шредингера для волновой функции, значит, материя в пределе число. Но постойте, об этом с конца VI века до н.э. говорят пифагорейцы и вслед за ними Платон.

Берём примерно более высокое уровне организации материи, если нас сами элементарные частицы не удовлетворяют. Образ любого живого существа с определенными особенностями передаётся от родителей детям, как с помощью генетического кода. А код это шифр, последовательность, которая тоже число или числовой ряд. Так что мы с вами как ни крути, тоже в пределе число.

Другой пример современной физики. Теория струн очень напоминает пифагорейские струны с их пропорциями.

Мнение автора Я не знаю, из чего все состоит :(

5.2.5 Гераклит Эфесский: правящая молния

Гераклит взял на себя миссию критиковать нелогичное мышление и обличать невежество своих сограждан, поддающихся стереотипам. Он был человеком резким и эмоциональным, а его взгляды отличались глубиной и оригинальностью. Современники отмечали его знатное происхождение, а сам он много путешествовал и исследовал мир. В отличие от других философов, Гераклит не учился у наставников — всю свою мудрость он постиг самостоятельно.

Гераклит не основал собственной философской школы, а от его учения до нас дошло лишь 139 фрагментов, преимущественно афористичных. Тем не менее, его идеи оказали огромное влияние на последующих мыслителей. Гегель даже утверждал: «Нет положения Гераклита, которое я не принял в свою логику».

Гераклит называл единое начало Логосом — первичным порядком, которому подчиняются не только люди, но и сами боги. Логос один и тот же во всём и для всего.

Не уступая Пифагору в глубине философской мысли, Гераклит полагал, что мудрость (София), устроившая мир, абсолютно чужда нам — мы способны видеть лишь игру противоположностей, их движение и столкновения, но не саму истину.

Вторая, глубинная часть его учения, оказалась настолько сложной, что даже Сократ признался: «Я её не понял». Он говорил, что для её постижения нужен «делосский ныряльщик» — человек, способный задерживать дыхание и погружаться в бездну неизвестного. Однако даже самый искусный ныряльщик не сможет там выжить, а лишь чуть дольше не задохнётся.

Гераклит утверждал, что истинное основание бытия настолько иное, что оно даже за пределами различия между жизнью и смертью. Оно настолько чуждо человеческому познанию, что не поддаётся ни логике, ни объяснению. Оно отдельно от всего — даже от богов и людей, хотя они противоположны друг другу, как смертные и бессмертные.

Такие прозрения захватывают дух. Другое по Гераклиту невозможно объяснить, его можно только ощутить. Поэтому философ отвергал традицию поествования и мифологии. Он презрительно заявлял, что Гомер и Археолог заслуживают наказания за то, что их мысли вязнут в рассказах, а не ищут истину.

Фрагмент 90. Огонь обменивается на всё в мире и все и всё на огонь, как золото на вещи и вещи на золото.

Фрагмент 30: Космос был всегда, есть и будет огонь вечно живой, зажигающийся соразмерно и гаснущий соразмерно.

Фрагмент 64: «Всем сущим правит огонь, в смысле энергия, которая у мыслителя молния».

11 фрагмент: «Все живое пасется молнией», или в другом переводе «Все ползущее бичом пасется», точнее было бы сказать «мгновенным ударом».

Молния не передаётся никак, ни по наследству, никаким другим способом. Молнией можно только самому быть. Это тяжело настолько же, насколько уместиться в границе, которая ничто любому что, в чистом различии, где нет пространства.

5.2.6 Элейская школа философии: фундаментальный онтологический парадокс

Парменид Парменид впервые отметил, что основа всего — это не нечто, а **бытие**, присущее всему, что было, есть или может быть. Он ввел в философию понятие бытия, хотя такие слова, как «быть» и «есть», существовали в языке всегда. Парменид подчеркнул, что бытие — это главное, что отличается от вещей.

Вопрос об основаниях приводит мыслителя к осознанию, что **небытие не существует**, и имеет место для нас лишь по видимости: мы видим рождение и смерть, и до рождения или после смерти нам кажется, что есть небытие. Но это лишь качественные резкие изменения того же самого. Мы воспринимаем смену бытия на небытие, но на самом деле наблюдаем постоянное превращение бытия. Умершее тело переходит в иное качество и становится частью нового бытия, например, в виде удобрений или энергии.

Парменид утверждает, что бытие **неделимо** и **одинаково** во всем, как по качеству, так и по количеству. Везде мы столкнемся с бытием, и нигде не встретим ни пустоты, ни ничего.

В одной своей формулировке Парменид сворачивает основную идею всей последующей западной философии: «То, чего нет, нельзя ни познать (не удастся), ни изъяснить. Ибо мыслить — то же, что быть».

Парменид объясняет свой метод познания истины через особое внутреннее восприятие, которое позволяет увидеть сущность, скрытую за видимостью. Он противопоставляет мнение (доксис) и истину (алетея), утверждая, что нужно различать то, что представляется нам отсутствующим, но на самом деле существует. В своей поэме он подчеркивает, что нужно понять как истину, так и мнение смертных, которые не всегда точны. Хотя мы, будучи конечными существами, ограничены временем и пространством, мы способны постигать вечную истину, но не можем полностью выразить её словами.

Знание всегда отличается от объекта познания, потому что реальное существование объекта невозможно полностью отразить в нашем понимании. Мы создаём картинку мира, которая помогает нам ориентироваться, хотя она всегда будет неполной. Этот парадокс — основа множества других парадоксов в нашем познании. В античности это выражалось в парадоксе единого и многого: бытие одно и единое, как утверждает Парменид, но в мире существует много разных сущностей. Уникальность человека заключается в том, что мы видим не просто различие между объектами, а различие между бытием, основой всего, и сущими, которые благодаря ему существуют.

Зенон Апории Зенона (которых было более 40, но до нас дошло только 9 через Аристотеля) иллюстрируют фундаментальный онтологический парадокс в нашем мышлении. Большинство из них посвящены бесконечной делимости и природе движения.

Зенон в своем парадоксе *Ахиллес и Черепаха* утверждает, что даже самый быстрый бегун, Ахиллес, не сможет догнать медлительную черепаху. При этом не суть в том, чтобы перегнать черепаху, а в том, чтобы понять момент, когда Ахиллес её догонит. Математически, с каждым шагом Ахиллес приближается, но пока он делает следующий шаг, черепаха успевает немного продвинуться вперед. Так получается, что Ахиллес всегда немного отстает. Это проблема бесконечной делимости и бесконечно малых расстояний, которые возникают в процессе погони.

Когда мы пытаемся представить ситуацию математически, мы теряем что-то от самой реальности. Ахиллес и черепаха — это не просто точки, а реальные тела. В реальной жизни цель найти точку, где Ахиллес догонит черепаху, окажется искусственной, в то время как цель обогнать её более естественна. Этот парадокс не просто умозрительный, а указывает на несоответствие между реальностью и нашими попытками её математически описать. Это проблема нашего сознания, которое способно воспринимать и понимать движение, но не может полностью осознать его суть.

Парадокс стрелы заключается в том, что в каждый момент времени летящая стрела покоятся. Хотя движение стрелы очевидно, если мы пытаемся представить её траекторию, то в каждой точке она, кажется, зависает. Мы фиксируем каждое положение, но это противоречит сути движения, которое является изменением и непостоянством. Знание, как фиксация, статично, а движение — динамично. Это парадокс, ведь между статичным и динамичным, как и между другими противоположностями, существует глубокая пропасть. Мы не можем выбрать один полюс и избавиться от другого, но должны смириться с этим парадоксом. Принятие его и открытость всему, даже неизвестному, позволяют понять исследуемое во всей его полноте.

5.2.7 Атомизм Левкиппа-Демокрита

Левкипп был по-видимому учителем Демокрита.

Данные мыслители, в отличие от большинства своих современников, полагали, что на микроуровне все состоит из мельчайших неделимых частиц, разделенных пустотой. Демокрит считал, что эти атомы, невидимые невооруженным взглядом, *разнокачественны* по своей форме.

Т.о., любая вещь состоит из атомов определенного вида, которые сцепляются друг с другом посредством крючков и впадин. Эта идея впоследствии даст рождение в XVII-XVIII веках классической химии с ее представлением молекул, состоящих из соединенных друг с другом атомов различного вида.

Это представление не соответствует современной науке. Атомы в действительности делимые, а также не являются телами в классическом физическом смысле. Идея Левкиппа и Демокрита не прижилась и в Античности. Наиболее последовательную критику провел Аристотель.

Лекция 6 Натурфилософские программы античности II

6.1 Афинская философская школа: Сократ, Платон, Аристотель

Британский математик, логик и философ XX века Альфред Норт Уайтхед как-то заметил: «Вся западная философия — подстрочные примечания к Платону». Продолжая его мысль, можно сказать, что вся западная наука — разворачивание идей Аристотеля.

6.1.1 Великое дело Сократа

Сократ родился в Афинах в семье скульптора Сафроникса и повитухи Фенареты. В молодости Сократ учился искусству, умел читать и писать, слушал выдающихся философов своего времени. Он занимался философией лишь устно, полагая, что запись мыслей ослабляет память.

Мысль Сократа дошла до нас во многом благодаря произведениям его двух самых выдающихся учеников — философа Платона и историка и политического деятеля Ксенофонта. Большинство произведений Платона написано в форме диалогов, неизменным участником которых как раз и является Сократ, беседующий с различными историческими и иногда вымышленными личностями.

Противостояние софистам Ко второй половине V века до н.э. в Древней Греции широко распространилась практика преподавания различных полезных дисциплин. Однако в подавляющем большинстве случаев такие учителя риторики и красноречия, называя себя софистами, на самом деле никакой мудрости не учили.

Они брали немалые деньги за обучение мастерству спорить, умело жонглируя словами. Однако софисты не предлагали единого учения об основаниях и сами не стремились к истинному знанию. Они учили говорить не истинное по существу, но просто убеждать других в правильности своей точки зрения, лишь бы она внешне выглядела правдоподобной.

Сократ противостоял софистам в плане как нацеленности на поиск истины, так и честности в обучении. Он никогда не брал денег со своих слушателей. Сократ, образно говоря, был рыцарем истины, и свою жизнь посвятил философии, как захваченности поиском истины и настоящего смысла. Ведя беседы с интересующимися гражданами, известными философами и различными софистами своего времени, Сократ сам старался выходить к истине и своим примером восстановить авторитет знания, поколебленный софистами.

Метод Сократа Сократ в диалогах со своими собеседниками практикует особый метод рассуждения, получивший название майевтики, что буквально означает родовспоможение. Мыслитель говорил, что по аналогии с занятием его матери, которая помогала женщинам при физических родах, он помогает людям самостоятельно дойти до истины путём наведения их на мысль посредством вопросов, то есть помогает рождению мыслей, принимает роды души.

Для Сократа значимым оказываются мысли другого события, рождение мысли, причём самостоятельное. Это очень важная в педагогическом плане деталь. Настоящая философия не выдаёт какие-то готовые решения и формулы. Важно, чтобы мы сами додумались, чтобы мы сами задались вопросом и последовательно двигались в поиске ответа на него, а не принимали готовенькие мнения со стороны, которые всё равно ничего не прояснят до тех пор, пока мы сами не попытаемся осмыслить.

Также Сократ полагал, что настоящее может открыться только в таком откровенном диалоге, когда каждый собеседник нацелен именно на действительное понимание, а не старается кому-то что-то доказать или похвастаться своими знаниями.

Особенно Сократа расстраивали те, кто желают выставить себя знатоками, но на деле не разбираются в обсуждаемом. Им он спокойно и последовательно показывает, в чём и почему они ошибаются.

В том числе и из-за этого Сократ не писал книг, считая, что живая беседа с вопросами и ответами гораздо продуктивнее, чем изложение какой-то концепции в тексте.

А чтобы показать вам на примере работу сократовского метода и к тому же проиллюстрировать наши разговоры о софистах, выставляющих знатоками, приведу отрывочек из первой книги Платоновского диалога «Государство». Сократ тут беседует о понятии справедливости с Фросимахом, считающим себя мудрым учителем. На высказывание о том, что справедливость — это то, что пригодно сильнейшему, Сократ отвечает желанием разобраться. И, последовательно задавая вопроса, выясняет, что под этим подразумевает собеседник. Фросимах поясняет сначала, что он говорит о государственной власти, которая в силу своей специфики, тиранической, она демократической, элигархической или какая еще, устанавливает законы в государстве в свою пользу. Сократ спрашивает, не считаешь ли ты справедливым повиноваться властям? Считаю, подключает собеседник. А власти в том или ином государстве непогрешимы или способны ошибаться? Разумеется, способны и ошибаться. Следовательно, принимаясь за установление законов, они одни законы устанавливают правильно, а другие неправильно. Так я, по крайней мере, думаю. Правильное установление властям на пользу, а неправильное во вред. Или как по-твоему? Да, так. Чтобы они не установили, подвластные должны это выполнять, и это-то и будет справедливым? Как же иначе? Иначе справедливым будет, согласно твоему утверждению, выполнять не только пригодное сильнейшему, но и противоположное, то есть непригодное. Так подумай и о том, что ты ведь признал справедливым выполнять также и то, что идет во вред властям и вообще тем, кто сильнее. Когда власти неумышленно предписывают что-нибудь самим себе во вред, премудрый Фросимах разве дело не обернется непременно таким образом, что справедливым будет выполнять как раз противоположное тому, что ты говоришь. Ведь здесь подчиненным предписывается выполнять то, что вредно сильнейшему. Таким вот разбором мнений постоянно и занимался Сократ.

Однако его целью совершенно не было разрушения или отрицания мнений. Часто говорят об иронии Сократа, но заключалась она ни в коем случае не

в том, чтобы выставить дураком собеседника. Ирония Сократа над самим собой прежде всего. Да и в целом касается того, что удивительным образом нам откуда-то кажется буквально спелёнок, что мы знаем, что такое добро, справедливость, мужество, но как только стараемся дать таким вещам определение, они ускользают от нас и выясняется, что мы не ведали, о чём говорим. Это как сейчас пропагандисты употребляют, например, слово «свобода» и призывают к ней. Однако прежде чем им доверять, ребят, задайтесь вопросом, что такое настоящая свобода, ведают ли они, что говорят, и можно ли извне вообще настоящую свободу как-то ущемить. Вот Сократа стремился благодаря такому внимательному всматриванию, избавляясь от ложных иллюзий, выйти к истине. В молодости он посетил легендарный храм в Дельфах, в котором пророчицы-жрицы, их называли пифиями, предсказывали судьбу и сообщали царям и полководцам результаты гаданий по поводу важных событий, например, об исходе той или иной войны. Сократа же пифия предрекла, что он станет самым мудрым из всех известных греков. С тех пор мыслитель полностью посвятил себя философствованию и постиг самое надёжное знание. Думаю, вы не раз слышали в той или иной интерпретации эту идею. Нам дано знать достоверно лишь то, что мы толком не знаем, как всё на самом деле. Я знаю, что ничего не знаю, но другие не знают и этого о себе. Поэтому-то Сократ, не излагающий никаких концепций, по праву признавался всеми, как наимудрейший, ведь неразумными на его фоне кажутся все эти пафосные учителя, которые выдают знания о том, о чём оно достоверно невозможно, ещё и убеждает других в своей правоте, не разобравшись хорошенько в тех же вопросах блага, счастья, справедливости, свободы.

Влияние на философию Заслуга Сократа состоит не только в разработке методологического и понятийного аппарата философии, но и в переключении внимания с вопросов, касающихся только лишь рассмотрения природы и её общих законов, на проблемы человеческого бытия. Безусловно, решением этических вопросов или проблем государственного управления люди занимались испокон веков. Однако Сократ, во-первых, сделал эту проблематику предметом специального теоретического рассмотрения, а во-вторых, искал ответы на вопросы о человеческой душе, добродетели, формировании знания, справедливости, власти и так далее, выводя их из единого основания. Таким образом, можно говорить, что благодаря Сократу впервые сформировалось методически проработанное философское осмысление отношения человека-мир в целом. Мыслитель придумывал как устройство мира, так и природу человека, а также разбирал специфику человеческого отношения к миру, бытийного, познавательного, этического, эстетического. Наконец, благодаря Сократу философская, философствующая мысль впервые обратилась к самой себе, начала саму себя рефлексировать, то есть разбирать сам способ своего отношения к миру и свою особую методологию.

Судьба Сократа Конечно, к такой личности, как Сократ, тянулись молодые люди, жаждавшие целостного понимания мира и своего места в нём. Однако философия такого плана предельным образом, ставящая под сомнение, даже признанные авторитетными высказываниями, из-за измеряющей мысли только с критерием подлинной истинности, не всем приходилось по вкусу. У Сократа появились завистники и политические противники тиранического склада, поскольку философ учил молодёжь самостоятельно свободно мыслить, доверяя власть сообществу рассудительных правителей, а не самодержеством, стремя-

щимся к личной выгоде и славе. Сократа ложно обвинили в том, что он разворачивает молодёжь и не чтит богов. В обвинение добавили и его боевой подвиг. Во время Белопонесской войны Сократ спас жизнь, вынес на себе своего молодого командира Алкевиада, которого раненого остальные бросили на поле сражения, спасаясь бегством. Впоследствии честолюбивый Алкевиад пришёл к власти и отомстил беглецам за их трусость, что, естественно, тем не понравилось. Так что Сократу обиженные и приписали в обвинение, что он якобы спас жизнь тирана. По законам Афин над Сократом состоялся публичный суд, на котором завистники обвинили его во множестве преступлений против человеческих душ. Преступления против души карались в Древней Греции самым тяжёлым наказанием даже по сравнению с убийством или кражей, за который можно было заплатить штраф, поскольку душа населилась высшим началом по сравнению с телом и физическими предметами. Несмотря на оправдательную речь, произнесенную Сократом в свою защиту на суде, философа приговорили к смертной казни. По законам Афин, приговорённый к смерти, свободный гражданин должен был сам принять яд. Его не казнил палач публично. Друзья Сократа хотели устроить для него побег, однако мыслитель со всем мужеством и достоинством принял решение суда. Ему было уже 70 лет, и хотя физически он был ещё крепок и здоров, Сократ говорил своим друзьям, что он не боится смерти и уже достаточно пожил, полностью оправдывая значение своего имени в верной власти. Мыслитель говорил, что совесть его чиста, но если такое решение о его казни вынесло свободное общество Афин, ради которого он старался всю жизнь, и за свободу и справедливость которого всю свою жизнь учил, то он обязан согласиться с приговором. Как пишет Мираб Константинович Мамардашвили, греки готовы были дать своему философу убежать. Они вообще-то не очень серьёзно собирались его убивать. Приговор был скорее ритуальным жестом, предполагал, что Сократ просто скроется из Афин и будет жить в изгнании. Сократ же почувствовал свою ответственность. Он считал, что малейшая неправдивость разрушает ту правду, ради которой он жил, во-первых. А во-вторых, для него важнее было быть в точке один на один со смертью, потому что только в этой точке можно знать нечто, что без этого и не в этой точке никогда не узнаешь. Что здесь имеется в виду? Сократ своим примером показал важную для настоящей философии вещь. Нельзя говорить одно, а делать другое. То есть поступок должен совпадать с тем, что ты говоришь, о чём учишь. И настоящее знание не на уровне информации находится, а на уровне, так сказать, применения в деле. Если говоришь, что справедливо — это так-то и так, а мужество — это то-то и то-то, то должен и на деле, и в жизни являть собой пример справедливости и мужества. Иначе всё, что ты говоришь об этом, никакой ценности не имеет. И жизнь, в которой говорил одно, а делать другое, окажется пустой и недостойной. Сократ говорил, что лучше уж я буду в разладе со всем миром, чем утрачу единство с самим собой. Непосредственно перед тем, как принять яд, Сократ разговаривал со своими близкими и друзьями, в том числе о том, что дело его в жизни, философия, является как бы упражнением в смерти, то есть помогает преодолеть страх смерти. Он показал это своим рассуждением. Мы боимся смерти, потому что не знаем, что происходит после неё. И, как и в любые времена, в Древней Греции существовали различные представления о загробной жизни. Так вот, Сократ говорил, что бояться нечего, если мы мужественно возьмём и разберём этот вопрос, рассуждая разумно, а не фантазируя обо всяких ужасах у себя в голове. Смерть тела означает прекращение как телесных мук, что позитивно, так и наслаждений. Но возвывшив свою душу, можно и при жизни постараться отказаться от всех телесных

услах, вести аскетический образ жизни, что практиковал Сократ. Что касается души, если смерть — это сон, то он рад, наконец, отдохнуть, заснув навечно. Если же душа бессмертна, то она может либо затем переродиться, либо попасть в божественный духовный мир вои царства мёртвых. И вот в первом случае, следовательно, душа сможет снова попасть в тело и постараться прожить не менее достойную жизнь. А во втором случае Сократ был бы рад встретиться в загробном мире и потолковать с такими людьми прошлого, как Гомер, Гесеот, Пифагор и другими выдающимися мыслителями. Сократ учил своих слушателей максимально стараться разумно рассуждать и тем самым избавлять себя как от навязываемых ложных мнений со стороны общества, так и от собственных страхов. Тогда, выходя к собственным основаниям, познавая свою душу и возвышая её, созерцая истину, можно обрести для себя надёжную опору в любом своём деле, поступке, суждении и начинании. Вот этому со времён Сократа неизменна настоящая философия и учат в педагогическом смысле, предлагая возможности для самоучения и саморазвития. Хотя, как мы на примере Сократа видим, философия — занятие опасное, прежде всего для самого философа. Он побуждает людей думать самостоятельно, рассуждать, переосмыслять свои представления, преодолевать стереотипы и иллюзии. И поэтому неизменно встречает сопротивление со стороны, так сказать, ленивой толпы, которая скорее отдастся в рабство готовеньким представлениям, чем будет совершать усилия, чтобы обрести действительную свободу.

6.1.2 Философия Платона

Платон, выдающийся античный мыслитель, был учеником Сократа. Его имя означает «широкий», в смысле «широкоплечий». Познакомившись с Сократом в возрасте примерно 20 лет, Платон учился у него около 8 лет, вплоть до кончины Сократа. Вместе с другими учениками, после того, как учителем, Платон отправился в путешествие по различным образовательным центрам того времени, посетив Мегару, Кирену, Египет, Сицилию. А в Италии он познакомился с пифагорейцами и выкупил у Филолая три книги об их учении. После Платон вернулся в Афины и основал там, в пригороде, академию, свою философскую школу, над воротами которой, как утверждает предание, было написано «Да не войдет сюда не знающий геометрии». Это означало, что Платон преподавал высшую теоретическую дисциплину и поступающие уже должны были обладать натренированными математическими способностями, что свидетельствовало об умении обобщать, выделять умозрительно форму повторяющегося из многообразия видимых вещей, короче говоря, о навыке абстрактно-теоретически мыслить.

Платон — первый древнегреческий мыслитель, сочинения которого дошли до нас полностью, сохранившись в рукописях целиком, а не в отрывках и цитатах более поздних мыслителей. Труды Платона представляют собой переданную в простом стиле, в форме диалогов, целостную философскую систему, которая охватывает как осмысление устройства Вселенной в диалоге тимей, так и рассмотрение проблематики познания в его связи с бытием, к примеру, диалоги, парменид, минон, кратил, тетет, а также должного государственного устройства, государства, законы, политик и этических вопросов, человеческой души, любви и так далее, протогор, алкивят, первый, фидон, пир, федор, филек и другие сочинения. В целом, можно сказать, что Платон развивает через обучение у Сократа с одной стороны пифагорейские идеи, а с другой парменидовское внимание к бытию и его парадоксальности. Вспоминайте, мы об этих величайших

предшественниках говорили во втором вопросе пятой темы на прошлой неделе. Но, ребят, для того, чтобы действительно самостоятельно прикоснуться к античной философии, возьмите в первоисточнике, почитайте любой платоновский диалог. Это произведение потрясающее по своей глубине, простоте, изложении, искренности, а главное, актуальности для нас сегодняшних. Серьезно, почитайте сами, вы не пожалеете о потраченном на это времени. Пересказать, о чем философия Платона, дело непростое, и потому что очень много вопросов хочется вслед за Платоном обсуждать и разбирать. И потому что само по себе указание на какие-то темы и перечисления совершенно противоречит замыслу настоящей философии. Тем не менее, не претендую на всеохватность рассмотрения и точность передачи платоновского стиля, я все же постараюсь дать вам некоторые ориентиры, касающиеся направления его мысли. Но повторю еще раз, читайте сами первоисточники, чтобы составить для себя собственное представление и вдохновиться на продумывание моря интересностей.

Пожалуй, первое, что приходит на ум, когда встает задача рассказать о философии Платона, это его так называемое учение об идеях или разделение на мир идей и мир вещей. Вокруг данной концепции за 2500 лет наросло множество непродуктивных штампов, поэтому, чтобы у вас формировалась культура мысли, мне хотелось бы показать вам, как с этой темой на самом деле обстоит дело в текстах Платона. Итак, эйдос, который обычно переводят как идея или синонимами образ, вид, форма, действительно является одной из основных категорий философии Платона. Идея вещи не содержится в видимом мире как какая-то отдельная специфическая сущность, но как бы представляет собой невидимую, обычному зрению матрицу, как бы исходный код, который задает форму, оформляет, определяет чувственно воспринимаемые вещи. Например, в мире мы встречаем совершенно разнообразных лошадей по пародии, красу, характеру и так далее. Но, тем не менее, мы в уме оперируем идеей лошади как обобщающим понятием, которое, с одной стороны, не совпадает ни с какой-то конкретной лошадью, ни с их совокупностью, а с другой без них в мире не встречается. Но может быть абстрактно помысленно в нашем уме. Давайте сразу оговоримся о переводах слова эйдос. Вид в случае с конями неплохой перевод эйдоса, потому что, во-первых, A-D-N-I, это тоже в русском однокоренное видеть, с оттенком распознавать, постигать. И, во-вторых, сразу понятно, есть вот эти конкретные лошади, а есть биологический вид или род лошадей. Образ и формы совсем плохие переводы, ведь лошадь вообще никак не нарисовать, зрямо не представить. Будут только форма или образ какой-то определенной лошади. Даже условной линией нарисована это не вид лошадей, а конкретная картинка. То есть эйдос лошади – это скорее абстрактный образец для всех возможных, в том числе нарисованных, слепленных или иначе созданных лошадей, чем визуальный образ их обобщающий. Ну или, чтобы понятнее было, медные предметы или кусок меди, мы можем представить, они будут иметь какую-то форму, по-гречески форма морфе. А вот медь вообще, медь как таковая, зрительного образа не имеет. Понятно, да? Мы можем только обозначить эйдос, химический элемент медь. Но вы знаете прекрасно со школы, что это чистая абстракция, вид атомов с зарядом ядра, каким-то 29, и средней атомной массой 63,5. Проверьте меня по таблице Менделеева. Но и слово идея, ребят, в современном нашем языке уже тоже не очень хороший перевод эйдоса, потому что у нее есть второе значение, гораздо чаще нами используемое, когда мы говорим, у меня возникла идея. Или, например, это идея Канта, в смысле положения его философии. Однако и словом вид, переводить эйдос не во всех случаях получится, потому что помимо рядов предметов и явлений, которые мы реально в

мире встречаем, в каких-то уникальных воплощениях, есть и красота, и добро, и мужество, и справедливость, и зло, и безобразные, и трусость, и несправедливые, много еще подобных категорий, которых самих по себе, мы уже не раз об этом говорили, в мире не встретить. При этом нам доступно оценивать человека как мужественного или недоброго, или злого, и так далее. И вот сами по себе подобные понятия, которые тоже могут быть общими для многих реальных людей, или, например, лошадей, это тоже эйдосы. Единое и многое части, целое, четное и нечетное, качество, количество, материя, это все тоже эйдосы. Так что давайте их так и называть, этим греческим словом, или, как наиболее принято, платоновскими идеями. Хорошо? Собственно, где они, если в мире самих по себе эйдосов нет? Платон логичен, значит, они вне мира. Поскольку они чисты и предельно абстрактны, скорее всего, они в божественном мире, в мире возвышенного, и оттуда они как бы проецируются на материю, придавая вещам нашего мира определенные характеристики. Такие, что мы можем сказать. Это конь, он белый, красивый, породистый и так далее.

Однако Платон прекрасно понимает всю проблематичность такой концепции и сам в своих диалогах, особенно в Пармениде, ее критикуют, или, вернее сказать, рассматривают парадоксы и затруднения, которые возникают, если мы примем, что так оно и есть, что эйдосы, пребывая где-то отдельно, являются матрицей для реальных вещей нашего мира. В диалоге Парменид молодой Сократ встречается с главой и другими представителями элейской школы. Вспомните наш предыдущий вопрос с прошлой лекции. Зинон читает афинянам свои сочинения, и далее Сократ с ним и уже на тот момент старцем Парменидом вскрывают опоры относительно мира идей. Могут ли существовать эйдосы отдельно от того ряда конкретных вещей, которые им подобны, пытается Парменид юного Сократа. Если каждый эйдос существует отдельно, един и целостен, то как он может разделяться многими вещами? Если он покрывает эти вещи, как плащ, его можно накрыть несколько человек, то каждая вещь будет находиться только под какой-то частью эйдоса, как каждый человек накрыт только частью плаща. Но если у эйдоса есть части, то он состоит из множества, значит, он в себе не един, значит, и каким-то вещам может достаться больше кусочков эйдоса, а каким-то меньше? Разве может неоделимая, абсолютно чистая, абстрактная идея быть многим, разделяться на части, не быть единым, а следовательно, самой собой? Каким образом вещи причастны идеям? Мы тоже толком не можем сказать, раскрыть этот механизм. Да и что же, если какой-то человек лицом похож на лошадь, что же он от части причастен и эйдосу лошади? Человек и конь, вроде бы, вид взаимоисключающий. Кроме того, откуда мы об эйдосах имеем представление, если они вне мира? Кто нам сказал? Не получается ли так, что мы просто видим в мире ряд похожих вещей и придумываем сами для них названия? Да и если эйдосы так божественны и возвышенны, могут ли они быть у всего в нашем мире или только у хороших, возвышенных вещей? А у мусора, например, или в грязи тоже есть соответствующие эйдосы? Когда парменит вот об этом обо всем спрашивает, Сократ признается, что и сам теряется под этого механизма. Когда думает об этом, признается, что по-честному не знает, видит все эти противоречия, но не знает, как их разрешить. Вот. Вы теперь видите, какой настоящий Платон, что он в своих текстах излагает? Поэтому, ребят, не впадайте в так называемый вульгарный Платонизм, согласно которому наш мир как бы ущербный, несовершенно слепок с того идеального мира эйдосов идей. Нет ведь идеально мужественного человека, нет ведь абсолютно красивой и добротной во всем лошади. Это не абстрактные вещи, а то, что в каждом из нас сидит. Присмотритесь к себе, как мы хотим от окружающих, чтобы они бы-

ли согласны нашим представлениям идеальными. Как от себя мы хотим быть с идеальным телом, быть постоянно радостными и продуктивными. Это очень опасно. Почему? Мы себя этим истязаем, копим зависть, обиды, которые нас разрушают. Надеюсь на этот образцовый мир, как будто чистые эйдосы могут прийти и быть вместо вещей в реальном мире. Но нет, ребят, мы все и все в мире несовершенно. И это нормально. Это тоже надо увидеть, принять и полюбить, в том числе себя, такими, какие мы есть. Безусловно, мы не только можем, но и должны стремиться к красоте, здоровью, мужеству, мудрости. Однако важно при этом видеть всю полноту нашей реальности и понимать, что самих по себе чистых идей в действительности не достичь. Не надо от себя хотеть совпасть с идеалом. Это гонка Ахиллеса за черепахой. Если не принимаете парадокс, он вас возьмет в оборот и зарасходит. Стоит взглянуть на наш мир с пренебрежением и мы подрубаем единственный сук, на котором можно сидеть. Он единственное, что у нас есть. Ведь мира, который там, у нас нет. Тот мир в нашем воображении. Он на самом деле несравненно нищее, чем самая жалкая вещь этого мира. Как самая красивая фотография роскошно сервированного стола, хуже, чем самая маленькая завялая морковка. Понимаете, да? Не исключено, что есть какие-то другие божественные, чистые, абстрактные миры. Возможно. Мы не знаем. Но настоящий мир для нас только вот этот. Можно иметь в уме идею 100 рублей, но не имея их в действительности ничего не купишь. И вот настоящий Платон такое понимал и в своих трудах парадоксы разбирал, а не конструировал красивые мифы, которые из его философии по-наделали потом те, кто его не понял. Настоящий Платон это один сплошной вопрос. А неготовенькая, непротиворечивая концепция. Сплошные парадоксы на каждом шагу. Мы можем неуклюжие ответы находить под наше хромающее суждение, подсовывать подпорки, рискуя, как Сократ Пармениду говорит, потонуть в бездонной пучине пустословия. Чего бы, естественно, ищущим истину не хотелось. Но как бы мы не упорствовали, опоры непроходимы. Вокруг настоящих самых главных вещей они неизбежно будут возникать. И тут самое главное — выбрать только одно из пары противоположностей. Мужественно уметь, как Сократ, по-честному признать. Да. О таких вещах у нас нет и не может быть непротиворечивой теории. Нет и не может быть знаний, но чудесным образом нам дано их видеть, иметь с ними дело и распознавать в мире ту же красоту, доброту, справедливость. Это то, что потом в 15 веке Николай Кузанский назовёт «знаящее незнание». И вот вся настоящая античная философия — это школа незнаний. Не в смысле необразованности, а напротив, это максимально возможное знание.

Сами школы не случайно так назывались. От греческого «схоле» — остановка, ну не автобусная остановка, а пауза, отстояние, зависание над вопросом проблемы. Это состояние о механии, когда приходится остановиться, отложить повседневные все бытовые дела, остановиться и подумать. И в средние века с холастикой от этого же слова будет называться такое мышление, которое старается логичным образом разобрать подобные глубокие вещи. И несколько столетий подряд самые выдающиеся средневековые исследователи будут биться над проблемой универсалий, тех самых общих понятий, родов и видов. Реально они существуют как матрица для вещей видимого мира, или это просто имена, название, которое мы сами в виде похожей предметы придумали для их обозначения в языке. После того, как мы хотя бы краешком глаза заглянули в самый трудный платоновский диалог про Минит, становится ясно, что Эйвисы не то, что подошло бы на роль самого фундаментального антологического основания в философии Платона. Более того, нельзя сказать, что это единая с большой

буквы, которая мы вроде бы поместили с вами в антологические основания всей эпохи на прошлой лекции. Если единое мы каким-то образом постигаем через многое, например, видим умом лошадность всех лошадей, то значит, оно существует во многих и уже не будет единым, значит, оно существует через другое и уже не само, а вот что само. Это главный, наверное, вопрос всей афинско-философской школы. Вопрос о таком предельном основании, которое и единое, и многое делает самими собой и всё остальное. Эйдосы таковыми и вещи в мире, каждую уникальны. Об этом платоновский диалог Алкивиад I, хотя начинается всё с далёких, казалось бы, от фундаментальной антологии вещей. Сократ идёт в дом к любимому ученику и встречает его на пороге того самого, которого он потом спасёт на поле боя, красавца Алкивиада. Ему только исполнилось 20 лет, и он спешит в народное собрание. С этого возраста юноша считался совершеннолетним в Древней Греции и как свободный гражданин мог участвовать в обсуждениях дел полиса. Собирается идти убеждать сограждан по вопросам войны и мира, определять политику своего города-государства. И Сократ заговаривает с Алкивиадом, мол, откуда тот знает о таких вещах, как, например, благо для граждан и справедливость государственной политики. У кого? Когда научился? В ходе беседы выясняется, что Алкивиад думал, что знал с детства, с рождения, но что такое благо и справедливость, растерялся сейчас Сократу ответить. Сократ показывает ему, что нельзя доверять такие важные дела тем, кто не знает, не понимает в них, как нельзя доверить, скажем, управление кораблем тому, кто прежде не обучился этому. С государством так же. Что же нужно познать, чтобы управлять людьми ради общего блага? Гной за Сеофтон, узнай себя. Сократ говорит, легко ли познать самого себя, ведь не первый же встречный начертал это на Пефийском храме. Алкивиад понимает, что дело это трудное, для этого нужно знать природу человеческой души, понимать, что есть мы сами, что делает каждого самим собой.

Вспоминайте нашу третью тему, второй вопрос, об индивидуальном, о своем собственном. Вот оно и есть предельное всеобщее основание. У Платона оно называется самое само, в оригиналe авто-то- авто. То, что течет через все и делает каждое сущее самим собой. Николай Кузанский потом назовет это еще круче, не иное. Оно первичнее и единого, потому что делает его ничем иным, как единственным. И Бога, потому что он не иное, что как Бог. И Сократ, не иной, как Сократ. Бытие и небытие тоже вторичны, поскольку они, соответственно, не что иное, как бытие и небытие. Чтобы быть самими собой, нужно такое первоначальное, самое само. Так что у Платона, а не у Парменида, впервые названы максимально предельные основания, самое свое собственное. Но мы уже в третьей теме заглянули, в парадоксы своего собственного, тут не будем их повторять. Самое главное для нас сейчас в разговоре о философии Платона пометить. Это наиболее фундаментальное антологическое основание, которое, ребят, с тех времен не поменялось. И вся самая современная философия XXI века все о том же. Дальше Парменида и Платона не шагнуло, ищет свое и не находит, лишь констатируя его ускользание от концептуализации. Однако, каков бы ни был антологический статус Эйдосов, Платон приходит к тому, что мы познаем благодаря умению выделять идею вещи, то есть в уме созерцать ее Эйдос и оперировать им.

Платон задается вопросом, откуда же берутся у нас в голове эти идеи, когда очевидно, что в мире мы их непосредственно не видим. Откуда научаемся мы им? Ладно еще, когда дело касается обобщающего понятия для видимых предметов, будь то гора, лира, собака или лошадь. Откуда мы имеем представление о таких совершенно незримых вещах, как красота, добро, справедливость,

мужество, единое бытие, качество, количество, душа, свобода и так далее. Мы можем иметь дело со справедливым решением, справедливым государственным строем, справедливым человеком, однако не можем в мире увидеть справедливость саму по себе как таковую.

Это уже само по себе парадоксальные свойства нашего познания, поэтому обсуждать подобные проблемы вслед за Сократом Платон берется методом диалектического исследования, то есть движение мысли в пространстве между противоположностями. Следуя происхождению слова диалектика, легко заметить, что в основании метода работа с взаимодействием, взаимно обратимым движением через двойную диалектику лектике. Поэтому диалектика работает с противоположными лексическими парами категорий, вскрывая их взаимную связь. Однако надо помнить, что не все можно расписать на противоположности. Истинными противоположностями можно назвать только что-либо и его отсутствие. Например, о противостоянии материи и формы говорить не совсем корректно. Это разные категории, но отнюдь не противостоящие друг другу. Форма противостоит не материи, а отсутствию формы бесформенному. Аристотель в своей физике приводит по этому поводу пример. Образованность и невежество противоположности, представляющие собой форму образованность и решенность этой формы необразованности или невежества. Человек же, которому может быть присуще качество образованности или у которого это качество может отсутствовать, не имеет подлежащего, но в данном случае играет роль подлежащего, лежащего в основании. Так вот, изменяться друг в друга сами по себе противоположности не могут. Они как категории как бы зафиксированы и независимы друг от друга. Однако человек, как подлежащее изменению, субъект, может из невежды стать образованным. Это пример вам для понимания, что такое античный диалектический метод, чтобы вы не думали, что надо сводить любое различие к противостоянию и противоположности. Это не совсем верно. Это сужает наше видение реальной ситуации, в которой всё гораздо тоньше. Так вот, благодаря этому методу Платон приходит к тому, что такое наше знание и понимание смысла идей, эйдосов, видимых вещей и высших категорий происходит из самой души, которая до попадания в человеческое тело созерцала эти чистые идеи в божественном мире. То, что мы узнаём в мире, тогда является результатом припомнения нашей душой тех эйдосов, которые она уже созерцала. Платон доказывает это потрясающим образом на примере обучения геометрии. Человек и так уже как бы в свёрнутом или спящем виде имеет всё возможное знание и представление. И совершенно не знающие, например, геометрической теоремы докажут её и выведут необходимые следствия, если перед ним просто поставить определённым образом задачу. В этом можно усмотреть и переосмысление роли учителя любого в любом деле, а не только в философии. Для нас и так уже всё есть. Всё, что только возможно, знать и понимать для нас открыто. Задача учителя заключается тогда вовсе не в том, чтобы выдать какую-то информацию или воспроизводить известное знание, а в том, чтобы так суметь настроить ум слушателей, чтобы они сами задались вопросами и сами развернули собственный путь к добыче знания, к истине. Она и так всегда уже есть в нашей ситуации, просто из-за множества мнений, социальных стереотипов, иллюзий мы можем её не видеть, не замечать или без должного логического разбора принимаем мнимое, расхожее за истину. Задача философии расчистить наше видение от этих мешающих конструкций и помочь узреть истинно. Данная концепция подразумевает и другие гносиологические следствия, вернее, даёт представление о других гносиологических основаниях античного видения. Эльдесы, как незримые, но постигаемые умом

образы вещей, это аналог пифагорейского числа, которые не усматривали вещи, как некий первичный код- форму, благодаря которому вещь перед нами предстаёт именно такой, именно такого вида. Платоновские идеи мыслились именно как такого рода оформляющее начало, без которого в мире не было бы упорядоченности и завершённости предметов. Так, в античном миропонимании укореняется эйдетическое понимание причинности, то есть, когда мы в рамках античного типа мышления рефлексируем, задуваясь вопросами о причинах данного положения вещей. Мы приходим как раз к идее Эйдосу как определяющему принципу. Например, если мы зададимся вопросом, почему человек заболел, сегодняшние мы будем выстраивать линейно-комплексные причины и связи, отвечая, потому что его продуло, иммунитет ослаблен, в организме распространяются болезнетворные микробы. Вывод, здесь и сейчас надо бороться с микробами. Древний грек ответил бы иначе на вопрос, почему человек заболел. В данный момент этот человек соответствует идее болезни. Безусловно, греки понимали временность любого положения дел, всё течёт, всё изменяется, поэтому для выздоровления нужно было стремиться к противоположной идее, диалектически к эдосу здоровья. Как лечиться в таком случае? Подождать. Тело выздоровеет само, потому что по природе стремится к здоровью, но ему можно помочь, способствовать к выздоровлению. Сон, покой, соответствующее питание и питьё, умеренность во всём. А ещё обязательно заранее, чтобы не попасть в лапы эдосу болезни, нужно для своего тела практиковать стремление к идее здоровья, закаляться, упражняться, хорошо и сбалансированно питаться, а уж когда заболел, то и не нагружаться и не требовать от своего тела обычной работоспособности, поскольку силы тратятся на восстановление организма. Интересно, что в рамках такого целостного подхода и такой рациональной системы воспитания, здоровье у древних греков было отменным. Сейчас мы все эти вещи другим путём объясняем и лечим часто не человека, а проявление болезни, симптомы, поскольку исходим из других антологических принципов. Для теоретически настроенного ума никакой проблемы не предоставляет проследить все причины следственной цепочки. Естественно, и древние греки это могли, но они всматривались в первые причины и самые фундаментальные основания так надёжнее. Поэтому эйдетическая причинность не хуже, она всё равно во всём есть, независимо от того, на чём нам сегодня привычнее концентрировать внимание и как привычнее рассуждать. Исходя из прояснённых таким образом антогно-сиологических оснований, Плутону было интересно разобраться и во множестве других важнейших вопросов. Какова природа человека? Что такое человек в своём существе? Ясно, что мы очень похожи на животных, тоже являемся живыми существами с телом и душой. Когда нас с одной стороны внешне отличают телесные особенности, а с другой способности души. Животные ведь все способны ощущать, воспринимать, чувствовать, испытывать какие-то эмоции, страхи, но человеческая душа имеет также и высшую способность к осмысливанию своих чувств и переживаний, которые обычно называют разум. Уподобляя душу человека парной упряжки с возничьем во голове, Платон метафорически описывает структуру человеческой души как состоящую из трёх составляющих. Чувственно воспринимающее как бы самое низменное начало это в его образной аналогии плохой конь, который не слушается, стремится к чувственным страсти, удовольствиям и усладам тела. Яростно волевое начало это хороший конь, который слушается возничего и представляет собой благородное волевое начало души. Иррационально-рассудительное это возничий разум, который должен мудро управлять своей колесницей, сдерживая плохого коня и воспитывая в нём покорность, скромность, смиренность, а также направляя в нужную

сторону хорошего коня.

Идеалы строгости и разумности, справедливости и мудрости с точки зрения Платона также должны руководить жизнью государства. В одном из своих самых объёмных диалогов под названием «Государство» Платон задаётся множеством вопросов, касающихся существа государства, его возникновения, должностной организации, власти, справедливости, воспитания и так далее. Одной из основных идей данного произведения является поиск единого принципа, в соответствии с которым могло бы быть построено сильное государство со справедливой системой управления, которое заботилось бы о благе всех своих граждан, а не какой-то из частей общества. Платон находит такой единый принцип.

Единственный закон, который непрестанно по сути должен выполняться для поддержания счастливого единого государства, это чтобы каждый в государстве следовал своему призванию. В этом произведении Платон высказывает мысль о том, что все люди по своим способностям от природы различны, поэтому, чтобы человек был счастлив, он должен развивать свои способности, исполняясь в том, к чему у него от природы лежит душа. Короче, исполняясь в своем собственном, в полном согласии с энтомологическим основанием, которое самое-само, Платон устами Сократа, помните, выше я вам стирала кусочек из его разговора с Форсимиахом, дает прекрасное определение справедливости, заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие. Так же, как пишу, должен готовить человек, у которого способности к вкусу и сочетанию, умелому обращению с продуктами, гончарные изделия должен создавать человек, которому интересно работать с глиной и он ее чувствует. Одежду должен делать человек, интересующийся тканями, соответствующими способами пошива и обработки, материалами и так далее. Так и стражем, воином должен быть не любой человек, а лишь тот, кто по призванию всем сердцем любит справедливую борьбу и состязание. И уж тем более управлять государством должен управлеңец по призванию, мудрый, рассудительный, а не тщеславный человек, старающийся обладать властью, но другими ради собственной выгоды. Если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, ты увидишь, что они разрушат до основания все государство и только у них от них будет случай хорошо устроиться и процветать. До того, пока мы не прислушаемся к этому и сами не постараемся всеми силами соответствовать своему собственному, развивая данные природоспособности, боюсь, из года в год продолжить сбываются это пророчество Платона. Тогда что же делать? Каждого из граждан надо ставить на то одно дело, которому у него есть способности, чтобы, занимаясь лишь тем делом, которое ему присуще, каждый представлял бы собой единство, а не множество, так и все государство в целом станет единым, а не множественным, пишет Платон. в этом его сочинение просто кладис полезных и продуктивных идей по поводу войны и мира, врагов и друзей, нашего способа мыслить и познавать, о том, что женщины тоже должны исполняться согласно своему призванию, как и мужчины, учиться работать наравне с ними, даже если женщина по призванию воин или политик. В IV век до нашей эры, а до западной цивилизации только через 25 столетий после Платона дошло, что женщина тоже человек. Там такой коммунизм с общностью жены детей, что Марксу даже и не снился. Почитайте сами, я, к сожалению, не успевала вам все эти интересности рассказать.

Наконец, подытоживая наш очень поверхностный разговор о философии Платона, отметим следующее. Мститель также приходит к отождествлению бытия и блага, как и высшего принципа всего мироустройства. Платон полагает мир сотворенным в свете идеального от слова идеи божественного замысл-

ла и устроено, задумано все Бабом Демиоргом наилучшим образом. Все есть так, как должно быть все благо. Благо понималось как единый основополагающий принцип. Платон соотносил эту, казалось бы, этическую категорию и с познанием, то есть с областью гносиологии. Как мы с вами уже разобрали и прочувствовали, на прошлом занятии в античной философии все связано. Ведь в нашей жизни вопросы о человеческой душе порождают вопросы о разуме и познании, которые в свою очередь отсылают к бытийному устройству всего сущего. Так и философия Платона представляет собой единую целостную систему осмыслиения отношений человек-мир.

И вот сведение этической и онтогносеологической проблематики в единое целое получило название этического рационализма. Вспоминайте, в основаниях эпохи античности мы с вами это тоже уже отмечали на предыдущей лекции. Теперь чуть подробнее раскроем эту позицию, в соответствии с которой поступки совершаются человеком, исходя из рациональных оснований. Сами по себе категории и их пары противоположностей, такие как добро и зло, справедливое и несправедливое, прекрасное и безобразное и подобное представляют собой как бы пустые формы. Они зависят от наполнения в конкретной реальной ситуации. Нельзя сравнивать вещи по принципу лучше-хуже в их изолированности. Например, лучше быть богатым или бедным? Некорректный вопрос. Если к богатству человека прибавить разумность и умеренность, это будет хорошо. А вот если человек при этом глуп и не умеривает свои желания, то богатство для него и окружающих будет хуже бедности. Но здесь речь вовсе не об относительности понятий. Напротив, Платон говорит о едином надёжном фундаменте для нашего бытия, наших мыслей и поступков. Это знание эйдоса, понимание истины. Если человек по-настоящему знает и понимает идеи добра, справедливости, мужества и так далее в их чистоте, то он и не сможет поступать вопреки им. Его совесть, натренированное на созерцание этих эйдосов, не позволит ему погрешить против таких божественных вечных идей. В связи с этим роль и как бы практическая, этическая польза нашего ума заключается в том, чтобы научиться выделять эйдос, видеть его в чистоте и полноте, а также заставлять себя этим высшим идеалам следовать. Всем своим существом соответствующей самой главной идеи человека, звучит шабуков.

6.1.3 Философия Аристотеля

Аристотель, имя его означает стремящийся к лучшему, родился в Стагире на территории Македонии в аристокритической семье знатного рода целителей. С детства по традиции врачей эсклипиадов помогал отцу, с чего начался его интерес к биологии и медицине. Родители Аристотеля скончались до его совершеннолетия и его взял на попечение муж его старшей сестры, который спонсировал дальнейшую учёбу способного юноши.

В возрасте 17 лет Аристотель приехал в Афины и обучался сначала логике и риторике у известных учителей, затем поступил к Платону в его академию, оставаясь в ней неизменным слушателем и затем учителем до самой смерти Платона. После этого царь Македонии Филипп II, бывший другом семьи Аристотеля, пригласил мыслителя в качестве наставника для своего сына Александра Македонского. С 13-14 лет в течение примерно двух с половиной лет философ обучал будущего великого полководца, помогая всесторонне развивать личность этого трудного подростка, делая упор на его нравственное воспитание. Аристотель привил Александру любовь к греческой литературе, поэзии и драматургии, наставлял его умеривать свой пыл, не давать выхода агрессии и

жестокости. Когда Филипп II выдвинулся воевать с восточными греческими полисами, Александр в возрасте 16 лет поручил на время своего отсутствия взять управление страной в свои руки и Аристотель вернулся в Афины, где основал близ храма Аполлона Ликейского свое учебное заведение, названное поэтому Ликей или Лицей. Маслитис со своими учениками любил прогуливаться в ходе своих лекций и обсуждений в сквере у стен Лицея, поэтому перипатетиками, буквально прогуливающимися. Аристотель потрясающий исследователь по своему умению систематизировать и последовательно излагать материал. Задаваясь глубочайшими вопросами, он чувствовал необходимость развития строгого мыслительного и понятийного аппарата для профессиональной философии, создавая свою целостную философскую систему, охватывающую все области действительности от космологии до психологии, от антологии до этики, от биологии до политологии, и так далее, Аристотель старался предельно четко прояснить смысл понятий, которые служили для разбора всего круга вопросов интересующих человека. Он методически проработал понятийные инструментарии, систематизировав философские категории, указывая, какие значения они могут иметь в каком контексте и какие между ними существуют иерархические связи, да что там некоторые базовые категории, вроде материи или субъекта подлежащего, которых до этого не было в философском дискурсе, но которых не хватало для точного описания свойств, философского он просто-напросто ввёл. Самый известный пример Аристотелю нужно было описать смысл материи, как содержащие в себе возможности, потенции, но не оформленные. Отдельно такого слова не было, и он назвал её геле словом обыденного языка, буквально сырая дровесина, невыделанное дерево. Однако первое и главное что мне бы хотелось донести до вас о философии Аристотеля это то, что он продолжает и развивает философию Плутона, а не противостоит ей или опровергает её, как зачастую считают, веря расхожему мнению, которое кочуют по не особо достоверным учебникам и соответственно некоторым интернет-источникам. Аристотель провёл с Платоном в его академии нешуточные 20 лет своей жизни всю молодость в этой среде, что не могло не отразиться на его философии. Аристотель также осмысляет огромнейший круг вопросов, стремится сформировать целостную философскую систему и предельно чётко проговорить основания своего метода. У него просто особый стиль рассуждения, не похожий на плутоновский. Какие-то идеи он переосмысляет, в какие-то уточнения, какие-то темы расширяет и дополняет. Но это отнюдь не может означать, что Аристотель говорит совершенно противоположную философию Платона. Ни в коем случае. Критиковать вульгарный платонизм, который создался вокруг фигуры его учителя ещё при жизни Платона, это да. Но у Аристотеля вкус к парадоксам, размаху и глубине осмыслиения любой вещи, за какую бы он ни взялся, не меньше, чем у настоящего Платона. Это просто другой мыслитель. своим уникальным образом мыслей, поэтому их философии совпадать не могут и не должны, что при этом не означает их абсолютной противоположности. Аристотель пишет, как мы бы это сейчас назвали, более нукообразным стилем. Он стремится проговорить всю логику постановки вопроса и показать последовательность, в соответствии с которой он использует свой теоретико-магический метод познания. Если Платон исследует больше то, каким образом все должно быть, например, каким и почему должно быть идеальное государство, то Аристотеля больше интересует то, как все на самом деле есть, как вещи нам непосредственно являются вот в этом мире. Хотя, конечно, идеал он тоже видит, ценит и глубоко понимает. Но, например, труд Аристотеля политика нацелен на осмысление реально имеющих место типов государственного строя, управлена-

ческих стратегий и признаваемых людьми оснований социальной структуры. Аристотель также в своих текстах приводит немало примеров и аналогии из обыденной жизни, однако язык его менее художественно-образный, менее метафоричный, чем у Плутона. При этом, безусловно, читая Плутона, мы видим и его высочайшую последовательность и логичность мышления. Разный стиль, разные акценты, различный метод подачи материалов. Аристотель был потрясающим методологом. Разработав основы современной формальной классической логики, он следовал рациональности и логичности в своих произведениях, которые до сих пор считаются образцами научности. В традициях Аристотеля развивалась строгость средневековой схоластики. В традициях, заложенных Аристотелем в своих трудах, мы сегодня выстраиваем свое научное исследование и излагаем его хода результаты в соответствии со структурой, предполагающей четкую постановку проблемы во введении, обзор источников по данной тематике, описание хода исследования и метода, с помощью которого добываются результаты, подведение итогов как в каждом разделе исследования, так и в самом его конце. Аристотель в своих трудах всегда после постановки проблемы систематически обращался к осмыслению уже проделанных данной области изысканий, он рассматривал кто и что уже сказал по этому вопросу и в результате своего рассуждения показывал в чем ценность мысли предшественников и в чем они ошибались. В такой методологической культуре сдержанного, но логичного, системного и последовательного исследовательского мышления учитесь в Аристотеле обязательно открыть хотя бы первые страницы его произведения, поскольку именно ему наука обязана своими принципами строгости, логичности, ясности, системности и доказательности. Аристотель написал огромнейшее количество произведений, однако из-за перипетий хранения его наследия на наши дни, дай бог, половина только дошла. Однако даже при этом корпус известных нам сочинений Аристотеля настолько огромен, что я даже не возьмусь перечислить весь спектр вопросов, исследованием которых он занимался, но попробуем хотя бы самые основные его труды окинуть взглядом, проведя параллели с современными областями научного знания и философскими дисциплинами. Прежде всего Аристотелю принадлежит огромное число произведений, посвященных исследованию природы, того, что может само рождаться, двигаться, развиваться без участия человека. Вторая же условно половина сочинений касается человеческой деятельности. Главная дисциплина о природе, физика, что относится к природе, то очень многое, например, образование облаков, молний, дождя, снега, радуги, извержения вулканов. Это явление между небом и землей по-гречески получили название метеорологических. И Аристотель Первый, следователь, который собрал и систематизировал описание таких феноменов, а также всматриваясь в первопричины и первоосновы всего сущего, предложил логичное объяснение для каждого из таких явлений. По природе существуют и движутся у нас над головой и Солнце, и Луна, видимые планеты, звезды, кометы, которым Аристотель посвятил не менее значимый труд под названием о небе. Далее мастерителю принадлежат менее объемные сочинения о различных абстрактных моментах в природе, например, о возникновении и уничтожении. На огромную долю природы состоит из растений и животных, морских и наземных, о которых у Аристотеля тоже огромное количество трудов. Самая объемная из всех вообще его книг называется История животных. Историей тогда называли науку в нашем современном смысле слова. Буквально история означает расспрашивание, установление связей, добывание достоверных знаний. То есть история животных это первый поражающий по своей обширности, глубине и системности труд по зоологии. Что интересно, растения

Аристотель тоже причислял к живой природе. В частности, его исследование о душе касается не только человеческой психологии, но и жизни растений и животных. Если про большинство животных мы сегодняшние скорее всего соглашаемся, что они воспринимают, ощущают, реагируют на изменения окружающей среды и общаются друг с другом, а значит одушевленные существа, то вот о растениях у многих до сих пор есть сомнения. Однако современная ботаника показывает, что у них есть аналоги нервные системы, как у животных и растений общаются друг с другом, например, деревья в лесу, сплетаясь корнями под землей, передают друг другу накопленные опыты своей местности. Так что мы современные переоткрываем аристотелевское знание не только в области физики и космологии, но и по поводу мира растений и животных. Кстати, данные современной генетики подтверждают, продуманные Аристотелем в категориях материи и формы, моменты о возникновении видов передачи живыми организмами семейных сходств при размножении. Что касается человеческого мира, основой понимания его специфики является этика, самое крупное из сочинений, по которой у Аристотеля носят название никомаховой этики. Никомах, имя его отца и его сына, историки спорят о том, посвящено ли произведение отцу или изданным сыном уже после смерти Аристотеля. Масович предлагает понимать человека как этическое или что то же самое политическое животное. И в корпусе сочинений по этике также стоят политика и афинское полития, в которых он разбирает формы правления и необходимые основания добротного общества, главнейшим из которых является семья. Далее немало внимания Аристотель уделяет филологическим дисциплинам, анализируя литературные произведения с точки зрения их художественных особенностей, средств выражения, тематик и толкования смысла выражения, метафор, образов и так далее. По логике Аристотель написал фундаментальные труды о построении суждений и их анализе, убедительности речи на выступлениях в системе философских категорий. И это далеко не весь список, у меня просто на слайд столько названий и не вылезает, и мы оставляем неназванными еще ряд более мелких произведений, среди которых труды о человеческой системе восприятия, памяти, методах познания. Но нельзя забывать. И самое главное произведение Аристотеля метафизику. Это первая философия, исследование, первопричин всего сущего, независимо от того, природные это или культурные объекты и явления. Вот и в рамках сегодняшней лекции мы для примера по чуть-чуть заглянем в три, наверное, самых базовых произведения Аристотеля. Физика, метафизика и никомахова этика. Название физика происходит от фюзис, природа, естество. В оригинале сочинение называется физике акросис, то есть слушание о природе, лекции о природе. Так что это и первый учебник по физике. Как мы отмечали в предыдущем вопросе на прошлой неделе, когда говорили об античной натурфилософии, фюзис, более широкое понимание природы, чем то, что мы сегодняшние обычно подразумеваем под этим словом. Вспоминайте, давайте закрепляем, ребят. Фюзис для античной мысли это природа вообще, природа человека, природа знания, природа красоты, природа космоса, природа вещей и так далее. Поэтому физика Аристотеля, хотя и задает вектор науки физики в современном смысле слова и в целом естественном науке, все же представляет собой особое исследование, философское осмысление природы, как такого общего понятия, то есть осмысление естественного вообще, того, как все само по себе есть и развивается. В этом смысле фюзис природа противопоставляется понятию искусства, техны. Искусство тоже в широком смысле культуры, на такой человеческой деятельности, которая направлена на то, чего самого по себе согласно естеству природы не было бы. от гончарного искусства любого другого

ремесла до искусства музыки, красноречия и так далее. Аристотель приводит пример, я вроде тоже на прошлой лекции вам его озвучивала, дерево растет само по себе, по природе, но ложе, кровать, само по себе делается из дерева, для его создания необходима деятельность человека. В подтверждение этому Аристотель говорит, что если ложе из необработанного дерева поместить в плодородную почву, то, очевидно, из него вырастет новое дерево, а не новая ложа. И еще один важный оттенок древнегреческого фюзис, который, как нельзя лучше передается в русском слове природа, изложен в античном понимании, буквально — причастное к роду, рождению, порождению, происхождению. Поэтому при исследовании природы никак не обойтись без вопросов, во-первых, о движении, связанном с возникновением, рождением и ростом, а во-вторых, о роде, как и категории, указывающей на вид эйдос, то есть науки о природе предполагают исследование родов и родов сущего. Так, в своей физике, отграничив области естественного от области искусственного, Аристотель исследует происходящее по природе, обсуждая воззрение своих предшественников, первых философов, осмысливших природу, физиологов, как он их называет, Аристотель задается вопросом о том, каковы основания природного, сколько их и что они собой представляют. Без сомнения, природное воплощается в соединении материи и формы, однако этим не исчерпывается. Аристотель впервые систематически осмыслияет естество в категориях пространства, только в греческой науке оно обозначалось категорией места, в греческий топос, и времени. с тех пор физика занимается своими объектами, помещая их в то или иное пространство времени. Аристотель обращает внимание на то, что в природе все движется и изменяется, поэтому сами изменения и движения должны стать первостепенным объектом физического исследования. изменения происходят во времени и относительно места, однако наше восприятие времени и перемещения парадоксально. С большой охотой Аристотель разбирает опоры и зенона, касающиеся проблем движения и его познания. Происходит работа с этими парадоксами, в результате чего Аристотель подробнейшим образом прорабатывает проблематику времени и движения в философском ключе. Кого захватывают эти вопросы, обратитесь к первоисточнику, а также отсылаю вас просто потрясающей пары Владимира Вениаминовича Пебихина, первая половина которой полностью посвящена пифагорейско-аристотелевским прозрением в категорию времени. Обозначим моменты, связанные с категорией движения, как ее Аристотель осмыслияет физики. Во-первых, движение происходит с телами в пространстве и очень важно заметить это различие между телом, по-гречески Сомы, и местом, топос, которое имеет три измерения глубину, ширину и длину. Так тело может перемещаться в шести направлениях вперед-назад, право-влево-вверх-вниз, при этом тела приходящие, а место неуничтожимо. Движение по природе происходит в направлении так называемого естественного места. Вот на эту концепцию обратите, пожалуйста, внимание. Очень это просит Светлана Викторовна, которая на следующей теме расскажет вам, как в средневековой натурфилософии будут некоторые исследователи спорить с аристотелевским пониманием начала движения. Итак, по Аристотелю для огня, например, естественно, взлетать вверх в форме искр от пламени, а для землистых, тяжелых, тел падать вниз. То есть простые элементы стихии обладают естественным стремлением, и это их свойство определяет естественный характер их изменений и, в частности, перемещений. Поэтому у всех состоящих из первоэлементов вещей по природе есть свои естественные состояния, которым они стремятся вернуться и которым они стремятся соответствовать. Мне кажется, если на данную идею посмотреть не с точки зрения элементов как аналогов веществ, а элементов как аналогов

агрегатных состояний, то вполне естественная концепция получается. При нормальных условиях горячий пар будет подниматься вверх и конденсироваться. При остывании жидкость будет течь, заполняя предоставленное ей место на одном уровне, например, в сообщающихся сосудах. А твердые тела падают, не изменяются по форме или объему, рано или поздно упадут вниз, ну и так далее. Изменения. Кинезис. Более общая категория, чем движение. Изменения может быть различным в плане возникновения, уничтожения, перемещения, варьирования величины, количества или преобразования качества. Изменения обязательно происходят во времени и связаны со временем. Движение. Дюнамис. связано с местом и может быть подразделено на смещение, вращение,несение и так далее. По сути, дюнамис – это аналог потенции или силы в современной физике. Самым же естественным состоянием, согласно антологическим основаниям античного мировоззрения, является полнота, как исполненность, завершенность и целостность в действительности. Поэтому высшей целью всей природы и естественной жизни для любой вещи, для любого существа является исполненность в действии энергии. Буквально энерго означает «в деле, в действии». Так, современное понятие энергии восходит к аристотелевскому действию воплощения, к полноте действительности, которая через все сущее как бы течет, все оформленное наполняет собой. Но не любое движение энергии. Если, к примеру, человек бежит для того, чтобы похудеть или выиграть приз, то это не истинная исполненность, это просто движение. Если же человек бежит ради самого этого действия бега, если он в каждом мгновении исполняется как бегун, это действительно энергийное состояние, когда цель и средство совпадают. И в этом плане философия энергийная деятельность, позволяющая максимально исполнится, потому что это мысль ради мышления. Это мышление не для чего-то, чтобы получить знание, употребить его с пользой, а просто для того, чтобы мы мыслили, задавались вопросами, исполнялись как осмысляющие существа, в этом проявляя собственно человеческое. с энергией тесно связано понятие энтелехи от энтелес завершенный или в цель попавшей и эхо имеем. Так Аристотель приходит к пониманию того, что целью жизни является не сама по себе жизнь и не ее воспроизведение, целью жизни полнота, которая естественно не перебором осуществляется и не количественно, но качественно, интенсивно, как исполненность. А это ведь тоже не что иное, как следование своему собственно му, взятие своей максимальной амплитуды, то есть максимальное соответствие целостности и единства своего собственного, каждого сущего. Присмотритесь, например, каждое животное от природы тоже имеет уникальный набор способностей, склонностей, черт, которые позволяют ему стремиться к полноте бытия собой. Собаки общее понятие, но каждая отдельная собака как бы от природы находит себя в чём-то, исполняется. Одна в рождении добротных щенков, другая в охоте, третья в охране. То есть что там собаки, каждое дерево, каждая травинка стремятся исполниться. Найдите сами в природе подобные примеры. Антилехиуме Аристотель называл реально исполнившиеся вещи и существа, которые максимально соответствуют единству своих формы, материи, действий и целей. И тут нам необходимо перескочить к аристотельской метафизики, в которой мыслитель обсуждает вечные, неизменные причины всего, в том числе излагая подробно своё учение о четырёх причинах. Само название метата, физика означает после или кроме физики. То есть помимо вопросов о природе всего, философская мысль должна заняться именно исследованием первопричин и первооснов, которые всеобщи и вечны. Поэтому имеют сверхприродный или внеприродный характер. Метафизика или первая философия по Аристотелю должна заниматься как раз осмыслением оснований, благодаря которым всё,

в том числе и природа, существует. Безусловно, Аристотель не отрицал плутоновские эйдосы в качестве антологических оснований, однако не считал их существующими самостоятельно в каком-то отдельном божественном мире. Нам дан только этот мир и в нём самих по себе эйдосов мы не встречаем, но как категории нашего языка, конечно, они незаменимы, поскольку служат познанию, классификации вещей мира для ориентирования в нём. Так интересуюсь больше тем, с чем мы реально в мире встречаемся, Аристотель концентрирует внимание на более доступных нам и, несомненно, присутствующих в мире самом по себе основаниях. Хотя метафизика не вводится только лишь к проблематике причинности, остановимся сейчас на этом, поскольку предложенная Аристотелем теория четырёх причин является наиболее известной характерной чертой всей его философии. Итак, не соглашаясь с предшественниками, сводившими все причины либо к материи, стихиям и беспредельным, либо к числу или идее, мыслитель последовательно доказывает, что для всего можно обнаружить четыре равноправных, наравне друг с другом присутствующих видов причин. Во-первых, конечно же, нельзя отрезать материальную причину существующего, при этом Аристотел различает материю вообще, геле, как потенциальную всевозможность форм любого сущего, и вещество или субстанцию, как носитель конкретных свойств, определенный субстрат, который подлежит оформлению и изменению, буквально подлежащее хиппокеймину, как лежащее в основании изменений. Во-вторых, формальная причина также очевидна. Без формы морфе вещь не представляла бы собой нечто воплощенное и целостное, поэтому форма не в меньшей степени является причиной существования вещи. Тут имеется в виду как раз не эйдес, как общее понятие, а именно форма, форма вот этого конкретного предмета, существования которого мы определяем. В-третьих, все, что есть, очевидно, изменяется, двигается, действует. Идут качественные метаморфозы, то есть, имеет место превращение формы или же происходит перемещение, количество сдвигов и так далее. Здесь речь о движущем начале кинезиоса, то есть, все, что существует в мире, не находится в абсолютном покое, если только по видимости. Наконец, для всего можно усмотреть и целевую или конечную причину, телос, цель, то, ради чего это есть. Как раз то, что мы затронули выше о смысле предназначения и исполненности. Приведем пример выявления этих видов причин для такого предмета, как статуя. Ее материальной причиной то из чего будет, к примеру, мрамор формальный. Какой образ, форма вот этой конкретной статуи, задуманная в голове скульптора? Действующий или движущий причиной, в силу чего? Силой мастера, высекающего форму из камня, а целевой, ради чего этот предмет создается, скажем, созерцание прекрасных произведений искусства членами древнегреческого общества. В свете идеи воплощения цели, как полноты бытия единичного сущего, характерны и этические воззрения Аристотеля. Высшим благом как раз является исполненность, максимальная воплощенность, поэтому для человека счастьем тоже будет полнота жизни. Однако полнота это не в смысле того, что надо побольше всего попробовать пережить, естественно, и не в плане физических наслаждений. Полнота, которую может достичь ограниченное во времени и пространстве существо, должна концентрироваться тоже на единичности, но на единичности как интенсивном воплощении, исполнении чего-то одного конкретного, самого ближайшего, своего собственного для этого существа. Поэтому, чтобы человеку достичь блага, в этическом смысле необходимо прежде всего себя ограничивать, умеривать свои желания, которые как бы растаскивают наше внимание в разные стороны от главной нашей цели, расслаивают нас относительно себя. Нужно буквально становиться живой мерой, примериваясь

каждой конкретной ситуации и стараясь при этом соблюдать свой собственный внутренний баланс. Опять же, как и по Плутону, нельзя сказать раз и навсегда, к примеру, что хвалить это хорошо. В каждой уникальной ситуации мы должны увидеть с помощью развития своей способности быть рассудительными вот здесь и сейчас хвалить это хорошо или нет и насколько это можно в данном случае сделать, чтобы достигнуть максимального эффекта, например, в процессе воспитания. В целом, Аристотель уверен, что человек живет для того, чтобы быть счастливым. Однако, максимально возможное счастье для каждого заключается в совпадении с собой, в следовании своему собственному. Поэтому, с одной стороны, невозможно создать универсальные теории счастья и всех сделать счастливыми, а с другой, тем не менее, можно об этом учить и постараться создать условия для того, чтобы каждый мог узнать себя, становясь образованным и по характеру добродетельным. Добротными условиями в обществе занимается политика продолжения индивидуальной этики на уровне общественного. К моему огромному сожалению, нам приходится оставить Аристотеля и подвести итог о философии его и его великих учителей, произведения которых в первоисточнике. Я искренне надеюсь, что вы сами заглянете и гарантированно получите удовольствие от размаха мыслей и вдохновитесь на новое открытие.

6.1.4 Целостный замысел Афинской школы философии

Целостный замысел Афинской школы философии можно увидеть в следующем.

Во-первых, это очерчивание круга всех философских вопросов. Сократ, Платон и Аристотель осмысливали не только то, как устроен мир и из чего все в природе состоит, но и что такое человек и как он относится к миру, к природе и к вне природному. Так философия благодаря этим мыслителям приобретает свой объект, который совпадает с предметом. Это все, вообще все, что есть, что не есть, что может быть, а также и то, благодаря чему это все есть или не есть. С этих пор не поменялось ничего. Философия занимается отношением человек-мир в целом. Какие вопросы могут возникать в связи с этим попадать в очерченные таким образом границы философии? Да все, вообще любые вопросы, от того, что такое хорошо, что такое плохо, до того, на чем все держится, каковы основания, первопричины всего, как это познать. Это философские вопросы, они всегда о мире, о человеке и об их отношении.

Далее, рефлексия философской методологии и специфики философии как деятельности. Между сократовской маевтикой, родовспоможением в процессе понимания идеи, аристотелевской красивой, продуманной иерархичной логикой и системой категорий казалось бы непреодолимая пропасть. Но посмотрите, это одна и та же работа, направленная на осмысление оснований и законов мышления и бытия, с чем ум может работать, как только не с категориями, а это эйдос в полтоновском смысле и есть, как работать. Последовательно, проговаривая, стараясь в мысли уместить или мыслью охватить всю полноту осмыслиемого феномена в его многообразии и парадоксальности, но в то же время в его единстве и единичности выходить к предельным основаниям бытия и мышления, все ставить под вопрос, любое расхожее мнение проверять на прочность, внимательным рассмотрением и не бояться никакой сложности, иллюзорности, неясности. Для чего философия? Чтобы понимать. А быть понимающими значит быть собственными людьми, чтобы не бояться ничего, даже судьбы и смерти, а значит и выходить за свои границы смертного, освободить себя, любить и творить.

Наконец, для этих мыслителей общим является целостное осмысление он-

тологических, гносеологических, этических, аксиологических и всех остальных оснований античной культуры. Сократ, Платон и Аристотель собрали все настроения и интуиции, витавшие в воздухе их среды, их эпохи, четко сформулировали базовые принципы и идеалы своей культуры, систематизировали и обобщили те представления о мире и человеке, которые столь разнородно развивали их предшественники. Повторим главные слова для античности. Мера, единая, целая, полнота, логос, упорядоченность, гармоничность, пропорциональность.

6.2 Философия и наука в эпоху Эллинизма и ранней Римской Империи

6.2.1 После Аристотеля: социокультурный контекст и плюрализм направлений

Нам с вами остается последний вопрос, не менее интересный, чем предыдущий об античности. Поговорим о поздней античности, шагнем, наконец, в исторический период нашей эры и сопоставим с современностью, в которой мы сегодня живем, философию и науку в эпоху эллинизма и ранней Римской империи. Чтобы рассмотреть самые основные направления научной и философской мысли поздней античности, сначала необходимо глянуть, как изменился социокультурный контекст жизни древних греков после Аристотеля, а переломный момент в культуре этого периода завоевания Александра Македонского. Здесь же мы отметим кратенько историческую перспективу становления Римской империи как центр тяжести переместился с демократических греческих полюсов на две огромные империи, возникшие сначала в результате походов Александра Македонского, а затем римских полководцев. Далее перейдем к собственно исследованиям развивавшимся в рамках школ Эпикура, благородной стои и маргинальных мыслителей скиносарга. Наконец отметим и других не менее выдающихся ученых и философов, обучавшихся и творивших в процветающем образовательном центре того времени Александрии Египетской.

Как и почему изменилась жизнь древних греков, а вместе с ними и народов огромного количества восточных и южных стран под неэтичности. На самом деле уже Аристотель застал начало упадка греческих полисов. На 60-м году жизни афиняне изгнали его вместе с другими выходцами из Македонии, поскольку поссорились с Александром Македонским, который вел свои завоевания в союзе с враждебными афином полисами. Аристотелю, прожившему в Афинах более 40 лет, две трети своей жизни пришлось оставить и свой ликей, который юридически не принадлежал иностранцу по законам полиса, и практически всю накопленную там литературу. Ученики смогли сохранить перипотетическую школу в Афинах, однако ее основатели вынудили вернуться на родину в Македонию, где он скончался через несколько лет. Обстоятельства смерти великого мыслителя загадочны, нет однозначных свидетельств, но многие историки полагают, что Аристотель покончил жизнь самоубийством. Предшествовавшие времена расцвела классической греческой культуры и полис на систему управления результатировались в значительном улучшении качества жизни и быстрым росте городского населения. Во времена Александра Македонского древняя Греция страдала от перенаселенности. Как говорится, изобилие породило пороки. Демократическая система во внутренней жизни городов-государств тоже имела свои негативные стороны и издержки, выродившись в Ахлокрацию, при которой наиболее влиятельные и богатые. Граждане навя-

зывали толпе свои меркантильные интересы, манипулируя мнением большинства. Между полисами складывалось изнуряющее непродуктивное соперничество. Греки погрязли в междуусобных войнах. Полисы создавали друг с другом различные союзы, между которыми шли затяжные распри, истощающие ресурсы и накапливающие взаимные обиды и противоречия, а не решающие их. Македония, жестрадавшая от нападений как северных, так и западных соседей, постепенно укреплялась и централизовывалась как единое государство со столицей в Пельне. Александр Македонский после убийства его отца Филиппа II в результате придворной внутри с 20 лет становится царем Македонии. На руки он получает пустую казну и огромный внешний долг. Однако, зная, что у него лучшее по сравнению со всеми соседями конница, он решает рискнуть и двинуться войной на греческие полисы. Поскольку нам надо много успеть, к сожалению, приходится опустить подробности про путь Александра Великого. Кому интересно, сами ознакомьтесь с немыслимым для того времени размахом, как за два года молодой полководец покорил почти всю Грецию и обогатил свое государство, а затем двинулся войной на Персию, всех там победил, но не смог остановиться и захватил в течение десяти лет необъятнейшие территории. Вышел на Каспий, дотянулся до современного Афганистана, вторгся в Индию и добрался до побережья Индийского океана, а также захватил Египет, Сирию, территории современных Ирака, Ирана и так далее. На Персидском заливе великие завоеватели молодой император начал строить флот, чтобы вторгнуться в Аравию, а далее задумывал завладеть и всеми западными побережьями Средиземного моря. Но его планам не суждено было осуществиться. в 323 году до нашей эры Александр Македонский в возрасте 32 лет скоропостижно скончался, не оставив распоряжения наследника. Наиболее вероятной версией его смерти признается резко развившееся заболевание вроде малярии, наложившееся на воспаление легких. Однако, ввиду недовольства знаний правления Александра не исключается и версия, согласно которой молодого императора отравили заговорщики, созданные в ходе завоеваний и держава вскоре распалась, разделенная между диадохами, так называли главных полководцев македонской армии, их имена представлены на этой карте, показывающие разделение царств. Так, благодаря походам Александра Македонского началось распространение греческой культуры на востоке, заложившая основу эллинизма. Собственно, эллинизм и означает распространение культуры Эллады Древней Греции и, соответственно, греческого языка на территориях, вошедших в состав государств диадохов, а также взаимопроникновения греческой и восточных, в первую очередь, персидской культур. Данный период античности продолжается до 30-го года нашей эры, когда римляне завоюют греческий Египет. Давайте бегло глянем также на территорию Римской империи. В первые века нашей эры в Римской империи складывается особая форма государственного устройства принципат, сочетающий республиканские монархические черты, но, по сути, это военная монархия. Подобный феномен можно будет наблюдать в другой культурно-исторической локальности, это Сёгунат в Японии в период Эда. Борьба знатных римских династий за власть безусловно сопровождалась социальной нестабильностью и гражданскими войнами, в том числе поэтому в тот момент активно формировалась система римского, в частности, публичного права. Нужно было на новых основаниях укрепить жесткую систему защиты и интересов правящей элиты, но при этом и дать возможность народу принимать участие в политических решениях. Что касается завоеваний, в отличие от Александра Македонского, который просто с детства жаждал славы, господства над широчайшими территориями и завладения богатствами, римские полководцы

и позже императоры исходили из уникальной правовой идеи, сделать все народы содружественными и объединить как можно больше земель под началом самой прогрессивной и правильной римской государственности, как считали разработчики этой действительно мощной правовой системы. Те народы, которые были не согласны вступить в римское содружество, покорялись силой. Однако на многих землях мелкие правители предпочитали не вступать в открытую конфронтацию с сильнейшей римской армией и соглашались принять для своего населения предлагаемые порядки, взаимно проникая с разрастающимся бюрократическим аппаратом новой империи. Также следует отметить, что в условиях бурных социально-политических перемен и начинающегося кризиса античного мировоззрения распространяется христианство, исповедание которого преследуется официальной властью вплоть до 3-4 столетий нашей эры. Несмотря на то, что в начале нашей эры римляне распространяли по своим территориям уже латинский язык, их культура во многом испытывала влияние греческой. Это и этическо-эстетические идеалы классического периода, и мифологическая система, калькирующая греческую. Аристократия увлекается зрелищами и спортивными состязаниями, играми и литературой, созданными в Древней Греции, развивает правовые основы государственности, опираясь на социально-политические учения древнегреческих мыслителей, ориентируется на принципы греческой науки и философии в целом. Поэтому продолжается, так сказать, глобализация того же культурного ядра. Поэтому мы с вами и говорим вместе об этих эпохах.

Теперь давайте вернемся немножко назад и отметим черты эллинизма. Характеризуется этот период как новыми веяниями в искусствах и расцветом разнообразных техник, так и сменой социально-политического порядка и возникновением классического рабства. Начало эллинистической эпохи отмечается переходом от полисной политической организации к наследственным монархиям. Смещение центров культурной и экономической активности из Греции в Африку. Прежде всего в Египет, где в Александрии заложено Александром Македонским под руководством династии Птолемеев образуется беспрецедентный научный центр поздней античности, о котором будет наш последний пункт плана в этом вопросе. Что касается духа эпохи, на всем покоренном Александром пространстве шел процесс эллинизации, то есть перенятие местным населением греческого языка, культуры, обычая и традиций. Элиту эллинистического общества составляли преимущественные представители греко-македонской аристократии. Они принесли на восток греческие обычаи и активно насаждали их вокруг себя. Местная знать, желая быть ближе к правителям, подчеркнуть свой аристократический статус, стремилась подражать этой эlite. Простой же народ подражал местной власти. Существенно преобразились в первую очередь города. Из тесных полюсов они разрослись в обширные застройки, сопровождающиеся красивыми садами и парками, разбитыми на восточный манер. Здания и статуи не просто выполняли свои непосредственные функции, но становились символами богатства. Происходит и бум в искусствах, фрески и мозаики во внутреннем убранстве. Распространяются украшения фасадов зданий барельефами. Архитектура в целом сочетает греческие и восточные черты, развивается мода на вычурные богатые украшения по восточному типу. Возвигаются некоторые гигантские монументы, причисленные к семи чудесам древнего мира, например, этому периоду принадлежат колoss Родосский и фареский маяк в Александрии. В целом модным становится все крупное и виртуозно выполненное, подчеркивающее индивидуальность обладателя. Широкое распространение получают первые роботы, автоматы. Хотя механические статуи и игрушки

греки создавали с древности, например, известно, что друг Платона пифогрейц Архитаринский сконструировал механического летающего голубя. Но первая практическое использование прообразов современных роботов, механических людей с автоматическим управлением относится именно к эллинистической эпохе. Тот же фареский маяк известен не только благодаря тому, что высоту был около 150 метров, являясь самым высоким строением древности, но и тем, что на нем были установлены четыре позолоченные женские фигуры, которые хорошо освещались ночью и блестели на солнце днем. Они двигались, отбивали склянки и издавали трубные звуки, предупреждая мореплавателей о близости берега. Вы уже чувствуете сходство поздней античности с нашей современностью. Их можно выделить огромное количество. Среди них, на мой взгляд, наиболее выпукло смотрится бурное развитие техники и технологий, индивидуализм, обильное новшество в искусстве и глобализация западной культуры. Но происходят сегодня подобные вещи во внешней культуре не по случайному совпадению. Кстати, подобный сдвиг роднит нас и с эпохой возрождения, а потому что сходны антологические основания. вспоминайте нашу четвертую тему. Как мы с вами разбирали культура и способ бытия каждого человека впредь выстраиваются в ответ на некоторый фундаментальный страх. В какой форме, как вы думаете, угрозу небытия переживали представители античной культуры, особенно во времена завоеваний, смены социально-политических порядков и активного взаимопроникновения с другими культурами? Пау Телих очень точно определяет это как страх судьбы и смерти. Во-первых, во времена нестабильности, экспансии, военных походов гораздо более вероятна случайная смерть. Причем, не обязательно для этого сражаться на передовой. Война всегда предполагает катастрофическое истощение ресурсов военных народов. В какой-то момент элементарно может не хватить пищи. Все самые сильные ушли воевать и производительные мощности в ТЛО обеспечивают с той же эффективностью, как в мирное время, просто невозможно. Соответственно, по воин, греческих полюсов, эпидемии идут нога в ногу с каждым сражением. Проникновение в новые земли также означает столкновение с новыми, нехарактерными для своего региона болезнями, с которыми иммунитет не натренирован справляться. И сегодня, когда мы едем отдыхать в далекие страны, погреться на солнышке, даже в доковидную эпоху редко удавалось вернуться домой, не подцепив какую-нибудь заразу, особенно во влажных тропиках. Ну и чего далеко ходить? Молодой Александр Македонский умер, скорее всего, от какой-то азиатской лихорадки. Во-вторых, даже без учета материальной необеспеченности смена привычных социально-политических порядков это всегда психологическая нестабильность для каждого индивида. Когда новые управленческие и экономические системы еще не обкатаны и новые правовые принципы еще не проверены на прочность, всегда будет оппозиция, которая, с одной стороны, пытается консервативно удержать старые, уже не работающие и не приносящие смысла большинству порядки традиционалистов, так сказать, а с другой, наоборот, критиковать, разрушать предлагаемые новые решения, не подчиняться новой власти, не в силу желания вернуться к старой, но поскольку с равным успехом могут быть применены альтернативные подходы. Даже когда единичный человек не смыслит в политике и пытается дистанцироваться, то это не значит, что его не вовлекут в те или иные интриги и дадут спокойно жить. Это не значит, что он будет мил новой власти и его привычная жизнь в рамках новых законопорядков не окажется на обочине социума или вовсе считается неприемлемой, преступной и так далее. То есть, в таких условиях нестабильности ты просто не можешь предугадать, что с тобой произойдет в

следующее мгновение. При этом каким бы добродетельным и здоровым, красивым и образованным, знатным, статусным и богатым ты бы ни был, ничто не гарантирует тебе, что по совершенно случайному стечению обстоятельств ты не лишишься всего, что имел, останешься цел и невредим и сохранишь свое лицо, в смысле своей части достоинства в окружающих перипетиях. Это безразличная судьба, рок, изменчивая фортуна и непредсказуемый фатум, как их назовут позже римляне, чувствующие то же самое в ходе установления своего господства и разработки новых правовых и политических режимов. Наконец, все эти условия, особенно на фоне переплетения с другими непохожими культурами, как северо-западными, так и юго-восточными, означают и переоценку ценностей. Это болезненно не только в политическом плане. Каждый человек теряет единый привычный ориентир, который во времена стабильности служил для всех общим основанием, прибегом, к чему можно было как договориться с другими в спорной ситуации, так и самому надежным образом трактовать происходящее вокруг, опять же, согласуя свои действия с другими. А когда оказывается, что в новых изменившихся условиях старые ценностные ориентиры не работают, не помогают и уже ничего не объясняют, обнаруживаешь себя над бездной, в ситуации такой растерянности наиболее влиятельные и сильные будут, конечно, предлагать новые решения, но ведь их может быть огромное количество. В отсутствие единого основания всегда каждая сторона будет отстаивать свою наиболее близкую и понятную для себя позицию и максимально стараться ее подтвердить, убеждая других в ее единственной истинности и общезначимости. Так возникает плурализм, множественность, равновероятных претендентов на то, чтобы занять место самого фундаментального основания, на котором строится картина мира и переосмысливается место и роль человека в мире. И сложность для каждого индивида заключается в том, что придется думать, примеривать на себя те или иные основания и определяться с тем, что правильнее и почему. Думать самостоятельно трудно, потому что страшно оказаться без опоры и ориентира, ища их на свой страх и риск. Поэтому мнением большинства, конечно, всегда будут манипулировать, искусно дергая за ниточки наших страхов и желаний. Вот я сейчас описала состояние позднеантичного общества и самоощущение человека того периода, но думаю, вы почувствовали, насколько это про нас сегодняшних. Да, вокруг нас сейчас выглядящая иначе техника, другие политические технологии, лозунги, иные произведения искусства, но в экзистенциальном плане мы переживаем то же самое безосновность, растерянность, плурализм. Заметим тут примечание, почему мы не видим в ранней и классической античности такого же плурализма, несмотря на многообразие натурфилософских школ. Более того, говорим об интуиции единого для этого этапа. Для подавляющего большинства граждан вопросы о том, из чего всё состоит и как устроена природа, не являются экзистенциальными, то есть смысложизненными. Из атомов и пустоты, или из непрерывного первого вещества всё вокруг сделано. И что там параметр вещает об идти, по большому счёту, для личной жизни, поступков и социального благополучия неважно. Все мыслители и народ вместе с ними согласны. Человек микрокосом, надо жить гармонично и соразмерно природным ритмом, разносторонне развиваться, полагаться на разум, каждый раз примериваясь к ситуации и логично, рассудительно всё решая. В условиях непредсказуемости, нестабильности, возникновения новых опасностей, где мера, а это самое фундаментальное в санимонтичной культуре, становится непонятна. Разумность и рассудительность не помогают, и золотую середину нашупать крайне сложно.

6.2.2 Эпикурецы, киники и стоики о метафизике, физике и этике

Тогда продолжаю ещё даже в модусе отсутствия быть самым базовым онтологическим основанием, мера, пропорция, поддерживающая всё такое перво-принцип, становится тем, что ищут. В условиях переживания, страха, судьбы и смерти. Какие ответы можно давать растерявшемуся человеку о том, на что теперь опираться, как обрести счастье, гармонию? Базовые ответы не меняются для нас сегодняшних. Мы сейчас сопоставляем с современностью, окинем взглядом все возможные варианты, а потом подробнее всмотримся в каждый из самых выдающихся античных. Крайние точки цинизм и оппортунизм.

Киники Первая позиция означает пренебрежительное отношение к культуре и политике, социальным нормам и принятым устоявшимся традициям вообще, какими бы они ни были. Данные идеи соответствуют античные киники, то же, что в современность в другой транскрипции перешло циники. То есть это полюс полного отрицания нигилизма и при этом эпатажных выходах, демонстрирующих действиями такое свое неприятие культуры. В более умеренном варианте данная позиция выражается в качестве скептицизма постановки всего известного и устоявшегося под вопрос недоверия и гиперподозрительность.

Эпикурецы Противоположный полюс предполагает эгоистичную жизнь для себя, удовлетворение своих, прежде всего, материальных потребностей, представляющие собой хватание за любые возможности. От латинского и однокоренного английского opportunity возможность. То есть, это следование любым меняющимся политическим режимам, внешнее применение любых изменчивых правил игры и культурных ценностей, лишь бы только казаться власти приемлемыми и получать как можно больше личных выгод, при необходимости меняя маску. Во многом эту траекторию разрабатывали эпикурецы. Хотя, надо признать, у основателя учения эпикура и его самого известного римского последователя Лукреции, акцент ставился не на приспособленчестве как таковом, а на достижении личного удовлетворения и житейского комфорта путем безразличия к плюрализму политических сил и концентрации на снятии собственной тревожности в таких условиях, а также наслаждении всеми благами, которые ты сам себе можешь обеспечить, не особо при этом высовываясь. Вы рождается данный полюс в совсем уж утрированное направление гедонизм, полагание всевозможных услад и удовольствия в качестве единственной ценности, ради которой стоит жить. Однако, как вы понимаете, ни цинизм, ни оппортунизм не дают полноты бытия, потому что в одном случае происходит отказ от любых социокультурных принципов, то есть от собственно человеческого в нас, а во втором выбирается безразличие к социально-культурной данности и неучастие в коллективном бытии, то есть концентрация на полюсе индивидуального и игнорирование социального общественного измерения, которое, мы тоже на третьей теме проговорили, в нас вложено и реально извлечь в себя ни один из этих полюсов мы не можем, потому что это не нами так устроено. Так, на деле мы не можем ни постоянно существовать в состоянии полного отрицания всего безосновности, ни игнорировать в себе социально-коллективный полюс, то есть стать целиком индивидами, достигающими изолированное личное счастье и никак, живя в обществе, не участвуя в конструировании блага общественного. Понятно, да, почему будет неполнота, если мы отказываемся от признания человеческой данности, потому что мы не только природные,

но и культурные существа, не только индивидуализированные сущности, но и общественно-политические создания. Хотим мы того или нет, мы уже такие. Единственная продуктивная стратегия принять этот парадокс. Золотая середина, которая представляет собой не смесь противоположностей, но мужество иметь дело с парадоксом, с реальностью себя и мира во всей полноте, во всем размахе. Но это чудовищно сложный путь, по которому большинство не пойдет, потому что это путь предельного экзистенциального риска, когда приходится себя самого поставить под вопрос и пройти сквозь переживания небытия, вынесся из смотрения в лицо бездны, безосновности одно единственное безусловное основание, свое собственное. Но очень сложно узнать себя, совпадать с собой, научиться самому себе, быть твердым основанием, без подпорок, без чужих мнений и готовых решений. Это путь предельного творчества, самотворчества, конструирования себя посредством самостоятельного продумывания и совершения поступков. Обратите внимание, это не эгоизм, не про себя любимого речь, нет, это отдавание себя тому платоновскому самому-самому, тому, благодаря чему мы есть, чья мы собственность, в том числе в форме поступков на благо других людей, а поступок всегда совершается перед лицом другого. Помните, с третьей темы об этике? То есть, это парадоксальное сочетание индивидуального и социального полюсов, природного и культурного начал, равно встроенных в каждого человека. Так вот, в античности данная позиция соответствует stoicismu, а в современности по этому трудному пути продолжают идти единицы, разделяющие экзистенциально-феноменологический подход. Пока за современные названия не заморачивайтесь, мы до них дойдем к концу курса и подробно раскроем их суть. Безусловно, остаются и более или менее умеренные позиции, продолжающие традиции Платона и Аристотеля. Но, ребят, обратите внимание, как последователи философских школ, платоники и перепатетики, не вынося уже размах мысли основателей, как бы вырождаются эти учения либо в красивые мифы и метафоры, либо формальный логический аналитический подход. Версия самоубийства Аристотеля мне кажется довольно правдоподобна еще и потому, что увидевшись, что его размах не поняли, а его метод превратили в голый формализм. Сын придворного вруча и выдающийся знаток биологии вряд ли бы просто по неосторожности чем-то отравился, а скорее сам принял сильнейший нейротоксин из аконита. В этом можно понять Аристотеля, изгнанного ввиду политических перипетий, не успевшего позаботиться о сохранности собственных трудов, предчувствовавшего, к чему ведут ненасытные завоевания Александра Македонского и увидевшего, что его же ученики не поняли его замысел. Может, и хорошо, что Плутон умер своей смертью, не застал этот духовный упадок, хотя после смерти Сократа не мудрено, что из основания античной культуры начали выветриваться столь блестящие идеалы. Извините, что я так эмоционально. Это реально великие мыслители, а Аристотель мне очень близок как феноменолог, и я рада, что, несмотря на непонимание большинством его современников, мысль такой величины сквозь века получила огромное признание и дошла до нас во многом, кстати, благодаря арабским исследователям, передавшим его наследие уже поздней средневековой Европе. В современности уходящие от участия в социокультурных вопросах логика и аналитическая философия, думаю, не откажется считать себя правоприемниками формального подхода перепатетиков, а большинство остальных подходов, распространяющихся сегодня, которых сложно отнести к философии, скорее к современному мифотворчеству, запишем в зеркальное отражение тех, кто в философии Платона видел лишь систему красивых мифов и метафор. Наконец, какое еще, казалось бы, можно давать ответ помимо этих всех на

фундаментальный вопрос об основаниях мироустройства и человеческого бытия. Можно попытаться интегрировать весь опыт наработанной культуры и, отсекая маргинальные самые крайние проявления, составить мозаику из всех элементов, осуществить синтез. В поздней античности уже 2-го, 3-го столетия нашей эры такой проект воплотили неоплатоники. Неоплатонизм, особенно у плотина, это переосмысление философии Платона и изложение основных положений языком Аристотеля в диалоге и во многом в споре с пакурейцами и стойками. Такой подход называется эклектикой от греческого «эклего» «выбирая, собираю». И для нашей современной культуры тоже является одной из ведущих ее черт. В мировоззренческом плане это означает соединение, перекомбинацию имеющегося в попытке создать универсальную всеобъемлющую и всеобъясняющую систему. Когда у нас, например, в многоэтажные современные здания добавляют элементы барокко или модерна, когда носят спортивный костюм с крупными золотыми украшениями или с обувью на каблуках, это тоже эклектика. Но, безусловно, эклектика не всегда будет карикатурой на сочетание разнородного иногда действительно гармонично получается. Вообще, каждое из перечисленных направлений вырождается в случае массового принятия в ту или иную карикатуру, кроме жесткого ядра самих Платона и Аристотеля, а также мужественных стойков, для которых идеалом стойкости и мудрости был Сократ, а идеалами глубины и размаха мысли остальные представители афинской школы. Школа неоплатонизма состоит в основном из мистиков и алхимиков. Я под вопросом, скорее в качестве шутки, поставлю тут зеркально Лоруэля, совершающего пафосный синтез философии и квантовой механики и получающий троицу неоплатоников. Но, пожалуйста, помните, что все наши схемы условные, они помогают провести параллели и что-то благодаря этому увидеть в современности, но что-то утирируют и не все объясняют. Поэтому я пользуюсь как инструментами и вас призываю, если непонятны мои схемы, изобретайте свои, учите сами и проверяйте их на прочность. Но вернемся к тому, что я про карикатуры тут пыталась сказать. Эпикуреев неправильно понимают, выхватывая лишь идею счастья от удовлетворения индивидуальных потребностей. И эпикуреизм в качестве индивидуализма становится чрезвычайно популярен у народов эпохи эллинизма. Ну а кинеки сами являли собой насмешку над культурой как таковой. В современности, как о ней говорит Владимир Венианович Бибихин в книге «Новый ренессанс», имею в виду, что мы тоже возрождение античности. В отличие все-таки от античности, мы наблюдаем утрату середины или разумывание центра. Если как небезосновательно замечает Пауль Тилех с зарождающимся христианством в первые века нашей эры реально мог соперничать только стоицизм, то у нас современных на этом месте практически пусто. Золотую середину нашупать не удается. Есть в современности так называемый неостоицизм, но там бледная калька с реальных античных стойков в виде приложений к психологии и инструкций для коучинга. Не то. Считают, что экзистенциально- феноменологический подход устарел, поэтому нам остро необходимо новое ядро. И все-таки хочется надеяться, что оно будет не эклектичным, а вернется к тому трудному своему собственному. Теперь пробежимся по трем базовым направлениям, которые получили широкое распространение в период эллинизма и сохранили свое значение в ранней римской империи. Нельзя сказать, что какой-то из них лучше, какой-то хуже. Мы увидим сейчас, что у каждого своя правда. Каждое направление что-то схватывает в реальности, хотя часть может игнорироваться и замалчиваться, поэтому ни один подход не абсолютен. И то, что я лично люблю стойков, не должно вас забивать с толку собственного решения о том, кто ближе именно

вам. Про кинников. Много рассказать не удастся, потому что в первоисточниках их не прочесть. Безусловно, представители этого направления писали свои философские трактаты, но поскольку их базовая идея постановка под вопрос всей культуры, отрицание и пренебрежение к сложившимся традициям и социальным ориентирам на них были гонения. Это крайне маргиналы, смутьяны и оппозиционеры, которые критиковали любую власть. Поэтому никого из власти мучих не устраивали. Их сочинения изымались и сжигались. Кое-какие работы, например, основателя данного направления Антисфена дошли до нас, но это комментарии и интерпретации мифов о Промете, Эрфее и Геракле, имеющие скорее филологическую направленность и не отражающие основ философского учения. Антисфен был рожден от рабыни, хотя отец всего был гражданином, но в древних Афинах незаконнорожденные не могли принимать участие в политической жизни. Учился он у Сократа, потому что тот не брал денег с учеников, а Антисфен по причинам своего происхождения был беден. Взял от Сократа он преимущественно идеи критики, постановки под вопрос текущих устоев. Из-за своего происхождения и желания равенства со свободными гражданами Антисфен открыто презирал сложившиеся культурные нормы и призывал других к переустройству общества. Поскольку он не имел средств для создания собственной школы, он начал с единомышленниками собираться в гимназии, там, где все желающие могли заниматься физкультурой, гимнастическими упражнениями на киносарге. Посмотрите на карте древних Афин, где располагались школы Платона, Аристотеля и Антисфена, а также где собирались стоики в крытой колонаде галереи или портики прямо около главной городской площади Агары. Стоа – это название данного архитектурного строения. Ну, а киносарг – название холма в Афинах, на котором находился гимназий. В переводе оно означает «зоркий пёс» или «белая собака». Так, кинников стали называть по месту их обучения, а они с радостью начали отождествлять себя с образом собаки, облавающим всех вокруг, протяжничающим животным. Если мы отрицаем культурный слой в человеке, что остается? Правильно, животное и вот природная естественность и её выживая сильнейшей стала идеалом кинников. В своей жизни представители данной школы реально воплощали отказ от всех благ цивилизации, ходили практически голыми, не занимались никакими общественно полезными занятиями, жить старались практически под открытым небом и питались чем придётся. Такие бомжики и попрошайки. Своими выходками они старались показать, что всё, что нормальный человек считает духовным и культурным, придуманное, пафосно, ничего не стоящее, ни на чём не держащиеся иллюзии. Наиболее известен ученик антисфена Диоген Синопский, тот самый, который жил в бочке, но на самом деле в огромном глиняном пифоне. Он прожил какое-то нереальное количество лет. Так ли это, не знаю, но в источниках стоят эти даты без пояснений, как он столько прожил с его образом жизни. Диоген стал человеком- легендой ещё в древности. Приведу лишь штрихами к наброску его образа несколько фактов из его жизни. В случае вписано гораздо больше. Во время посещения Дельф Пифи предрекла молодому Диогену переоценивать ценности, что он вначале понял буквально, начав заниматься фальшивом манечеством. Аббан раскрылся и их с отцом изгнали из родного города. Позже он осознал, что речь шла не о материальных, а о духовных ценностях. Перебравшись пытать счастье в Афинах, Диоген встретил антисфена, который пытался выгнать его палкой из своей школы, просят денег за обучение, которых у изгнаний естественно не было. Этот Диоген, снося его удары, ответил, бей, но ты не найдешь такой крепкой палки, чтобы прогнать меня, пока ты что-нибудь не скажешь. И учитель, узрев в этом идеал своей школы, все же

оставил Диогена в гимназии. После долгого пребывания в Афинах, Диоген начал странствовать по Греции. Во время одной из поездок его захватили пираты и продали в рабство коринфянину Ксениаду, который сделал его наставником своих детей. Новому хозяину Диоген заявил, что тот должен его слушаться, так же, как врача или кормчий. Детей Ксениады он обучал литературе, истории, умению ездить верхом и владению оружием. Дети полюбили своего наставника и заступались за него перед родителями, когда тот выкидывал очередную эпажную выходку. Когда в Каринфе находился Александр Македонский, к нему приходили многие политики и философы. Царь Македонии предполагал, что среди прочих его посетит Диоген. Однако философ спокойно проводил время в пригороде, нисколько не интересуясь присутствием в городе Александра. Тогда царь решил посетить Диогену сам. В это время философ угрелся на солнце, слегка приподнявшись при виде множества приближающихся людей, Диоген пристально посмотрел на Александра. Царь сказал, проси у меня чего хочешь. Но что Диоген ответил, отойди, не заслоняй мне солнце. Царь был настолько поражен гордостью и величием философа, который отнесся к нему с таким пренебрежением, что на обратном пути сказал, если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном. Аскетизм Диогена не предполагал самоистязания и отказа от всех житейских благ. Он отрекся от тех потребностей, удовлетворение которых требовало компромисса, отказа от свободной жизни. Это называется авторкия, самодостаточность, предполагающая независимость от внешних условий. Диоген мог посещать богатых людей и участвовать в их пирах, сохранив свое оскорблявшее хозяина непристойное поведение. Когда философа привели в роскошное жилище и запретили плевать на пол, то он плонул в лицо хозяину, заявив, что хуже места не увидел. Когда ученые-мужи разбирали опоры Зенона, восхищаясь тем, как Элеец показывает невозможность движения, Диоген встал и молча стал ходить взад-вперед, самим своим действием демонстрируя движение. Однажды Диоген днем зажег фонарь и пошел по улице. На вопросы, что он делает, следовал ответ «ищу человека». Здесь прокомментирую отношение к парадоксам. В реальности нет человека вообще. Мы всегда либо мужчина, либо женщина. Так же, как в момент «теперь» никогда не зафиксировать целиком, что такое сутки, либо день, либо ночь. Рука или правая, или левая. Нет руки вообще. Так что выходкой с фонарем мыслитель продемонстрировал, что наших представлений человека вообще в действительности днем с огнем не найти. Это касается платоновских эйдосов. Вообще его бесило учение Платона. На шуточное определение в одном из платоновских диалогов, что человек есть животное на двух ногах лишенное перья, Диоген ощипал петуха, объявив, что это есть платоновский человек. Удивительно, но этого чудака одаривали своим вниманием по собственной воле лучшие гетеры Афин. Вообще все здесь взрослые детишки, поэтому будем смотреть на всю полную картины. контент 18+, ребят, и Диоген, и другие последователи школы кинников, а их было немало, вплоть до окончания античной эпохи, и среди них были женщины, совершили не только эксцентричные поступки, но и публично бесстыдство и непристойности сексуального характера. Так в исторических источниках передают, например, что в ответ на разговоры о концепции платонической любви Диоген начинал публично онанировать. Срамота, конечно, и все подобное стойки, например, очень критиковали, хотя, скажем, разделяли идею внутренней независимости авторки, но были сторонниками общественно адекватных проявлений. Напоследок отметим и положительный момент. В политическую науку Диоген ввел понятие космополита или гражданина мира. Идея для античного мира была революционной, так как граждане Эллады ас-

социировали себя с определенным полисом. Адекин отрицал понятие отечества и местных законов, утверждая, что есть только один закон природы, которому необходимо следовать. Поехали дальше. Эпикур родился на острове Самос в Эгейском море. Его родители были уроженцами Афин. После прохождения военной службы Эпикур присоединился к своей семье, изгнанной после смерти Александра Македонского в Малую Азию. Высоцкий получил разностороннее образование, учился риторики, а также философии у ученика Платона, пифагорейцев, затем у последователей Демокрита. В возрасте 32 лет Эпикур основал свою школу сначала на территории современной Турции, а затем в 306 году до нашей эры переехал в Эфиме, купил там сад и обосновался в нем со своими учениками. Поэтому эпикурейцев также называли философы сада. Над входом висело изречение гостя, теперь здесь будет хорошо, здесь удовольствие и высшее благо. Эпикур открыто позволял всем желающим, в том числе женщинам и рабам, вступать в свою школу. Из более чем 300 произведений, которые, как предполагает, написал Эпикур, сохранились всего три письма Геродоту к Пифоклу и к Никею. Два спорника афоризмов и некоторые фрагменты, которые удалось восстановить из цитат других авторов. На глазах Эпикура происходил крах привычной социокультурной среды греков, и мыслитель чувствовал нарастающую тревожность и дезориентированность в умностремлениях соотечественников, поэтому решил, что целью его философии будет помочь людям в достижении счастья и безмятежной жизни. Как же достичь в таком нестабильном плuriалистичном мире удовлетворенности и спокойствия, как освободиться от страхов? Такая отрешенная безмятежность называется атораксией и по Эпикуру предполагает отсутствие беспокойства, прежде всего о собственной смерти, а также о других тревожащих нас вещах, о том или на политическом строе, о том, как объяснить устройство мира, о выборе ценностного ориентира и так далее. Эпикур стал тем, кто впервые предложил не смущаться множественности возможных объяснений природных явлений и учел не волноваться из-за этого, лишь бы наши объяснения помогали ориентироваться в мире. Что касается основного ценностного ориентира, Эпикур утверждал, что лучше всего проживать самодостаточную жизнь в окружении друзей, вкусно кушая и уменьшая свои телесные страдания и боли, не ввязываясь в социальные конфликты и морально не перенапрягаясь. Конечно, не следует стремиться ко всем подряд удовольствиям, надо рассудительно смотреть, ведь одни из них, как учений мыслитель, необходимы для удовлетворения обязательных потребностей, а без других можно прожить. Да и некоторые услады могут привести к болезням или накликать беду в форме зависти других, тогда человек не сможет быть в безопасности или будет телесно страдать больше, чем удовольствие получил. В общем, в этом плане надо быть дальновидными. Эпикур уловил, что корень всех человеческих неврозов заключается в отношении к смерти, предполагающем, что смерть ужасна и болезненна. Это приводит к ненужному беспокойству, эгоистичному самозащитному поведению и лицемерию. Согласно Эпикуру, со смертью тела душа тоже перестает существовать, и поэтому смерти не следует бояться. Мы не можем изменить этот природный закон, поэтому нужно просто спокойно принять его и перестать бояться неизбежного, сосредоточившись вместо переживания страхов на простых доступных благах. Поскольку для Эпикура есть только эта жизнь в этом мире, поэтому и следует прожить ее максимально приятно, минимизируя беспокойство и телесную боль. Боги, даже если они есть, в каком-то высшем мире вряд ли станут участвовать в человеческих делах и влиять на судьбу. Зачем таким благим существам замечать вообще наше низменное бытие? однако согласно учению Эпикура вести себя этично

необходимо не потому что боги накажут или наградят нас за наши поступки, но потому что аморальное поведение будет нас же самих обременять чувством вины или навлекать лишние неприятности, отягощая и омрачая нашу жизнь, в которой следует стремиться к позитивному покою и духовному наслаждению. Так что эпикурейцы в отличие от кинников были полными конформистами в отношении внешних социокультурных условий и концентрировались напротив на достижении максимального личностного комфорта. Наиболее стройно и последовательно философию эпикуреизма излагает римский мыслитель Титлукреций Карр. Данные о его жизни достаточно скучны, но, например, из биографии исследователей известно, что он ввел исторические представления о каменном, бронзовом и железном веках не только в натур, философию и психологию внес научный вклад. Прежде всего Лукреция известен своим произведением о природе вещей, состоящим из шести глав и написанным полностью в стихах. Учение эпикурейцев о достижении безмятежности и душевного комфорта на самом деле базируется на их физике, которая, в общем-то, неотличима от метафизики. Следуя атомистическим представлениям Демокрита, эпикурейцы утверждают, что всё, в том числе души, состоят из атомов и пустоты. В природе происходит непрерывное движение мельчайших частиц, сталкивающихся друг с другом случайным образом и образующих то одни, то другие комбинации. То есть, во-первых, причинность абсолютно случайна, хотя мы наблюдаем в природе закономерности, которые объясняются разнообразием как самих атомов, так и практически бесконечными возможностями их многообразных комбинаций. Во-вторых, происходящие на уровне атомов процессы, в том числе в наших телах, дают нам непрерывные ощущения, сменяющие друг друга в зависимости от нашего взаимодействия с окружающей средой. Наконец, объяснение всего через движение чтец материи позволяет обосновать представление эпокурейцев о смертности души и о том, что этой смерти не следует бояться. Если для нас нет ничего, кроме ощущений, и вся наша эмоциональная и разумная деятельность берется из процессов на микроуровне, происходящих в тела, то, как только тело разлагается, мы перестаем что-либо ощущать, поэтому сама смерть не болезненна и не является страданием. Следовательно, как в третьей книге своей поэмы подробно разбирает лукреция, если человек жил и наслаждался своей жизнью, соответственно, он постиг и наивысшее наслаждение познания природы вещей и понял, что смерть природный закон. Надо расстаться с жизнью, чтобы из наших атомов что-то другое переродилось и создалось. Если же человека при жизни постигли несчастье и он не смог с ними справиться, а в старости его одолевают болезни, то тем более какой смысл держаться за такую жизнь, которая не приносит удовольствия. И последний момент, который хотелось бы чисто примечанием отметить, это курейцы на основании атомистического учения ещё и обосновывали возможную множественность миров. В других вселенных атомы ведь могли бы иначе складываться в комбинации. Также наша вселенная вполне вероятно, что возникла когда-то и в какой-то момент может разрушиться. Думаю, подобные взгляды близки многим нашим современникам, и я не раз общалась с такими коллегами физиками, химиками, биологами, разделяющими оказывается эпикурейские идеи о природе материи, причинности вселенной, множестве возможных миров и о выводах из этого для собственной борьбы со страхом смерти. Почему бы и нет, если это продуктивно? Стоицизм зародился тоже ещё в начале эпохи эллинизма, однако наиболее глубокое и последовательное учение создали в более поздний период римские стойки, на тексты которых мы будем сейчас спираться, чтобы понять замысел данного направления. Для ранней Римской империи характерны централиза-

ция и военный характер власти, в связи с чем социальной элитой становятся воины, образ жизни и задачи, которым должны были обрести концептуализацию в особых ценностно-этических учениях. Как вы понимаете, на эту роль не годились позиции ни кинников, ни эпикурейцев, поскольку первые отрицали власть и культурные нормы вообще, а вторые предлагали уединиться в небольшом кругу друзей, наслаждаясь простыми благами, познавая природу и не участвуя в социально-политических делах. Если эти стратегии не подходят в окружающей неясности вектора общественного развития и объективных опасностей, человек обнаруживает, что в своем понимании действительности в своих поступках и суждениях опереться вовне не на что. Естественно, тогда искать опору в себе. Почему представляя схему различных идеологических позиций выше, я говорила, что стоицизм сложный вариант, по пути которого большинство в итоге не последовало. Принятие всего обоих полюсов противоположностей, вдвинутых прежде всего в существование самого человека, означает не только позитивный ряд добра, красоты, разумности жизни, но и включение в свой горизонт страшного, злого, безобразного, в том числе и смерти, своей прежде всего. Вроде бы эпикурейцы нашли способ избежать страха смерти, но если мы присмотримся внимательнее, окажется, что их решение всего лишь очередная иллюзия, которую мы не можем на опыте не доказать, не опровергнуть. Можно утверждать, что всё является взаимодействием атомов, но как тогда объяснить свободу моей воли? Хорошо, пусть наша душа распадается со смертью тела, но где гарантия, что мы перестаём ощущать после смерти, пока абсолютно все клетки тела не разложились? Да и вообще, природа природы, а может быть, я просто не хочу умирать, может, я ещё хочу что-то успеть, да и откуда тогда у других людей представление о загробной жизни? Почему я должна соглашаться с тем, что главное в жизни удовольствие и минимизация боли? Я бы не стала за это умирать, значит, это не главная ценность? Кстати, это хорошая самопроверка задуматься над тем, ради чего вы бы отдали жизнь. Это и будет ваш базовый ценностный ориентир. Легко ли тогда принять собственную смертность, когда мы видим, что не знаем, как всё на самом деле? Легко ли согласиться с этим природным, безусловным и не от нас зависящим законом? Нет. Но это нужный шаг, только такой, который никакие объяснения не подсовывает туда, где их не может быть, к тому, о чём у нас не может быть опыта. Как принять смерть? Не благодаря объяснениям, а во всей её неизвестности. На такое мужество способны только отчаянные единицы, и по сути, это путь воина. Так, стоицизм в Римской империи стал основанием мировоззрения прежде всего немногочисленной воинской элиты, полководцев и императоров. Как в другой культуре говорит о том же самом японский самурай Ямамото Цунутону, один из создателей бушидо-военного канона самурайского сословия, в действительности соответствовать этому пути способен лишь один из тысячи, ведь каждый норовит избежать работы, которая требует приложения усилий. Поэтому же римский стоик, выдающийся политический деятель своего времени Луциан Исенека, уверен, что, ища подлинность жизни, нельзя следовать за общественным мнением большинства. С такого предельного мужества самостоятельно смотреть реальности в лицо и принятие ее во всей полноте и парадоксальности берут свое начало стоицизм и бушидо. Общая для этих учений основополагающая метафора «живь так, словно уже умер» имеет огромную освобождающую силу. Несмотря на труд, усилия, применение этой формулы по отношению к себе она дарует независимость от всего, как внешнего, так и внутреннего. Живущий словно уже умер, человек не нуждается ни в чем, не спешит и не суетится, не зависит от еды и интересного комфор-

та, не привязывается даже к самым дорогим во всех смыслах вещам, людям, к местам, воспоминаниям, планам и так далее. Но такая свобода не произвол, не отрешенность. Этимологически свобода одно со своим собственным, не в более узком смысле моего частной собственности, а в широком, чьим и собственность, чему мы принадлежим. Вспоминаем самое само Платона. Оно через каждого течет уникальным способом и соответствием своему способу быть для конечного времени и пространства существа как раз означает максимально возможную полноту, интенсивное исполнение, самореализацию. Сложнейший путь, узнай себя, гноис и автон, приводит к пониманию, что я не мои вещи, тело, переживания или представления, а уникальный способ быть. Следовательно, принципиально свободны от всего иного и способны на полноту в своем месте, независимо от наличия или отсутствия богатства, добра, славы и так далее. Попытки достичь полноту экстенсивно за счет чужого, завладения, уничтожения или бытия не своим способом, обречены на провал, поскольку уводят от единственного подлинного источника полноты, своего собственного. Вот об этой свободе, внутреннем, единственном надежном основании не учат стойки, а трудность золотой середине, которую нужно устанавливать, вопреки растаскивающим сторонам противоположностям, независимо от внешних обстоятельств и внутренних переживаний. Как пишет, пережившие в своей карьере взлеты и падения, в своей жизни болезни и изгнания, равно как богатство и почет, римский сенатор Сенека в письме к своему старшему брату, удающемуся оратору, консулу Галеону, неважно, обеспечат ли ему перины и мягкие подушки, или же придется склонять уставшую голову на солому, будет ли его почитать царем или придется прислуживать кому-то на чужбине. Ни богатство, ни благо, ни комфорт, ни почет не сделают его более счастливым, чем он сам себя может сделать, равно как и отсутствие этого всего не сделают его ни униженным, ни оскорбленным, ни менее счастливым. Однако, безусловно, умный человек не станет отказывать себе в комфорте или невежливо относиться к тем, кто его уважает и почитает, поэтому нет смысла специально себя истязать и бежать от общества. Если будет выбор, то стоик возьмет лучшее, хотя он может обойтись и без всех благ, и даже в изгнании и бедах не потерять честь и достоинство. То есть, в отличие от эпикурейцев, стойки не относят богатство, удовольствие, комфорт к высшим ценностям и благам, ради которых только стоит жить. Хорошо, если они выпали на долю, но и без этого надо уметь обходиться, если не выпало. В отличие же от кинников, стойки не считают, что, с другой стороны, для достижения внутренней свободы следует обязательно презреть материальные, социальные и культурные ценности. Все это внешнее, как благо, так и лишение этих благ. Настоящая свобода поэтому не может зависеть ни от статуса человека, ни от уровня достатка, ни от приятностей или их отсутствия. Император Марк Аврелий Антонин иногда делал небольшие заметки, которые в течение его жизни составили небольшой философский дневник, переиздаваемый до сих пор под названием «Размышления». Я не могу это читать без слез уважения к человеку, который был верховным правителем, не зависящим от наличия у него огромных богатств, военной славы, который обладал властью над несметным количеством людей, но при этом старался каждому помочь, о каждом заботиться и, как он сам себе напоминает в своих заметках, каждому воздать справедливо, по достоинству каждого. Император записывает для себя, как ты относился до сих пор к богам, родителям, братьям, жене, детям, учителям, дядькам, друзьям, домашним, грабам? Ко всем ли у тебя до сих пор получается не совершить ничего беззаконно и не сказать? Вспомни и то, что ты уже прошел, и на что тебя уже хватило, и что теперь полное у тебя знание

жизни, и что это последнее твое служение, и сколько прекрасного ты видел, и сколько раз пронебрёк наслаждениями или болью, сколько славы не взял, к скольким недобрый был добр. Удивительный правитель Марк Аврели понимал, что всем мил не будешь, но ведь поступать стоит не ради мнения других, но на пользу своему народу достойно выполняя свой долг, соответствует должности, которую ему доверили. В таких случаях приходится своим желаниям и склонностям наступать на горло, поскольку в дела императора входит судить и казнить преступников, даже если тебе по-человечески их жалко, воевать с непокорными, даже когда не хочешь проливать кровь, указывать другим и принимать решения, даже если сам не изучил вопрос до конца, или когда хочется, чтобы все эти нескончаемые дела закончились, и люди дали побыть наедине с собой, дали просто отдохнуть. Марк Аврели пишет, «Гордыню оттеснить можно, одолевать наслаждение и боль можно, быть выше славы их можно, на бесчувственных и неблагодарных не гневаться, а еще заботиться о них можно». Пол жизни император мучился от язвы желудка и кровохоркания, тогда эту болезнь умели лечить, и это действительно в телесном плане очень мучительно, просто страшно, да и необходимо для организма пища толком не усваивается. Сначала Марк Аврели принимал сильно действующее обезболивающее, но потом понял, что это наркотик, и не желая погубить ясный ум, выбрал испытывание боли и мук в противоположность утрате самоконтроля. Он пишет в своих заметках, что все подобное происходит по природе, но от нашей воли зависит, мужественно ли мы принимаем беды, продолжаем ли вопреки им заниматься необходимым своим делом, остается ли свободной наша душа. Так вот, пусть не идет извне признание, и все у тебя хорошо, и если даже это тело твое режут и жгут, если оно гниется, гниет, пусть та доля, которая ведает признанием этого, будет покойна, то есть пусть так рассудит, что это не добро, не беда, раз может так случиться и с хорошим человеком, и с дурным, ты душа на себе труп таскающий. И вот еще с другого места его книги. Быть похожим на утес, о который непрестанно бьется волна, он стоит, и разгоряченная влага затихает вокруг него. Несчастный я, такое со мной случилось, нет, счастлив я, что со мной это случилось, а я по-прежнему беспечален, настоящий в него изъявлен перед будущим неробею, случиться-то с каждым могло такое, но беспечальным оставаться сумел бы не всякий. Так запомни, во всем, что наводит на тебя печаль, надо опираться на такое положение, не это несчастье, а мужественно переносить это счастье. Свобода способа бытия, решаясь на весь размах между полюсами и противоположностями, требует непрестанной борьбы с собой, как со страхом небытия, так и со своими непродуктивными желаниями, надеждами, иллюзиями, уводящими от полумуты. Главные враги тогда не вовне, а внутри, не научившись побеждать такие свои пороки, как вожделение, гнев, зависть, жажду наживы, гордыню, действия из личных интересов и выгод, лень и так далее. Вряд ли человек сможет противостоять превратностям судьбы или другим людям. Эти негативные черты можно также переселить упором на противоположное, возвращая в себе, постоянно практикуя добродетели, главная из которых рассудительность, искренность, мужество, верность в себе, внимательность, ко всему, в том числе, к деталям, мелочам, сострадание, самообладание, умение терпеть страдания, целеустремленность. Однако полнота предполагает не смесь противоположностей, но удерживающую баланс между ними золотую середину. Поэтому важно не стараться всегда быть праведным, но думать только о пути, для чего нужно научиться умело отходить от нормы и не имея предпочтений к определенным чертам, стилям, характеристикам, поступать сообразно текущему моменту. Полнота бытия означает не только предельный охват возможного, но и,

самое главное, присутствие, присутствие, извините, присутствие происходящего в действительности. Реальное, подлинное, настоящее может быть достигнуто в концентрации на том, что здесь и теперь. Нет ничего за пределами текущего мгновения. Прошлого уже нет, можно только извлечь из него опыт, но держаться за него и копаться в нем бессмысленно. Будущего еще нет. Сколько бы мы ни строили планов и ни предполагали, практически все во власти непредсказуемой судьбы. И поскольку вся жизнь человека есть последовательность мгновений, как пишет непрестанно преодолевавший страх смерти Марка Врелли, каждый жив только в настоящем мгновении. Если мы полностью собрали себя в настоящем, нам нечего терять и не о чем беспокоиться, если пребываем в готовности чувствовать, когда и что пора, и поступать в сообразной реальности. Пребывание здесь и теперь связывается за внимание у Марка Вреля об этом чуть ли не на каждой странице. В присутствии, при сути происходящего человек превращается в чуткое видение того, что есть. Такое видение противоположно веданию, как состылающему настоящему рассчитывающему представлению, плану, набрасыванию ярлыков, попытке уместить реальность в схему. Несмотря на то, что постоянное обучение и самосовершенствование важны, как воздух, бывают случаи, когда многие знания оказываются препятствием. Здесь наши авторы не противоречат себе. Для всего есть своя пора. Для учения, чтобы приобрести знания и натренировать способности, и для участия в событиях, в рамках которых губительно рассуждать, как быть, когда они уже происходят и требуют единства с собой. Поэтому учат они не столько конкретным техникам, сколько внимательности к настоящему, отсекая все лишнее, рассеивающее, глубоко входить в каждое действие, сообразовываться с реальным, без плана, без представления. На фоне решительного принятия временности своего бытия внимательность к настоящему вплоть до мельчайших деталей открывает и пронзительную полноту прекрасного, которую можно увидеть во всем. Даже, как пишет Марк Аврелий, в неровной корочке хлеба, звериный морг гнущихся осенних колосьях или морщинистой кожи пожилого человека. Сонека начинает свою физику с вечных философских вопросов и с упоения той красотой, которая заключена не только в видимом, но и зашифрованном в законах природы. Так, видение красоты во всем, стремление к высшему познанию вселенского порядка и принятие естественного течения бытия определили идеалы жизни и поступков согласно с природой, ее законами и ритмами. Но стойки, в отличие от кинников, в этом плане не предполагали сведения всего человеческого в нас к животному. Природа составляет огромную, не нами созданную, не нами управляемую часть реальности, которую необходимо принять и которой нужно соответствовать. Это значит, в том числе, принять особую природу человека, который, в отличие от животных, этическое, способное рационально мыслить открытое и свободное существо. Поэтому следование собственной природе означает прежде всего мужественно-рассудительное участие в общественной, политической, культурной жизни. Так, неопределенности социальных отношений и непредсказуемости объективных случайностей, стоицизм противопоставляет свободу своего собственного исполнения в любом содержании занятий, концентрацию, здесь и сейчас, целиком присутствия в том, на чем в данный момент сосредоточен. Мы не можем изменить судьбу, но можем изменить отношение к ней. На самом деле, реальность нейтральна, знамения имеют место лишь в глазах смотрящего. Даже, казалось бы, отрицательное лишение трудности можно увидеть как для чего-то нужное и полезное, как вызов для преодоления или как опыт для дальнейшего самосовершенствования. Наши авторы советуют буквально радоваться трудностям, поскольку без препятствий нет развития. Бедствия –

самый удобный случай для проявления доблести, напоминает нам Сенека.

6.2.3 Александрийский Мусеон: механика Архимеда, неоплатонизм

Передохнем немного от трудной философии золотой середины, обратившись к историческому контексту. Созданный одним из диадолхов Птолемеем I, в III веке до н.э. после завоеваний Александра Великого, Александрийский музей непрерывно функционировал в качестве уникальнейшего культурного и научного центра в течение почти 800 лет. Его сохранили и продолжили поддерживать римские завоеватели уже в нашей эре, но закрыли только после окончательной христианизации в начале V столетия в связи с идеей борьбы с язычеством. А все работавшие в Александрии ученые были греко-римского или египетского происхождения и в основном следовали мифологическим представлениям своих народов. Идеологами создания данного комплекса и первыми служившими там исследователями были перепатетики ученики Аристотеля, приглушенные царем Толемеем из Афинского ликея. Сам музей известен прежде всего обширной библиотекой, воплощавшей желание Птолемея создать у себя хранилище всех знаний, чтобы привлекать и воспитывать в своем государстве лучшие умы. В библиотеке продолжали столетиями накапливать книги выдающихся ученых и философов, как работавших в Александрии, так и известных авторов из других, в том числе арабских и азиатских стран. Кроме, так сказать, беспрецедентного по своему замыслу международного информационного центра, на территории Харамамус, отсюда его название, были разбиты ботанические и зоологические сады, создана техническая выставка автоматических устройств, открыта медицинская школа. Вплоть до властовования последней царицы элонистического Египта, Клеопатры из рода Птолемеев, продолжалось также накопление коллекций художественных произведений и иноземных диковин. В ходе гражданских войн и внешних завоеваний несколько раз происходили пожары и разрушения, в результате которых части собраний книг и предметов искусства были потеряны. Однако, интеллектуалы спасали те произведения, которые могли, а властители старались восполнить коллекции и восстанавливали несколько раз этот уникальный культурный комплекс. В Александрии развивались математика и механика, филология и астрономия, география и история, минералогия и медицина. Именно здесь зародилась алхимия и системные теоретические основания металлургии. Возникла школа неоплатонизма. Этот мощный научно-образовательный центр породил на множество самых известных ученых и философов поздней античности, среди которых было также немало женщин, наряду с мужчинами, преподававших и издававших научные труды. Например, Мария Пророчица, первая женщина-алхимик, основательница алхимической школы, изобретательница ряда химических аппаратов и процессов, используемых по сей день. Гепатия Александрийская, женщина-математик, астроном, механик, философ и глава неоплатонической школы. Астрономическую систему, созданную во втором столетии Клавдием Птолемеем с неподвижной землей в центре космоса, примут как основополагающую почти на полторы тысячи лет и пересмотрят только в 16 веке благодаря Николаю Копернику и Галилею Галилею. Альтернативы геометрии Эвкалида, разработанные в 3 веке до н.э., предложат только в 19 столетии. Важнейшими чертами Александрийской науки были, во-первых, энциклопедичность, собрание знаний обо всех сторонах действительности и попытки представить их на единых более или менее непротиворечивых основаниях. Второе, что бросается в глаза, это мощная практи-

ческая направленность исследований. В отличие от во многом умозрительного познания классической Греции, Александрийский научный центр задумывался с неплохой эмпирической базой, интегрировавшей также практические наработки восточных культур и нацеливающейся в том числе на полезные изобретения. Это был мудрый политический ход Птолемея. Таким образом, непревозойденная греческая теория ассимилировалась на почве практически ориентированного знания восточных культур, а правители получали не просто информационный библиотечный центр, которых в древнем мире было немало, в том числе у египтян, персов, ассирийцев, но самое главное базу научных открытий и технических изобретений. Впоследствии римская наука будет перенимат эти черты. не в ущерб детально проработанной теоретической составляющей активно развиваются и применяются такие практические решения, как водопровод, акведук, водяная мельница, абак, прототип калькулятора, гиппоконус, утопительная система, сооружаемая под полом, механическая пила, специальная оптика с использованием зеркал для ночного освещения и маяков и множество других полезных изобретений. Наконец, к особенностям Александрийского музея относится и то, что это был фактически полноценный в современном смысле исследовательский институт. Он находился на попечении текущей власти, как эллинистической, так и затем римской. И трудящиеся там ученые, в том числе приезжающие на обучение иностранцы, получали жалования и отдельно премии за изобретение или полезные практические решения. были учреждены литературные и художественные премии и награды для творивших там деятелей искусства. Также до начала третьего века члены музея освобождались от налогов и, вероятно, от общественных повинностей. Давайте познакомимся с некоторыми представителями этого уникального научно-образовательного центра. В третьем веке до нашей эры Эвкли впервые предпринял попытку систематизировать все математические учения, наработанные античной мыслью за предшествующие несколько столетий. Хотя и до него исследователи составляли книги, задержавшие обширные сведения о различных областях математики, Эвкли занялся именно сведением всех учений к единому основанию. Он знаменит прежде всего своим объемным сочинением «Начало» из 13 книг, в котором последовательно излагаются основы геометрии и теоретической арифметики, а также закладываются основы геометрической алгебры. Этот труд более чем на два тысячелетия стал базовым учебником по геометрии. Математическое учение во многом восходящее к пифагорейцам. На самом деле и в современной школе преподается, но все фактически обучались эвклидовской геометрии с 5-6 по 10-11 класса. Сегодня о ней эвклидовых геометриях иногда рассказывают только в 11 классе. В связи с этим мы не будем сейчас детально перечислять, что именно представляет собой основу геометрии и как эта дисциплина соотносится с арифметическими вычислениями. Единственное, что мы отметим, это философский принцип, в соответствии с которым эвклид систематизировал известные ему математические учения. Начало эвклида представляет собой образец системности и последовательности мышления, поскольку организовано логически путем выведения из базовых определений и положений важнейших следствий. Эвклид несомненно опирался на философию Платона и Аристотеля в своем методе организации математического знания. Геометрические чертежи, на которых при проведении вспомогательных линий неявная истинна становится очевидной, служит иллюстрацией для полтоновской концепции припомнания. Предложения геометрии потому и называют теоремами, что для постижения их истины требуется воспринимать чертеж не простым чувственным зрением, но очами разума теоретически. Всякий же чертеж к теореме представляет

собой идею. Мы видим перед собой эту конкретную фигуру, а ведем рассуждение и делаем заключение сразу для всех фигур одного с ней вида. Также и без опоры на классическую логику Аристотеля и его аналитики, столь последовательное и логически верное рассуждение в рамках доказательства теорем не было бы возможно. Знаменитый древнегреческий математик, физикоинженер из Сиракуз на Сицилии Архимед, обучавшийся также в Александрии, во многом обязан систематизации математики, осуществленной Эвклидом. Труды Архимеда относились почти ко всем областям математики того времени и что особенно способствовало дальнейшему развитию открытия исследователя имели место в области математического анализа касательно алгебраического представления объемных сечений, вычисления площадей и объемов сложных фигур и так далее. Архимед прославился также изобретением различных механических устройств и конструкций, описав действия например рычага, винта, поднимающего в воду, систем блоков для выигрыша в силе при поднятии грузов. В порту Серокоз благодаря Архимеду работало множество облично-рычажных механизмов, а город успешно оборонялся во время осады римлян, созданными Архимедом метательными машинами. С жизнью Архимеда связано несколько легенд. Широкую известность получил рассказ о том, как он сумел определить, сделана ли корона царя Гейрона полностью из золота, выданного царем для этого заказа, или нанятый ювелир жульничал, подмешав расплав серебро. Размыслия поставленные задачи, Архимед пришел в баню и, погружаясь в ванну, обратил внимание на поведение уровня воды. В этот момент его осенила идея о соотношении вытаянного объема и веса, которая легла в основу гидростатики. С криком Эврика Архимед выскоцил из ванны и побежал проверять свою гипотезу. Сравнив объемы воды, вытесненные короной и слитком золота, равного с ней веса, ученый доказал обман ювелира. Согласно другой легенде, благодаря открытию теории рычага и созданию полиспата, Архимед смог в одиночку сдвинуть с места огромный корабль при перевозке его по суше на катках. А шеломленным соотечественникам ученый сказал, что будь у него точка опоры, он бы перевернул землю. Во время штурма сиракуз римлянами устройство привели к поражению целой армии, которая атаковала город с моря и суши. Римляне, надеявшиеся быстро захватить город, были вынуждены отказаться от первоначального плана и перешли к осаде. Через два года город захватили, и то благодаря изменнику. Во время штурма Архимед, захваченный решением своих математических задач и не обративший внимания на ворвавшихся воинов, голубик на месте. Огромное наследие научных работ Архимеда по сей день активно изучается и систематизируется. Историки до сих пор в 20-м и 21-м веках находят ранее неопубликованные труды великого математика и механика и удивляются глубине и ширине его мысли. Но думаю об Архимеде и его предшественнике и в Клиде интересующиеся получат время и возможность подробнее поговорить на семинаре. Но мы с вами на нашей лекции должны сегодня еще успеть посмотреть на такое менее, наверное, известное вам философское направление как неоплатонизм. Ребята, я сейчас извиняюсь на минутку. мне надо отойти. Сейчас буквально минуточку. Я вернусь сейчас. Неплатонизм. Из названия я думаю понятно, что это новая жизнь полтоновского учения, которую развили во втором в третьем веках нашей эры александрийские исследователи. Они интегрировали теоретические положения философии Платона с магически-мистической, алхимической и астрономической практиками, а также синтезировали наработанные предшественниками зрения аристотеевским методом. Рассмотрим основные положения неоплатонизма, представленные в сочинениях Платона грека по происхождению, учившегося и за-

тем работавшего в Александрии. Работу учителя после его смерти собрал и систематизировал финикийский мыслитель Порфирий. Он организовал труды Платина в шесть томов по девять трактатов, в каждом назвав их Энады девятки. Платин создал продуманную и самосогласованную систему представлений просто обо всём. Иногда я перечитываю трактаты из этих его сборников и каждый раз не перестаю поражаться, как точно и логично у него всё сказано, как тщательно воедино собрано лучшее из Платона, Аристотеля и стойков, но при этом сказано новое своё. Согласно неоплатоника, мир не является результатом специального замысла божеств или единого бога Демюрга, но появился в результате необходимости в средстве эманаций, что значит нисхождений единого, поскольку в основании всего мироздания единое, которое обладает свойствами целостности, полноты и всеобъемлемости, оно настолько богато своей полнотой, что переполняясь бытием и как бы желая бесконечно делиться собой, взрывается, выливается в огромный космос, гармоничный и мудро организованный. Так единое эманирует в ум, который у ранних мыслителей Нус и Логос, помните прошлую тему, такой вселенский разум, или лучше сказать единая мысль обо всем, которая управляет вселенной, и кстати, которую выразить одной формулой не перестают желать современные физики. Плотина убедительно доказывает, что само единое непостижимо, и мы имеем дело только уже с дальнейшими как бы ступенями его выражений в форме ума, порядка мирового целого и затем в виде души мира. Все существа являются как бы складками, постоянно движущиеся, бесконечно многообразные, чувствующие, на разные лады самовыражающиеся единой ткани мировой души, которая в каждом пробует и как бы пытается найти удачную комбинацию. Так ни одно существо полностью не умирает. При рождении просто перекомбинируются части этой единой души мира, пробуется новая вариация. Материя мыслится в такой системе в качестве самого низшего неудушевленного начала, причем не существующего в действительности, но только в возможности. Кто хочет поломать себе голову над парадоксом реального и потенциального несуществующей материи и существующих вещей, почитайте вот этот маленький трактатик под ссылки. Потом подобное тотчайшее рассуждение о том, что материя в пределе ничто можно найти только у средневекового Иоанна Дунса Скотта. Что же касается человека в такой продуманной сложной системе вещей, он специфичен по сравнению с животными тем, что оказывается способен приобщиться к уму с большой буквы и понимать фундаментальные законы и первопричины мироздания. Однако часть нашей души отягчена животным началом, увязая в материи и для того, чтобы обрести настоящее человеческое счастье, надо возвысить душу при жизни. Достигать возвышение своей человеческой души следует в единении со всей душой мира, затем в приобщении к разумению космического первопорядка ума и наконец в воззрении того истока единого, который непостижим, но о котором можно догадаться. Неоплутоники предлагают через практики самоочищения, аскезы и медитации очищать свою душу таким образом и возвышать ее. То есть на пути к счастью следует максимально отрешиться от всего материального, земного и устремить свой внутренний взор благодаря прилежно последовательно осуществляющему познанию к самым фундаментальным основам. Тогда и высшим блаженством становится само мышление, а главное добродетелью, чистое видение всего, как оно есть, глазами разума. Неоплатоники поэтому отрешаются от социально-политической жизни, сосредотачиваясь на исследованиях и предпочитая познание основ мирской жизни. Такая выстраивается иерархия ценностей. Безусловно, хороши и нужны, гражданские, как их называют паутин добродетели, вроде мужества, щедрости, справедливости, но

вообще-то это все необязательно. Главное добродетель интеллектуальная.

Лекция 7 Философия и наука в Средневековой Европе

7.1 Социально-исторические условия формирования европейского Средневековья

5 15 века как раз рамки этих внутри этих рамок в общем-то достаточно стабильная эпоха

тем не менее есть свои границы раннее зрелое/высокое средневековье

да и вот ранние средневековья еще одна еще один миф по поводу того что здесь значит все было так темные века все было в состоянии какого-то краха и так далее вот этот вопрос я специально подниму обязательно почему потому что ну вот от того поймете вы это или не поймете как это поймете зависит ваше восприятие средневековья вообще значит о чем мы говорим мы будем говорить сейчас о том что социальная стратификация речь идет о том какие группы социальные группы социально психологические группы составляют эпоху какого-то перехода кризисную эпоху а мы сейчас имеем дело мы сейчас говорим 5 век 4 3 4 5 век это по ходу кризисная глобально кризисная эпоха который определенными настроениями какие настроения будут скажем так решающими для эпохи со дневековья значит смотрите во все вот эти вот трудные времена включая сегодняшний вот можете кстати экстраполировать вполне даже подходит

Существует как минимум три группы настроений, которые связаны социально-психологическими особенностями и три группы которые можно разделить декаданс лоббильность и ригидность но

Декаданс значит давайте с ним очень и когда это ситуация вот к нему здесь у нас портрет марка вели стоицизм лучше всего подходит для вот этого настроения декаданса которая говорит о том что все пропало ничего уже не будет прежним как бы все у нас летит в тартарары и соответственно единственно что нам остается это мудрость определенная крепость духа и просто выдерживать все неприятности которые на нас сваливаются почему это эпоха простите почему это настроение настроение скажем так не будущего не того что вообще составляет будущую средневековую попу потому что это во первых такой энтропийный подход энтропия поворот на себя энтропия да поворот внутрь то есть это настроение людей которые пишут тексты которые рефлексируют и говорят о том по сути дела о своем состоянии их вообще не интересует ни будущее ни прошлых интересует только свое вот это вот состояние это такие люди как правило ну знаете вот они внутренне ориентированные вот так вот на себя они не видят вокруг потому что их интересует первую очередь внутреннее состояние конечно многие философы немного психологи в современности философы но вот из этого да из этого региона социально культурного такого слоя частная судьба как правило их интересует до своих чувств здесь сейчас вполне закономерно

что этим настроением вообще-то новое не создается

другие социальные силы вот лоббильность и ригидность лоббильность и ригидность они почему это состояние уверенности состояние уверенности все как бы нормально но они резко отличаются вот состояние

ригидности это уверенность что ничего не изменится все будет так как раньше вот сейчас чуть-чуть это самое прошло называется потрясет и все вернется аппалинарии седоний вот есть такой синдром седония синдром аппалинарии седония он означает способность не видеть краха не видеть краха то есть абсолютно уверенность что ничего не происходит даже если вы находитесь жирли вулкана уверенность конечно это уверенность но это уверенность слепоты почему седоний попал вот так скажем в название потому что это был интересный человек который писал письма в этот период и этих письмах он рассказывал прогулках там же в галла завоевали рим уже вандалы там разрушали рима он рассказывал там что встать ничего не случилось все нормально у нас вот тут вот мы тут с друзьями посидели так хорошо поговорили на философские темы в общем ничего не происходит и

Лабильность то есть не для подвижность и здесь тоже некая форма уверенности но это уверенность действия уверенность активности настоящий и в тот период вот эта группа лабильности это в основном германцы я хочу подчеркнуть и может быть надеюсь вы это отметить у себя почему германцы к тому времени они уже занимают почти лидирующие силы в армии а почему потому что они наемные воины они этим занимаются зарабатывать этим себе на жизнь очень многие дальше как правило многие из них уже христиане потому что это люди из других регионов там христианство приняли чуть раньше так вот люди типа марка аврелия и уж тем более типа седония называют эти силы по-прежнему какими-то такими знаете маргинальными ну то есть не германцы и не христиане их не интересует они не видят за этими силами какого-то будущего но в этом есть своя как дается свое основание на тот период христиан всего три процента от общего объема до вероисповедания римской империи но они не я имею ввиду марка в реле тот же самый и аппалина и седоний это для нас сейчас будут нарицательны такие вот эти люди и люди типа этого они не замечают что вдохновлены то энергия то как раз на стороне тех кто вот для них варвары какие-то вот маргинальная маргинальная секты и так далее то есть вот эти так называемые не учитываемые не учитываемые обычно и становится лидирующим началом будущей эпохи вот серьезно у нас сейчас с вами глобальный кризис нужно смотреть на не учитываемых и конечно воодушевленных только они и будут выстраивать новую эпоху вот точно так же происходило в раннем средневековье почему мы не знаем позицию этих вот лабильных вот этих вот германцев тому подобное этих первых христиан которые по сути дела и составили будущую эпоху который мы сейчас будем говорить уже как бы полностью да потому что они не пишут текстов вот как правило мы в ту эпоху как минимум они не пишут это люди дела это воюющие люди люди создающие новые структуры там например ну то есть это люди дела пишут аппалина вистоне пишут письма потомкам всем вокруг о том как все плохо они много пишут а вот эти вот люди люди лабильного сектора не пишут делом занимаются вот этот пожалуйста расклад учтывайте когда будете следующий раз читать о том что эпоха средневековья особого раннего особенно раннего средневековья это эпоха тоски упадка чего-то такого совершенно ну как скажем ну в общем из чего ничего нового не строится так вот эпоха который о котором говорим ранее средневековья это резкое изменение расклада культурных сил афины уже не в моде но мы это на семинаре говорили вы на лекции это говорили афины

уходят это становится глубокой провинции она афинский университет не интересны финской школы интересны в ресурсе в таком в моде если даже угодно сказатьalexандрия египетская

мы переходим собственно к эпохе и структуре самого средневекового мира европейского

конечно нас к сожалению будет интересовать только европейский мир несмотря на то что вокруг происходит тоже очень много интересного ну ладно сегодня охватишь так вот

средневековье это римская империя вот это я хочу вас запомнить нельзя говорить о том что римская империя закончилась она продолжается очень долгое время условно говоря вообще-то люди не знали что уже средневековье началось вы же понимаете да что это назван нас гораздо позднее дальше что означает император раз империя то император нужно понимать что император это всегда статус статус связанных духовным лидерством потому что по своей должности император был принцип сам то есть император римской империи по должности принцип а вот император по статусу это тот кто чувствует что его государству то есть его людям и землям которые под его властью объединены под силам быть защитником и проводником какого-то духовного принципа я сейчас буду неважно империи было много империи разные но их объединяет некий духовный принцип и соответственно империи называют ту область где этот высший духовный принцип организует жизнь всех и каждого в той или иной мере вот это очень важная на мой взгляд момент понимание империи потому что традиционно мы думаем что империя это какое-то единое государственное образование но надо сказать что государства типа вот наших современных государств образовались только в 17 веке вот до этого их не было не было четких границ не было четко их вот определение где чья власть а уж чем более для такой большущей империи поэтому она довольно рано начинает разделяться на дверь и империи ну как она от империи одна но чувствуете империи это не государственное образование это скорее вот земля и народы объединенные одним принципом духовным что был за принцип у императоров римской империи это цивилизация права хороший дороги и цивилизации вот этот принцип который нанесли римляне в мир скажем так христианская империя это уже вот империи саду и к концу четвертого века происходит окончательный раздел на западную восточную римскую империю восточная римская империя она организуется вокруг города византий отсюда позднее историки придумали название византия понятно византии не называли себя средневековые люди западно римской перия так и называлась римская империя и восточная римская империя называлась римская империя на долгое время скажем так власть закрепилась за Восточной Римской империи, то есть за Византией современной. Она мыслила себя наследницей Рима и не предполагала вносить каких-то кардинальных изменений, кроме религиозных. Не в законы, не в особые юридические принципы. Не вносили. Дальше. Западная Римская империя, так мы будем ее называть, все-таки мы будем следовать традиции, которые еще в школе у нас заложены. И Западная Римская империя есть в Византии. Так вот, сейчас в Западной обращаемся. В Западной Римской империи в ней большое значение сыграл синтез античных, то есть греческих и, главное, римских, то есть романских. Они назывались романские народы. Романских народов, синтез вот этих вот греческих и романских народов и принципиально новых этнических социальных, культурных влияний. Что это за влияние? О них я уже говорила. Это германцы. Вот здесь на слайде немножечко другая информация, не та, что я говорю, но вы это просто понимаете, презентация это скорее вам на будущее, когда вы

будете готовиться. Так вот, германцы. Это одна из ветвей единой индоевропейской культуры, единой языковой семьи. Средневеков в истории псевдомаврики так описывают германскую среду. Он называл германцев белокурными народами. Белокуры народы весьма ценят свою свободу, они презирают всякого, кто струсит хотя бы немного, отступит в бою. Смерть они тоже презирают, они свидетели на поле боя, верхом на коне, в пешем строю. Они очень много пишут про них, да. Они ничуть не беспокоятся о том, чтобы принять меры безопасности, выслать разведку. В общем, это то, что относится к военным, да, к таким традиционным военным принципам, ценностям, ну, то есть такие аксиологические характеристики именно людей военных. Но надо понимать, да, среди германцев были военные отряды, и они как раз и нанимаются, охотно нанимаются ко всем императорам, ко всем князьям. Соответственно, вы наверняка слышали про призвание там князей на царство, призвание князей туда, призвание князей сюда. Да, это все понятно. Но в Римской империи они были настолько активны, что, надо сказать, к третьему веку, вот боевая-то часть римской армии, это в основном германцы. А за гражданами Рима, в общем-то, за ними одна функция закреплена. Это лимос, то есть, ну, охрана границы. Надо понимать, что германцы — это не немцы. Вот я так на всякий случай говорю, хотя прекрасно понимаю, что люди, знающие историю, им не нужно это уточнение, но я на всякий случай уточню. Германцы — это не немцы. Немцы — это этнос, который потом сложится на основе германцев, причем, ну, не самые его лидирующие части, альманы будут, да, там в основе. Это этническое образование, которое в той или иной мере повлияет потом и на становление французов, и на становление немцев, британцев, и на становление русского народа. То есть, вот как бы этоproto-этнос. Германизация римской армии, еще раз, вот подчеркну, это важно. Почему это важно? Не только потому, что они полностью изменили способы войны. Почему? Потому что римляне, как правило, воевали другим оружием. Они не воевали на лошадях, они лошадей только для обоза использовали. Они другие тактики выбирали. То есть, германцы оказались более умелыми воинами на тот период, и они как бы стали ядром римской армии. Но важно, да вот, что какой-то период времени германцы даже поставляли императоров. Это была эпоха так называемых солдатских императоров, почти весь Третий век. Эпоха солдатских императоров. То есть, понимаете, да, степень влияния этой среды. И, как я уже говорила, очень многие среди них были христианами. Поэтому вот примерно весь, почти все раннее Средневековье, ну вот как раз вот этот Второй, Третий век, Четвертый даже отчасти, но это уже в меньшей степени, христианство в Риме называли солдатской религией. Вот такие вот, ну опять же, нарицательно, марки Аврелии и Аполлинарии Сидонии довольно презрительно говорили о ней как о том, что скоро закончится. Ну это же солдатская религия, Господи. Ну солдат поубивают вот там в боях, вот и религия закончится. То есть чувствуете, да, связь? Вот это вот напора, умение воевать, и, соответственно, некого духовного принципа, который, в принципе, пришел с этими людьми. Да, в это время в Риме уже были христиане и не воины, не германцы даже, а римляне, то есть граждане Рима. Они тоже становились христианами, потому что христианство распространялось. Но это же называется несколько другая история. Это уже деятельность скорее апостолов, да, и это уже катакомбное христианство. Если получится, мы о нем поговорим чуть больше. Ну, можете просто узнать самостоятельно или как-то там поинтересоваться. Рекомендую вам книгу Доминика Бартоломи. Это одна из новых интерпретаций того, что понимать под рыцарством, под германством и так далее. Но к тому, насколько важны и насколько единообразны образы древ-

него вот этого этноса, я вам фотографию Рихстага ставлю. Вот посмотрите, эти товарищи, которые у нас, скажем так, простите, протоэтнос, да.

Значит, условно, средние века делятся на романский запад, да,protoфеодальный мир. И здесь можно выделить 5-8 век, это эпоха мировингов. Именно в этот период происходят все пертурбации германцев в Европе. Очень бурная жизнь. И надо сказать, что эта эпоха, которую мы называем великое переселение народов 4-7 век, это очень такая важная эпоха. И она связана с тем, что не только наемники в римской армии становятся как бы активны, ну германцы наемники, но и поселение, вернее, население, которое связано с обычной областью хозяйствования, с обычными там, ну земледельцев среди них пока еще маловато, потому что они когда сядут, вот они станут земледельцами. Ну, то есть это вот здесь перечислены самые разные, как их называют, отряды, нет, не отряды, а это было слово. Подскажите, если вспомните. Англы, саксы, фризы, готы. Готы, вот это, пожалуй, самая такая интересная... Племена? Племена, спасибо. Готы, вес, гот, рост, готы, наиболее интересные племена. Почему? Потому что вот императоры очень предпочитали все-таки на службу нанимать готов. Ну, видимо, такая наиболее военизированная часть была. В V веке, когда особенно активно развернулось одно из негерманских племен гунов, вот негерманские племена гуны тоже в тот период активничали на территории Причерноморья, и вот они выступили таким бичом для германских народов, погнав их в границы Римской империи. Поэтому Атиллай назван бичом Божиим, бич, то есть подгоняющий, да? Это его такая, ну, средневековая кличка. И вот эти германские народы, их погнали в границы Римской империи. Они достаточно быстро преодолели границу. Некоторые императоры их, ну, под этим напором просто пускали, селили на какое-то время даже в то, что мы сегодня называем гетто. Ну, знаете, лагеря для беженцев, да, вот такое вот. Но, как обычно, лагеря для беженцев в такие большие объемы народа долго не выдерживают. И в определенный период там случился бунт в одном из лагерей, и войско двинулось, вот, то есть там и войско, и просто, так скажем, невоенные люди, они двинулись на Рим, захватили его. Но 476 год, знаменитая дата захвата Рима, но самое главное, Рим, то что называется, и до этого захватывали, и разграбляли, и так далее. Грабили, простите. Вот, но 476 год знаменит тем, что последний император Западно-Римской империи, Рому-Августу, отказался от императорского сана, передал мантию германскому вождю Ада-Акру, и дальше всю жизнь прожил на Вилле, получая от него пенсию. Ну, то есть вот власть как бы символически, условно, она перешла к германцу. 476 год. Вот она, 5 век, это граница между античностью и средневековью. Я уже отчасти сказала про королингов, ой, простите, про мировингов. Ну, это, что называется, вы сами там поинтересуйтесь, или вспомните историю школьную.

Вот 8-10 век, это франки. Роль франков повышается. Не надо сказать, что это совсем иная среда, нежели готы. Вот готы-воины, да, а франки-торговцы, по большей части. Отсюда и слово франк, как денежная единица. Франк переводится в свободный. И чувствуете, здесь такая как бы, ну, французская несколько ноточка. Ну, как мы сегодня бы это называли французской, тогда, конечно, еще никаких французов нет, естественно. И вот 8-10 век, это эпоха каролингов. Чем она для нас важна? Это тем, что в этот период вот эта вот германская власть получила серьезную спайку с уже тогда существующим христианством в виде папской власти. Папа уже венчает на царство. Папа венчает на императорский сан, дает статус, простите, не сан, конечно, статус. И еще эта эпоха важна тем, что Карл Великий, знаменитый Карл Великий, от кого, собственно, пошло даже слово Карл, он сделал очень много для того, ну, не то, что бес-

платно, специально, но так получилось, чтобы западные и восточные римские империи окончательно были разорваны, чтобы христианство было разорвано, случился раскол и так далее. Ну, то есть, вот скажем так, почему западная Европа так ценит и любит Карла Великого, не потому, что он там слишком много сделал, многие, как говорится, императоры, многие короли много чего сделали, но он есть основа какого-то такого вот самодостаточности западного мира, самодостаточности Европы. Он, по сути дела, разорвал связи с Ближним Востоком, с Византией, и единственное, с кем он там поддерживал активно связь, это с арабами, но арабы-то три, мусульмане, поэтому тесные спайки, конечно же, произойти не могут. Ну, вот венчание Карла императорской короны произошло в 800 году, и это очень важная с точки зрения вот самосознания народов Европы дата. Плюс ко всему эпоха Карла Великого существенно повлияла на социальный статус, на социальный статус рыцарства.

Вот давайте немножко поговорим про рыцарство. Я сейчас посмотрю следующий. Королевское возрождение, можете вот про него тоже поинтересоваться. Я сейчас, скажем так, упускаю. Вот некоторые вещи, про которые я не говорю, это вам на самостоятельное изучение, либо, ну, поинтересуйтесь на семинарах. А мы сейчас перейдем дальше. Становление рыцарства. Почему рыцарство так важно? Потому что это военное сословие является высшей аристократической силой эпохи Средневековья. Ну, то есть это элита Средневековья. Когда мы будем у вас спрашивать, ну, так скажем, кто правил эпоху Средневековья, вы скажете короли, естественно. Мы скажем, ну, короли, короли, а кто они были? Короли-то это кто? Вот тут обычно заминка происходит, потому что король это рыцарь, причем первый среди равных. Тогда королевская власть, это не то, что, ну, вот мы немножечко сейчас воспринимаем, такая наследственная, да, вот передача. Очень долгое время наследственной передачи не было власти. Была власть сильных. Поэтому королем становился только тот, кого выберет дружина. Дружина выбрала, ты первый среди равных, ты король. Очень долгое время параллельно существовали две важнейшие силы, ну, как бы силы власти. Это король и герцог. Потому что герцог это военный вождь. Ну, вот он выбирается на конкретную военную кампанию. На какую-то долгую военную кампанию выбирается герцог. Это вот среди древних германцев даже такое было. И, соответственно, герцоги, ну, по статусу, они иногда были даже выше короля. То есть король, например, так, ну, как невеликий харизматик, и он, так скажем, ну, вот как-то хозяйственными делами занимается, какие-то там проводит встречи, а правит какой-нибудь герцог в каком-нибудь княжестве. Почему? Ну, потому что военный вождь. И поэтому Карл Великий первым делом, по сути дела, отменил герцогство как особый статус и ввел статус графов. А графы, они по, как бы, уровню тоже высшее знать, но это знать, которое назначается уже королем. Ну, то есть вот он присуждает статус графа. Ну, как ты скажешь, и запретил выбирать военных вождей. Чувствуете, королевская власть усиливается, усиливается, и уменьшается та прежняя социальная, ну, как бы уменьшается статус той прежней социальной структуры, которая существовала еще от древних германцев. Когда действительно вот это военное сословие, оно самообновлялось по принципу силы и авторитета. Ну, то есть если ты заслужил авторитет в боях, то тебя выбирают в качестве лидера. А в эпохе Карла Великого уже укрепляется, до этого местами возникающая на разных территориях, традиция передачи власти и статуса по наследству. Ну, то есть вот если ты герцог, если ты граф, если ты еще какой-нибудь там маркиз, то твой статус передается по наследству к сыну. Ну, там разные бывают системы, к младшему, к старшему, и в основном чаще всего к старшему. А вы понимаете, по наследству далеко не

всегда передается харизма, сила и что-то еще. Соответственно, вот этот вот наследственный принцип передачи эристократической власти, он становится началом конца Средневеков. Началом конца. И, конечно, это происходит намного заранее, чем этот конец станет очевидным. Кризисы закладываются в самом расцвете. Так вот, один из таких вот важных принципов, принцип наследования власти, он становится и началом конца. Да. Но смотрите, что такое рыцарство еще, военные сословия, как они живут. Воюют много, но надо понимать, при этом Средневековье не является эпохой постоянного какого-то вот такого участия в войне. Почему? Вот вам, пожалуйста, Доминик Бартоломий, и это подтверждают все другие исследователи Средневековья и рыцарства конкретно Средневековья. Он пишет вот что. Как, во-первых, происходила война? Вначале выстраивается, в кавычках, это, ну как бы цитата, мир, основанный на клятве. Вот если вы смотрели игру сезонов, то там даже отчасти это проявлено. Где-то, где-то очень, конечно, так неявно, но тем не менее. Вначале мир, основанный на клятве, потом обязательно кто-нибудь да нарушает клятву, ну вы понимаете, все же люди, да. И, соответственно, дальше война во имя мира. Вот так вот. То есть это не какая-то постоянная агрессия, да. Это вполне себе структурированная система, которая вот и позволяла рыцарству существовать. Потому что рыцари это всегда воюющая, как бы, часть элиты. Так вот, Бартоломи пишет, феодальная война была, по сути, сезонной, потому что ее содержание сводилось к набегу на земли противника, к осаде одного из замков. Эти операции, направленные против конкретного противника, перемежались общим разглагольствованием, когда велись переговоры, интриги плелись и так далее. То есть вот что такое война. То есть рыцари не только постоянно махали мечом, да, вот война. То есть набег на замок, там, значит, победили или там проиграли, и пошли проводить переговоры и вести интриги. В целом, они хотят победы правой стороны, но что бы ни обошлось без демонстрации военной доблести. Хотят красивых сражений, но без кровопролития. Феодальные войны, следя очень старым нормам посткаролинских вассалитетов и христианства, щадили жизнь и потомство не только знати, но и христианского класса, а также очень ценили богатство страны. Следствием этого был рост сельского населения, и благодаря этому начался рост городского населения вместе с бургами. То есть вот стремление вырезать население врагам, ну, скажем так, всех крестьян, там, этого врага и тому подобное, никоим образом не касалось Средневековья. Крестьян весьма оценили, понимаете, этот ресурс, это ресурс, который вот обеспечивает еду. Нельзя было, как говорится, всех порубить, потому что, а кто будет кормить твою конницу, кто будет заготавливать сено, кто будет заготавливать мясо людям и так далее. Ну ладно, рыцари сами хорошо себе заготавливают мясо, потому что еще одна забота рыцарей – это охота. Но, тем не менее, косить траву-то ведь они не будут, да, хлеб убирать они тоже же ведь не будут. Соответственно, для этого нужно крестьянство. И крестьян действительно щадили, и основные социологические исследования показывают, что в эпоху Средневековья крестьянство-то разрослось, весьма разрослось. Поэтому, в принципе, жилось-то хорошо, и не было каких-то бунтов, таких вот крестьянских серьезных, каких-то там выступлений. Это все позднее, это ближе к возрождению, и там у этого есть свои причины. Вот как бы это такая социальная договоренность интересная, когда рыцари одновременно и защищают, и в то же время постоянно воюют, да, вот это, но подержалось очень долгое время. Это социальная система одна из самых долгоживущих, как выяснилось на сегодня. Ну, класс еще был странствующих рыцарей, это рыцарские ордена. Большая роль их, как выяснилось, становление наследственной аристократии.

Например, орден храма, это 12 век уже. Вот он объединял две группы воинов, рыцари и сержанты, белые плащи и коричневые. Чтобы надеть белый плащ, соискатель должен быть сыном рыцаря, происходить от рыцаря по отцовской линии. Чувствуете, да? То есть у госпитальеров такое же правило было. Вот, то есть мы можем говорить о ситуации, когда не только личные заслуги, но и происхождение начинает влиять на социальный статус. Ну, вот это то, чего не было у германцев.

Таким образом, мы говорим о феодализме. Феодализм. От слова феодум, это средневековый латинский термин феодум, владение. Это специфическая система экономических, социальных и политико-правовых отношений. В марксистском анализе это общественная информация. Чем она характеризуется? Вот список у вас здесь есть, и я думаю, вы его просто должны помнить еще со школы, но обновлю, да? Это, во-первых, натуральное хозяйство, то есть отсутствие капитала. Что того капитал? Имущество, используемое для получения прибыли. Ну, в первую очередь. Это я так очень-очень общо говорю. Дальше. Условный характер земельной собственности. Что имеется в виду? Земля не принадлежит феодалам. Земля не принадлежит даже королю. Почему? Потом позднее поговорим, но принцип был все-таки такого, духовного свойства. Земля принадлежит Богу. Никому не принадлежит земля. Соответственно, земля... Все только наделяются землей. Король наделяется землей, потому что его армия завоевала эту землю. Он как бы получил ее в распоряжении. И он, соответственно, потом наделяет кусками этой земли своих верных соратников, то есть рыцарей, да? А они, в свою очередь, делят эту землю на какие-то наделы вокруг замка и наделяют этой землей тех, кто ее будет обрабатывать, то есть крестьянство. Это называется... А, и все вот эти вот люди приносят клятву верности друг другу. Христиане клятву верности приносят рыцарям, рыцарь приносит клятву верности другим рыцарям более высокого статуса, те, соответственно, королю. Вот это вот аммаж, церемония присяги, вассального договора. На ней основана вся система экономических, социальных и правовых отношений. Это специфично средневековая форма. То есть там нет... Так скажем, вот специальные историки отмечают, что крайне редко существовала в средневековые крепостная зависимость. Это очень редко, и мы потом с вами выясним, почему, если бы крепостная зависимость была, средневековые так долго бы не продержалось. Ну вот, таким образом, государство в средневековые, и это слово надо всегда иметь, вот в кавычках держать его, это система личной зависимости, которая образуется как политический и экономический факт в виде присяги. Клятва верности одного человека по отношению к другому. Когда будете рассказывать про феодализм, обязательно этот момент поменять. Значит, таким образом, социальная иерархия феодального общества это высший слой рыцарства, далее идет слой свободных общинников, и есть еще один слой, это клирики, имеется в виду люди, принадлежащие к церкви. Об этом поговорим чуть позже. Но опять же, все практически социальное, вот это вот устройство, оно зиждилось на идеи, что воины защищают, клирики молятся, ну там все и монахи, и как бы священнослужители, христиане трудятся. И по сути дела, ну, всех ведь это устраивало, тем более, что какое-то достаточно долгое время можно было переходить вот из этих сословий, совершенно спокойно переходили. Ну, не хочешь ты быть клириком, ты идешь, хочешь рыцарем становишься, идешь, покупаешь меч, учишься воевать, идешь, нанимаешься в какую-то армию, приносишь аммаш, и вперед.

в XI-XIII век Европа становится городской цивилизацией. Некоторые историки вот здесь ставят высшую точку в истории западного средневековья,

но, конечно, но это делают именно буржуазной историографией, потому что, собственно, здесь и началось начало буржуазной эпохи. Слово буржуазный проходит, слово бук, это тип города, который появился именно для профессиональной деятельности, то есть исключительно для того, чтобы люди, живущие в нем, работали, не жили, поэтому там, бурги, они очень неудобные для жизни. Это просто скопление каких-то домов, мастерских и тому подобное, причем потому что, ну, как бы это такое почти временное состояние, которое только постепенно потом становилось, ну, уже таким серьезными городскими образованиями. Изначально бург, это так по-быстроеному сошлись, чтобы, значит, образовать какую-то мастерскую, какую-то там, я эту торговую площадь, и вокруг нее вот какие-то мастерские и тому подобное. Поэтому все, судя и дело, историки, кроме тех, кто почему-то до сих пор придерживается буржуазной историографии, однозначно говорят, что это начало тоже конца Средневековья. Так вот, в бургах формируются такие профессиональные сообщества, которых человек мыслится в первую очередь человеком определенной профессии. Вот сегодня у нас у всех буржуазное сознание, потому что, если вас, ну, как бы, вы знакомитесь с человеком, он спрашивает, ну, вот, а ты кто? то вы отвечаете, кто вы по профессии, правильно? Вы не ответите, что я там хозяин трех копек, условно, ну, или что-нибудь такое, как вы себя-то идентифицируете, что у вас-то там в сознании? Нет, потому что социальная, ну, как бы, структура такова, даже не структура, а социальный дух таков, что вы есть тот, кто вы есть по профессии. Я вот работаю, так и так-то говорим, говорим мы все, да? Так вот, это типичное мировоззрение бурга, да? Совсем иначе было бы в других территориях средних веков, средних веков, ну, там, где-нибудь в замках, где-нибудь в каких-нибудь там, ну, в общем, в других небугах, да, местах. То есть эти в бургах создавались цеха и гильдии, это корпорации, объединения по профессиональному принципу. Гильдии, это в основном торговые, цеха, это мастерские. Они имели не только экономическую, такую, территорию, коммерческую функцию, но также управляли жизнью города. То есть город, ну, если человек рождался, его цех или гильдия как бы называла определенным именем, да, то есть совместно вот так вот. Когда он умирал, гильдия оплачивала похороны. Свадьба тоже, если, ну, вы значимый человек в гильдии, свадьба тоже, это было дело гильдии или там цеха. Можно привести пример одного, одно из таких, ну, важнейших средневековых образований бургов, которые жили вот исключительно за счет гильдии, это Венеция. Девиз Венеции был даже таков, вначале мы венецианцы, то есть, по сути дела, торговцы, да, а потом христиане. Но на самом деле любая торговая гильдия могла бы, наверное, взять такой девиз себе. Вот так формируется новый социальный слой буржуа. И какое-то время, 13-14, даже отчасти 15 век, недалеко не все города чувствуют свою силу, они пока еще вот такие вот маргинальные образования на территории средневековья. Но постепенно, вот спустя 2-3 века после своего появления, именно буржуа будет новой элитой, общества, которая будет противостоять старой элите общества, буржуа против рыцарей. Это такой вот будет фундаментальный раскол общества и очередная трансформация, очередной кризис.

и вот именно в поздний период, когда рыцарство уже живет в настроении медикаданса, тогда мы с вами встретим тех рыцарей, которые вот нам кино показывают, описывают в самом разном образом, но не как бы исторические свидетельства, а такие вот оклохудожественные. Это вот весь закованный блатной с вот такой вот рыцарь, да, но надо сказать, что рыцари, они были все-таки вот такими, потому что воевать в этом крайне трудно, вот они, да, то есть максимум на те кольчуги, а это вот уже для турниров, вот это турниры. А турниры это

далеко не все в Средневековье, это самое-самое позднее. Вот этот кульп прекрасной дамы, турниры средневековые, это уже такие вот причуды, которые характеризуют декаданс, то есть упадок рыцарства, когда рыцарство уже не имеет значения серьезного, ни как военная сила, не как социально-политическая сила, уже игрища, игрульки.

Так, международный контекст Средневековья, очень важный контекст, чего тут у меня открылось, извиняюсь. Так вот, конечно же, самое главное перипетии в международных отношениях это в Средневековую эпоху, это контакты разного рода контакты с мусульманской империей. Немножечко о мусульманстве. Мусульманство, ислам, более точное название, одна из трех мировых религий. Магомед или Мухаммед мыслил своей миссией восстановления подлинной веры, то есть, как все мусульмане прекрасно знают, это вера, которая описана в Ветхом Завете, ну или просто в Библии, как мы можем сказать, это вера Ноя, Авраама и других пророков, которая, эта вера, по мнению Магомеда, была исказена иудеями и христианами. Ну то есть, как всегда, когда новая религия образовывается, она находит какой-то старый источник и, соответственно, обвиняет в каких-то искажениях уже существующие на основе этого источника другие религиозные традиции. Так частенько бывает. Так вот, Магомед излагал свои учения в кратких изречениях, которые, будучи собраны, составили священный текст ислама, книгу Алкарам. Магомед еще, как говорится, только он вот вошел, я всю историю христиан, простите, мусульманство рассказывать не буду, тоже, надеюсь, знаете или поинтересуетесь. В свое время Магомед отправил послов в Константинополь с предложением покориться исламу. Ну вот как бы, типа, ну вот она, истинная религия Ноя и Авраама, поэтому, ну давайте все-таки ее разделять. Но, конечно же, император Иракли отверг это предложение, и Магомед начал военное действие. После его смерти в 632 году войну продолжил его преемник Абукерк, затем Амар, и вот наместники пророка, это калифы, с 7 века завоевали очень большую территорию, просто огромную. И мы подчинились, ну, то есть, наместникам, калифатам, подчинились, разным калифатам, подчинились Сирия, Египет, Палестина, Испания, другие страны. Для европейской истории огромное значение и в то же время для развития науки имеет вот эта вот часть, то есть, испанские земли, захваченные мусульманами. Это мусульманская Испания или так называемая Аль-Андалуз. Культурная политика первых калифов была, по сути дела, основана на уничтожении. Ну, то есть, вначале идет волна такого разрушения. Движущие силы, потому что были достаточно такие необразованные бедуины, но ситуация изменилась, когда мусульманскую культуру влились в интеллектуальные силы Сирии. Да, я понимаю, сегодня Сирия на слуху, но мы будем говорить о той средневековой Сирии со столицей в Антиохии. Это регион, являющийся важнейшим для становления Лижнего Востока, для становления мусульманства и христианства. В IV-V веке именно сирийские христиане составляли большинство на Древнем, на Востоке, просто на Древнем, просто на Востоке. В сирийском христианстве имелась древняя традиция учености. Вот понимаете, Сирия находилась на том месте, где пересекались все культурные и торговые пути, и огромным значением пользовалась Эдесская школа. Вот Эдесс, да, это то, что от нее осталось средневековый Эдесс. Эдесская школа формировалась своего рода мост между греческим и восточным миром. Почему? Потому что там хранились и активно изучались, переводились тексты античных философов, активно развивалась математика, гуманитарные дисциплины. Именно сирийцы перевели Платона, Аристотеля и так далее на все восточные языки. И поэтому Восток узнал о Платоне, Аристотеле и других философах античных. А так как арабский язык основан на

основе сирского, имеется в виду алфавит, то есть письменный арабский язык сформировался на основе сирского алфавита, сирийского по-другому. Классический арабский язык вот это он. Соответственно, арабская культура впитала все вот это античное знание через Эдесскую школу, по сути дела, через Сирию. И когда уже западная культура, будучи европейская, встала на ноги там после долгих периодов, так скажем, небольшого интереса к философии, так вот, после вот этого периода, когда она встала на ноги, там возникли еще некоторые, потом мы о них поговорим, сюжеты, но тем не менее она получила знание об античности именно из рук арабов, вот из той самой мусульманской Испании. Вот здесь было скопление, большое скопление ученых и арабов, и евреев, и они имели с собой тексты Платона, Аристотеля и так далее. Единственное, что еще нужно сказать о межкультурном таком взаимодействии в эпоху Средневековья, наверное, стоит говорить о крестовых походах, но на самом деле я не хочу говорить о них много, потому что эта тема огромная, большая, и очень противоречивая, потому что это был феномен, где люди проявляли как свои лучшие, так и свои худшие качества, где западная цивилизация проявила как свои лучшие, так и свои худшие качества, ну то есть, скажем так, либо начинать про них говорить, либо не начинать, но все-таки когда вы будете интересоваться походами крестовыми, я вам, конечно, рекомендую поинтересоваться четвертым крестовым походом, это, по сути дела, разграбление Византии, и некоторыми такими, знаете, ну очень для них специфичными походами, многими крестовыми походами детей, да, действительно, в 13 веке крестовый поход детей. Заканчу обзор истории средневековой Европы, в результате вот этих вот крестовых походов Византия сильно ослабела, в результате в первую очередь четвертого похода, который был не столько против мусульман, сколько против Византии. Кстати, его оплачивала Венеция полностью, поэтому до сих пор на венецианских площадях красуются украденные в Византии, имеются в виду в Константинополе, статуи и другие драгоценности. Я бы сказала, что главный враг Константинополя, главный враг Византии, это, конечно, Венеция, несмотря на то, что Венеция была тогда православной. То есть вот это буржуазный подход, он изначально разрушал все, что казалось на века, в Византии это казалось на века. Ну, в общем, в 1453 году на эту ослабленную уже в Византии нападает Османская империя. Началась осада Константинополя. Папа призвал к помощи Константинополь, то есть Самбона. Вот он в очередной раз просил западных рыцарей собрать войско и пойти на защиту Константинополя, то есть христианской тоже святыни и так далее, но европейскими уже не откликнулся. Было столько этих походов, что все по призыву папы, что уже никого и не появилось. Зато помочь от Запада пришла султану, тому самому, кто нападал на Константинополь, султану Мехмеду II. Оружейник по имени Урбан создал для Мехмеда огромную бомбарду, пушку под названием базилика. Осада продолжалась два месяца. И вот тут, конечно, все объединились. Византия это вечная внутренняя грязня, а тут все объединились. Но, в общем, спасибо вселенной, как назывался Константинополь, не удалось. Император Константин XI предпочел умереть, бросившись в эпицентр боя. И последняя битва велась в краме Святая София, где в этот момент не останавливалась литургия. И существует легенда, что тогда, когда турки уже ворвались в собор, священники растворились в стенах. То есть, может быть, там был какой-то тайный ход, но, во всяком случае, легенда так вот красиво закончила историю, по сути дела, Средневековья. Поэтому что XV век это и конец Средневековья. Не то, чтобы Западная империя пала только из-за того, что Константинополь был захвачен, но, тем не менее, это все-таки уже был конец той эпохи, которую мы называем Средневековьем.

Хотя, еще раз подчеркну, Западный мир был разрушен не внешним нашествием, а внутренними проблемами, а именно проблемами в рыцарстве и вот этой новой социальной силой, которая появилась в Бургах.

7.2 Христианство как основа мировоззрения европейского средневековья

Основные онтологические, гносеологические, антропологические принципы средневековой картины мира. Сразу же подчеркну, что мы не будем с вами говорить о каких-то глубинных принципах христианства. Для этого наша лекция, ну то есть можно было бы, но наша лекция для этого недостаточно. И главное, мы ведь не будем спрашивать на экзамене у вас каких-то тонких моментах христианства. Наша задача показать, как христианство повлияло на становление науки. Оно очень серьезно повлияло. Но все-таки общие какие-то положения христианства, самые общие, вы должны знать. Это общекультурные позиции. Так же, как и о мусульманстве. Вот я вам рассказала, тоже нужно знать. Это как бы общие такие базисные знания. Любой образованный человек, не верующий, не занимающийся гуманитарными науками, не особенно любящий историю, просто должен знать. Так вот, что нужно говорить о христианстве, когда мы говорим в качестве общих понятий.

Христианство это мировая религия, то есть метанациональная, то есть она не связана с каким-то одним этносом или национальностью. В качестве религии этнической можно вспомнить иудаизм. Она тоже очень распространена, но тем не менее она не считается мировой, потому что она связана с определенным народом.

Дальше, еще одно понятие монотеистическая религия, то есть исповедуется единобожие.

теистическая с этим сложнее. Если будут сложности, поизучайте или обратитесь на семинар преподавателям. Теистическая противопоставлена пантеистическому. То есть, смотрите, бог- личность, некая собранность в одно начало. Пантеизм это растворенность везде. Бог везде. В природе, во мне, в тебе, вот это вот в вещах, это пантеизм. Есть еще панентеизм, это немножечко другое, это уже такие детали пантеистического, пантеистических религий. А вот теистическое бог понимается как личность. Надо сказать, что даже слово личность появилось в лексиконе только тогда, когда обсуждалась христианская догматика. до этого было слово персона, до этого было слово фигура. А слово личность это новое изобретение именно христианского богословия. Но это русское понимание, не русское его транскрипт, а перевод русский, а греческое слово ипостась.

Это авраамическая религия. Авраамических религий у нас несколько. Авраамическая религия, кроме христианства, еще мусульманство и иудаизм. То есть Авраам один из главных персонажей Библии, он в первой книге описан, его как бы жизнь и события описаны в первой книге Библии Бытие. Так вот, Авраам отец всех верующих, отец множества слова Авраам. Вот тут написано изначально Авраам, потому что в Библии основным лицам священной истории дается как бы дополнительное имя, оно дается Богу. То есть маму, папу называли Авраама Авраамом, а Бог дал ему имя Авраам. Ну и так дальше он еще потом Авраама тоже переименовал, дает им другие имена. По как бы своему, ну как сказать, по статусу, наверное, это библейский патриарх, основоположник единой духовной традиции, но не то, чтобы в Библии не было указано каких-

то других источников монотеистической духовной традиции. И есть довольно загадочная фигура Мельхиседек, цар Мельхиседек, который благословляет Авраама. По сути дела он говорит ему ты верной дорогой идешь. То есть по сути дела как бы были еще, видимо, фигуры, но тем не менее центральной выбран именно Авраама.

Ну и слово религия тоже стоит разобрать. Религия вот у Цицерона, он говорит так, религия происходит от понятия эльгерэ, то есть собирать. И вот его цитата, те же, кто добросовестно, многократно переработал и словно заново собрали все, что связано с почитанием богов, именуется религиози или религерэ. то есть у Цицерона религия связана с собираением каких-то данных, то есть как почитать богов. Но вы чувствуете, что это относится к языческой религии, то есть это римский подход, когда понтифики могли знать, какому богу что нужно принести, в какой храм и так далее. А вот монотеистическая религия, ее как бы понимание, основываясь также на римском слове, объясняет лактанцией. Религия происходит, это слово легерэ, связь, легерэ, связь, то есть а религерэ это возвращенная связь, то есть слово религия означает возвращенная связь с богом.

Религии всегда имеют священный текст. В данном случае это библия. Как переводится библия? Книги. Не книга, да, книги. Поэтому, ну вот у вас на экзамене будут такие вещи спрашивать, какие-то понятия, что называются. Библия христианская делится на две основные книги Ветхий и Новый Завет. Ветхий Завет, то есть часть еврейской Библии, это пророчество о пришествии Мессии. То есть там много книг и их суть это пророчество о пришествии Мессии. Это общая тема для иудаизма и для христианства. Но принципиальная разница заключается в том, что Мессия по иудейским канонам придет еще когда-нибудь и его функция будет совсем иная, а Мессия по иудаизму просто восстановит царство евреев и они будут владычествовать на земле. Мессия. Это самое грубое объяснение. Мессия в христианском смысле означает спасение. Спасение мистического свойства. То есть спасение, связанное с личной жизнью и приобщение к Богу не в знании, не в понимании, а непосредственно. Так вот, самое слово Мессия это на греческий язык переводится как Христос. Поэтому Иисус Христос это не, как вы понимаете, не имя, фамилия, это имя и признание, что именно этот человек тот Мессия, который предчувствован и предсказан Ветхим Заветом.

А вот Новый Завет это уже свидетельство о том, что именно Иисус является тем Мессией и Богом. Соответственно, это называется синоптический Евангелие от слова синоптик, свидетель. То есть свидетельства. Они были записаны не одновременно с жизнью Иисуса, они были записаны позднее в общинах, которые образовались вот для того, чтобы помнить Иисуса, помнить Его учения и так далее. И были записаны четыре основных Евангелия, остальные там есть еще Евангелия, но они апокрифические, то есть они не взяты в канон. Поэтому по поводу у них существуют серьезные такие вопросы признания их всегда открыт. Ведь для церкви он закрыт, а для некоторых людей он по-прежнему открыт. Дальше книги Евангелия включают еще несколько других книг. Одна из самых известных из них это так называемый апокалипсис, которая переводится просто книга откровения. Слово апокалипсис откровения. Надо сказать, что ее долгое время, очень долго не включали в канон. Она вызывала серьезные сомнения у многих отцов церкви, но все-таки ее включили в канон. А не включали это по какой причине? По причине невозможности толкования. И на самом деле она до сих пор не толкована. Нет однозначного толкования книги апокалипсиса. Есть лишь версии. Даже у самой церкви есть только версии. Поэтому

сказать точно, что кто-то понял, что же было предсказано Иоанном богословом в отношении последних дней человеческой реальности, ну, это, скажем, будет преувеличением. Книга еще не испокована.

Христианская община называется экклесия. А вот греческое слово экклесия, община, переводится на русский язык как церковь. То есть церковь в одном из своих центральных отношений это община.

Очень важная дата, раскол, вы простите, раскол христианской церкви на два лагеря, на две конфессии. Православная и римско-католическая церковь. Конечно, если вы будете слово переводить католическое, то вы переведете его как ортодоксальное, правильная вера. Но и православная церковь называется тоже ортодоксальной. Ну, тут вот есть, да, такие небольшие сложности, но закрепилось понимание, что есть римско-католическая церковь и есть православная. Почему она произошла? Почему произошел этот раскол? Тема, конечно, очень сложная. Напряжение довольно формировалось долго, не в XI веке, но в XI веке католическая церковь внесла в символ веры два слова. Символ веры это и есть догматика христианства. Символ веры это догматика. Это несколько фраз. Поэтому, когда вы говорите согласно догматики христианства земля там вращается вокруг, не, солнце вращается вокруг земли, то это полный бред. Догматика христианства не говорит ни о земле, ни о солнце, ни о физике, ни о политике, ни о том, как там креститься или там не креститься, носить крестик. Это все не христианская догматика. Для этого есть другое понятие, в частности, понятие керидма. А христианская догматика это несколько фраз, которые объясняют то, как объясняют, просто обозначают то, как понимается Христов, как понимать Христа, богом или не богом, вот это вот. Так вот, когда была внесена добавка в символ веры, где было сказано, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и Сына, Филиокве, вот эта вот фраза, Филиокве, фраза, слово, вот это слово послужило таким толчком для окончательного раскола. Раскол означает то, что Константинопольский патриарх не упоминает на во время, службы, во время Евхорестия не упоминает уже в качестве благословения не упоминает патриарха римского, а римский патриарх, иметь святую Папу римского, во время Святого не упоминает Константинопольского патриарха, ну и все, соответственно, кто-то присягает, другие патриархаты присягают верности римскому патриарху, а кто-то остается в пределах верности, патриарху Константинопольскому. Ну, как мы понимаем, потом появились и другие патриархаты, в частности, патриархат русской церкви, но это уже другая история. Кто же внёс этот филёк в это слово, кто внёс в символ веры? Вообще-то тот самый Карл Великий, да-да-да. Казалось бы, какой он к этому имеет отношение? Он, будучи очень обоженным на восточных правителей, на императрицу Ирину, которая отказалась ему в сватовстве, он сватался от неё, он, будучи очень обоженным на византийских императоров, там ещё были какие-то проблемы, о них долго говорить. В общем, обида была серьёзная, и он, будучи умным человеком, он понял, что бить надо прямо, так вот скажем, в самое сердце. Самое сердце – это религия. И он своим францином-богословом поручил написать новый символ веры, в который вот это включил, просто какую-то вот такую деталь. Они написали, будучи верными своему королю, и предложили папе Римскому в качестве, ну вот давайте такое изменение сделаем. Папа Римский пришёл в ужас. И надо сказать, что в Ватикане до сих пор выбита стелла, где символ веры, вот он, тот, который православие использует, то есть старый, без филёкса. Но так как Римская католическая церковь всегда была очень политически ориентирована, то недолго она сопротивлялась и приняла филёкса. Раскол очень серьёзно повлиял на все культурные традиции.

истории развития христианства. Но вот здесь вот основные имена. Не будем мы вас жёстко спрашивать, что там тертулиан такой. Но знать эти имена, да, знать нужно. Вот Патристика – это греческие всё имена. Афанасий Великий, Ефрем Сирин. Чувствуете, да, из Сирии человек. Василий Великий. Вот он как раз, имеется в виду, Василий Ефрем Сирин – это как раз один из таких великих переводчиков и одновременно отец, учитель церкви. Вот. Римские, собственно говоря, уже, ну, латинские такие отцы церкви – это вот Августин Аврели, он один из главных у них, то есть такой вот. Ну, он принят в качестве отца церкви и даже в православии. Что о них нужно сказать? Мы не будем их учения изучать, тем более, что их учения, они чисто богословские. И надо сказать, что эти люди, которые просто были философами, пришли, скажем так, на помощь церкви, когда понадобилось разрулить очень многие проблемы на вот как бы возникшие, на непонимании. Да как Христа-то понимать? Он человек, который стал Богом? Или он Бог, который притворился человеком? Как это понимать? И вот это вот непонимание послужило очень серьёзными проблемами уже социального плана. То есть люди начали воевать, и император Константин Великий, он, по сути дела, сделал то, что единственное мог сделать император. Он созвал собор. Говорит, давайте все, кто имеет такую вот духовную, я не скажу власть, духовную харизму, духовный статус христианина, настоящего христианина, те соберутся и будут обсуждать эти богословские темы и принимать решения. На первый собор были приглашены, это был, конечно, наверняка очень зреющий собор, потому что были приглашены мученики. Первый собор, четвёртый век. Тогда ещё очень многие христиане, ну, это выжившие мученики, отсидевшие в тюрьме, там, спасшиеся из этих рвов со львами и так далее. То есть это были покалеченные люди физически, но не сломленные духом, как вы понимаете. По-другому в этих тюрьмах- то и не выживают. То есть люди с жуткими там, какими-то такими, знаете, ну, шрамами. И вот эти вот мученики и другие, заслужившие, вот, скажем так, высочайшее уважение именно как христиане, они составили первый Вселенский собор, который решал очень многие проблемы.

Немножечко по поводу вот этого, как бы укрепления христианства в качестве юридического статуса. Вот этот вот император, знаменитый император Константин Великий, он сам не был христианином, он христился уже на смертном адре. Но его мать была христианкой, знаменитая Елена. Ну, в смысле, не та знаменитая Елена, которую, можно подумать, имеется в виду знаменитая христианка, да, его мать. Но, будучи очень близко знакомым с христианами, а именно почему? Потому что его, ну, ключевая часть армии, его, собственно говоря, личная вот эта вот, его личный отряд, состоящий из готов, они были христианами. И вот, чтобы они не подвергались больше никаким гонениям, он и даровал христианству законный статус. То есть христианство стало возможным исповедовать законно в Римской империи. Он не сделал христианство единственной религией, он не сделал её главной религией, но он разрешил её исповедовать.

А вот главной религией, и уже единственной возможной в Римской империи, сделал другой император, Юстиниан. То есть она становится в VI веке государственной религией Римской империи. Про времена христианства, эпохи, так скажем, мученичества, эпохи вот этого римского так называемого периода сами.

Позиции христианства, которые повлияли на науку.

Мировоззренческий принцип, который связан с эпохой Средневековья и, соответственно, с средневековым пониманием религии, это теоцентризм.

Вам наверняка говорили про античность, вот такую характеристику миро-

возвренческую, как космоцентризм, да, то есть внимание к космосу, космос в центре нашего познания, понимания, то есть, как, знаете, аттрактор, да, притягиватель, притягиватель внимания в Средневековую эпоху, это теоцентризм (\neq власть церкви, которая позволила людям, значит, заставила людей писать огромное количество текстов, посвящённых богословской проблематике, вообще быть верующими, исповедовать христианство)

Когда, вот, например, князь какой-нибудь принимал христианство, и его дружина принимала христианство, то его земледельцы тоже довольно быстро принимали, хотя в душе оставались совершенно не язычниками. Их называли даже погани. Погани, то есть, ну, поганусы. Древнее слово, которое означало, потом, вернее, стало означать земледельца или просто сельского жителя. А в армии римской оно означало человека, склонного к дезертирству. Поэтому вот эти вот, как бы, скажем, земледельческое христианство, которое принято, ну, только потому, что правитель принял, ну, как вы понимаете, да, достаточно безопасно тоже перестать бегать и поклоняться идолам. Ну, как-то, сами понимаете, да, не очень. Вот. И, соответственно, вот это вот христианство, оно, конечно, заполонило после IV века, когда многие стали свободно исповедовать христианство, власть имущие вот эти вот, ну, высокие эшелоны населения. Вот они-то как бы исповедовали искренне, причём настолько искренне, что многие свидетельства заставляют даже умиляться. Как вот эта знаменитая сцена, которая описывает летопись одного из этих вот мировинских князей, где им вот рассказывают, но они же не все умеют читать. И вот им приходит там один из лидеров, духовных лидеров, монах, будучи потом, вдруг там стал епископом, и вот он рассказывает им о распятии Христа, рассказывает о том, вот, ну, всю вот эту историю, о том, что мы что-то поймали, там, все остались. И вот момент, когда, ну, он рассказывает о распятии, вся дружина соскаивает, хватается за мечи и кричит о том, что вот нас там не было, нас мы бы отбили, мы бы, ну, понимаете, да? И тот пытается объяснить, что, ну, простите, ну, так нужно было, это же замысел Божий, так было, иначе бы спасли. Ну, то есть это прям, ну, ну, народ просто, да как, ну, за жены. Вот, понимаете, да? То есть вот это воодушевление, это никакой... Что-то... Их всех заставил? Давайте вот их заставить, да? Вы можете себе это вообще представить? Я нет. И поэтому давайте вы тоже не будете бить всякую путь.

Так вот, власть, конечно, есть духовного свойства. Имеется в виду, что вот это теоцентризм. Люди сами тянутся. Тянутся. Либо тянутся к власти мужчин, чувствуете, да? Которые в это время тестили. Дальше.

Что вот этот теоцентризм дал человеку в общем понимании своего, значит, понимании мира и своего места в этом мире? Антологические проблемы. Вот смотрите, антологические основания. Во-первых, библейский креационизм. Что это такое? Ну, я думаю, вы слышали о креационизме как о позиции, которая говорит о том, что мир сотворён Богом. Но это не самое главное. Все языческие религии говорят о том, что мир сотворён так или иначе богами. Но именно христианский креационизм говорит о том, что, ну, в смысле, библейский, не только христианский, но библейский креационизм говорит о том, что Бог сотворил мир из ничего. То есть основание вещей творческая воля. Григорий Низкий говорит о том, что если бы мы познали вещь в её в самомнутри, в самом существенном свойстве, мы бы были бы ослеплены той силой, которая эту вещь создала. Мы бы были бы ослеплены актом существования. Вот этим актом существования наделяет весь мир именно Бог. Соответственно, смотрите, ну, понятно, что Бог будет первичным интересом, а материя и всё материальное будет несколько вторичным. При этом никоим образом не проводите вот эту вот позицию, будто

бы богословы когда-то говорили, что материальный мир презренен в отличие от мира духовного. Такого ни один нормальный философ вообще не скажет, а богословы тем более, тем более христианские. Ведь Христос воплотился, Он принял эту материю. Как же может христианский богослов сказать, что материя — это зло? Ну, это что ж получается? На Христа наехать? Ну, как-то глупо. И вам, соответственно, не стоит повторять. То есть, смотрите, Бог в христианском миропонимании, Он выше философской оппозиции бытие-небытие. Он не есть бытие, Он не есть небытие, Он выше вообще вот этих категорий. А стало быть, эти категории опускаются на несколько более низкий уровень интереса, внимания. Он тот, кто дарует бытие, творит из ничего.

Дальше. Отсюда же неприятие магии в христианском мировоззрении, которое, тем не менее, вот долго вообще пыталось определиться. Мы вообще как бы с магией дружим или не дружим? Очень трудно. Мы про это поговорим чуть позднее, когда про университеты будем говорить. Но тем не менее, смотрите, любой маг по мысли древних людей контактирует с какими-то силами, которые там вот в природе, с какими-то душами. Душа растения, душа камня, душа звезды и так далее. То есть маг умеет находить с ними общий язык и как бы заклинать их. Заклинаю тебя и вот что там происходит. То есть это не... Магия, это надо ее понимать как бы исторически более верно, как... Вот не как Гальпott, да? То есть это не просто палочка что-то там делает и плюс какое-то слово. А это контакт с какими-то духами. Но раз Бог один, то стало быть, ну а с какими вы там собираетесь еще контактировать духами? Только получается с ангелами можно контактировать, которые имеют определенную властность материи. Но ангелы верные, их невозможно заставить, они служат только Богу. А остальные ангелы, они, пардон, падшие, и это враги Бога. Стало быть, магия это контакт с падшими ангелами, что не камильфор. Так вы понимаете совершенно. Вот. Другое дело, что сами маги очень долгое время пытались доказать, имеется в виду магии. Те, кто себя считали магами, я сейчас вот так вот покажу. Они очень долго обосновывали, что они контактируют со светлыми ангелами, никоим образом не спадшими. Но это вопрос, что называется, открытый оставим его. Но во всяком случае, вы должны понимать, что понимание материи как того, чего можно просто изучать, просто изучать, не контактировать с ее какими-то божественными там, сущностями, которые везде там распределены по всем. У реки есть своя там сущность божественная, ну, всего. А можно, то есть Бог-то один, а все остальное просто обычный мир, который можно изучать.

теоцентризм, он заставил усомниться в некоторых очень важных позициях, например, в отношении небесных тел, небесных тел. А именно, в античности небесные тела, солнце, планеты, это божественные сущности, умы, души. Вот если вспомните, там неоплотанизм, там еще, или, например, аристоидовскую антогольд, вспомните, это все эфир, и это определенная такая тонко божественная субстанция, которая вот там вот она, сгущаясь, образует разного рода планеты, которые, ну, или другие небесные тела, которые одновременно божественные сущности. Но, благодаря утверждению библейского криоцинизма, однозначно отвергается мысль об их одушевленности. Небесные тела — это просто небесные тела, говорят, богословы христианские. То есть, это уже не какие-то боги, просто небесные тела. Император Юстинян, вот тот, по которому мы с вами уже упоминали, вот этот Юстинян, да, он вводит в качестве обязательного, например, положения. 543 год. В 543 году он вводит обязательно положение. Если кто-то говорит, что небо, солнце, луна, звезды, под небесной воду суть одушевленной и разумной силы, да будет анафема, то есть осуждения. Небесные

тела, только небесные тела, не боги и не властители человеческих судеб. Таким образом, появились предпосылки для естественно-научного, а не религиозного или мифологического понимания космоса. То есть, телоцентризм средневековья, и это я подчеркиваю особенно, добавляет новое требование к исследованию природы. Божественное всемогущество превосходит всякий природный порядок. Следовательно, любая система представлений принципиально может рассматриваться только как одна из возможных.

Именно христианское мировоззрение заставляет говорить, что наука должна меняться, потому что и это тоже доктринально закреплено. 13 век епископ Тимпье прямо на площади произнес о том, что может существовать несколько миров, небо может двигаться прямолинейно поступательным движением, пустота возможна и так далее. То есть вот эта аристотельская физика не единственная, говорит он, ну и не только он, это было доктринальное христианское положение. Может быть любая другая физика. Тогда как сами ученые умы хватали за голову, они говорили, нет, только аристотельская физика, она правильная, только она, вы чего кричите, вы говорите. но на что богословы отвечали, если существует только одна физика и вообще возможно только одно понимание физики, значит Бог не всемогущий. А это уже, извините меня, недопустимо. соответственно, доктринально еще раз подчеркиваю, возглашено, что наука должна и обязана и имеет право искать какие-то другие варианты, кроме аристотельской физики. Вот такой вот ход, неожиданный, правда? Так вот, эта установка, то есть смотрите, никакая физическая концепция, никакая натурфилософская концепция вообще не может получить канонического статуса. Да, исторически было так, что какие-то статусы получали, но это уже политические вещи. А с точки зрения именно богословской позиции ни одна научная концепция не может получить окончательного статуса, имеется в виду единственного верного, статуса единственной верной концепции, потому что реальность вообще контингентна. Бог захотел и физика изменилась.

Как теоцентризм, христианский теоцентризм повлиял на гносеологические установки.

Конечно, здесь ключевым моментом является статус веры, но вера, в первую очередь, не как религиозная вера, вера именно Христа, вера там в какие-то позиции библейские, а вера как гносеологический феномен. Все философы средних веков активно занимались темой веры и знания, как они соотносятся, но мы немножечко позже об этом про веру и знания поговорим, потому что там, где про схоластику у нас будет, вот здесь немножечко просто один момент ключевой, я скажу, что, смотрите, почему вера так ценилась, не потому, что она позволяет быть религиозным человеком, если вы подумайте хотя бы так, вот так, ну, вы прекрасно поймете, что религиозным человеком можно быть и вообще-то на основе знания, да, вера это особый такой гносеологический инструмент, особый когнитивный инструмент, инструмент познания, инструмент мысли, который вообще-то гарантирует нам свободу, вот за это очень любили средневековые люди веру, почему, потому что знание это фактор несвободы, ну, то есть, смотрите, если мы что-то знаем, мы уже не можем перестать это знать, ну, можно, конечно, получить амнезию, но это уже такие моменты, а если мы в нормальном состоянии что-то знаем, не знать-то уже невозможно, а вот вера, как раз, она и основана на том, что ты постоянно как бы, ну, выбираешь, да, вера – это постоянный свободный выбор, и, соответственно, риск, риск веры – это очень важное понятие, которое постоянно анализируется, особенно вот в более поздний период, в экзистциализме и так далее, то есть веру ценят как, не просто как веру в какого-то там бога, да, в определенную какую-то религиозную истину,

а веру как инструмент очень ценит средневековое познание, вот, дальше, здесь еще принцип откровения, о котором я скажу только совсем чуть-чуть, имеется в виду, что в средневековые принцип откровения делился на три части, естественное, сверхъестественное, совершенное, это понималось таким образом, то есть человек видит бога по мере того, как сам бог открывается, и в первую очередь бог открывается ну, как бы естественным образом, то есть естественное откровение, а именно в природе, поэтому познать бога можно познавая природу, это будет естественное откровение, дальше, сверхъестественное, это уже познание через Библию, то есть познать бога можно читая священные тексты, где будет говориться, ну, то есть уже немножечко другое, да, ну, не другое, в смысле, другой уровень, другой ход, другие позиции, а вот совершенное откровение по мысли христианских богословов, это сам Иисус Христос, ну, то есть вот бог открылся, вот, совершенное откровение, и приобщение к христу, причем приобщение именно практическое приобщение, а это уже соответственно определенные ритуалы, ну, это даже не ритуалы, это определенные, это вот так называемые таинства, да, то есть это мистические действия, которые совершаются непосредственно в ходе христианского богослужения, которые долгое время были тайнами, и соответственно, плодили самые какие-то там очень, ну, пока христианство было тайным в катакомбном периоде, да, естественно, никто никому не рассказывает, что такое евхаристия, но, что удивительно, например, во времена Макса, тут же Макс с интересом, вот эти вот байки рассказывает про питье крови младенцев там и все остальное, хотя это очень забавно, ну, понятно, что он, скорее всего, ерничает, потому что, ну, на тот период все прекрасно знали, как происходит христианское богослужение, никакой тайны уже не было, ну, и он, соответственно, ну, я так думаю, знаете, так как Маркс был тем еще троллем, он был вообще таким панком 19 века, поэтому, я думаю, он что-то троллил хорошо своих читателей, ну, и вы, пожалуйста, тушите с этим, внимательнее будьте, вот, ну, то есть, вот это как бы мистическая, таинственная часть этого как раз бога приобщения, и отсюда же антропологический немножечко, антропологический аспект, как сейчас понимается, человек в средневековые, в богословии развивается учение о теозисе, вот здесь вот есть это слово теозис, наверняка, да, нет, нет его, ну, значит, оно для нас так, но тем не менее, я все равно скажу, теозис, то есть приобщение, практическое приобщение обожение, святой Василий Великий, представитель, патристики говорил, что человек – это животное, призванное стать богом, что ты тут, животное призванное, призванное стать богом, то есть сотворенное по образу подобию, он потерял образ и должен приобщиться к подобию, вот, и святой Максим Исповедник тоже говорил, стал богом через обожение, то есть теозис, человек мог бы самим богом созерцать дела божьи, ну, то есть вот, чтобы быть самим богом, понимаете, это как бы довольно древняя традиция, но ты не можешь, не будучи сожженным этой великой силой оказаться рядом с богом, тебе требуется что-то изменить в своей природе весьма существенное, да, то есть по сути дела стать богом, чтобы быть близким с богом, то есть стать рядом, условно говоря, не будучи сожженным, и вот вся как бы все знание, весь интерес к человеку сосредоточился на этом, что нужно сделать, чтобы суметь стать рядом с богом и не быть уничтоженным этой великой силой, этой великой, ну как войти в огонь и не сгореть, понимаете, да, ну вот, таким образом, это сложные темы, но, знаете, если вы хотя бы часть из них нам поведаете, будет, ну хорошо, давайте теперь перейдем к нашему вопросу об университетах,

7.3 Средневековые университеты

третий вопрос, он очень объемный, сложный, но, пожалуйста, вот не пугайтесь, да, единственный совет, не пугайтесь, значит, первые университеты, они возникли еще в Византии, в Константинополе в 9 веке, там император основал его, и, кстати, в этом университете учились знаменитые лев-математик, да, а еще более нам, во всяком случае, известный, блестящий филолог, лингвист и богослов Константин Философ, и вот он со своим братом Мефодием возглавил славянскую миссию, и, в частности, создали славянскую азбуку, затем, после того, как он поменял в монашестве свое имя, мы знаем Кирилла, да, и Мефодия, я думаю, эти имена вы знаете. Ну вот, Константиномбольский университет имел два факультета, только юридический и философский, что должно вас натолкнуть на мысль? Первыми людьми, которые нужны были в качестве выпускников университета, были, конечно же, не богословы. Ну, опять же, поймите, никому не нужно, вот если вы, представьте себя, вы начальник церкви, вам нужно много богословов, чтобы все богословствовали, что-то там меняли, изменяли, чтобы как можно больше были дискуссий всяких разного рода, чтобы снова вернулась эпоха, когда нужно вселенские соборы собирать, а они и так-то были с 4 по 8 век на секундочку, только что называется, ну, как бы подспоноилась, все, неужели нужно? Никому этого не нужно. Поэтому богословский факультет, он что называется, исключительно в силу необходимости самих студентов. Я пойду, вот это как бы высший факультет, и туда поступали уже вот просто по воле, собственно, никуда больше, только туда. А самой, ну, как бы элите, самой власти нужен в первую очередь юридический факультет. Почему? Потому что нужны грамотные люди, грамотные чиновники, грамотные управленцы. Во всю эпоху, ну, нужно же управлять во всей эпохе огромные империи, огромные территории. Нужно как-то это все организовывать, в одно правовое пространство, одни законы и так далее. Понимаете, да? Поэтому, смотрите, университеты Запада уникальны тем, сейчас мы говорим уже про университеты Запада, уникальны тем, что это в первую очередь профессиональная гильдия, новая профессиональная гильдия. Он был возможен, конечно же, в среде, где был товар, да, и был спрос на него, спрос тогда огромный, потому что вот эта вся эпоха, когда князья менялись там, когда друг друга там германцы, вот этот, утрясался вот этот вот этнически сложный социально-культурный как бы, ну вот этот слой, да, и, соответственно, история, связанная с бурлением в этом слое. В эту эпоху были разрушены все римские институты, которые там рулили, и на долгое время именно было поручено церкви вот эту вот юридическую функцию, то есть чиновниками становились сами, ну то есть просто образованные люди, а кто был тогда образован, образованы были священнослужители, потому что вот именно при монастырях были в основном школы, в городах было школ очень мало, соответственно, в каждом монастыре обязательно нужно было учить грамоту, любой монах был грамотный, и поэтому, собственно говоря, на церковь возлагалась вот эта вот задача, быть, ну, властью, быть властью, как-то контролировать вообще вот эту вот жизнь. Постепенно эта функция, ну, как бы, становится уже, она отягощает религию. Не скажу, что Папа Римский отказался от идеи власти, да, ну, не сам лично, а вот как институт, но тем не менее, это уже скорее такая власть, ну, она где-то вот так за ширмой, она не занимается напрямую какими-то там институтами, чиновничеством и тому подобное. Но нужно было из светских людей власть. И эту функцию возложили на университетах.

Откуда брать грамотных людей, да, кто будет преподавать в первых университетах.

ситетах? Это вот очень интересный выход. Первая профессура была набрана, по сути дела, вот тут я пропущу несколько слабых, если получится, я к ним вернусь, из тех, кто развлекал, ходил по дворам, королевским и другим замкам, жонглеры-голиарды. Жонглеры – это просто люди, которые умеют развлечь публику. Можно песню спеть, можно стихи рассказать, можно глубокую мысль развить, ну, можно, ну, то есть, самыми разными способами. Голиарды – это люди, ну, которые когда-то имели какое-то монашеское там прошлое, потом они, значит, это, как правило, ну, пошли так вот, жить такой вот жизнью светской, но в то же время они уже образованы, они могли именно, как сказать, там, поддержать интересную беседу. И именно из этого слоя, из жонглеров и бильярдов, появляется первая профессура. И вот Пьера Бильярд, он как раз один из этих. Можете почитать его знаменитую исповедь, где он описывает «Перепетит свои жизни». Знаете, я еще, Бильярд, фильм еще не сняли по этой жизни, потому что это было бы просто, знаете, ну, это, если бы хорошо сняли, это можно было бы даже подумать, что это выдуманное, а он мне там пишет по своей жизни. В общем, так или иначе, желающие учить и учиться нашли друг друга, а нашли они пока на полянке. В начале первого университета это просто люди собирались на полянке. Недалеко от Парижа, в хорошем месте, красивом, при теплой погоде собирались люди и просто платили этому учителю денежку за какую-то лекцию, за какой-то там семинар. Постепенно этих людей, кто учат и кто учится, организовывают в некоторые общинны, такие вот, ну, как сказать, в некоторые организации, которые арендуют здания в каком-нибудь городе или город им предоставляет на безвозмездное пользование какие-то здания. причем эти университеты очень часто переезжали из города в город, потому что университет, это посудило люди, не само здание, изначально люди, а не здание. Здания потом появились, все эти вот, инфраструктура. Но самое главное, этому, этим организациям, этому единству нужно придать статус. Правильно? А кто в тот период может давать статус? То есть, кто может лицензировать это учреждение, как, условно говоря, как такое учреждение, выпускники которого могут идти преподавать, которые могут учить. То есть, надо же получить лицензию образовательную, как вы понимаете, ну, говоря современным языком. То есть, нужна власть. Королевская власть тогда этим совершенно не заинтересована. Королевская власть, это, помните, рыцари, да, это рыцарство. Это первые среди равных. Воевать, да, это его стихия, а вот это образование, это вот, это не его стихия. Соответственно, только папы, только, ну, либо императоры, как в Византии, либо папа римский. Соответственно, вот именно право промоции, то есть, возможность после соответствующего испытания давать лицензии на право преподавания, то есть, выдавать дипломы, по-нашему. Вот это право промоции каждому университету выдает папа римский. Поэтому, с точки зрения университета, как социального института, а мы всегда, когда говорим о социальном институте, мы говорим еще и о власти, которая этот институт как бы держит, да, то здесь, в данном случае, будет не государственная власть, государственная еще и нет, а будет власть именно церковная. Как папа римский контролировал, он назначал ректоров. Ну, собственно, на этом весь его, он бы и хотел еще раз говорил, но это очень сложно контролировать вот эту вот всю стихию. И не случайно средневековые университеты это пример такой вольницы, вольницы легенд и тому подобное, когда эти студенты, ну, в общем, если университет поселялся в каком-то городе, жители этого города делали так, нет, потому что это постоянное пьянство, это гулянки, это совращение жен и так далее. То есть, конечно, университет был, ну, он, собственно, таким и остается до сегодня, особенно западный тип университета, это такая вольница. Ну, то

есть, я буду думать, что хочу, делать, что хочу, и никто мне не указан.

Так, теперь, собственно, об обучении в университетах. Ну, я, конечно, не все рассказала, просто можно очень много говорить. Университет, первый факультет, базовый, то есть, его заканчивают все, это то, что сегодня называется бакалавр, да? Этот факультет состоит, это факультет свободных искусств, он так называется в тот период, это еще античное название, и еще из античной же программы берется тривиум-квадриум. Тривиум-три пути, квадриум-четыре пути,

тривиум-это в основном как бы гуманитаристика, как мы сегодня бы сказали, вот, пожалуйста, грамматика, диалектика, риторика, выясните самостоятельно, чем они занимаются, это несложно.

А квадриум-это вот эти четыре, естественно, научные, как мы бы сказали, сегодня дисциплины, хотя вас, наверное, смутит музыка, но тем не менее, дело в том, что арифметика и музыка это все о математике, музыка тогда это о математике, вот пение это о музыке, в современном смысле этого слова, а музыка в средневековом понимании, да и в античном тоже, это всегда математика. Дальше, геометрия и астрономия, это по, как сказать, это по пространству, геометрия, это по пространству земли, да, вот как бы, как тут земля, и так далее, а астрономия по пространству не было. Это не все факультеты, были еще так называемые факультативные, да, какие-то дисциплины, если у нас останется время, о них поговорим. Значит, теперь сами, это первый факультет, сейчас я как бы обращусь к структуре факультетов, первый факультет, дальше, высший, то есть вы, если сдаете, вы пошли выше учиться, вы либо идете на юридический, это универсально, да, либо вы идете на медицинский, не во всех университетах, но был, потому что, как вы понимаете, юристы и медики крайне нужны.

И вот самый высший, если уж вы, как говорится, все освоили, если вы выдержали соответствующие диспуты, если у вас точно хватает сил, времени, ну и денег тоже, вы идете на богословский. Богословский факультет, он чем занимался? По сути дела, когда мы читаем про схоластов, мы читаем именно про богословский факультет, хотя, еще раз подчеркну, далеко не все схоласты занимались богословием.

И вот теперь давайте поговорим о схоластике. Значит, схоластика это соединение, в самом общем смысле этого слова, соединение такой вот христианской тематики и формально-логического подхода. То есть соединение логики и богословия. С какой целью? С целью внести в эту богословскую тематику какую-то рациональную, ну, рациональный такой вот рациональный элемент, логику. И, соответственно, откуда же взять логику? Кто у нас в античности главный логик? И вообще, какая логика только известна? Известна только аристотельская логика. Поэтому, конечно же, Аристотель в университете это главная книга. Все труды Аристотеля и комментарии на труды Аристотеля. Вот это главная книга. Библия не главная книга. Я постараюсь объяснить, почему. Библия, она главная для человека книга. Для кого-то в большей степени, для кого-то в меньшей степени, они там все христиане. Вот. А, соответственно, для ученого схоласта главная книга – это Аристотель. Любые его труды. Схоластик – это очень сложная мысль, оперирующая логическими схемами. И контрпозиции цитат из Аристотеля же, конечно. Схоластические диспуты – это всегда упражнения в логическом рассуждении. Причем специально бралась какая-нибудь тема, какая-нибудь, ну, вообще чокнутая тема. Ну, там, сколько чертей может уместиться на острие иглы. Ну, то есть, заведомо... Это как бы тренировочные темы. Схоласты учились дискутировать. Схоласты учились добывать логические аргументы для каких-нибудь совершенно, ну, немыслимых композиций

ментальных. Понимаете, что такое схоластика? Но, тем не менее, почему здесь существовала проблема, именно проблема с религиозным пониманием? Против схоластики выступает, например, Петр Домианин. Это монах. То есть, он не принадлежит к университетской среде, он не схоласт, но он как бы значимая фигура. И вот в споре с Абеляром он задаёт такой вопрос. Может ли Бог сделать Рим несуществовавшим? Ну, то есть, Рим как бы существовал, но можно ли сделать так, чтобы он был несуществовавшим? То есть, здесь логическая, как бы, какой парадокс? И возникла вот такая вот дилемма, конфликт, как называем это, веры и разума, как он называется, а именно, схоласт настаивал на том, и вообще схоластика настаивает на том, что Бог и логика, это как бы одно и то же. Ну, то есть, мы и узнали логику только потому, что это как бы то, как мыслит Бог. Правильно. Тогда как представители как бы антисхоластической направленности, ну, вот Пётр Домиани, например, они настаивали на том, что Бог выше всякой логики, Бог выше всех вот этих вот строгих, рациональных, контр каких-то, не обязательно контр, имеется в виду каких-то вот выстроенных суждений. И поэтому Бог, да, может сделать Рим небывшим. Это нелогично, это развивает всякую логику, но для Бога нет такого ограничения, как логика. Тогда как схоласты, для которых логика, это был их хлеб насущный, это был их инструмент, это их всё, настаивали на том, что вот как раз божественный разум и человеческий разум едины в логике.

Метод, схоластический метод – это комментаторская деятельность. Комментаторская деятельность. То есть всегда комментируются другие тексты. Текст на текст, текст на текст. Схоластическое открытие – это открытие в пределах какого-то текста. Например, а посмотрите, какая интересная мысль здесь. А посмотрите, как её по-новому нужно повернуть. А посмотрите ещё. То есть это всегда работа с текстом. Схоласты, они заслужили своё такое, ну, немножечко презрительное название, тем, что они на мир-то не смотрят, они смотрят только на тексты. И ещё раз повторяю, ключевыми из них являются aristotelianские тексты. И его метафизика, и его физика.

Схоласты внесли структуру не только в мысль, но и в тексты. Вот всё, что мы с вами сегодня знаем в качестве абзацев, параграфов, глав, это всё изобретение схоластов. Собственно говоря, раннее средневековое письмо, это даже точек не... Ну, то есть даже знаков припинания не было. Не говоря уж про абзацы и тому подобное.

Дальше, сама структура научного текста, это тоже схоластическое. Введение, основная мысль заключения. Единственное, что отличает современный научный текст от схоластического, это то, что схоласты в начале, ну, этот метод такой был, в начале аргументы против себя выдвигали. Очень, кстати, действенные. А потом их опровергали.

Вот основные схоласты, которых мы так или иначе упомянем, но если не упомянем, просто знайте, что они такие и есть.

С комментаторской сущностью, вот с комментаторством связан феномен арабизма. Вот как раз то самое, о чём мы часто слышим, что античные мыслители пришли от арабов. Но мы уже об этом говорили, не от арабов, а в первую очередь от сирийцев, которых завоевали арабы. Дальше, они эти тексты уже переведены на арабский язык, на еврейский язык, ну, не на еврейский, естественно, там нет такого еврейского языка, да, на еврейский язык, ну, вот на эти языки в мусульманскую Испанию эти тексты попадали. А откуда же европейцы взяли? Почему вдруг из мусульманских рук-то они берут тексты? Почему не из рук самих же греков, не из Византии? Я думаю, вы уже понимаете, с Византии раскол. Византия это среда, в которую она вражеская. Я думаю, немножечко

похоже на наше время сегодняшнее, но как бы общение прекратилось, у учёных тоже прекратилось общение. Если раньше совершенно спокойно греческому языку ездили учиться в Византию, ну, то есть в восточные земли, да, к грекам, как они говорили, то теперь грекам нельзя. Чтобы выучить греческий язык, они идут в мусульманскую, они ездят в мусульманскую Испанию, и там учатся и еврейскому, и греческому языку, и берут там тексты для перевода. Так вот, таким образом в университеты попали большое количество, ну, как бы не в университеты, а именно к людям, которые представляются в университет, попали тексты Аристотеля. Их перевели с арабского, перевели на латинский, как вы понимаете, это язык общего общения всех народов, будучи там немцы, французы, но в средние века во время учёбы все говорят на латинском. Вот. И возникла проблема, потому что тот Аристотель, который открылся в этих текстах, он очень платонический, он очень, как сказать, видоизменен неоплатоническим учением. И наиболее грамотные схоласты, то есть те, которые познакомились из других источников с Аристотелем, этим крайне недовольны. И недовольны еще и потому, что они не только образованы и знают Аристотеля, а еще и потому, что они христиане. Ведь согласно, смотрите, тут какая позиция, дилемма. Согласно платоническому такому дискурсу, в том числе и неоплатоническому, и в том числе вот этому арабизированному Аристотелю, неоплатоническому Аристотелю. Бог видит, Бог воспринимает, для Бога существуют только роды, только общие понятия. То есть Бог видит и заинтересован в жизни только человечества, человек. Индивидуумы не существуют для Бога. Это платоническая линия. Вот вы на прошлых лекциях и, надеюсь, на семинарах это обсуждали, что платон, платоническая такая традиция, это существование родов. То есть вопрос стоит средневековье о том, что же подлинно существует. Это называется вопрос в универсалиях. А именно, а как же существуют универсалии? Что такое универсалии? Это общие понятия. Общие понятия. Проблемы универсалий. Еще раз. Вот смотрите, есть Вася, Петя, Наташа, Марина, то есть конкретные люди, а есть универсалия человек. То есть, я вот сейчас посмотрю, у меня есть отдельный слайд. Да, вот есть отдельный слайд. Универсалия. С точки зрения терминологии схоластов, конкретные имена Вася, Петя, Мурка, Васька, ну, я имею в виду имена любого, даже стола можно называть личным именем, да, номер, инвентарный номер 26. Так вот, все эти имена это партикулярии, так они называются, то есть от слова часть партии, партикулярии. Тогда как стол как таковой, кошка как таковая, человек как таковой это универсалии. Так вот, как они существуют? Вопрос религиозного свойства, видит ли Бог универсальный, в смысле партикулярии, Бог-то воспринимает меня, как там Светлану, или для него только человечество имеет значение? Это, конечно, очень личный вопрос, и его требовалось решить, и его решали несколько веков. Это вот и есть проблема универсалий. Вопрос был поставлен еще в античности Парфирием, это один из учеников Аристотеля, который вот систематизировал его учения. Он спросил, как бы на основе аристотельского учения, а как же быть с общими понятиями, с категориями? Ведь, смотрите, даже время, движение, это же тоже некие сущности, но они не предметы справедливости, милосердия, они же должны как-то существовать. А если мы говорим, что существуют только по-аристотельски, только правильные, в смысле, только отдельные предметы, люди, существа, ну, отдельные, да, сущности, то, соответственно, а как быть существованием вот этих вещей? Он задал такой вопрос, на него не ответил, пишет о том, что я прочитал работу категории, не нашел у Аристотеля ответа. И вот все средневековье пытается решить этот вопрос. Один из первых вопросов, вовремя первых ответов был так называемый реализм, то есть позиция, согласно которой уни-

версалии существуют подлинно и как бы вот они до вещей существуют, да, существуют до вещей. ее особенно поддерживал блаженный Агустин, Ансель Кентраберийский и Гильон Ишампо, ну, и многие другие. А почему они ее выбрали, эту позицию? Потому что вот это существование таких общих вещей, оно для них показалось гораздо более важным. Почему? Потому что, ну, согласитесь, самым общим бытием обладает Бог. И поэтому защищая это как бы общее бытие, существование этого общего бытия, они выбрали вот эту позицию реализма. И крайний реализм говорит о том, что универсалии существует только в божественном уме. Вот. Только в божественном уме. И Гильон Ишампо говорил, например, что отличия это случайные свойства. То есть отличия не принципиальны. Вот то, что мы с вами различаемся между собой, ну, для Бога это не так важно. Главное ведь вот это наше родовое единство. Вот. То есть он вроде как бы видит нас с вами, каждого, но ценит в этом и вообще обращает внимание только на эту родовую сущность, на как бы человека. А то, чем мы отличаемся, до которого для него, не важно. Ну, это как бы я немножечко, не, немножечко сильно упрощаю их позицию, но тем не менее нам нужно как-то кратенько объяснить. дальше. Они говорят еще о том, что Бог вообще не относится к нашему миру, Он абсолютно трансцендентен. Вот это слово тоже, пожалуйста, обратите на внимание. Трансцендентен. И к нему вообще никакие понятия применить нельзя. Соответственно, возникает тут же следующая позиция. Если к Богу наши-то понятия нельзя применить, то, соответственно, значит, они касаются только нашего мира, только наших вещей. Значит, только наши вещи и могут ну, как бы сказать, к ним только и относятся понятия. Это немножко сложновато, я понимаю, но тем не менее. Вот, например, Расцелин говорит, существуют только единичные предметы и понятия это тоже предмет. Вот как ни странно. Понятие это то, что... Почему это предмет? Потому что это звуки голоса, так? Это тоже определенная материальность. И это буковки на бумаге, ну, или там на пергаменте. То есть это понятие, это вот предмет такой. Соответственно, не надо, говорит он, как бы отягощать Бога вот этим вот вниманием к понятиям. Заглохни, говорит он, колебания воздуха, и сотрись письмо на бумаге, исчезнет и понятие. Да? То есть оно не будет жить где-то там в божественном разуме, оно просто исчезнет. И если его перестанут употреблять, или, ну вот, он сотрется, да? Поэтому универсалии, например, справедливость, милосердие не существует ни в вещах, ни независимо от вещей. Это только слова. Мы ими пользуемся как инструментами. Но расцелин был обвинен вереси Троебожия, Троебожия, потому что получается, а где же основа для единства? Получается, понятие Бог это тоже всего лишь, ну, как бы, такое, просто слово. То есть, да, Бог есть, но само понятие, оно всего лишь буквы и звук колебаний воздуха. А как быть тогда с тем, что Троица это единство трех лиц? Где взять основу для объединения? И расцелин был обвинен вереси. Ну, ничего с ним страшного не случилось, просто, ну, как бы, его учение не закрепилось. Ну, и, конечно, как всегда, некая средняя позиция, она была, ну, она заняла лидирующие позиции. Это в основном позиция Шартр, школы Шартра, Шартр, такой французский город. И вот этот умеренный вариант учения, который избегает крайностей, как номинализма, а это расцелин, да, номинализма, слово, номер, имя, и крайности реализма. Вот этот умеренный реализм говорит о том, что, ну, как правило, вот эти общие понятия существуют до самих вещей, например, как мысли Бога. Они существуют в вещах, потому что Бог сотворил, когда все предметы сотворил, Он дал каждому предмету его сущность, а сущность это и есть понятие, да. А теперь общие понятия существуют не только в божественном уме говорит о нем, но и в самих вещах, им нравится. а потом Бог

сотворил человека, дал ему разум, дал ему способность эти предметы как-то называть, и человек, познав эту сущность, которую Бог вложил в предметы, да, ну, например, все кошки, а сущность в них одна, кошковость, вот, и познав эту кошковость, человек дает ему имя, звучание в виде колебаний воздуха и буквок на бумаге. это уже универсально существующие после вещей. Таким образом, универсально существуют до вещей, как у мысли Бога, в вещах, как и сущность, родовое свойство предмета и после вещей. Ну, вот, один из таких подходов, это Фома Акменский, о котором мы чуть позднее поговорим, но с ним спорят уже номиналисты, такие поздние, не расцелин, расцелин, обвинен, верес, и, как говорится, про него все забыли.

А вот Уильям Опкам про него не забыли, он был явным номиналистом. И, ну, например, Иоанн Дун Скотт начинает с того же, с чего весь спор и начался. Он говорит, почему Фома утверждает, ну, тут в данном случае он немножечко врет, потому что Фома этого не утверждает, но неважно, почему Фома утверждает, что Бог знает, только общие понятия. Бог не знает меня лично, разве Бог не знает меня лично? Он знает только человека вообще? Нет. Даже с этим самым подчеркнутое это слово. В Боге есть знание о каждом предмете, о том, что представляет собой каждый предмет. В Боге не существует сущности, а существует штоиности и этогости. Ну, это сложно, это специфично схоластическое понятие. вот это вот стоимость и этогость. Дальше. Уильям Оком крайне разочарован многовековой полемикой. Он разочарован вообще философией. Он говорит, философия только умножение проблем говорения. Хватит. Философия не может быть служанкой богословия. Философия только все запутала. невозможно примирить, говорит он, философию и религиозную веру. Вера не может считаться с какими-то положениями философии. Вера верой, а философия вот она там своим словоблудием занимается. Философия, познающая мир, должна оперировать понятиями, но пусть она их относит только к предметам реальности, говорит Уильям Оком. Не нужно, говорит он, какие-то вот эти сложности распространять на религиозные позиции. Например, стол. Вот это хороший предмет для познания. Стол. А вот справедливость это уже предмет, в котором познание скорее всего запутается. Это уже блуда. Поэтому давайте поближе к конкретным вещам, конкретным партикуляриям и обсуждаем конкретную, например, справедливость. Справедливость этого человека, справедливость этой войны, справедливость этого закона. То есть давайте заниматься конкретным, предлагает Уильям Оком. Вы понимаете, как бы тут речь идет о том, что он, защищая религиозную веру, оттаскивает от нее философию и говорит философия занимайся миром просто. мы можем, говорит он, использовать наш рассудок, чтобы думать об отдельных вещах и поэтому не существует никаких оснований для теологических спекуляций. Не нужно, говорит он, увеличивать сущности без необходимости. Но он этого не говорил, но общая мысль в его текстах встречается. Что это означает? Не нужно философствовать там, где философствовать не нужно. Вот такая его позиция. Я думаю, что многие из вас бы ее разделили, но понимаете, вы не разделили бы общей интенции Оккома, потому что для вас философия это просто блуда, которое много слов и ничего, а для него это защита религии в первую очередь. То есть не надо лезть в своей философии к нам в религию, говорит Уильям Окком. Но интересно, что в будущем его позиция сыграла англичанин, да, ну как сказать, тогда еще не было этого термина, но тем не менее, это такая, как бы, ну, то есть он англичанин. И получается, что вот этот номинализм, который утвердился во многом под действием Уильяма Оккома на британской земле, он позволил тому, что, позволил тому процессу существиться, когда философия обратилась к кон-

крайним вещам и занялась позицией, которую мы называем эмпиризм. То есть подальше от разного рода спекуляций умозрительных поближе к вещам. Вот, поэтому следующим этапом после Уильяма Оккома идет Мартин Лютер. Это уже, соответственно, другая эпоха, другая конфессия христианская и совсем другая наука. Об этом поговорим чуть позднее. Ну вот. Но все-таки Уильям Окком это позднее Средневековье, это уже на рубеже с возрождением.

А чтобы вы лучше поняли философию специфичного Средневековья, схоластическую философию, я вам предлагаю чуть-чуть ознакомиться с философией святого Фомы Оквинского. В данном случае святой, когда я говорю святой, это его официальный статус. То есть не то, что там у меня какое-то особое отношение. Нет, это его официальный статус. Фома Оквинский аристократ из семьи очень значимой. Это вассал германского императора граф Оквинский. Она была связана родственными узами с императорской семьей. А Фома был, конечно же, предназначен к очень хорошей карьере. Ему уже было как бы и вакансия подыскана. Нужно было только пойти в Бенедиктинский монастырь. Оттуда, как правило, выходили все высшие иерархи церкви. Но Фома Оквинский оказался таким хипарем, и он пошел в совершенно не тот монастырь, который нужно было. Он пошел в нищенствующий орден именно францисканцам. Ой, простите, доминиканцам. Он доминиканцам был. Но семья Фомы очень возмущилась. В общем, всю жизнь он боролся с какими-то препятствиями, потому что такой был свободолюбивый человек. Очень много путешествовал, учился во многих местах. Главным образом это Неапольский университет. Но центр его образования это Кёльн. Главный учитель Альберт Великий. Как раз Альберт Великий работал над объединением Аристотеля и христианства. То есть очищая Аристотеля от арабского влияния, он объединял Аристотеля и христианства. Позиции христианства, позиции Аристотеля. И Фома конечно же тоже продолжит эту линию. Он не был, иметь в виду Фома, не был привязан к какому-то определенному университету, но во многих преподавал. И умер незадолго до 53-я, простудившись, потому что постоянно путешествовал от одного города к другому на своем мостице. Он искалесил всю Европу. Там поучится, там преподает, там что-то повышает, там подискутирует. Ну вот слишком рано умер. На самом деле достаточно долгую жизнь мы смотрим по времени жизни тех, кого мы знаем. 70-80 это нормально было для жизни, для людей, которые не военным делом занимались, как вы понимаете, для мыслителей. Но все-таки ранняя смерть, как вы понимаете, тогда гораздо чаще сегодня. Так вот, философия Фомы это философия бытия. Очень интересная философия, имеется в виду, смотрите, он говорил таким образом, философия постоянно интересуется тем, что есть какая-то вещь, что есть этот стол, что есть эта книга, что есть Бог, то есть нас интересует сущность, эссенция, сущность, и он называет эту философию эссециализма. Он говорит, но гораздо важнее существует ли эта вещь, то есть не что она существует, а именно тот факт, что существует ли она, понимаете. то есть для Фомы Аквинского сущность самой совершенной вещи, самой прекрасной вещи, но если она выдуманная, не существующая, так вот ее сущность в разы менее значима, чем сущность какой-нибудь мушечки, главное, чтобы она существовала, главное, чтобы она была реальна. существование, говорит он, это самое важное. Чувствуете, не что это мушка есть, а вот именно существование. То есть если Бог выдуман, говорит он, то он совершенно не имеет значения. Имеет значение только сам факт его существования, то есть то, что он есть. Этим, говорит, и будем заниматься, этим я и хочу заниматься. То есть проблема существования главная и для философии, говорит он, и для богословия, и для, лично для него. Конечно, главный вопрос существова-

ния Бога. В некотором смысле вся философия Фомы, это, знаете, такое вот очень харизматичное, очень яркое выступление и такое направленное к Богу клич «будь». Мне даже не важно, какой ты, главное, просто «будь». Вот это философия Фомы. «будь». А всё остальное не так важно. Это я бы назвала клич любви. Ифома в рассуждениях о существовании Бога, ещё раз напоминаю, для него главный тем, он вырабатывает определённый метод. Говорит он, я не буду опираться на откровение, имеется в виду, на Библию. Вот на Библию говорит, опираться, но это религиозный подход, религиозная позиция, самая, конечно, верующая. Но философия, если она не сможет открыть своими силами, без обращения к Библии, если она не сможет открыть существование Бога, значит, скорее всего, это существование надо, либо полностью отказываться от философии, просто уходить в богословие, просто верить. Но философия не должна существовать, а он любит не только Бога, но и философию. Ему важно и статус философии поддержать, и под философию в данном случае вообще всё познание, он понимает, познание человеческое, рациональное познание. Либо просто смещаться в сторону велики. И для этого он вырабатывает особые так называемые пути доказательства бытия Бога. То есть чисто интеллектуальными усилиями, без обращения к Библии. Это вот та самая проблема веры и знания, в которой Фома Аквинский их разделяет, говорит, вера верой, и она очень важна. Вера для таких вопросов, которые вот они просто даны именно как вопрос веры. Ну, например, там Троица. Понять Троицу вот это единство до конца невозможно. В этом можно просто верить, просто верить, что Бог есть Троица. Это все оставляем, это для веры. Есть еще несколько вопросов таких важных, их тоже для веры, но есть вопросы, которые исключительно для философии, туда не надо вмешивать веру, разделяет веру и знание. Он повторяет, что авторитет священного писания, работа святых отцов не могут быть авторитетами для философии. Для философии важно лишь интеллектуальное постижение. Помог Минский сторонник того, что знание не только равноценно вере, но и в некотором смысле превосходит ее. Это очень верующий человек. То есть, тем не менее, он говорит, знание выше веры, несмотря на то, что многие как раз в тот период в его ставили выше знания. А почему? Откуда такая позиция? Почему он преувеличивает статус знания по сравнению с верой? Почему он делает такую градацию? Потому что он говорит, его цитата, «Вера, привитая на не вполне развитую человеческую природу, вы имеете в виду разную, всегда будет несколько ущербна. Она будет развиваться способом негармоничным, неверным». То есть он ратует за то, что вера, особенно такая сложная, как христианская, религиозная вера, она должна ложиться на уже готовый рационально организованный разум. Только тогда она будет нормально функционировать, а иначе беда. Ну, вообще-то в этом есть что-то, согласитесь. Дальше, он утверждает, есть истинные боги, которые должны быть открыты человеку, чисто вот откровения, да, вот я говорю, там, троица и другие вещи. Есть вещи, которые должны быть чисто философские. Это я обобщаю эту мысль. Конечно же, в данном случае он очень высоко ценит разум человека. Он даже спрашивает, может ли натуралис рацио, то есть вот эта природная способность человека дойти до познания Бога, то есть как бы высшую ступень. Как может, предлагает своих пять путей доказательства бытия Бога, как бы к ним не относиться, вот во всяком случае они были даны Фомой Аквинским. Но наиболее важной все-таки для Фомы является позиция, согласно которой он говорит, наконец-то мы нашли имя Бога. Ведь в Библии Бог, когда его спрашивают, кто ты, Моисей его спрашивает, ну, Бог обращается над Моисеем из неопалимой купины, да, ну, из вот этого горящего куста, Моисей спрашивает,

кто ты, и Бог говорит, он говорит, аз есмъ, знаменитая фраза, аз есмъ, или яхва, да, а как это перевести, это тот, кто есть, вот так это, ну, то есть, Моисей спрашивает, ты кто, он говорит, тот, кто есть, то есть, и обычно это воспринимается как то, что Бог утаил свое имя, ну, то есть, человеку нельзя знать имя Бога, и откуда всякие разные поиски имени Бога, чтобы им, этим именем, с помощью этого имени творить всякие магические штуки, а Фома Ахвинский говорит, так это и есть имя Бога, потому что Бог есть само существование, я есть тот, кто есть, то есть, я есть само существование, и, говорит Фома Ахвинский, Бог наделяет собой, наделяет существованием все, что существует, все, всякая существующая вещь, все от Бога, поскольку вот в этом вот внутри, в ядре, вот это вот божественная воля, будь, будь, и вы смотрите, в ответ одна из существующих таких вещей, как Фома Ахвинский, говорит Богу, будь, пожалуйста, будь, очень красивая философия, знаете, особенно в таких вот, ну, закольцованных таких смыслах очень интересных. Ну, и еще Фома Ахвинский достаточно много поговорил о социальном, антропологическом, других аспектах. Он, ну, практически по всем вопросам высказался, вот как Аристотель для античности, Фома Ахвинский для Средневековья. Например, вся система существующего, каким образом? Понятно, что Бог, но Бог, он даже выше существования, он наделяет существование. Дальше, мир нетелесный, это ангелы. Дальше, мир телесный, и мир телесный состоит из пяти классов. мельчайшие невидимые частицы, он называет их синолы, ну, мы бы сегодня назвали их атомами, ну, что-то в этом роде, или частицами, как субатомными частицами. То есть, это глубинная структура всех телесных естеств. Это не основа существования, это просто глубинная структура всех существ, всего существующего. Дальше, тела созданы из множества синол, ну, или частиц, назовите это так. И это царство неживого. Дальше, третье, растительные организмы, животные организмы и люди. Ну, и кроме того, он делил всё существующее на искусственное и естественное. Душа, это не что-то, вот, вроде, знаете, какого-то, какого-то элемента, помещенного в футляр тела. Это психофизическое единство. Телесность крайне важна для христианского богословия. никогда не слушайте вот эти вот позиции, будто бы христианство разделяет душу и тело. Да, есть такие позиции, есть ещё много всякого бреда, но надо знать, откуда вы это берёте. Сейчас я немножечко отвлекусь от, собственно, фомы. Почему? Потому что есть проблемы, я чувствую, что у вас даже, может быть, диссонанс некоторый возникает. большинство позиций по отношению христианского или богословского, богословских идей возникает в нашем мировоззрении из так называемых сборников примеров, экземпляры, знаменитые экземпляры. Их огромное количество известно. Это сборники примеров для странствующих этих самых проповедников. И там написана вся та чушь, которая сейчас наполнена головами, как будто они до сих пор ходят. Они до сих пор ходят где-то по нашим степям и весям и рассказывают нам вот эти примеры, где там рассказано про то, что резкий дуализм души и тела, например, что Бог душу любит, тело не любит. Там еще какой-нибудь такой бред. Где рассказано про ведьм, где рассказано про то, что ад со сковородками, вот это там, да, прям там все завалено этими. Тогда, как пример, богословие говорит, ад это место без Бога. И причем ад создан Богом для того, именно из любви к человеку. Ну, то есть, например, вы атеист, вы никогда Бога не верили. А когда вы умираете, где ваше место? Это просто место в аду, не потому, что там сковородки и вы наказаны, а потому, что вам нужно какое-то место, то есть, там не обязательно мучения, просто без Бога. Там нет сковородок. А для тех, кто хотел быть с Богом, для него вот это место с Богом, и это называется рай. То есть, видите, а вот это со сковородками, а рай это сады

и под каждым кустом можно поспать, это совсем из других источников. Это не из богословских источников, это из доников, примеров, из других народных таких книжечек, вот сейчас такие книжечки продаются в подземных переходах. Тогда такие книжечки тоже были и активны очень, и как всегда они более распространены. Ну вот, так вот, Фома Аклинский это не это книжечки, это не это богословие. И, соответственно, вам надо знать именно вот это, вы все-таки другая среда, да? Еще раз, антропологические тела крайне важная сущность человека, потому что именно психофизическое единство и есть душа. По Фоме Аклинскому. Он, кстати, это выводит из Аристотеля. Дальше. Подобно Аристотелю, Фома говорит о том, что человек это социальное существо, обязательно. Для людей жизнь в обществе чем ценна, чем значима? Поскольку позволяет раскрыть их индивидуальные особенности, способности. Мы все различаемся, а стало быть, различаются наши способности. И они зависят и от свойств тела, и от свойств души, и от свойств разума. Следовательно, политика, говорит Фома Аклинского, служит таким занятием, которое, ну, то есть, политика такая хороша, которая позволяет людям раскрывать вот эти собственные способности к реализации. И политика плохая тогда, когда эти способности, ну, им трудно раскрыться. Ну, нет возможности им раскрыться. Дальше. Политику не обязательно быть христианином. Главное, чтобы он был хорошим политиком, чтобы он вот именно эту сущность политики раскрывал. А хорошим человеком может быть и не христианин. Это он однозначно говорит. То есть, политика в значительной степени не зависит от кровения, не зависит от религиозной даже позиции человека. Фома Акленски считает, что нехристиане вполне могут вести добродетельную жизнь в обществе и приобретать какое-то важное знание, деляться им и так далее. И вот как раз задача политики сохраняется, засечается в этом. Просто дайте человеку хорошую жизнь для реализации его способностей. Тогда остается вопрос, а зачем христианство-то? Зачем вот это Бог и все остальное? нет, не туда. Вопрос, наверное, у вас возникнет, естественно. Так вот, он и говорит о том, что для хорошей, правильной, просто хорошей жизни христианство не нужно. Христианство нужно для того, кому мало просто хорошей жизни. Ну, просто мало и все. Ну, как есть один такой, совсем даже не христианским, тем не менее, певец, который очень ярко поет Браухеммер, он не по христианству говорит, но не важно. мне нужно больше. Вот для них, говорит он, истинное кровение, Библия и все остальное. И вера, конечно же, это инструмент особый. Вера не нужна для того, чтобы наладить хорошую жизнь. Вера нужна для большего. И далеко не всем это большее нужно, поэтому давайте не наказывать тех, кому это большее не нужно, кому достаточно просто хорошей жизни. Вот такой вот Фома Аквинский. Я надеюсь, что вы поняли, что он не совсем тот, который, возможно, рисовало ваше сознание, ну, как образец такого богослова. А теперь мы от богословия, от именно схоластики такого богословского уклона перейдем к натурфилософии, именно к средневековой натурфилософии, потому что она тоже очень активно развивалась. Натурфилософия, напоминаю, это философия природы, то есть что же средневековье говорило нам о природе? Не только о Боге, обществе, политике и там всяких разных универсалиях, а вот о физике. Говорило ли вообще и еще как? И я даже вам скажу, что существовало три мощных пласта исследователей, прям таких секторов. Мы называем это, ну, философия называет это эпистемологические сообщества. Так вот, одни из них были, вот я даже сейчас вам найду этот слайд, чтобы называть их, вот, эпистемологические сообщества средневековья. Была схоластика, был герметизм, сейчас поговорим об этом немножечко, такие главные представители это алхимики, да, и были природознанцы. Это вообще люди,

которые в университетах не учились, это те, кто занимался практикой и познанием природы непосредственно в практической какой-то деятельности. Ювелиры, моряки, металлургии разного рода, понимаете, да, они вот составляли свой сектор мысли в натурфилософской. Давайте вернемся вначале к университетам, вначале туда, к схоластам, как же они занимались в натурфилософии и что новенького такого дали, а дали они не больше, не меньше, как основания для современной физики. Я ничуть не преувеличиваю. Так вот, схоласты, которые заинтересовались физикой Аристотеля, сосредоточились, конечно же, на исследовании движений. Почему? Потому что сам Аристотель физики говорит о том, что движение, ну то есть как предмет исследования, есть самый главный предмет для физики, для науки физики. Но средневековые исследователи обратили внимание на одну проблему аристотельской физики, что движение подброшено вверх камня, да, вот оно подброшено, согласно физике Аристотеля, камень летит, потому что воздушная среда очень плотная, как и любая другая среда, это очень плотная среда, природа не любит пустоты. Камень летит, и вот он пробивает, вот представьте себе, что это камень, он пробивает как бы плотную стену воздуха в каждом своем акте движения. И воздух, огибая камень, подталкивает его вперед. Когда это движение заканчивается, то камень просто падает к своему естественному месту. Поэтому, надеюсь, я знаю, что вам про это говорили, и надеюсь, вы помните вот эту физику Аристотеля.

Так вот, некоторые средневековые мыслители говорят, что-то здесь не то, вот что-то не то, и все тут. Ну как-то вот, ну какого-то элемента не хватает. И Жан Буридан, это 14 век уже, профессор в Парижском университете, в вопросах к физике Аристотеля говорит вот о чем. Он говорит о том, воздух действует как сопротивление, но не двигатель. Ну он будет останавливать камень, он не как, то есть, благодаря чему, собственно говоря, камень-то пробьется сквозь эту плотную структуру. Нужен же какой-то толчок, то есть, оказывается, нужен еще один в физике элемент, который он называет импетус. Импетус. Импетус – это сила, напор, стремление к движению. И это представление уже встречалось раньше у Филопонта, Янхилопонта, это 6 век, и Филопонт это называл запечатленная способность, то есть, рука, бросающая камень, мы сегодня говорим, импульс, да, придает, а в 6 веке это запечатленная способность, а в 14-м это импетус. Причем, импетус, говорит, Буридан, пропорционален скорости и массе. Ничего знакомого вы здесь не видите? Я думаю, видите. Чем больше материи, тем больше импетус может приобрести тело, и тем больше интенсивности оно будет. Понятно, что это как раз и есть исток теории импульса. Вот теория Жанна Буридана, теория импетуса, попала во все схоластические курсы, в учебники, так назовем это, хотя тогда учебника в столовом смысле не было, но в лекционные курсы попала во многие, и, как говорят современные исследователи, Галилей, конечно же, учащийся в университете, про это слышал и знал, про теорию импетуса. Ну, нельзя было не знать, но только надо было очень плохо учиться, чтобы не знать про Буридановскую теорию импетуса. Соответственно, вот ее как бы он узнал, и вот вам и теория импульса.

Дальше, еще какие изобретения? Ну, вот очень интересные мертонские схоласты предложили теорему о скорости. Здесь бы надо, конечно, уловить эту хитрость, потрясающую хитрость. Смотрите, скорость, опять же, комментируя Аристотеля, исключительно комментируя Аристотеля, Аристотель определял скорость через понятие времени и пространства, как и мы сегодня определяем через понятие времени и пространства. Скорость мыслилась как характеристика интенсивности движения, чувствуете, интенсивность движения, а время как количество. Ну, то есть, как быстро, медленно, количество. И схоластовое обра-

тили внимание на то, что, смотрите, скорость-то это качество, но пространство и время это количество. пространства много-мало, а скорость быстро-коротко, быстро-скоро, быстро-медленно, слово с головы. Это количество. И он говорит, а как мы, то есть, качество определяем через количественные характеристики, но это же неправильно, это какой-то мавитон, Аристотель такой логичный, и здесь упустил вот этот вот пробел логический. Нужно, говорит, они сделать все либо количеством, либо все качеством. Как это сделать? И они предложили это самое пространство и время изображать. понимаете, изображать. А как изображать? Широтой интенсивности, широтой пути. Тут самое главное, даже не пытайтесь вникнуть вот в эти вот скорости, количество. То есть, они просто изобрели систему координат. не изобрели систему координат, потому что изобрели возможность скорости быть изображенной. А дальше пошел теорема о квадрате скорости. Имеется в виду, как площадь прямоугольника. Весь, по сути дела, Декарт математический, физическая вот эта вот, физико-математическая вот эта вот, вот часть, связанная с декартовской философией, она заложена здесь. То есть, изображение, попытка сделать Аристотеля более логичным, привело схоластов к потребности изобразить скорость, время, пространство. И, соответственно, они изобрели систему координат и поправили Аристотеля. Другое дело, что они не нанесли риски, да, они нанесли вот эти количественные, им не нужно это было, не их задача, что называется. Но когда их нанесли уже на эту систему координат, мы получили просто рывок в математической физике. Ну вот, исследователи средневековой науки сразу же обратили внимание на вот эти вот параллели между физическими учениями поздних схоластов, да, и механикой 17 века. И вот действительно высказывались предположения о совершенно однозначном как бы предшествии средневековых университетах среди схоластов вот этого будущего расцвета механики в 17 веке. Надеюсь, это вы как-то так. Даже не столько бы там непременно нужно запоминать сами эти теоремы, но запомните, что не сидели, что называется там схоластов, уткнувшись в Библию, они решали огромное количество проблем.

Другое направление средневековой науки как раз в большей степени ориентируется на практическое знание, на практическое применение своих теорий. и в первую очередь надо говорить о герметической традиции. Про алхимию. Да, мы должны будем говорить про алхимию. Это герметизм. Откуда берется слово герметизм? Единственное, скажу, что матезис, матезис, это вот математика, которая не та, не арифметика и не геометрия, да, и не астрономия. Матезис, это была особая наука, которая была связана с мантикой. Мантика, это сфера гадания, сфера магии, и она тоже преподавалась в университетах. Долгое время не могли определиться, потому что насколько это, ну, как-то так, соотносится с христианским мировоззрением, насколько это научно. Ну, то есть, вы понимаете, магия, или, например, алхимия, это древняя наука, и, ну, как-то ее просто взять и выкинуть из университета, ну, никого, рукав не поднялась. Но, с другой стороны, какое-то сомнение по поводу нее всегда существовало у университетских ученых, поэтому, ну, вот один ректор, например, разрешает преподавать, а другой не разрешает. Вот такое промежуточное состояние. То есть, она не была тайной, не была какой-то закрытой, но в то же время как-то вот не особо поощрялась. Алхимик, потому что, ну, маг. Мало смешать разные составы, нужно же заплечение, еще сказать, правильно, да? Ну, здесь вот просто, когда вы получите презентацию, вы обратите внимание, например, на вот эту вот картинку. Это все эти самые рельефы из собора Парижской нашей матери. Никто не называл собор Парижской Богоматери, но там Нотр-Дам-де-Пари. Нотр-Дам-де-Пари переводится как собор нашей матери. И существует

устойчивое и, по-моему, абсолютно доказанное мнение, что это все-таки собор, посвященный алхимии, не богоматери, а алхимии. Вот это вот алхимия, а не богоматерь. Мы прекрасно понимаем, что здесь вся символика алхимическая. Вот здесь вот эти вот, это все стадии алхимического делания изображены. Ну, в общем, вот такая вот интересная позиция, насколько алхимия была популярна, что он ведет в свой собор, если честно. Ну и совсем уж прям заключением немножко о тех самых природознатцах, которые вот здесь вот. Они не только занимались практическими мероприятиями, но и писали книги, писали бестиарии, писали связанные, ну, то есть любые энциклопедии связаны с какой-то частью действительности. Например, посвященные камням, посвященным болезням, посвященным растениям, посвященным, ну, знаменитый физиолог. Вот такие вот, как бы, композиции они составляли, огромные, пополняли античные энциклопедии и активно в них изображали разного рода выдуманных существ. И мы спросим, почему, в чем же специфика такого средневекового внимания к разного рода драконам, правда, здесь вот драконы, вот это вот только разные виды драконы, виверны и крылатые драконы, там есть разные, вот это виверн, например, дракон, дракон на четырех ногах, это другой же тип дракона, но, в общем, тут вот есть своя специфика, все это рассказывается. Это крокодил, это летучая мышь, но я просто не могу мем пройти, это же шикарные совершенно вещи, я всегда их всем показываю, могу показывать их бесконечно, сказать спасибо, что к этому слайду. Вот. Так вот, почему средневековые люди так любили всякое выдуманное и совершенно легко к этому относились? Так пишет один представитель вот такого вот направления в науке, направления природознатцев, он пишет о том, да, я описываю выдуманный, ну, в смысле, не выдуманный, а остров, один из странных островов в море, его описываю, как он там, ну, в смысле, он появляется и исчезает от остров, но я его описываю, почему, потому что он же может появиться, вы должны быть готовы, я, и, соответственно, смотрите, они описывают драконов, потому что, ну, хорошо, их никто не видел, хорошо, есть сомнения, существуют ли они, но вдруг вы их встретите, то есть это забота, в первую очередь, и читателя, то есть вы думали, не выдумали, вы меня, как автора, можете потом дураком назвать, мне все равно, главное, чтобы вы были предупреждены по поводу драконов, вы знаете, как там с ним, что он кушает, как от него там спрятаться, ну, вот это вы все знаете, я вам рассказала, поэтому вот эти вот бестиарии средневековые и другие энциклопедии, посвященные не только животным, бестиарии, это животное посвященное, они, как правило, много выдумок содержат, но вот такая позиция средневековых ученых.

Лекция 8 Философия и наука в эпоху Возрождения

Наука эпохи Возрождения.

8.1 Социально-историческая характеристика эпохи Возрождения

Что это за термин «возрождение» и откуда он взялся? Его ввел еще в 15 веке Вазари в своих жизнеописаниях наиболее известных художников, скульпторов, архитекторов. Это книга середины 16 века. И вот он говорит о том, что ренессанс — это итальянское возрождение. Можно, конечно, многие слова было использовать, но он именно ренессанс использовал от слова «реново» — возрождать, восстанавливать, воскрешать.

То есть приходится признать, что что-то умерло, что необходимо было воскресить. И итальянские мыслители того времени пытались воскресить тот Великий Древний Рим, который был для них, ну, их, собственно говоря, национальными предками.

Мыслители предлагают восстановить в первую очередь язык Рима — чистую латынь, не испорченный вульгаризмами.

Некую науку античного Рима — образы архитектуры, изобразительного искусства и так далее.

И сам город Рим.

итальянцы в тот период Возрождения отталкивались от другого народа. То есть мы будем великими, потому что мы, как бы, уберем из нашего прошлого, из нашего окружения кого-то, понимаете, другие народы.

А что это были за другие народы? Они так и назывались в итальянском Возрождении народы готики. Готики, тогда готика было ругательное слово. Слово от имени, не от имени, от названия, самоназвания германских племен, готы, да. Ну, готы, это были такие элитные военные подразделения у германцев. И, соответственно, вот всё, что связано с готами, это итальянцев Возрождения. Бесило, назовём это прям таким простыми словами. Почему? Потому что везде было, во всех текстах вот это вот случалось. Нас обокрали варвары. То есть Древний Рим уничтожили вот эти германцы, да, эти вот плохие.

Фу, интересная история, да, вся вот возвращает, прикольно даже. Ну вот, нас обокрали варвары. Вот этот вот звучал лейтмотив, и надо вернуть своё прошлое. Это, надеюсь, понятно. Для других народов Европы это понятие носило, конечно же, несколько иной смысл. Те же самые немцы ничуть не возражали против того, что в своё время германцы захватили Рим, естественно.

Национальное самосознание и обоснование культурного вот этого прошлого оказывается не на первом месте у других народов. Имеется в виду у немцев, будущих немцев, у французов там, ну вот и так далее, да. В германских землях

прозвучал у художника Альберта Дюрера. Речь идёт вот об этом художнике. Вы наверняка знаете его вот эту меланхолию, знаменитую литографию. Так вот, у него начало фигурировать понятие «дивидер вахм». То есть дословно это снова просыпаться, снова стоять на страже.

Для северного возрождения характерно беспокойство о том, что надо возродить христианство, древнее христианство, то первичное.

То есть вот вам надо отчётиливо понимать. Италия – это возвращение своей национальной древности. А для других народов Европы это возрождение, ну понятно, античных традиций, но античных-то каких? Античных, как ранних христианств.

Научный оборот, термин «возрождение» ввёл французский историк Мишле. Это середина XIX века. До сих пор существуют споры. Возрождение было только вот в Европе или других народов, другие географические области, другие народы, цивилизация-то коснулась. Ну, я не буду сейчас в этот спор погружаться. Существует много точек зрения, можете придерживаться любой, что называется.

Ну, также спор ведётся о том, а нужно ли вообще возрождение выделять из эпохи Средневековья. Потому что, например, для Северного возрождения это не так актуально. Ну, мы не видим здесь прям принципиального различия, какого-то кардинального между Средневековым, например, искусством и искусством возрождения. Тоже есть смысл в этом. Но мы выделяем и мы характеризуем эпоху возрождения вполне себе такой простой, хронологической рамкой. XV-XVI век. Опять же, это не единственная рамка в истории искусства. Это XIV-XVI век. Некто, кто-то говорит XV-XVII век. В общем, есть варианты. Мы придержимся XV-XVI именно потому, что с позиции истории науки это более рационально. Понятно, да? То есть вот то, что касается историографии, в первом вопросе её немножечко нужно затронуть.

Социально-исторические предпосылки кризиса Средневековья

Европа в этот период переживает сильнейший кризис. То есть это был такой социальный стресс. Начался он ещё в XIV веке, то есть в эпоху позднего Средневековья. И достаточно упомянуть только Столетние войны, да? Это когда Англия и Франция больше, чем сто лет воевали. Почти перманентно.

Но второй момент. Происходит закат рыцарства.

Ну вот видите, тут картиночку даже я нарисовала, что просто наглядно было. Крестьяне забивают рыцаря. И это вот как раз, собственно говоря, весь 14-15 век. Это происходит то, что в Средневековье не было. Мы не знаем в Средневековье ни одну крестьянскую войну. Конечно, какие-то выступления были. Возможно, я абсолютно легко допускаю, что пару-тройку десятков рыцарей-крестьяне замочили. Ну, за какие-нибудь плохие там, плохое отношение и так далее. Но это все, что называется, частные моменты, которые всегда случаются.

Крестьянских войн не было. Но не было и поводов. Мы говорили о том, что, в принципе, все достаточно социально было, ну, как сказать, гармонизировано. Не было особых поводов возмущаться. Что же произошло в 14 веке? Дело вот в чем. В предшествующую эпоху, дело было в Средневековье, как вы понимаете, рост населения был большой. И он создал проблему безземелья. Ну, то есть уже не хватало обработанных земель для крестьянства. И поэтому, собственно говоря, крестьяне-то со своих наделов и не уходили. Даже, например, если их рыцарь, ну, был жлоб, если он, условно говоря, там, с оброком лютовал или с какой-нибудь рентой слишком уж дорогую брал, ну, особо уходить было некуда,

потому что обработанных земель, имеется в виду, там, лес вырублен, да, там, земли спаханы. Ну, в общем, это сложный процесс. Их было недостаточно для того количества людей, которое постепенно, ну, вот, как бы появилось. А я еще раз говорю, рост населения отмечает. Следователи был значительный, причем среди крестьянства.

Вот. Но в 1346-1348 году случилась серьезная эпидемия, черная смерть, да, чума, великая чума и так далее. И демографическая ситуация резко изменилась, то есть людей стало в разы меньше. Естественно, крестьянство тут, ну, как бы в первых рядах, люди умирали просто деревнями целыми, как вы понимаете. И в этих условиях средневековая система вот этой вот вассальной зависимости дала сбой. Почему? Потому что земли-то появилось много, ну, люди-то умерли. И крестьяне начали уже уходить от тех, ну, например, там, тех сеньоров, которые, ну, там, плохо себя вели, да, ну, что-то еще. Или просто на лучшие земли где-то там росло что-то лучшее. Ну, то есть это понятно вполне. А поскольку они не были никакими там крепостными, никто это, в принципе, им не мог запретить. Но ведь никого это и не радовало. Представьте себе, вы живете, вы сеньор, да, и у вас все крестьяне взяли и ушли. А где взять новую? Ведь вассальная зависимость означает, что люди пришли, принесли вам, ну, своего рода там, крестьяне клятву верности, ну, то есть поклонились, и сказали, все, ты нас защищаешь, а мы тебя кормим. А кто, кто ведет, да, что называется? И в этих условиях дворянство начинает лютовать во всех практически странах. То есть, например, значит, с какого начну? С Франции, да? Здесь вышли указы, указы по поводу того, что дворянство уже имело возможность закреплять крестьян на земле, ну, законодательно, то есть, ну, условно говоря, держать силы. Держать силы. То есть нужно было силовыми политическими методами заставить крестьян работать, ну, вот на этого, там, сеньора. Более того, было разрешено налог, не налог, простите, аренду делать какую угодно дорогую. И в середине 14 века все эти проблемы, которые связаны именно с закреплением крестьян на земле, силовыми методами. Более того, крестьян нужно было, они уже стали считаться беглыми, их можно было поймать, и уже тех вот пойманых крестьян можно было превращать практически в рабов. То есть эти новые указы, они в обилии вышли по всей Европе, эти новые указы разрешали к ним относиться как к рабам. Понимаете, да? Ну, естественно, это... А крестьяне были свободолюбивы, они, знаете, не обыкнутся за шубанным народом. В том-то и проблема, что они-то, что называется, жили-то по своей воле, работая на этих самых, на сеньора. Ну, как бы, ну, не то чтобы им там очень нравилось, но тем не менее, это же было как бы их решение. А здесь это не их решение, это уже вынужденная какая-то ситуация, да еще и в более худших условиях. И крестьяне поднялись массово.

Первое, 14 век, Жакерия, Жакерия во Франции. Они штурмовали рыцарские земли, убивали всех подряд. Дворян, дворянских слуг, там женщин, детей. Сожжено более 100 замков. То есть это очень масштабное выступление. В конце концов, дворянам удалось собрать ополчение и выступить против Жаков, Жакерия, да? В июне 58-го года восстание было разбито. Но с тех пор, как бы, крестьяне поняли, как надо сражаться. И вот в Англии восстание у Улта Тайлера, когда парламент принял закон о том, что батраков, то есть наемных крестьян и городских чернорабочих можно было заставлять работать за абсолютно нищенскую зарплату, которая была до Великой Чумы. И более того, любой дворянин мог схватить беглого крестьянина и заставить, опять же, работать на себя. Народ оказывал сопротивление, парламент приходилось снова повторять эти требования, снова и снова выпускать указы. 1481 год. К этому

добавился сбор чрезвычайного налога на военные нужды, шла война, и в ответ поднялось большущее восстание. То есть крестьяне дошли до Лондона, они зашли в Лондон, потому что им открыли ворота городская, ну, горожане такие, имеется в виду, такие же там, наемные рабочие. Восстание возглавил Уот Тайлера, если я еще не сказала, вот, пожалуйста, запишите Уот Тайлера. Они дошли до Лондона, и в ходе переговоров с королем, то есть они встретились с королем, Уот Тайлер схватил луж короля за усы, и его убили. Его убили, и это поднялось просто народное возмущение до предела. Стотысячное крестьянское войско столкнулось с сорокатысячным войском рыцарей. Ну, понимаете, да, масштаб. Ни одна война в эпоху Средневековья такой масштабной не была. Вот это было уже, что называется, всерьез. Завязалась битва, да. Восстание было в итоге подавлено. Все-таки, ну, сорок тысяч военных, профессиональных, да, и сто тысяч вот как бы просто людей, которые просто, ну, как бы разозлились. И что характерно, и что нужно запомнить после этих восстаний? Почему я так подробно о них говорю? Потому что, понимаете, изменилась не только система вассальной зависимости, не только, ну, скажем так, поссорились внутри социальных систем разные слои населения. Важны были последствия идеологического характера. А они до сих пор, вот они вот тогда были заложены, а до сих пор работают. Речь идет вот о чем. Еще один лидер восставших крестьян был священник Джон Болл. Он, интересно, там интерпретировал некоторые богословские идеи, и постепенно все это трансформировалось у него в очень простую идею. То есть, это как бы его идея, да, вот чувствуете его идея. Христос заповедовал всем быть бедными. Ну, то есть вот такая священная бедность. Возникла идея священной бедности. А кто же нарушает вот эту идею священной бедности? Конечно же синьор, конечно же богатые люди. Имеется в виду не только рыцари, но и священство, там, короли, ну, в общем, все, кого-то там... Так вот, убивать богатых богоугодно. Вот эта идея, она таким образом как-то укрепилась хорошо в сознании людей, что они не чувствовали какой-то двойной тут, ну, так, двойных стандартов. То есть, смотрите, когда богатые люди убивают бедных, это плохо, когда бедные убивают богатых хорошо. Я думаю, вы чувствуете здесь какая-то система двойной морали. То есть, еще раз, Джон Болл подчеркивал, что вот это вот... Ну, то есть расправляться с любыми там богатыми людьми, скажем так, вот такими способами восстанавливать какое-то попранное свое там достоинство или честь, или там, не знаю, экономическую, несправедливость, это богоугодное дело. Ну, разумеется, это, если мы так чуть-чуть сравним, то, конечно, это антиевангельская история и даже антиветхозаветная, хотя там вообще ничего не сказано, не про какую там... вообще речь идет о бедности, богатости, но неважно. Вот. Но появилась новая система, еще раз, двойных стандартов. Угнетение или такие же расправы со стороны богатых – это грех, безбожное дело, а точно такие же расправы со стороны бедных – это богатый год. Крестьянские восстания 14 века надолго утвердили в сознании европейцев, то есть сегодняшнего дня, что проливать свою и чужую кровь за социальное уравнивание – это по-настоящему крестьянское дело. И вот в Германии это, что называется, развернулось в полную силу. Германия, когда Священная империя, состояла из разнородных областей, и надо сказать, что в Германии вот этот народный протест, он имел более такой национальный характер, причем потому что все высокие слои населения это были немцы в этой Священной империи, а вот слои более низкого статуса – это были Чехи, потому что тогда Чехословакия, Чехия входила в Священную империю. И выступление известно под именем «Гусицкие войны». Ну вот, собственно говоря, я вот сейчас поменяю слайд, потому что здесь рассказано уже про это. «Гу-

сицкие войны». Гус был проповедником, ну магистр Пражского университета, вот он в Праге выступал с проповедями, и был очень популярен, на его выступления собирались, очень, скажем, много людей поддерживали его, и эта популярность ему, что называется, вышла боком, потому что папство объявило его еретиком, и стало как бы обвинять людей в гусицкой ереси. Он был обвинен, ой, простите, в английской ереси, вот так это тогда называлось, английская ересь. Ну, я сейчас не буду углубляться, почему именно английская, сейчас не в этом. И потом это уже было позднее, когда протестанты появились. Просто вот английская ересь тогда как-то была связана с идеями протестантизма, но не в немецком варианте, пока еще там. Ну, есть специфика, она нам не так важна. В итоге Яна Гуса убили, сожгли, и это подняло, опять же, народный пункт до неимоверных таких вот масштабов. Огромные массы восставших собрались на горе Табор, Тaborиты, вот они так назывались, и они основали даже свое государство, которое назвали, ну, конечно же, христианским, естественно. То есть сопротивление Тaborитам, с одной стороны, папа назвал делом церкви, а сами Тaborиты назвали это делом христианским в полной мере. Ну, то есть чувствуете, вот все, это разложение христианского идеала. То есть не только Dansha Шbesser ими 276, но это еще и разложение христианского идеала. Никто не понимает, а что означает быть христианином. Папа говорит, надо вот это сделать, то есть уничтожить Тaborитов. Тaborиты говорят, надо уничтожить в том числе папу. То есть получается какая-то совершенно неотчетливая картина, а что есть в христианстве. В итоге рыцари терпели очень много поражений. И только в 1434 году тaborиты потерпели поражение в битве при Липанах. Знаменитая такая была битва.

Так вот, еще раз повторюсь. Все народные выступления эпохи Возрождения шли под религиозным лозунгом. Лозунг восстановления Божьей правды. Происходило смешение религиозного и социального начала. Когда сегодня говорят люди, что главное в христианстве это социальные идеи, идеи социального равенства, этики. То есть социального взаимодействия. Не взаимодействие человек и Бог, а взаимодействие между людьми. То это прямое наследство эпохи Возрождения времен христианских войн. И вообще это ситуация, которая ведет прямую к секуляризации. Очень хочу, чтобы вы это понятие поняли.

Секуляризм. Это антирелигиозная доктрина, согласно которой движение к лучшему обществу, социальные, политические реформы не должны основываться на религиозных установках. То есть чувствуете, вначале как бы религиозный взгляд сместился на человека и взаимоотношения в обществе. А потом стало понятно вполне себе такие вещи простые. А простите, а при чем здесь вообще религия? Ну мы разберемся и сами тут, как говорится, да, тут политика имеет значение, экономика и так далее. А религия здесь при чем? Чувствуют лишние. Ну то есть действительно, это очень простой процесс был. Долгий, но простой. Стоило убрать из религиозных отношений вот это главный ось человек-бог, собственно говоря, она, это осталось просто присказкой, такова божья воля. Ну это можно сказать по любому полу. Чувствуете? Ну вот просто. Или там, это божья правда. Все. По сути дела это секуляризм. Само слово секулярный, секулум, секулум, это древнеримское слово, означало столетний цикл. А имеется в виду, что время от времени императоры, имеется в виду древнеримские, да, императоры означали, ну см назначали такой вот секулярный год. Имеется в виду, что это когда мы все сначала начинаем, все сначала говорим. Вот теперь все по-новому пойдет. Вот эта идея секуляризма, а вот теперь всё по-новому, она как раз зародилась, то есть антирелигиозная, принципиально антирелигиозная, она зародилась как раз из этого нового мировоззрения. Чув-

ствуете, прям в пределах религии, это что такое? Дальше. Второй момент. Вот крестьянские войны, я надеюсь, вы что-то там усвоили. Дальше.

Кризис именно рыцарства, самого рыцарства. Дело в том, что рыцари ещё раз подчёркивают, и неустанно подчёркивают, а рыцарское сословие. Но в 15 веке появляется огнестрельное оружие. Ну, конечно, это вот смешно ещё огнестрельное оружие, но тем не менее оно уже в обиходе появляется. Его изобрели арабы и китайцы. Соответственно, армия изменилась, сам состав армии серьёзно изменился. Уже артиллерия имела наибольшее значение и наёмная армия. Ведь что такое рыцарская армия? Это небольшой отряд, где каждый, значит, бьётся за собственную доблесть, дисциплина хромает, потому что каждый... То есть управлять, смотря на, практически невозможно, потому что, собственно, сражение – это поединок личных доблестей. Вот каждый сражается просто в силу своей личной доблести. Нет особой стратегии, нет особой тактики. Главное – просто реализовать это своё умение сражаться. Тогда, как представляете, с оружием такую ситуацию, да, это же хаос. Нужно выстроиться в линееку, нужно одновременно залп сделать и так далее. Поменять дальше раз для заряда. Нужно было выступить, нужно было, ну, то есть поменяться, да, там строй меняет свою, ну, то есть вот эти вот положения меняет. Это всё требует дисциплины. Совсем другой подход. А вот такая большая наёмная армия, то есть война принимает характер, когда, по сути дела, не какие-то там шахматные партии, да, там разыграла, была разыграна, и победитель тот, кто сделал более хитрый ход. А на самом деле, ну, вот война приходит к тому образу, который мы имеем сегодня. Чем больше противника убито, тем больше, тем, ну, как бы, вернее твоя победа. То есть просто мясорубка. То есть сражения стали просто мясорубками. Нехитрыми какими-то вот ходами и поединками личной доблести, когда, в принципе, можно было и не будучи даже раненым, понять, что вот доблесть за этим человеком. Понимаете? Не говоря уже о том, что это небольшие, по сути дела, армии сражались. А здесь они и большие, и действительно, это артиллерия, а любое ранение это в условиях, где нет антибиотиков, сами понимаете, практически стопроцентная смерть. Вот такая вот ситуация получилась. Мясные уже вот войны, они как раз в эпоху возрождения. Но куда деваться рыцарскому сословию? Оно же воюет, а оно не нужно. Оно не нужно королям, по большому счету, с этого времени, потому что королям нужны просто деньги на наёмную армию. Конечно, рыцари в наёмную армию не шли. Более того, считалось позорным использовать дальнестрельное оружие. Они с трудом выносили-то луки, они даже из луков не стреляли, только англичане стреляли из луков. То есть только мечом можно сражаться и копьем. То есть в личном контакте. А вот это вот издалека стреляет, но вот эрр-цари, считай, ниже своего достоинства. Более того, это же было даже до 19 века. В Германии, я просто сейчас сходу вспомнила, в Германии, когда армия меняла свой состав, то есть конницу убирали, и появлялись моторизированные войска, танки первые появлялись, машины. В общем, то очень трудно было офицеров заставить пересесть на какие-то машины, которые стреляют издалека. Одно дело конница, да, вот мы скакиваем, и вот близкий бой, по сути дела. А издалека стреляют из пушек, это настолько стрёмно, даже в 19 веке было. И они соглашались переходить только в авиацию. Вот этот как бы рыцарский дух, он был настолько силён, что он даже до 19 века-то подлился. В армию нанимали, конечно же, ну тех, кто из более низких сословий. Рыцарям делать нечего. В этих условиях они либо начинают заниматься просто бандитизмом, создают просто банды. Банды, которые просто грабят. Это уже не та средневековая война со всякими хитроумными штуками, там, клятвами, договорами и тому подобное.

Это просто обычный грабёж. И одна из форм таких грабежей, кстати, было пиратство. Его тоже замутили рыцари. Ну вот, это примерно так происходит в эпоху средневековья разложение феодального идеала.

Реконкиста и формирование испанской абсолютной монархии

И что такое реконкиста? Значит, вы должны помнить из прошлой лекции или просто знать это, что испанцы, Испания почти полностью была под властью мавров. Мавры — это арабы, мусульмане. Но маврами даже называли ещё и евреи, которые там тоже переселились. В общем, Испания под властью мавров, под властью мусульман. И Испания не сдавалась. Северные области Испании оставались в руках христианских монархов. Но тем не менее, спустя какое-то время реконкиста остановилась. Реконкиста — это возвращение себе земель, освобождение её земель от мавров. Но где-то в 14-13-14 веке реконкиста в конце уже немножко остановилась, приостановилась. И это вызвало хаос в Испании. Потому что, как и везде, как и всегда, общество консолидируется борьбой. И Испания была одной из самых консолидированных общественных систем. Войной с маврами. Но когда она остановилась, начало всё рассыпаться. Гранды — это имеется в виду феодалы испанские — объявили войну королям. Там начались междуусобицы жуткие. Крестьяне перестали подчиняться. Сказали, что одно дело, когда мы воевали вместе под руководством Грандов, это да. А вот другое дело, просто что, работать на Грандов? Нет. Другое. Это как бы всё достаточно было хаотично. И на фоне вот этого хаоса выходит на передний план истории Фома Тарпимада, настоятель одного из монастырей, духовник, наследница Костильского престола. Изабелла. И этот вот человек умудрился сделать, конечно, Испанию великой. Сделаем Испанию снова великой. Это Тарпимада. Он сделал это с помощью испанской инквизиции. В первую очередь. То есть он возглавил процесс объединения Испании вокруг королевской власти. К тому же очень удачный брак случился. Брак по любви, по большой. Когда супруги были такими, как сказать, поддерживали другое во всём, усиливали другое. В общем, вот это вот единство, когда два супруга, король и королева, и Фома Тарпимада сделали Испанию величайшим игроком на какое-то время, величайшим игроком европейской политики. И более того, конкиста развернулась под управление полную силу. То есть чувствуете, что Тарпимада — это жесть на самом деле. Это такая инквизиция, которая, конечно же, не знала итальянская инквизиция. Сравниться могла только потом уже всякие разные... У протестантов были вот эти вот жестокие такие суды. Они не назывались инквизиторские, но они были тоже инквизиции по своим фактам. Вот. И надо сказать, что, конечно, религия здесь была дело второе. Ну, понятно, что официально было возглавлено движение против вот таких неистинных христиан. Что имелось в виду? Ну, многие арабы и евреи хотели остаться там, где они живут, то есть в Испании, на Иберийском полуострове. Они хотели там остаться, но остаться можно было только христианинам. И они принимали христианство, ну, так скажем, возможно, допустить, что для видимости. И вот именно их веру, типа мы будем испытывать их веру, но когда мы читаем документы, инквизиция, конечно, в меньшей степени обращала внимание на этих новых крещеных христиан, а гораздо в большей степени обращала внимание на всяких там бунтующих грантов. Ну, то есть вот королевская власть усиливалась за счет инквизиции, в первую очередь. В итоге Испания стала страной, которая серьезно повлияла на эпоху великих географических войск. Вот еще одно понятие, которое вы должны очень хорошо понять и разобраться с ним.

Эпоха великих географических открытий

Надо сказать, что самой крайней точкой европейской земли на западе являлась земля королевства Португалия. Земля королевств даже Португалия, но не было одного королевства, королевства Португалия. Далее простиралось море мрака, и туда, в общем, не плавали. Не плавали в Атлантический океан, потому что особые течения, особые ветра, с ними невозможно было справиться с прежним типом кораблей. Но португальцы создали каравеллу, судно с треугольным парусом и рулем. Вот все, что мы видим в фильмах про пиратов, это вот каравеллы. То есть они были маневренны. И вот португальцы, то есть они могли идти против ветра, вот их самая главная фишка. Португальцы шаг за шагом учились плавать против ветра, они освоили вот эту технику. Куда они плавали? Они плавали вдоль западного побережья Африки. Тогда Португалия не была еще очень сильна, она вот изобрела ту самую каравеллу. Плавая вдоль западного берега Африки, они достигли зеленого мыса на том берегу, как вы понимаете, это южная точка, в 1445 году. Португальцы купцы, португальские купцы, которые вкладывали, кстати, деньги вот в эти походы морские, они искали же прибыли, и прибыль очень быстро нашлась. Они начали отлавливать население Африки, негров, и продавать их на вот яморках Лиссабона. Так что европейская работторговля началась, конечно же, не с США, она началась с португальцев. И один из первых географов эпохи возрождения Паула Тосканелли, вот его карта, говорил, что поскольку земля имеет форму шара, то отплыв из Португалии на запад, можно достичь Китая примерно за месяц плавания, по его расчетам примерно за месяц плавания. Его письмо португальскому монарху в том числе прочитал Христофор Колумб, купец из Генуи. Он загорелся идеей реализовать проект Тосканелли. Это было, знаете, ну вот вроде бы да, как бы он купец. Вот это один из тех купцов, которые были, ну, что называется, предпринимателями. Не купцы-лавочники, а купцы-негацианты, то есть предприниматель. Это один из тех лиц капитализма будущего, которые, ну, вот они даже до сих пор сохранились, когда, ну да, вроде я поехал-то за специями, то есть мне, конечно, деньги важны, но риск важнее, важнее успех предприятия. Конечно, Колумб в этом смысле, понятно, что он до конца жизни думал, что он открыл Индию, и понятно, что там еще многие всякие вещи, но это великкая фигура, именно великкая с точки зрения, давайте рискнем, а давайте попробуем. Он загорелся, в общем, этой идеей. Португальский король Жоан II отказался поддержать Колумба, ну, денег на это нет, конечно же, и Колумб обратился к испанской короне, а испанская корона в то время уже сильная. Она может себе позволить такое путешествие. Португальцы тогда еще этого, ну, не могут себе позволить. И вот он получает в 1492 году титул «Адмирал моря-океана», «Адмирал моря-океана», как видите, да? Вице-короля всех земель, которые будут ему открыты, им открыты, и вот он отправился через океан на запад. Открытие Америки, как вы понимаете. Всю эту историю с названием, что там Америка в Веспучии, я рассказывать не буду, она широко известна. Если неизвестно, пожалуйста, поинтересуйтесь, почему Америка названа Америкой. В ответ на экспедицию Колумба португальский король уже другой, Мануэл I, отправил в плавание вокруг Африки. Ну, потому что стало немножечко как бы, ну, так завидно. Ну, завидно, конечно, не с точки зрения, знаете, как космическая гонка. Нет, тогда еще вот такие вещи не работали. Было, что называется, завидно. Ведь драгоценности пошли оттуда, всякие разные из Новой Индии, то есть из Америки. Золотишко пошло, какие-то там интересные вещи. А они поплыли, португальцы поплыли вокруг Африки в ответ, что называется. И вот плавание Колумба, Васкадагамы, Магеллана – это и есть эпоха великих географических

открытий. Это морская гонка. Она была, ну, в такого, с одной только стороной вопросов технологического престижа, а во вторую – это все-таки, ну, поиск богатств. То есть люди ехали, чтобы найти богатство. Это купеческие авантюры. Очень интересное время, очень опасное, очень интересное. Но я вот уже упомянула про два ликокапитализма. Да вот смотрите, первый ликокапитализм – это когда опасно, и деньги – это вот мерило удачи в этом опасном предприятии. И на самом деле такой капитализм сегодня существует. Это вот тогда, когда для человека важно не деньги заработать, а типа получится, не получится. Ну, я не буду сейчас как бы погружаться. А есть другой ликокапитализма, который как раз... Как бы найти побольше бабла, только чтобы безопасно. И вот финансовый капитализм, который завьется позднее, намного позднее. Это вот как раз другой ликокапитализма. Потому что, ну, знаете, с точки зрения философии, крайне глупо кричать на всех углах и на всех заборах, писать капитализм – это дермо. Это называется «большого ума не надо». А вот чуть-чуть больше ума требуется увидеть, ну, в любом феномене что-то, что, ну, как бы неоднозначно плохое. Никогда не бывает ничего однозначно плохого. Вот серьезно. И поэтому я вас призываю к тому, чтобы вы видели корни таких даже самых непривлекательных, возможно, каких-то моментов, видели во всем корне, как это проявлялось, как зарождалось, почему так. Люди же не делают ничего просто потому, что хотят какого-то говна сотворить. Извиняюсь, я не одобряю всякие разные вульгаризмы в речи педагога. И это просто оборвалось. Так вот, капитализм – это после эпохи Возрождения, но основы, как мы понимаем, здесь. И на основе этого первого лица капитализма, я почему его упомянула?

Культ Фортуны

Потому что очень важно рассказать про культ Фортуны. Очень такой момент, крайне важный для эпохи Возрождения. Тема Фортуны. Фортуна – это слепой случай, слепая удача, такая древнеримская богиня, но речь уже даже не о богине, речь идет о неком явлении. Фортуна как слепой случай, который может либо тебя убить, ну или там, не знаю, разрушить твою жизнь, либо вознести тебя на какие-то там социальные вершины. Фортуне в Боговозрождении посвящены трактаты. Она постоянно упоминается в деловой переписке, в письмах личного характера. То есть для Возрождения было характерно призывы активно противостоять власти Фортуны. То есть Возрождение при всей моей личной нелюбви к этой эпохе, ну вы не обязаны ее разделять ни в коем случае, да, но тем не менее, это шикарная эпоха там, где речь идет о каком-то вот вызове, вызове по отношению к любым ограничениям. И первое это ограничение, это же судьба, фортуна. И представляете себе, кучу людей поставила свою цель, а как можно победить фортуну? Вопрос. Если вы сейчас внимательны, то вы поймете, как ее в итоге победили. Ее отменили. Принципами предельного линейного детерминизма. Но скажу вам просто, как человека-философа, такое себе. Это не победа. Вот возрожденцы еще предлагали победу, а то, что потом в новое время, ну опять же, это моя оценка. Фортуна для меня стала единственным богом, говорит один из флорентийских купцов, вот этих вот первых авантюристов, Банакорса Петти. Ну не надо его запоминать, дело не в этом. То есть некая окончательная причинность всегда, конечно же, остается за богом. Тут они по-прежнему религиозные люди. Но вот внутри реальности, внутри своих действий мы боремся с фортуной. То есть, смотрите, в некотором смысле новая элита, купеческая новая элита, она появляется в противовес старой элите, имеется в виду рыцарству. Она как бы становится более актуальной. Но она по духу еще

та же самая рыцарская история. То есть, средневековые рыцари жаждали воевать, так скажем, с демонами, с какими-то там такими силами инфернального характера, ну или между собой, как минимум. А купцы Ренессанса тоже хотели бы воевать, но с фортуной. И только позднее купцы уже предпочитали с этой фортуной договориться. Ну ладно. Возрождение видит фортуна одновременно и добрым, и злым началом. И так формируется, на самом деле, антологическая основа для морально-нейтральной оценки действительности. Ну, всех, что называется, под властью фортуны ходим. Причём совершенно неважно, как вы воспринимаете фортуну. Может, богом, а может, просто такой антологической характеристикой. Онтология, вспоминаем, дисциплина, которая занимается вопросами бытия из самых общих свойств сущего. Ещё один момент, связанный с культом фортуны. Христианская этика во все времена, имеется в виду с древних времён и вот до этого времени, не поощряет рост богатства, рост прибыли. Была в экономическом смысле концепция справедливой цены. Мы сейчас её не будем разбирать, но вы поинтересуйтесь. Ростовщичество вообще не одобряется ни в коем случае, потому что ростовщичество, чем занимается ростовщик? Он продаёт время. Он дал деньги, но он же не деньги продаёт, продаёт время, а время принадлежит богу. Соответственно, что делает ростовщик? Ну, извините меня, просто ворует у бога. Но дело как минимум неблагодарное. Но в эпоху Возрождения ссылка на риск подвергнуться коварству фортуны, это становится достаточным основанием для оправдания прибыли. То есть, смотрите, я рисую, я рисую жизнью, я поехала на корабле и вообще непонятно куда, в какое-то море мрака. Я даже не знаю там вообще, я даже не знаю, земля круглая или нет, доплыну ли я. Ну так, доподлинно-то я же не знаю, до меня же никто не плавал. Я подвергаюсь риску просто получить от фортуны так, что мне мало не покажется. Но в итоге я получаю прибыль, если я всё-таки выигрываю. Согласитесь, это типа, ну, достаточное оправдание для прибыли. Вот это первое, ну, как бы первый такой мировоззренческий шаг в сторону капитализма. Ну, ещё с таким человеческим лицом, назовём так. Это ещё не капитализм курильщика, это ещё так. Ну и, кстати, во власти фортуны, как что интересно, там не здоровье, не какие-нибудь там деторождения, а всегда это богатство, политическая реальность и социальное положение человека. Вот чем она там фортуна занимается. Ну, вы понимаете, да, что как раз здесь в основном там авантюристы, вот они так, ну, в хорошем смысле этого слова, работают. За 30 лет плаваний «Каравелл» экономическая карта Европы изменилась до неузнаваемости.

Силовые линии поменялись, новые города появились. Это вот Лиссабон, Португалия, да. Ну, не то, чтобы они новые были, Лиссабон очень старый город, но он стал портовым важнейшим городом. Амстердам, это уже выше, да, севернее Европы. Антверпен, всё это Нидерланды. Постепенно зарождается капиталистическое общество, которое со стороны вот экономических трансформаций связано с появлением мануфактур. То есть это большие мастерские, где производственный процесс поделен на десятки мелких операций. А, соответственно, вот эта машинизация ручного труда, имеется в виду машинизация пока в кавычках, машин еще нет. Мануфактура. Смотрите, ману от слова мануальный, да, ручной. Ручная фактура, ручное производство. Самую простую работу делали женщины-дети, более сложные подмастерия, мастера руководили общими работами, производительность труда в мануфактурах была гораздо выше, чем в мелких цеховых мастерских. Где мануфактуры были? Конечно, в тех самых бургах, про которые, ну, мы с вами говорили, в средневековые города, которые возникают уже в позднем средневековье. Поэтому, конечно... В конце концов,

понимают, где проходят торговые пути и осваивают мореплавание. Ну, не говорю, что прям тут же они с лошадейно перескочили на корабли, но тем не менее, да. Разбойничье ремесло оказалось столь выгодным, что вот этих вот обедневших дворян все больше и больше становятся пиратами. Джек Воробей, это, конечно, простите, капитан Джек Воробей, это, конечно же, 17-18 век, но тем не менее, его вполне можно было представить и в веке 16. Так вот, в 1578 году, 16 век, да, пиратский капитан Фрэнсис Дрейк нашел дорогу в Тихий океан, ограбил порты на всех побережьях, захватил корабли, перевозившие золото с американских рудников. Надо сказать, что это золото обеспечило, собственно говоря, Испании, а потом отчасти Португалии. Ну, Португалии другое золото, не американское. Ну, в общем, вот эти морские державы на долгое время стали самыми крутыми политическими игроками благодаря американскому и другому золоту. Ну, вот им приходилось бороться с такими новыми, значит, этими проблемами, имеется в виду пиратства. Добыча была выгодным делом, и вот Дрейка, как вы, наверное, знаете, Елизавета, королева Елизавета I, получив, конечно же, свою долю прибыли, произвела ворцоское звание, удостоила невиданных почестей. Ну, так было всегда с Англией. Вот что, как говорится, кто гадит, так это англичанка, что называется, тут даже не приходится сомневаться. Ведь по большому счету вот это вот при всей нашей любви к пиратам, кинематографическим, как мы понимаем, да, всё-таки пиратство загубило, загубило на корню вот этот первый лик капитализма. Потому что после успеха Дрейка, после такого одобрения королевской власти, началась эпоха пиратства.

8.2 Итальянское Возрождение. Феномен ренессанс-ного гуманизма

Начинаем второй вопрос. Он сложнее. Речь идёт об итальянском возрождении. Надеюсь, мы с вами осилим всю ту как бы новизну понимания итальянского возрождения, которое я вам буду предлагать. Я не буду вам рассказывать про Леонидовича, какой он был великий, какие замечательные Рафаэли были в то время. А вы обратите внимание, как только начнёшь говорить по возрождению, так вот в обычном смысле, ой, прекрасный Рафаэль. Ну да, неплохой художник. Я вам говорю, как искусство. Неплохой художник. Леонардо не закончил ни одной картины. Он гораздо интереснее, как изобретатель. Вот. Понимаете, не с художников мы будем с вами начинать, а, конечно же, с мыслителей. Феномен ренессансного гуманизма. Итальянские мыслители, напоминаю, считают свои задачи создать основы для нового совершенного общества, которое бы повторяло старое общество, которое они видят совершенным. Имеются в виду древние гимны. Пытаясь восстановить этот золотой век Римской империи, они обращаются к периоду античности. И, собственно говоря, вот что значит вернуться в прошлое? Значит, что значит исследовать это прошлое и вернуть в настоящее? Это работа с текстами. Да, всегда работа с текстами. Это только во вторую очередь рисование картин и выстраивание каких-то там сооружений. А вначале это язык. То есть они поставили пиксовую цель очистить латинский язык от варваризмов, то есть от германского начинственного следия. Вот. И во вторую очередь это социальные процессы. То есть они пытались вернуть античные города. Конечно, Рим это античный город, древний Рим, но он же слишком особенный. Он был как бы уникальностью всех остальных городов. А другие города это были маленькие государства. Помните полис? Древнегреческий полис. И вот в Италии возникает такая тенденция развивать такой тип

социальной структуры, то есть города как маленькие полисы. И тем более, что в Италии это позволял исторический процесс. Дело в том, что Италия того периода это такое поле перманентной битвы, перманентной раски между германскими императорами и папами. А когда они между собой воевали, они воевали постоянно, всю практически историю Средневековья, между ними были терки. Так вот, чтобы, как говорится, переманить на свою сторону города горожан тех или иных, то папа дает какую-то свободу горожанам, то какой-нибудь король. И вот так постепенно образовалось достаточно много городов, которые не принадлежали ни папству и ни к какому-нибудь там императору Священной Римской империи. Вот лавируя так вот между обеими сторонами, многие города смогли освободиться от внешнего контроля. И вскоре, за исключением вот Неапольского королевства, весь Апенинский полуостров, то есть вся современная Италия, был разделен на множество мелких городов-государств республиканской формы правления, о которой мы поговорим чуть позже. То есть они были почти полностью, почти, но все-таки независимы как от императора, так и от папы. И вот эти республиканские режимы, что они из себя представляли? Они представляли себя, ну, такую... Республика — это, значит, такой политический строй, где горожане выбирают себе правителей. И они выбирали из тех, кто, собственно говоря, им обещал много всяких плюшек. Ничего не меняется, вы же понимаете. Именно плюшек, каких-то развлечений, каких-нибудь там, я не знаю... Ну, то есть не серьезных социальных трансформаций, а каких-то вот таких вот... Ну, в общем, приехал, ну, раздала печеньки, да? Ну, а кто мог раздавать печеньки? Раздавать печеньки могли банкиры, могли какие-нибудь там ростовщики, ну, вот такое вот, да? И, соответственно, политическими лидерами таких коммун, городов коммун, городов республик, чаще всего становились, ну, либо военачальники, которые захватили этот город в очередной битве, либо вот именно банкиры. И в одном из таких городов, до этого довольно неприметно, Флоренция, в одном из таких городов власть захватили Медичи. Это банкиры, и они были одними из самых крутых банкиров, потому что им было даровано право от папы взимать десятину церковную. Ну, то есть они всегда при деньгах, вообще, какая бы там, какой военачальник бы ни пришел, они всегда при деньгах. Поэтому это были одни из крупнейших банкиров Европы. Банк был уполномочен собирать эту церковную десятину и от части распределять так, как хочет, собственно, этот банк. И вот Козима Медичи, один из таких банкиров, стал страстным поклонником Платона и создал на своей вилле, которая потом была подарена Марсилио Фичино, вот, на этой вилле создал академию, платоновский такой кружок по интересам. Ее называли еще платонической семьей, потому что, ну, это не было официальным учреждением, никакими там, это не было похоже даже на академию Платона, которая была в античности. Это такой был, потому что это не учебное заведение, да, это место такое общение по поводу платонических идей. И спонсорство Медичи позволило состояться многим изысканием, написанию многих текстов, многим переводом и так далее. Расцвет Флорентийской академии приходится как раз на 15 век, на конец 15 века. Примерно в это же время, 1450-е годы, 60-е годы, из Византии бегут, активно в Европу бегут ученые люди, ну, вообще люди бегут, и ученые. Почему? Надеюсь, вы помните, захват турками. Турки уже захватили Константинополь и, собственно, осваивают всю Византийскую империю, постепенно, вот, ну, как бы, выдавливая людей. Ну, не то, чтобы всех, но имеется в виду, что большинство, конечно, стремилось куда-то бежать в христианские земли. И вот много таких вот ученых, монахов, философов, они приезжают в Италию и находят себе, ну, занятия в таких вот местах, типа Платоновской академии. Они при-

возят с собой труды Аристотеля, Платона, но уже на греческом языке, уже не на испанском, которая, на испанском, на арабском, которые привезены из Испании, а именно на греческом. Почему они только сейчас привезли? Потому что, напоминаю, раскол был между Востоком и Западом, да, и не общались они долгое время из-за раскола церковного католичества, православия. И эти тексты, как бы, подстегнули интерес к античности еще больше.

И формируется вот это вот понятие гуманизма. Так вот, гуманизм в античном смысле, простите, в возрожденческом смысле не имеет никакого, имеет в ней крайне-крайне косвенное отношение к тому, что мы понимаем под гуманизмом. Для нас гуманизм – это буквально перевод слова «гуманный». Гуманный – значит, человечный. Гуман, да? Человечный гуман. То есть относись по-человечески к другим людям, к животным, к природе. То есть гуманный – это означает человечный. Для гуманистов в возрождении речь не идет о какой-то человечности, не о какой-то доброте, милосердии. Речь идет о гуманитарных предметах, гуманитарных дисциплинах. Слово «гуманист» было произведено по принципу других терминов, а именно законник, например, легист, итальянское слово «легист», знаток канонического права, канониста, художник, артиста, от слова «арт» добавляется суффикс и так далее. И гуманист – это учитель грамматики, риторики, поэзии, истории, философии, то есть гуманитарных дисциплин. Все они работают с текстами. То есть первый смысл гуманиста это установка культурная, согласно которой тексты латинской и греческой древности являются главными и даже единственными факторами формирования подлинной культуры. Вот это, пожалуйста, прочувствуйте. То есть это установка, согласно которой подлинной культурой подлинную культуру нужно осуществлять хорошими текстами. Вопрос, конечно, какие тексты будут хорошими, но неважно. То есть тексты играют решающую роль в формировании человека этой культуры. Марсилия Фичино, один из лидеров этого процесса, немножечко позднее вам скажу, говорит о своем времени так. Это, несомненно, золотой век, который вернул свет свободным искусствам до того почти уничтоженным. Грамматики, красноречию, живопись, архитектуре, скульптуре, музыке. Он считает, в духе эпохи, считает, что все, что было до него, вот это вот готическое. Вот. Гуманисты видели в своем геле миссию совершенствования человека посредством гуманистической литературы, которую они же, собственно, писали, которую они же, собственно, переводили и так далее. Обращение к античной классике, как они были уверены, улучшает человеческую природу. Наверное, вы тоже слышали такое от родителей, от учителей, вообще, в принципе, читай классику. Ну, как ты, ну, ты еще, ты не человеком, ты не сможешь быть, если не прочитаешь всю классику. Ну, мы же понимаем, что классика не делает нас людьми. Нет, не делает. Она помогает мыслить, потому что, ну, прочитай вот, даже, то, как пишут люди в девятнадцатом веке, не говоришь, какой он семнадцатый, и тем более пятый, ты просто, ну, это как новый язык, а новый язык, он, по-моему, расширяет рамки твоего, твоей компетенции интеллектуальной. Но сказать, что все эти тексты наполнены такими смыслами, что ты приходишь просто, да, вот оно, и все, и ты, и ты совершенства. Ну, это же нет. Но идея откуда? Кто придумал? Гуманисты. Что чтение классики, работа с классикой, это и есть задача подлинного образования. Ну, не то, чтобы я хочу ее сейчас разоблачить, уничтожить, просто я вам предлагаю понять, откуда ноги растут. У нашей современности ноги растут в основном из возрождения. Как вы понимаете, почему слово гуманный, гуманист разный? Вы понимаете, гуманным может быть даже необразованный человек, да, то есть, я хочу еще раз подчеркнуть различия смыслов. Гуманным может быть какой-нибудь человек даже, ну, простите, с отклоне-

ниями в развитии, может быть гуманным. А для возрожденческих мыслителей это полный нонсенс, он невозможно. Если у человека мозги не работают, он не прочитал достаточное количество классики, он никакой не гуман, не гуманный, не гуманист. То есть, с помощью литературы мы совершенствуем человека. И вот теперь самый главный вопрос. Вот этот совершенный человек, они называли его гомо-виртуозу. И это не виртуозный исполнитель чего-либо, виртуоза, от слова виртус. Виртус — это некий дар, которым обладают вообще-то только воины в античном смысле. Если я сейчас вас немножечко в слово виртус погружусь, чтобы вы просто как бы прочувствовали дух. В свое время в последние цицерон, а цезик пишет о своих похождениях, о своих военных достижениях. И в случае рассказывает про одного, не двух военачальников, которые ограбили своих подчиненных. Его военачальники ограбили своих подчиненных, и он их сказал, но я не стал их наказывать, потому что они обладают великим виртусом. способность сражаться с реальностью. То есть, подчинять реальность своей власти. Когда, знаете, в состоянии какого-то боя, в состоянии высшего напряжения, они как будто бы переломывают ход битвы только тем, что появились в этой битве. И все, и меняется сражение с реальностью. Это и есть виртус. От этого слова потом виртуальный пошло. Нет, это не то, что сегодня имеется в виду. И это не означает добродетель. Да, добродетель, добродетель воина. Это особая способность. Ну и вот, вот что имеется в виду примерно под этим вот гомовиртуозу. Это человек, способный подчинять реальность своим, своей власти. Но как они это понимали? И вот тут надо сразу сказать, они понимали это магически. Магически.

Мы переходим к теме герметизм, как одна из основных характеристик эпохи Возрождения. Что такое герметизм? Я тут не все вам рассказываю пока, потом уточню. Герметизм это религиозно-философское течение, которое родилось примерно во 2-3 веке нашей эры. И оно сочетало там элементы греческой философии, вавилонской астрологии, персидской магии, египетской алхимии и чего-чего только еще нет. То есть это эзотерические или, как сегодня можно сказать, оккультные практики. Слово оккультный появилось только в 19 веке, а вот слово герметичный вы знаете, герметичный значит закрытый. А откуда это слово произошло? Конечно, от слова гернес. Гернес это тот самый бог античный, который посредник между богами и людьми, который бог знания, ему соответствует планета Меркурий. но еще это и легендарный автор всех, как говорится, вот основы всей магии. Имеется в виду трактат этот изумрудная скрижаль. Вот я тут специально вам такую фоточку поставила изумрудная скрижаль, которая, видите, брелочек, да. К чему это я говорю? Что, конечно, это все тайные знания, но удивительно, что тайные знания, как правило, можно купить в подземном переходе во все времена. Астрология это всю жизнь тайное знание, всю жизнь, это бесконечно тайное эзотерическое знание, все знают астрологию, или хотя бы просто окину. То же самое, вот все эти тексты, они были как бы тайными, но вот как ни странно, с тайной ничего не получилось. Гермет тресмегист еще раз, мифическая фигура, она была связана с древнеегипетским богом Тотом, ну, почитайте, послушайте где-нибудь, про это много сказано. Проблема вот, почему возрождение легко купилось на то, чтобы просто прославлять Гермеса тресмегиста, а ведь это же чистое язычество, чистейшее язычество, магия, это же не совсем христианство, но в этом трактате было написано, что его автор, имеется в виду Гермес тресмегист, он предок еще и Моисея, то есть Моисей сам учился у Гермеса тресмегиста, и гуманисты говорят, ну, так слушайте, он этот древнее Моисея, но не просто древнее, он как бы, ну, как сказать, там,

Моисей идет по его стопам, то есть это, это как быprotoхристианство, protoхристианство, и на долгие годы христиане, имеется в виду и священство, и Папа Римский, там, они таки задумались, а в смысле, а может, а как, если это protoхристианство, ну, то есть, понимаете, а точно ли надо запрещать магию тогда? В 17 веке, 1614 году, Исаака Слабон доказал, что герметические тексты, вот этот корпус герметикум, в составе всех, которого в 17 трактатов, имеет вообще не такое древнее происхождение, они созданы во 2-3 веке, то есть, гораздо позднее, чем была написана Библия, гораздо позднее, чем были написаны даже, ну, не все книги Нового Завета, но часть книг Нового Завета, родились тексты среди гностицизма, я не буду сейчас уточнять, что такое гностицизм, но там самое главное, это дуализм духовного и материального, причем, материя, это чистое, неразбавленное зло, а духовное, это чистое, неразбавленное благо. Так вот, все время гностицизм потерял, ну, как бы, очень много своих сторонников, вот таких вот любовых столкновений с христианством, то есть, во 2-3 веке гностицизм как бы проиграл в таких вот, ну, как сказать, слабые столкновения, в прямых дискуссиях, в прямых дискуссиях. И была выработка, на свой вопрос, такая обходная тактика, то есть, был написан тексты, которые, ну, как бы, стали древнее библейских, вот так вот. И причем, не просто древнее типа в какую-то сторону уходящий, а ведущий к Библии. Итальянское возрождение заворожено герметизмом, заворожено изумрудной скрижалию всеми вот этим вот позициями. И в 1488 году даже в Сиенском соборе была создана мозаика, я ее, к сожалению, вам не дала, но можете посмотреть с изображением Гермеса и надписью Гермес, Меркурий, трижды величайший, потому что Гермес, Трис, Мегист это Гермес, трижды величайший. Гермес, трижды величайший, современные Моисеи. Ну, тогда они почитали, что современные. И вот научной базис итальянского возрождения это герметизм плюс натурфилософия поздней античности. Вот это и есть наука возрождения, дорогие мои. Это не то, что вы понимаете под наукой сегодня. Это магия. Поэтому, когда вас спросят о роли герметизма в Богу возрождения, можно смело отвечать, да это все для герметизма. И чтобы вы поняли, как с этим быть, ведь это сейчас разрывается немножечко тот шаблон, который заложен в школьном образовании. Вот вам тексты вот здесь вот или сфотографируйте, или потом возьмете в этой самой. Это уже классические тексты, которые надо изучить, если вы хотите в эту тему погрузиться. Можете мне на слово поверить, а можете вот их прочитать. То есть, к чему-то я говорю, к тому, что называть товарищей возрожденцев всяких Джордана Бруна, того же Марсилио Фичино и тому подобное учеными, ну знаете, такое уже не носят. Такое уже не носят. Вот давайте все-таки понемножечку посовременнее прочитайте и будет вам счастье. Как минимум на экзаменах, если вопрос встретится. Ну так вот, так называемый антропоцентризм возрождения, слышали про такое? Да, обязательно слышали, а если не слышали, запишите. Антропоцентризм, то есть по аналогии,смотрите, античность, космоцентризм, средневековье, теоцентризм, возрождение, антропоцентризм. То есть вокруг человека. Но какого человека? Человека, который может подчинить себе реальность. И можно, конечно, подчинять реальность, ну типа, вы знаете, ну как-то так вот, когда ты в море мрака отправляешься на корабле, а можно сесть в какой-нибудь комурочке и начать колдовать. Ты же тоже пытаешься подчинить себе реальность. И вот Платоновская академия, даже монахи в Платоновской академии, они занимаются в то время магией.

Марсилио Фичино, вот давайте я вам немножечко о нем скажу, он был такой очень интересный человек, он как бы говорил, что совершенство человека связано не с какими-то там, ну не с красотой, как в античности, и не с при-

ближением к Богу, как в Средневековье, а именно с магическими силами. А он был руководитель Платоновской академии. Сам он был такой, знаете, весьма неказистый, он был горбатым, заикался, ну в общем, так ему как-то, ну он как бы под идеального человека с точки зрения античности, ну не получалось, не годился. Но он же был прекрасным магом, в том смысле, что он сам об этом писал, что у него не плохо получается. Вот теперь немножечко, хотя у нас сейчас заканчивается скоро, но я думаю, что я за 10 минут уложусь, речь идет о том, что такое магия возрождения. Вот это очень важно. То есть еще раз повторяю, вот Марсилий Фичина прямо говорил, если бы у человека были инструменты и материал, он бы сам сотворил мир. Чувствуете? Это вообще-то как бы сомнительное с точки зрения христианской религии утверждение. И это сомнительное с точки зрения научного современного подхода утверждения. Почему? Ну потому что современная наука не приемлет магию, ну в силу того, что она просто, это волшебство. А вот христианство не приемлет магию, потому что это антикреационистская позиция. В смысле ты сам бы сотворил реальность. Чувствуете, да? И с той другой стороны как бы христианство и наука современная против магизма возрождения. Поэтому очень осторожно заявляйте, что эпоха возрождения вот это как раз такой расцвет научного знания. Еще раз, что такое магия возрождения? Чтобы объяснить, что это такое, я обращусь, вот давайте вначале я обращусь к знаменитому тритемию, тритемию, как он себя называл, и объясню, что здесь имеется в виду. Потому что магия может быть разная, понималась, вот есть природная магия тритемии. Это значит обращение к демонам и ангелам. Вот прям так вот просто. Нужно подчинить их своей воле, а они уж там сделают. Они же имеют связь, вернее, какую-то там власть над материей. Они же даже в Евангелии названы космократоры. Космократоры, то есть владельцы космоса. Они владеют вот этой вот всей реальностью материальной. Соответственно, их надо просто себе подчинить, а они уж там, как говорится, выполняют твои просьбы. И вот пример, прекрасный пример того, как тритемии предлагает реализовать общение на расстоянии. Ну, согласитесь, очень мило. Люди уже об этом думали, но думали именно магически. И вот он пишет, значит, что нужно взять, передать какому-нибудь своему другу послание. Ты изготавливаешь фигурку этого друга из воска, значит, наносишь определенные письмена. Я сейчас не буду вам прям рецепт давать, просто, значит, объясняю технологию. Наносишь, значит, эти письмена на фигурку, а затем читаешь вот этот текст. Он его пишет. Речь идет вот о чем. Слушай меня, Арифейль. Арифейль. Это ангел звезды Сатурна. Силой всемогущего Бога, ну, тут я не комментирую, как это вообще связано. Силой всемогущего Бога, повинуйся мне, я тебе повелеваю, посылаю тебя властью образа твоего передать Эн, сыну Эн. Следующее послание. Залагается послание. Точная, верная тайна, не опустив ничего насчет того, что я хочу передать ему и что я доверил тебе. В имя Отца, Сына, Святого Духа. Аминь. Это, конечно, что-то, но он был настолько знаменит, это, знаете, Маск этого самого 15 века. Он знаменитетейший был. Он просто это было культ тритемии был в 15 веке. Есть вопрос. Послания-то ведь не доходили, а как он все-таки вот это вот вопрос. Почему это работало, хотя это не работало? Ну, ладно, это другой вопрос. Теперь более как бы это один вид магии. Она называется демоническая магия. Поняли, почему, да? И я так хочу сказать, гуманисты такой старались не заниматься, ну, потому что они люди интеллекта, они знают науку. Тритами был монахом. Монахом и этим аббатом, монастыря. Потом, кстати, был, по-моему, епископом. Такая вот интересная история, да? А вот наши гуманисты, они же ученые. Ну да, хорошо, Фичина тоже монах. Но, тем не менее, как бы, это уже, называется, его, там, такая, не связан-

ная с профессией. делая, а по профессии-то они, они, именно, работа с текстами, что же они включают? И вот здесь другая магия, что включается в эту магию? Это магия, которая называется пневматической, и главный ее адепт, это, конечно, Джордана Брунна. Джордана Брунна, человек, который не имеет наук никакого отношения. То, что он говорил в отношении бесконечности космоса, гелиоцентризма, это было исключительно магическое происхождение. Вот сам он о себе так и говорил. То есть, понимаете, называть его ученым и отказывать ему в статусе мага, это просто издевательство над смертью, над, вернее, над, ну, когда, знаете, о мертвых плохо не говорят. Вот не сказать, что он был магом, это означает очень обидеть Джордана Брунна, потому что он во всех своих текстах пишет «Я на ланец», он так себя называет, «Джордана Брунна ланец», «Я тот, кто заклинает материю», «Я тот, кто учит магии», «Я тот, кто...» Другое дело, что в нашей советской, значит, образовании никто не знал, что писал Джордана Брунна. Его самое знаменитое произведение о связи, связи, или о связи как таковой, она в 2018 году была переведена на русский язык, опубликована, и книги Яйц тоже не были опубликованы в советское время, то есть, да, сегодня мы это все знаем, сегодня мы прочитали эти книги, там, вот эти вот, а все астрологические трактаты «Изгнание торжествующего зверя», математики, в смысле, пифагорейской математики, безмерным нечисленным и так далее. И вот трактат «Самые итоговые», где он все обобщает о связях как таковых, это разговор вот о чем, разговор о пневматической магии. Это опора на платоновскую природу, философию, развитую стойками. Смотрите, что такое? Кратенько. Есть четыре стихии земля, огонь, вода, воздух. Помните, да? По-другому скажу, земля, вода, воздух, огонь. А дальше квинтэссенция, пятая стихия, пятая, это, сущная, ой, простите, да, пятая сущная, пятая, пятый элемент, вот, пятый элемент. Это субстанция, с которой состоят звезды, это пневма, пневма. Это и платон, и аристотлик, про это говорят, и стойки, и неоплатоники. Эта пневма очень тонкий эфир, тоньше воздуха во много-много раз, но она пронизывает весь космос. И самое главное, что она соединяет две по тем представлениям абсолютно разнородные сущности, душа духовная и тело материальное. Вот сегодня мы не особо задумываясь о этой психофизической проблеме, а тогда это был вопрос вопросов, как соединяется душа и тело. Мысль это духовная, как она рождается в мозге, мозг это материя. Так вот, ответ был дан такой, в эпоху еще античности, и это подхватили в эпоху возрождения. Пневма соединяет, это все-таки материя, она очень тонкая, и она как бы соединяет духовное и телесное. То есть происходит вот это взаимопроникает туда и туда, пневма их соединяет. Дальше. Пневма и есть условия нашего познания человеческого. Каким образом? Когда мы с вами смотрим на что-либо, вот я сейчас смотрю на монитор, и по мнению этих натурфилософов, из моих глаз выходит пневма, но она же все проникает. Она получает некий толчок от меня, но я же куда-то направила взгляд. Пневма, значит, как бы пошла туда, такое движение пневмы, движение тонкого эфира, она оттолкнулась от этого самого, от ноутбука и попала обратно. Она же поплыла, пошла обратно, как бы, как волны, да, поплыла обратно, попала мне в зрачок, по зрительному нерву попала мне уже в область, ну, там, не мозга, а вначале средняя часть, где происходит перерождение пневмы в фантазм. То есть я, мое сознание работает с фантазмом монитора, то есть или с фантазмом дерева, на который я смотрю, или с фантазмом там, любого другого предмета или другого человека. И вот этот фантазм уже имеет, он уже духовной природы, да, такой оттиск на моей пневме, которая там, да, и вот она получает, она как бы заполняет либо мозг, либо сердце у разных авторов по-разному, и это и есть основание моего познания. То есть я могу познавать

мир и вы тоже по мнению античных и возрожденческих мыслителей благодаря тому, что пневма все проникающая. Вот она и осуществляет связь как таковую, связь связей, оков и оков. И магия должна быть, говорит он, ну как бы руководить этим процессом. еще раз, вот смотрите, в нашем организме, по мнению стойков, есть такое начало господствующее, оно называется гегемоникон, или гегемоникон, по-другому, да, который вбирает в себя потоки пневмы отовсюду, из всех органов чувств. Гегемоникон собирает из всех органов чувств потоки пневмы, словно, как говорят они, словно паук в сердцевине паутины, расположившись в центре тела, он собирает, вбирает в себя всю информацию, то есть отпечатки на пневме, передаваемые от чувств. Эти умопостигаемые образы, то есть фантазмы, передаются разуму. Разум, у него духовная природа, может постичь только духовная, нематериальная. Соответственно, вот эти отпечатки на пневме, фантазмы, с ними имеет дело разум. Но напомню, это же астропневма, это же как бы то, из чего состоят звезды, поэтому все изменения в мире звезд, в космосе, все отражается на человека, все на человеке. Это античная основа астрологии. То есть античность уже не считает, что это боги. Сатурн, что это бог, Венера бог, Меркурий бог и так далее. Но, видите, все равно астрология работает, потому что теперь это астропневма, которая до нашего напрямую пронизывает нас. я сейчас вначале расскажу про пневматические инфекции, чтобы стало понятнее, а потом вернусь к Джордана Бруно.

Что такое пневматическая инфекция? Вот шамб было понятно, о ней много говорит Марсилий Фичино, а вам таки будет понятно. романтическая любви, в первую очередь, чей-то образ, например, образ какой-то женщины, про мужчину они не говорят, то есть про женскую влюбленность почему-то никто не рассказывает. Но вот мужчина взглянул на женщину, и вот он, этот образ, но как-то слишком сильно отпечатался на его пневме. это и есть пневматическая инфекция. Сильный толчок на пневму. И вот слишком сильный толчок на пневму оказывается грубо в печатном сознании, слишком грубо, слишком активный фантазм. То есть всё, у человека как бы сознание заполнилось этим фантазмом, другие-то уже не проникают, и он начинает, что называется, страдать. Страдать, потому что, а почему он страдает? Здравый смысл его претерпевает столь сильные изменения, это я цитирую Василия Фичина, что он, человек, становится не способен никакому занятию. Если кто-нибудь заговоривает с ним, он едва слышит, он инфицирован, его воображение инфицировано. А раз это так, это болезнь, это истощает пациента, и правда не слабеют только его глаза, потому что они получают пневму. Изображение женщины проникает в человека через взгляд на нее, посредством оптического нерва он передается в сознание, где формируется вот этот фантазм. Превратишься в фантазм, он заполняет три сердечных желудочка и вызывает расстройство, расстройство разума. И вот глава его о любви, которая называется романтическим, вот он пишет, что получается вот этот взгляд на женщину, которая по неосторожности инфицировала человека, это убийство его души, она виновата. Единственное, чем она может отплатить, ну как-то, она может вместить в себя фантазм этого несчастного влюбленного. Ну то есть ответим взаимностью. Тогда его как бы душа переходит в неё, и её душа в него, потому что его собственное нет, он заполнен ею. И тогда все выдохнули, а становится, б становится, а все живы, что называется. А если этого не происходит, знаете, что дальше происходит? Пневма с кровью вытекает из глаз бедного влюбленного. Да, потому что пневма это ещё и состав крови, кровь, это огненная стихия, огненная стихия ближе всего Кастро, стихия. Соответственно, всё, кровь из глаз, все умерли. Вот, вы понимаете, да, то есть выйдет научное обоснование, вот такое строгое, логическое всё. И

одновременно нет. Почему нет? Потому что никто не ставил эксперимент.

Теперь Джордана Бруно, я к нему возвращаюсь, я сейчас подольше расскажу, потом мы отдохнём. Дело вот в чём. Джордана Бруно говорит о том, что магия должна использоваться для дела вообще-то. Вот это все эти заражения, конечно, лечить влюблённых, полечим, это дело, да. Вот в своём практике о связи всеобщем он говорит о том, что магия в первую очередь дана, чтобы манипулировать большими массами людей. Вот для чего должна быть магия. То есть мы вот этими фантазмами, говорит он, да, мы умеем ими заражать, и нужно заражать большие массы людей, чтобы исправить общество. То есть пишет один из исследователей, говорит, так забавно, что человек, которому буквально поклоняются анархисты около памятника, вот около этого памятника собираются ежегодные встречи анархистов, это человек, который ратовал за всеобщее подчинение благодаря магии. Это же вот какая-то просто какие-то перевернувшись история, это изумительно. Так вот, он говорит о том, что вот эта связь связи, это эрос в самом широком смысле этого слова, потому что он говорит, все, что мы любим от физических удовольствий, от совершенно неожиданных вещей, в том числе богатства, власть, и тому подобное, все это представляет собой всемирное тяготение. Мы тянемся к чему-то, а стало быть, этим можно манипулировать. Да? И вот цитата. «Через действия магии, говорит он, проходит через непрямой контакт, через звуки и образы, которые воздействуют на зрение и слух. Проходя через отверстия органов чувств, они сообщают воображению влечения или отвращения, наслаждения или годливость. Зрение и слух всего лишь вторичное отверстие, через которое охотник за душами а он и есть охотник за душами. Аниматор, он винотар, маг может устанавливать связи, подкладывать приманки. Это трактор связи, связи. Позаботься о том, чтобы не превратиться из мастера фантазмов в их инструмент. То есть он советует магу, понятно, что он должен обязательно ну как бы манипулировать фантазмами, но ни в коем случае чтобы самого заражения не было. Истинный маг должен приводить в порядок, корректировать, направлять фантазию, распоряжаться ею по собственной воле. Гораздо легче манипулировать многими людьми, чем отдельным человеком. Ну вы поняли, о чем речь? Вы представляете, о чем идет речь? Это о современных средствах массовой коммуникации, о пропаганде и тому подобное. Но, кстати, пропаганда рознь. Мы должны тоже понимать, что не всякая пропаганда магия. Вот, например, очень хорошо известная нам пропаганда, пропаганда есть в каждой стране, это обязательно. Это норма. Так вот, пропаганда может быть разной. У нас обычно умалчивают, вы же знаете, да? Вот я в советское время жила очень хорошо, знала, что у нас просто мы ни о чем не знали. Мы не знали, что что-то взорвалось где-нибудь, что где-нибудь там какая-нибудь военная операция журнеть еще. Мы ничего не знали. У нас не было ни аварии, не было маньяков, никого не было. Это вам подтвердят даже ваши родители. У нас все было хорошо. То есть традиционно наша такая пропаганда это всегда умалчивание. То есть ложь, которая, это просто недоговаривание. И совсем другой тип пропаганды это европейская пропаганда. И мы это сейчас просто видим воочию. Создание фантазмов, с помощью которых мы управляем реальностью, помещая их в чужие головы. Да, сегодня никто не говорит о пневме, но все, что говорил Джордана Бруно, вот только исключить там слово пневма и там всякие детали, да, все это можно совершенно спокойно применять в современной медийной политике. Современной западной. То есть они занимаются магией. Мы занимаемся умалчиванием, имеется в России, да, а Европа занимается чистой магией, бруновской магией. Ну вот. И заключение, чтобы уж совсем, как говорится, закончиться темой, искусство памяти очень

еще развито у гуманистов. Что такое искусство памяти? мнемотехника, это манипулирование уже собственными фантазмами. То есть не только фантазмами других людей, ну, либо там пневматическая магия, либо магия с помощью фантазмов, как у Джордана Бруно, это способность накладывать образы на любое содержание, понятийное или нарративное. Вот когда ты это освоишь, говорят, они пишут много трактатов, у самого Джордана Бруно много, и исследуется это очень активно, тоже можете полюбопытствовать. Вот если на последовательность понятия или какого-то нарратива рассказа наложить последовательность образов, то таким образом вы подчините себе свои же собственные фантазмы. Это вот тоже работает, но они только это воспринимают как магию. Вот так вот. И ещё, конечно же, всё, что пишет Джордана Бруно, это не только манипуляции общественным сознанием, это ещё и психоаналитика. Я просто была в изумлении, что берёшь, читаешь Лакана, а после Лакана читает Джордана Бруно и понимаешь, что это об одном и том же. Разной лексикой, но об одном и том же. То есть вот эта вот мысль, она, мысль Возрождения, она вообще никуда из европейского социума не девается. Они по-прежнему занимаются магией, но только в разных формах. Это удивительно, просто удивительно. На этом давайте сейчас остановимся, передохнём. 10 минут, сейчас без 20, значит, без 10 мы возвращаемся. Вы слышно. Спасибо. Даже чуть лучше, чем прямо перед перерывом было. Да? Что я сделала? Не знаю. Не знаю, просто, может быть, это отдохнули. Да я орала, тут вы не поверите как. Ладно, давайте дальше. Значит, что важнее, сейчас я секундочку вернусь к этому самому, что важнее для науки из того, что мы с вами, я тут много пропускаю, пропускаю там мирандолу. Почему? Потому что, ну, вы просто теперь должны понять, что речь о достоинстве человека, знаменитая, это всё-таки, ну, по большей части о человеке-маге. Ну, это просто вы уже поняли, я не уточняю. Смотрите, ну, не все впитывают вот эти идеи магии так вот полноценно. Но темнее на всех влияет. И вот вы должны почувствовать, куда девалось и почему куда-то девалось вот это превосходная компетенция схоластов рассуждать строго логически. Да, схоласти, конечно, ну, как бы огромный минус схоластики тем, что она сосредоточилась исключительно на комментаторской деятельности, то есть общий интерес это труды аристотеля по всем, по всем наукам, а исключительно богословский интерес там ещё аристотелизм плюс Библия, ну, то есть для богословов, богословских факультетов. А вот остальные все факультеты это аристотелизм, вот, понимаете, да? и бесконечное комментирование трудов Аристотеля или комментаторов Аристотеля, вот так вот. Но, тем не менее, и это в эпоху Возрождения вызывает, ну, негодование, отвращение, они говорят, надо полностью изменить, то есть отказываемся от схоластики, но не только потому, что мы не любим схоластику, но и потому, что мы же люди маги. Вот. Отказ от риторики, простите, от логики, это означает плюс в пользу риторики, ведь риторика чем берёт? эмоциональной убедительностью. Это и есть заражение фантазмами. Когда мы, да ещё и плюс, если харизма есть, да, чувствуете, мы заражаем мысль, мы её инфицируем, как вот было рассказано про инфицирование в романтической, в такой болезни, как романтическая любовь. И в принципе, даже вот такие немагические ориентированные мыслители, как Лоренцо Валло, они-то всё равно ориентируются на такой подход. Поэтому в работах, например, в становлении диалектики философии, он вдохновлён именно риторикой, он ратует за приобретение такой компетенции, когда не логика будет силой убедительности, а именно риторика, то есть антиаристотельский подход. Он рассказывает очень много про принципы организации, фраз, про предложения и так далее, так далее, так далее. Огромный, ну таким важным моментом, плюсом, можно так сказать, его ра-

боты заключается в том, что он говорит, всё-таки убеждает человек, всё-таки убеждает человек и как бы его вот эта вот особая сила, когда он убеждён, особенно в том, что говорит, вот он искренне убеждён в этом, и это заразно, вот это заражает. Это для античных, именно для возрожденческих мыслей, для этого магия, она вот в чистом виде, как она и есть. Вот. А пневматическая магия. Но он говорит, что это должно стать искусством, это не должно стать просто способностью одного человека, это должно стать способностью всех, все должны заражать идеями с помощью риторики. Хорошо это или плохо, слушайте, ну вот я бы сказала, для науки нет, для политики нет. Но что делать, мы живём в условиях, когда это уже случилось, это изменилось. Поэтому, дорогие мои, мы с вами как бы просто принимаем это как факт, когда логическая система аргументации сменилась на риторическую в эпоху Возрождения. И вот вам для, как говорится, понимания, вот просто представьте себе, какое высказывание могли сказать схоласти в эпоху Средневековья, а какое именно вот как бы уже переводчики схоластов в эпоху, например, Возрождения или позднее. Ну вот первое, просто прочитайте его по-быстро, и вы поймёте, что это, конечно, логика, это чистая схоластика. И мы потеряли эту компетенцию, я точно, я не умею так мыслить. Я и хотела бы, но я не умею. Дочитав схоластов, у меня просто мозги в трубочку сворачиваются. Это дико сложно. Это как будто бы, знаете, мы, я вот в своей группе это говорила и повторю всем уже остальным, это как будто бы ты мыслишь, как будто бы сразу же кодишь. Вот сразу же пишешь код, так вот логически мыслишь. Я так не умею. Одна математик мне сказала, что она так умеет. Не всегда она умеет. Но она математик, она сказала, это проффдеформация. И вот смотрите, В под буквой В, не умножая сущности без надобности, известная фраза, её нигде не встретишь в тексте Акама. Это вот такой перевод, чувствуете, вот это уже риторика. Просто это призыв. Это риторика. Это уже мы могли сказать только позднее. Вот таким образом.

И ещё одно достижение в эпохе Возрождения это гелиоцентрическая система. И с этим тоже не всё так просто. Совсем не просто. Гелиоцентрическая система это представление о том, что солнце является центральным небесным телом, его вращаются планеты, а не наоборот. Сразу же скажу, гелиоцентризм был известен ещё в эпоху античности, эпоху Средневековья. Все прекрасно знали про концепции гелиоцентризма. Это были соревнующиеся концепции. Геоцентризм, гелиоцентризм. И была ещё третья. Я сейчас просто сижу, вспомнил, но я не могу её вспомнить. Но она как-то вообще не утвердились, не закрепилась. Может, когда-нибудь вернётся. Ладно. Но, в общем, из этих двух, пока остановимся на двух концепциях, победил в эпоху античности и Средневековья ход, который предлагает Аристотель, а за ним Птоломей. Это аристотельско-птоломеевская система. То есть там, где Земля, есть центральное небесное тело. И почему оно победило? Да потому что эта концепция всё объясняла. Земля есть та самая свалка, на которую всё сваливается. Вот она есть центр, на которую всё сваливается. Всё оказывается на Земле в итоге. И причём это свалка в худшем смысле этого слова. То есть Аристотель никоим образом не возносит вот это центральное положение как какой-то статус. Нет, это свалка. Он так и пишет. Понимаете? То есть центральное положение для античных мыслителей не означает центрального с точки зрения статуса. Да никоим образом. И вот через какое-то время там возникает потребность переосмыслить роль Земли. Понимаете? Для товарищей гуманистов, коими являются тот же самый Джордано布鲁но, который ратовал за гелиоцентрическую систему, аристотельская система не устраивает тем, что он как бы забыл солнце. А солнце по Бруно — это видимый бог. Не в смысле бог христианский, а тот самый языческий бог,

за которого он, собственно, и сражался, за которого он потом и погорел в буквальном смысле этого слова. Потому что он действительно, ему предложили отречься от его магических и языческих идей, он сказал, нет, я хочу, чтобы моя душа воспарила и вернулась в небесную обитель. И в поднебесной обитель он не имел в виду рай там христианский, он имел в виду астро-пневму. То есть чтобы личность и душа освободилась от материальности тела, и только тогда пневм вернётся туда. Ему сказали, ну окей, давай. То есть не то, чтобы мне не было жалко человека, по-человечески жалко, но с другой стороны, слушайте, ну при чём здесь пострадание за науку? Это не страдание за науку. Никаким образом. По-человечески, да, мы можем его, как говорится, ну попечалиться о нём, но памятник, как великому учёному, за это ставить крайне глупо. Так вот, возвращаюсь к гелиоцентризму. Большую часть внимания гелиоцентризма это всё-таки связано с магией в эпоху Возрождения. Солнце – это особая разрежённая субстанция, в ней гораздо больше вот этой пневмы, чем в земле. Земля – это какой-то камень, как Платон и Ристотель говорит. Поэтому, конечно, идея Коперника получила своё одобрение, и тут началась борьба, самое главное, потому что бороться пришлось не между геоцентризмом и гелиоцентризмом, а внутри представления о гелиоцентризме. То есть такие люди, как Коперник, хотели, чтобы этому был предан статус математики. Он говорит, я поставил Солнце в центр космоса, тогда именно так вот, потому что это математически обусловлено. Мы, наконец-то, вот эти вот все движения планет смогли как-то посчитать. А тот же Джордано Бруно его ругает. Он говорит, да, он сделал великое открытие, но он не понял его значения. Настоящее значение того, что Солнце теперь в центре, это, наконец-то, вернулась та древняя наука, астрология, вся, которая связана с тем, что Солнце – главный бог, и дополнительные боги, ну, как бы более-менее важные боги, например, бог Сатурн, бог Меркурий, бог Венера, бог этот сам, они вот крутятся вокруг него. И вся истинная борьба заключалась в том, чтобы гелиоцентризму придать тот статус, который мы сегодня имеем в виду, математический. Коперник только в нескольких местах говорит о каком-то такой божественности Солнца. И многие исследователи считают, что это скорее, ну, вот, дань моде, потому что иначе, говорит, и вообще никто читать не стал. Понимаете, да? То есть, мало того, что вот это открытие было, да, собственно говоря, открытия-то как такового, ну, не было в чистом виде, по факту, потому что гелиоцентризм был известен. Математическое обоснование, вот это открытие, и второе статус – это преодоление вот этого мистика-магического понимания гелиоцентризма. Я специально на этом обращаю ваше внимание, это важно. Позднее, значит, Иоганн Кеплер добавил к этому математическое, к этой разработке, и еще астрономические таблицы, имеется в виду, это уже эмпирическое подтверждение, да. Ну, а дальше, Галио Галилей, но это мы поговорим в следующей лекции. То есть, вот, интересное очень достижение. Но тут же, конечно же, включается вопрос, ну, такой философский. Человек, говорят некоторые последователи, в эпоху Возрождения сильно сгрустнул, потому что он потерял свое центральное положение. Это тоже означает не читать текстов людей, которые, собственно говоря, создавали эпоху Возрождения. Например, не читать Николая Кузанского, который особенно подчеркивал, а это великий мыслитель, вот серьезно, вот он просто, я специально даже про него много не говорю, потому что надо говорить очень много. Но он не очень, как сказать, возрожденческий, в том смысле, что он выбивается из ряда. А моя задача все-таки рассказать о типичном Возрождении. Так вот, Николай Кузанский в силу своей гениальности, в силу своей удивительности был скорее атипичным представителем Возрождения. Но тем не менее,

чуть-чуть скажу. Вот он, пожалуй, единственный противостоял этой позиции, что, ну как бы, он противостоял аристотелизму. Почему? Потому что не считал Землю каким-то низким во всех смыслах местом. Никакой не свалкой. Он и говорил о том, что, сейчас почитаю выдержку его, из его. Земля благородная звезда со своим светом. Ну, не прикапывайтесь к тому, что это звезда, сейчас неважно. Своим теплом, своим собственным влиянием, которое отличается от света, тепла и влияния других звезд. И человек, как главное существо на этой планете, говорит он, это богатство возможностей, поскольку все сотворенное обладает виртуальным бытием. То есть, ну, тут другая уже часть его концепции. Но неважно. То есть, не было в возрождении вот этой вот идеи о том, что нас сместили на край Вселенной, теперь не все вращается вокруг нас, все конец. Да потому, что любой, кто так думал, что мы в центре Вселенной, он думал по-аристотелевски. А думать по-аристотелевски о Земле, это означает видеть ее свалкой, ничтожным элементом мироздания. Поэтому, как ни крути, гелиоцентризм, наоборот, возвысил статус человека. Понимаете? И почему Николай Кузанский говорит, что человек в чем-то похож на Бога, то есть, приближается к образу и подобию? Потому что человек обладает способностью, угадайте, к чему? К виртусу. Опять виртуальность. В работе о возможности бытии Кузанец, это его как бы, ну, такой более короткий, Николай Кузанский или Кузанец. Поясняет. Смотрите, Бог единственное, что, единственное, что не виртуально. То есть, Бог в том смысле, что у него потенциальное совпадает с актуальным. Виртуально это возможно. Может быть, а может не быть. Может такое, может не такое. а Бог говорит, это где всякое могу, как сказать, это хозяин могу. В другой работе он пишет, сейчас скажу, какой, найду, чтобы сейчас не перепутать ничего. Не помню, не написала. Но в общем, в этой работе он говорит, каждый мальчишка знает о том, как важно слово могу. я могу это сделать я могу и он переводит пример как это для мальчишек важно и потом говорит что всякое могу любого человека том числе любого мальчишки она коренится великим могу бога бог это и есть чистое неразбавленное могу я могу это сделать то есть это мои могущества и соответственно в чем величие этого могу что я могу сделать это солнце таким могу и другим знаете все я даже про это говорила епископ темпе о том что всемогущество бога связано с тем что реальность может быть любой и николай кузанский продолжает эту мысль бог может сделать реальность другой любой и вот это могу это есть самое главное это есть божественность чистом виде и отчасти именно этим располагаем мы мы можем сделать то что в принципе ну как бы не было и вдруг стало ну например как техническое изобретение вода вверх же не течет не течет а мы можем сделать так с помощью технических всяких штучек и уловок что она потечет вверх понимаете да чем говорится то есть статус человека не потерял он с из гелиоцентризма ничего и он средневековья ничего не терял то есть так что всегда был высоким весьма высокий он только сейчас кстати ниже плинтуса опустился а во все эти эпохи он очень высок а вот каждая могу берет свою силу от самого абсолютного неограниченного совершенного могу мощнее которого нельзя ничего ощутить его выобразить не помыслить потому что в нем возможность всякого могу бог есть само по себе могу проявляющихся в разных и отличающихся по виду модуса бытия то есть понимаете быть и это виртуально потому что виртуально может таким быть а может другим а бог единственный не виртуально поэтому совсем не странно что итальянские гуманисты чувствовали за собой вот такое моральное право они сильно это сильная позиция человека вот он антропоцентризм как в мерзком своем воплощении когда и чё хочу то врачу да как и в великом они имели такой некой мораль-

ное право выдвигать свою позицию которую они увидели ну как бы основной для того чтобы добиться социальной справедливости там и того и другого и третьего но тем не менее не будем забывать все таки о корнях вот этих вот магических которые пришли вместе с интересом континентальности а теперь северное возрождение я тут немножечко вам картинок на накидала из изобразительного искусства по сущь совсем чтобы нет чтобы не лишать вас этого леонарда да винчи давид и рокио когда терга то милата просто прочувствуйте вот этого антропоцентризм в искусстве он может проявляться так когда это просто либо огромность огромность ведь давид это мальчик библейский персонаж мальчик маленький небольшой только не мальчик да ну или гаттемилата это один из наемников которые вот там во флоренции и еще один момент все-таки эпоха возрождения это момент . историческая когда родилась портретная живопись явно что неспроста то есть очевидно что все-таки портреты появляются тогда когда статус человека усиливается

8.3 Северное Возрождение. Роль и сущность движения Реформации. Специфика гуманизма Северного Возрождения

теперь северное Возрождение крайне важное отличие от южного есть некое сходство но ухо гораздо менее уловима если честно чем различие начну эти период Возрождения отчетливо про иранского идеала обмирщения католической церкви похожие явления кстати были характерны не только для Европы но и в России похоже было ну немножко не в это время но все равно видимо какое-то кризисное состояние которое проявляется в виде обмирщения а вот на Западе в вытекании этого был не обмирщение обмерзание там такая мерзость строилась в текане что просто вот когда читаешь об этом думаешь но то какой-то высшей степени цинизу начать с того что примерно 90 процентов священников не верили в Бога остальные творили куда больше мерзости было дело что называется при дворе римского папы шла отчаянно борьба за кардинальские мантии за дележ доходов то есть ну как бы это стало карьерой просто карьерой причем такое прибыльный достаточно до 1378 году две группы кардиналов одновременно возвели на престол даже двух пап 14 век время в Иньоне соперники придали другу анафемии началась еще и борьба между двумя папами в общем беспредел роковую роль для католичества сыграла практика индульгенции индульгенция от латинского терпеть позволять вот это интересно название появилось в 11 веке но вообще-то ведет свое начало индульгенция от практик так называемых разрешительных грамот то есть это грамоты которые выдавались каким смыслом это было древней церкви то есть это было и византий это было и на Западе что за разрешительные грамоты разрешительные грамоты избавляли человека от так называемых духовных тягот но имеется ввиду вот если ты совершил да потом ты пришел раскаяться сам грех смыывается исповедью рассказали но после исповеди все она остается состоянием этого стыда угнетенности определенные какой-то духовной тяготами называется и священники предлагали мирянам значит скажем так покупать вот эти грамоты для того чтобы эти деньги шли на благотворительность то есть ты как бы сделал какое-то плохое дело а потом ты помог кому-то например выжить до кому-то там все сиротские приюты все были на церкви да все вся благотворительность только церковь не то не больше не занимался но на это же нужны деньги вот такие вот грамоты были они просуществовали недолго потому что на визан-

тии не укрепились а вот на западе да они укрепились и постепенно они стали чем-то совершенно иным можно было купить грамоту которая избавляла тебя от духовных тягот за убийство собственных родителей подороже просто понимаете да то есть смотрите тактика тебе грехи индульгенциями не отпускались это все равно таинство исповеди но дополнительно вот это вот плюс ко всему было учение о сверх должных заслугах это чисто католическое учение больше ни в одной церкви его не существует а именно заслуги христа и богоматери они имеют как бы избыток они слишком это некая благодать которая изливается из переливается и и как бы улавливает католическая церковь и она уже может распределить посредством этих индульгенций и сверх должные заслуги среди тех кому посчитает нужным дать можно же и продать все должные заслуги да ну в общем такой очень сомнительный богословский конечно аргумент так вот пакством и так все недовольны особенно недовольна германия там постоянно идет борьба германского императора и пакства поводов огромное количество именно там проявилась

религиозная ситуация 16 века которая получила название реформации от латинского реформацию преобразование исправления массовое сложное по содержанию которое не только религиозная но и социально-политическая как это примерно происходило кратенько непосредственно началом явились деятельность мартина лютера я вот его здесь сейчас найду чтобы можно было посмотреть фотографии здесь он фотографию что сказал маркетингутер и мильтон но сейчас пока только промахте на лютера он был сыном рудокопа который отучился в университете причем на богословском факультете что говорит о том что он был весьма талантлив окончить университет он был проповедником потом преподавал в тенгемском университете в 1511 году по делам церкви он отправился в рим и пробыл там несколько месяцев сначала был просто преисполнил благовения потому что ватикан вот он а затем сменила острое разочарование в окружении святого престола все продавалось и покупалось папа принимал участие в пирах карнавалах и чтобы получить деньги на строительство храма святого петра вот этого знаменитого каун лев 10 продал 30 кардинальных кардинальских должностей и послал во все страны европы продавцов интургенций которые могли как бы ну вот избавить от духовных тяг за любые преступления за любые и вот вернувшись в 1517 году значит в ней но не был раньше но в 1517 году он написал тезисы свои знаменитые в которых утверждалось что грешника может спасти не интеллигенция но лишь искренне раскаяния вера и так далее и он прибил их на ворота виттенбергского виттенбергского храма это был известный такой жест который призвал дискуссии ну вот как бы это делаешь это знаете как сегодня сообщение написать полемика состоялась на диспуте с профессором и компьютер пошел еще дальше и уже утверждал что вообще церковь может существовать и без папы истина не в папских буллах а в самом священном писании гримский папа конечно же не мог сдержать не простить такую крамольную мысли послал в германию буллу отлучающие лютера от церкви но лютер которого в этом время уже активно поддерживали студенты горожане и виттенберга разорвал царскую буллу бросил ее в костер от начала реформации к этой ситуации вот этого бунта народного сразу же подключились рыцарство немецкое которое помните ну надо же пограбить они дошли даже до ватикана и грабили собор святого петра при этом они просто говорили что ну все мы разрушаем папские владения и забираем имущество себе подключились не только как бы ну вот такие бандитские все-таки будем считать силы по другому это не назвать потому что эти по всей земле по всей германии начали отжимать владение этих самых владения церкви

вы понимаете какие-то богатство очень серьезные дальше вот эту тенденцию подхватил и другие религиозные деятели в частности николс что и штубнер начали совершать обряд перекрещения отсюда понятие анабаптизм и мы понимаем что как бы не из лютера исходят все современные обилия огромное разнообразие протестантских каких-то там вот модусов религии ведь у них нет принципа церкви такого единого и соответственно ну как бы любые варианты возможные они осуществляются вот но сразу же вот прям буквально сразу же вот пошли такие вот свои понимания а как бы нам жить без папы римского но в то же время вот вполне себе как бы религиозно к

обязательно стоит упомянуть иоганна гутенберга почему его потому что он сам дожил в 15 веке и он достаточно давно он создал станок книгопечатный но книгопечатание как бы ну не задалось а вот именно движение протестантов движение реформаторское то есть лютер то по сути дела войне лютер простите гутенберг к этому отношению же не имел но его станок имел к этому отношению скажем популярность печатанию книг принесло именно реформаторское движение первое напечатанная книга была библия потом там значит и салтырь ивангельские тексты а в 516 году был издан с текстом и были тексты лютера изданы в обилии вот и дальше издаваясь то есть понимаете да речь как бы не столько даже о самом открытии но мы не умоляем заслуги но надо сказать что это тема сложная кто-то говорит что китай все-таки забыл книгопечатание но именно европейская ситуация вот соединились несколько факторов позволила книгопечатанию встать на ноги просто это имеем виду ну а реформация разрастается сам лютер а подключается конечно же крестьянство она в это время тоже там крестьянские воины были в таком ну вяло текущем режиме а тут они обострились и они уже крестьяне начали соответственно на на дворян нападать дворяне значит испугались ну вот нового всплеска крестьянских войск крестьянских войн обратились к папе римскому папа римский заключил договор наконец заключили договор с германским императором потому что всех уже напрягал эта ситуация и германский император предложил вернуть все награбленные церкви на что конечно немецкое рыцарство и все остальные кто скак нет мы против мы ничего не будем возвращать так вот протестанты это против вот этого указа императора понять исторически как что сложилось мы против указа императора который говорит все остановитесь давайте все вернем назад тем самым поднялись значит еще раз выступление еще более новую чё сказал еще более активные выступления еще более разрушительные и на долгие долгие годы все вся его пополыхал в религиозных войнах сам был крайне уже стареньkim человеком к началу этих вот войн религиозных он вообще ну как бы закончил жизнью постоянном страхе почему потому что крестьяне ему не простили что он стал на сторону дворян вот в этой вот всеобщей войне всеобщем хаосе он стал на сторону дворян и лютер сам писал что он боится появляться в деревнях просто упью ну а князья значит там протестанты заключили между собой союз они включились в активную войну с католиками а сам лютер говорил на уже смертно-мадридовый лучше бы я все оставил как бы ну понятно что он видит тот тоже неуправляемую хаотичную как бы ситуацию которая

началась с эти вот тезисов на соборе на дверях собора виттенберге контрреформация что это такое сопротивление этому процессу римской церкви со стороны католической церкви ну первым делом конечно тридентский собор был создан и началась реформа католической церкви изнутри там запрет на многие злоупотребления призывы к очищению церкви но трудно сказать насколько все это помогло если мы точно знаем что дургенции сегодня не продаются но избавила ли это католическую церковь и всех остальных злоупотребление трудно

сказать что нам важно с точки зрения истории развития науки конечно это создание ордена и иисуса то есть иезуиты его создал бывший военный игнатьилло его он создал монашеский орден по принципу военной организации то есть приказы исполнялись безоговорочно распределение заданий и все вперед так вот что такое вперед вперед это означает огромная миссионерская деятельность и иезуиты разъехались по всему миру куда только могли довести вот эти вот новые корабли эти новые каравеллы по всему миру буквально и дело даже не столько в том что это распространение христианства и кстати улучшение нравов потому что именно они приехав на многие земли пришли в ужасе от того что там происходило начиная от каннибализма и кончание изнасилования маленьких детей жуть просто происходило и они ну конечно это огромная сослуга иезуитов том что они прекратили эти практики долгими ущиваниями прекратили эти практики то есть люди сами отказались от этого но конечно все таки речь шла о такой вот серьезной серьезном прощупывание возможности для того чтобы наладить здесь свою власть европы над другими регионами это тоже не стоит забывать а еще не стоит забывать что иезуиты создали самое лучшее образование в европе иезуитские школы иезуитские университеты до сих пор это самое европе лучшее образование не протестантские именно иезуитские их это очень много значит значит что еще надо знать что вот

противостояние между католиками и протестантами после вот этих событий реформации конд реформации привело к 30-летней войне которой чуть-чуть мы поговорим дальше с точки зрения мировоззрения что такое протестантизм как новая религия это резкая и очень яростное неприятие католических моментов моментов связанных с католической религией но для того периода для протестантов католическая религия связана ну вот тесным образом с магией понимаете да они же не говорят о католической религию как мы сегодня видим или как она была там в пятом веке нет они видят магию и в италии магия везде куда не плут и они начинают обвинять вообще католическую религию в магии поэтому они отказываются от всех тайнств они говорят что вы просто буквально везде в свою магию внедрили хотя маги это только возрождение для древней церкви она совершенно не свойственно никаким образом но тем не менее видите вот ну как бы что видно что вижу то и осуждаю и именно поэтому джордан обронов был конечно подвергнут резкой критики когда он приехал в оксфорд и читал там лекции его приняли очень плохо всего магией его после буквально просто изгнали и полетели письма везде во всем инстанциях посмотрите чё эти католики творят в ответ на это естественная инквизиция ну смысле папский престол крайне разозлился на самого этого джордана потому что куда ты поперся этим протестантам поперся они там заменяли что называется сжигают ну вот он историю вы уже помните протестанты настолько были не как сказать непримиримы ко всем вот этим элементам магии что действительно самые серьезные сожжения были не святой палаты осуществлены а все- таки протестантами жгли как не в себя в 16 17 веках тогда вот эти когда затем на говорят что инквизиция сожгла столько-то ведьм все до видим там тысячи женщин сожгли в этот момент я думаю там ни один папа переносла к обо потому что не инквизиция сжигал и ведь сжигали протестанты они враги понимаете это для нас мы сегодня разницы нет те религии там или для людей которые долетят религии что там что там но не важно а для них так представляете себе в мысли это же вообще не мы сделали это бы сделали враги наши

ну что еще нужно сказать о католике простите о протестантизме ну надо конечно упомянуть кальвина кальвина жанна кальвина почему потому что

вот именно с ним связана этот этот тенденция непримиримости протестантской непримиримости отвержение всех тайнств и главное вот это социальная жизнь то есть именно из его вот этих вот традиции понимание сути реформаторства была отбожена вся мистическая часть религии она превратилась просто в социальное учение то есть есть христианская община ну да мы вроде как там что-то причащаемся но это ведь они даже и причащаются не смысле это таинство не смысле это какая-то вот ядро христианство суть а в смысле просто ну как бы по в память о тайной вечере то есть всякую мистику отбросили но религия без мистики не живет и поэтому можно совершенно однозначно сказать что протестантские общины они стали социальными социальными институтами в первую очередь во вторую религиозными и сегодня это вот буквально по всему миру заметно лютеранской общины это еще скажем так вот религиозное что-то а вот уже те которые евангелические кальвини от кальвинистских вот таких вот мотивов это чисто социальная группа это же однажды вот у нас в екатеринбурге тоже я одну девушку спросила просто спасибо а как вы у вас там как причастие как она вообще ну я не знаю а чё причастие просто собираемся того чтобы обсудить наши дела и помочь друг другу ну вот у меня у кого нет квартиры кто-то поможет ее снять подешевле у кого-то например там еще какие-то проблемы жизненные но кто-то может понимает это вот социальное единство а вот это это уже не важно ну я не говорю что тут я сейчас не девушку меняет уж это тенденция общая которая началась скальпера теперь давайте вернемся к науке наука это важно нас интересует она значит как же там все таки было с этими возрожденческими тенденциями в северном возрождении не скажу что совсем без алхимии но невозможно такой был не скажу что совсем без магии тоже невозможно было и в качестве примера приведу конечно же парашельса одним из один из самых знаменитых врачей и алхимиков но это вот чувствуется в этом такая северная возрожденческая такая вот знаете прошивочка почему потому что отталкиваясь от холостов говоря что мне вот эта логическая мудрость не интересно аристотель вообще ерунда я ведь пойду но он ведь он не кинулся к платону платоником и стойком он как бы ни в сторону неоплатонизма кинулся он пошел в народ он поехал путешествовать и начал интересоваться лечебными всякими мероприятиями которые осуществляли люди в народе то есть всякие банщики эти самые цирюльники и вот они тоже лечили людей он стал них узнавать хита методы травницы бабки травницы вот у них и на самом деле стал хорошим врачом но как маг как алхимик он хотел создать великую науку прославиться как великий алхимик из-за этого он предположил ему создал концепцию что вот эти вот астральные это элементы они связаны напрямую с химическими элементами то есть ртуть связано с меркурием да сера связано а я не помню с кем связано селен в общем он переписал скажем так концепцию алхимии и начал лечить химическими элементами и включил то с точки зрения понимаете астрологическое ну то есть условно говоря вот я заболела до приходит ко мне пора цельсию не дай бог конечно такое было но случилось вот приходит воспаление воспаление это много огня много огня это соответственно марс надо минимизировать действие масса действия другой силы а другая сила на меня связано с меркурием и курят артуть поэтому он дает мне ртуть но как мы понимаем иногда помогала большинство умирала но помогал а почему все таки помогала потому что он один из первых это все яд да это я но главная доза и он вот это вот искусство фармацевтическое которое связано сегодня во первых с химическими препаратами ведь понятно мы в аптеке купим травку но все-таки современная фармацевтика это неорганические соединения но они все связаны с дозой до обязательно искусство дозирования

поэтому как ни крути мак он или не мак алхимик но парацельс заложил основания для фармацевтической для всей фармацевтики и не органической медицины ну вот то что мы сегодня с вами покупаем опять же хорошо это или плохо но скажу спасибо и низкий поклон парацельс иронизирую но совсем чуть-чуть а все-таки для северного возрождения гораздо важнее были интенции не магического действия не магического исследования природы понимаете почему я надеюсь уже да во первых неприятие протестантами всего что связано с мистикой таинствами тому подобное на во вторых просто видимо в силу здравого смысла и в третьих но у них то это не было их как бы национальной традиции ведь для как бы для итальянцев вот платона и их стоит это почти вот такие родня почти а для северной для германии для какой-нибудь там или даже для северной франции но это не так уж и прямо родное породнее можно найти

поэтому на северной европе гораздо полнее и масштабнее проявились идеи природознатцев я уже про них говорила краешком буквально прошлась краешком внимание когда рассуждала о средневековье кто такие природознания это те кого мы обычно не учитываем когда рассуждаем о науке это люди которые не получили университетского образования но они работали реально и много изобретали это ювелиры это красивщики одежды это моряки это вот те же самые банщики цирюльники да они же все работают с природными элементами и многие закономерности были ими хорошо изучены и мы о природознатцев еще потом поговорим а сейчас я просто хочу одного из них упомянуть это агрикола великий георгиус агрикола он написал 12 книг о металлах и вот я просто здесь перечисляю потом обработки в смысле почитаете смотрите все таки наук это не только физика химия биология мы так привыкли когда наука физика химия биология но обратите внимание для современного состояния науки сколько сказала инженерная дела на об этом мм-м и просто особенно сегодня вот цифровые инженеры то что же инженеры но что же машины это знание машин а первые машины это горные машины в первую очередь то есть если по большому счету посмотреть вот так то основание современной науки заложила горное дело потому что физика химия это вот туда это в астрологию тогда долго шло это ушло в магию они долгое время занимались к и пневмы а горняки занимались непосредственно вот наша реальность мы ей занимаемся то есть я очень спорил что горное дело плется или там например рудознательство плется в конце науки хвосте а впереди всей науки в современном смысле этого слова физика не не не если конечно вы не считаете магию и наук синонимами поэтому особенно прошу вас обратить внимание на природознательство и вот пример очень такой показательный это георгиус агрикова очень образованный человек но он сознательно говорит будем заниматься заниматься делом и он действительно очень хорошим зла делал он не просто ходил там этими машинами занимался большими он смотрел как люди на них работают он видел как нужно улучшить условия труда рабочих как много заболеваний связаны с производством вредным и он первый начал исследовать эту тему и незаслуженно он низко ставится в противовес тому же парацельсу например или тому же я не знаю какому-нибудь там ну кому еще в общем обратите внимание пожалуй теперь ну гуманитарная мысль то есть гуманисты тоже были гуманисты в северном возрождении гуманисты конечно же именно в северном возрождении связаны с протестантизмом понимаете да основная тема на тот период для них это богословие протестантское это философские основания каких-то там сложных богословских вопросов и так далее и вот здесь можно упомянуть филиппа миллтона конечно у него была немецкая фамилия черная земля да это

швактный швакцин то есть это филипп швакцин но тогда была мода они же гуманисты все равно нужно перевести свои фамилии на греческий язык и взять эту новую фамилию я кстати подозреваю что моя собственная фамилия это тоже был когда-то перевод какой-то русской фамилии простой русской фамилии на греческой а если обол это мелкая греческая монета то соответственно это будет по-русски это что-то вроде копейкина или или как гропева вот так вот если была такая мода но я немножечко знаю этой фамилии это не моя мужа фамилия но неважно я знаю немножко об этой семье там действительно были дворяне и поэтому подозреваю что они все время там что такое же удумали были какие-нибудь просто копейкина но не важно так вот ладно вот смотрите значит филипп не ухтон философ гуманист о чем он занимается перевод из греческого и так далее но что он переводит если господа итальянские возрожденцы итальянские гуманисты переводили гермеса трисмегиста и других вот этих вот магов то он переводит святых отцов патристику он переводит святого фанасия великого переводит василия великого то есть вот эти греческие отцы церкви 4 века 4 5 века и надо сказать что делает он это сознательно пытаясь объединить протестантизм и православие долгое время считалось что ну им стоит объединиться но силу того что все таки протестантизм пошел просто в сторону социальной этической вот такой вот доминанты конечно православные ну вот как бы просто православные мыслители из как с которыми происходил диалог они приветствовали вот это возвращение истинных этих вот ну публикации на и на текстов отцов церкви древности да но они не могли принять вот эту позицию такого исключения всякой мистики всякой то всякого всяких всех тайнств из церкви ну а как тогда все теряется понимаете да то есть вот этот союз он как бы сближение было но разошлось еще на лотон очень известен тем что возможно он есть основоположник того что сегодня называется вера терпимостью он очень много он вообще очень хотел чтобы католики протестанты помирились все это прекратилось очень понятное желание и он под это подводил все-таки философские основания писал тексты в которых доказывалось что истинная христианская позиция это вера терпимость чувствуете да то есть по христиански терпеть то с чем ты не согласен христианский терпеть мусульманство они не кричать что вы там все там или там пытаться сходить и убить там побольше и так далее и мы должны быть истинными христианами а стало быть примириться с инакомыслящими но тем не менее все-таки очень многое он отвергал будучи протестантом например гелиоцентризм коперника он отвергал именно как вот как сказать как вот эту вот идею в которой он видел магизм тот самый он как бы не да не слишком хорошо знал коперника он просто прочитал там все-таки гимн во славу солнца божественности солнца мы все его это отвратило но как математика как математические как бы гений который коперник продемонстрировал да вот это одобрял вот таким образом

ну и еще один известный очень человек очень важные для северного возрождения раз в роттердамский он выступал против древнего благочестия на-верное яростней всех а древнее благочестие то есть имя герметизма однажды его кто-то пытаясь уважать он был очень известен назвал его разман трижды величайшим имеется ввиду что вы чувствуете аналогию герметрижды величайший разум и что величайший разум нас он был очень терпи таким терпеливым и спокойным человеком он сплел и даже что-то там неувечья нанес то есть его посмели оскорбить сравнением с этим вот термесом трисмегистом вот он призывал вернуться к отцам церкви переводил также и она златоуста герой анатолиана и других патристов но в общем то вот он очень близок в этом смысле меланхтону то есть сочувствовал говорил да церковь нужно реформи-

ровать но все-таки вот эти религиозные политические распри он никак не мог поощрять его самая известная книга это похвала глупости то есть вот она тоже этика терпимости этика терпимости которая тоже еще одна традиция европейской северной такой вот североевропейской мысли и еще секундочку ты еще когда я был североевропейской я подразумеваю все таки несколько генамию и германию север франции то есть вот эти протестантские страны но он усилил вот этот рационалистический подход к религии усилил его и вот в итоге как бы но это вот как бы да это еще один путь к секуляризму то есть конечно разом этого не хотела бы истинно верующим человеком но тем не менее он заложил это снова заключение о северном возрождении я вам покажу несколько образцов искусства чувствуете различие да вот реально очень отличается от южного возрождения но не менее прекрасно замечательная работа босха несения креста просто прочувствуете идею вот он пишет вне он изображает то как за человеческими самыми разными порогами скрывается собственно приятного почти по почти вот как бы все его уже закрыли собственно сама суть то вроде все вместе с христом идут в одну сторону чувствуете не с христом ну и конечно главное место тут занимает в качестве какого-то уродца кто вот это вот кто да тут самый маг и этот волшебник вот то самое итальянское возрождение которое они резко критиковали питер брегель старший великолепный художник сейчас кстати выставка и босха и брегеля но их копий ночь хороших копий происходит в гостинице сесть вот если если мы лет уже нет или закончился не знаю я уходила на не очень замечательно в смысле замечательно видно почему потому что на любой иллюстрации не видно детали а у них такая детализации так много смысла понесет просто поразительно ну вот смотрите несение креста вы видите где этот крест ген несения это специфика именно северного возрождения показывать как религиозное погружено в реальную жизнь и нужно особый талант чтобы вычленить из просто жизни то что самое важное но здесь на переднем плане богоматик с учениками которые вот оплакивают да ситуацию события но самого христа чувствовать очень трудно увидеть ну и конечно же знаменитая меланхолия дюрера о которой можно говорить три часа той дополнительной лекции и вы увидите здесь все вы увидите здесь и разочарование то есть вот этот груз на ангел от мистики а это вот пифагорейский квадрат дальше вы увидите здесь все все элементы герметизма в полной мере и вот эта задумчивость и почему меланхолия потому что меланхолия это тоже одно из заболеваний которое увеличилось и активно было распространено и как бы она была связана с духом времени наступала наступала время черной печали черной тоски и вот дюрер его уловил она будет в новое время но дюрер уловила показал

8.4 Формирование европейской социально-политической мысли в эпоху Возрождения

Республика.

надо понимать, что основы этого строя были заложены в трудах мыслителей возрождения; в трудах тех, кого мы называем представителями гражданского гуманизма. То есть главное — это принцип общего блага принцип общего блага чести они видели где республики общее дело дело народа то есть форма государственного управления готовность ли и выбирает те органы которые будут осуществлять власть республики могут быть разные но самое главное что вот они это форма народного управления долго дело сонам понимаем бывает

олигархические республики как та же самая флоренция была олигархическая республика в этой республике монархически даже когда парламент это республиканская форма управления а вот есть еще и монархии но самое главное что здесь дело в том что по социально-политическому мысли мысли пошла по пути идеализации идеализации то есть они взяли за основу вот этот порядок в итальянских городах коммунах которые были далеки от идеального там какого-то состояния но мыслители решили что ну да это как мне не полноценное воплощение но если вы еще немного подумаете мы напишем некое идеальное состояние а потом выстроим какую-то социальную общность на основе вот этой вот улучшенной идеи это огромное заблуждение всей европейской мысли что можно выстроить реальность согласие с идеей я практически уверена что вот это вот заблуждение которое легло в основу хорошей по сути дела задачи задача хорошая лучше социальную жизнь с помощью размышлений с помощью научного на но метод был избран идеализации то есть превращение реальности в идею а потом попытка идеи воплотить в реальность а так это не получается и конечно же в обращаем как бы в попытке вот это вот создать идеальные образы государственного управления идеальных республик они обращаются к истокам платону к цицерону и так далее ну надо сказать что гораздо больше северное возрождение обращается к аристотелю и цицерону ну то есть к не платону вот так вот скажем уже платон для них это вот так это вот не был тонизм это магия это вот там и в основном они предпочитают конечно же северное выживание поняли да идеализации там подобное

единственный кто противостоит этой тенденции никола макаевель его очень долго и много ругают зря вот сегодня это видно со всей отчетливостью значит никола макаевель историк государственной деятельностью которую по праву называют главным политическим мыслителем этой эпохи и чё только про него не не говорили он значит работал с цезарем борджи работал на него борджи это один из ну вот этих олигархов которые в другом городе италии правил он был конечно очень таким тяжелым правителем весьма разращен весьма жестоким но тем не менее успешным на него кстати на борджио же работал леонардо да винчи известный и он работал на него в качестве военного инженера и самым самым лучшим изобретением в сути единственным изобретением успешным леонардо да винчи был колесовый замок то есть вот это вот механическая часть пистолета которая возвращает возвратный механизм и он произвел революцию просто революцию но не в военном деле в начале а произвел революцию в городской по городскому бандитизму поэтому леонардо да винчи такое макаевели около года находился при дворе цезаря борджи и был принцип который вольно толкует как цель оправдывает средства но нет такого для нам у макаевели он пишет другое пишет всегда о том что определенная цель требует определенных средств чувствуете совсем другое то есть средства должны соответствовать цели а какая цель у государства и вот он впервые говорит реальный он заложил основы реальной политики реальная политика то есть политика которая выстраивает государства какую-то социальную общность не из красивой или хорошей правильной идеи а исходя из реальности и он совершенно справедливо говорит что в реальности работы только причинно-следственной цепочки ну да мы конечно люди станут со свободной воли там очень важно для нас но вот все так же работает как знаете как вода течет по самому пути наименьшую сопротивление и вы не сможете это поменять поэтому ваша задача познать эти русла а если вы и покладываете новые то покладывать их законами причинно-следственных развития событий вот что важно он раздел то что вы не из-за личного опыта политика рождается не от красивых и правильных идей но от столкновения

интересов и он пишет он создает концепцию государственного интереса хорошая политика возможно как власть одного говорит он но того кто подходит для этой деятельности цезарь боджио был конечно в этом смысле силен весьма силен но не идеален великие политики говорят он те кто обладает великим вирту сам опять виртуальность опять этот самый виртуоз политика не мериться добродетелю говорит он мы святы не обязательно хорошей политики политика это дело тех кто умеет как сказать работать с реальностью выкапывать новые русла для реальных процессов контролировать не противостоять невозможно вы не можете противостоять причин с этим с почтом вы можете их перенаправлять для макиавелли вирту это тоже сражение с фортуны естественно и этого умения обращать обстоятельства в свою пользу к галлипу он рассматривает законы истории как неизбежный ряд причин наследственных цепочек и необходимость совпасть с реальностью совпасть с реальностью совпасть и оказаться вот ситуации когда разнонаправленные векторы интересов ты можешь ими управлять это великий виртуоз поэтому говорит он для государя нет иных моральных ориентиров кроме интересов государства поэтому он предлагает кстати но чтобы религия небольшой такой скажем поклонник религиозности он говорит но и надо оставить для народа а вот государь может быть свободе должен даже уже не личность он должен быть свободен даже от христианской морали он уже не личность чувствуете вот такая реальность он государственный интерес он воплощение государственного интереса макиавелли конечно циничен с этим не приходится спорить но в отличие от макиавелли политическая мысль остальная очень часто забывает про то что реальность не подчиняется идеям и поэтому она либо часто обманывают либо обманывается

и вот одна из форм такого самообмана или обманом не знают это утопизм утопия мы знаем это слово у слова утопия вместо которого нет это литературный жанр описывающий какое-то идеальное общество но не дающий как бы обоснование как это общество будет работать понятие возникло из произведения томаса мора знаменитый английский общественный деятель который не принял англиканство имеется ввиду когда генрих 3 очень захотел жениться на не болея на знаете эту историю и вот в результате несогласия папа разорвалась папой и ввел англиканство но томас мор ну не смог пресекнуть ему как владыке церкви англиканской церкви ну и соответственно было безглавлен это действительно героическая смерть ее почему-то спорят гораздо реже чем героическую смерть этого самого джордана бурна хотя она была действительно в ней больше смысла что и было но видимо дело в том что его то принципы были связаны не с верностью магии а верностью католичества была издана его книжечка 1516 году а почему книжечка нужно назвать золотая книжечка столь же полезная сколь и забавная и в ней написывают утопию особо такой город в котором как бы ну вот все хорошо вот топе я частной собственности есть общественное производство по типу семейного 6000 семей семьи от 10 до 16 взрослых я сейчас могу тут много перечислять дело не в этом самое главное что чему посвящена утопия это делу социального равенства социальное равенство главный главный принцип говорит он идеальное государство и вот тут начинается интересные вещи равенство то какой арифметическое или геометрической потому что это как раз два ну понятия которые все мыслители различали всегда со временем античности есть равенство геометрическое то есть по достоинству пропорционально пропорционально достоинству вот ты получаешь соответственно столько-то ресурсов только-то благ а если арифметическое просто поровну поделить и томас мор все- таки говорил о том что социальное равенство основано на принципе геометрического то есть по заслугам чувствуете но не появляется здесь никако-

го все живут одинаково тогда как другие концепции тоже используют принцип равенства и кричат о том что все должно быть равенство и предлагает помните дальше аликова взять все и определить арифметические принцип правенства и отсюда вы должны понимать когда кто-то кричит о равенстве а политика очень часто кричит о равенстве надо всем испрашивать какое вы имеете ввиду вот томас мор определенное это показал этим цена его работу но получилось ли у нового агксовать идеальное государство но мы сегодня считаем что это антиутопия да вот эти вот фильмы которые они только книги они очень похожи

но еще больше в этом в эту лепту внес конечно тамаза компонелла с его городом солнца интересный такой персонаж истории он был монахом общественным деятелем но за подготовку заговора в очередной там с очередными элигархическим правлением 27 лет провел тюрьме и вот в начале самом начале 17 века он пишет трактат город солнца в нем дается картина которая потом легла в основу коммунизма принципа коммунизма еще одна хорошей идеей на которую надо воплотить было жизнь срочно вот что это за идея идея значит идеального устройства за счет тотальной симметрии и стандартизации всего и вся солярий это жители города солнце имеет один рост одинаковую одежду я не знаю как это остается добиться одного роста в определенное время суток определенного цвета за исключением черного цвет должен был как бы выбираться соответствии с астрологическими данными глобальный коллективизм человек всегда в отряде солярии не живут поодиночке казняться преступников тоже вместе забивают камнями общий жены люди соединяются ну в сексуальном смысле сообразно астрологическим рекомендациям конечно их соединяет никакая там любовь а правитель правитель говорит как кому и с кем для чего чтобы было правильное потомство чтобы толстые соединялись худыми получалось что среднее высокие с низкими от в мой один рост наверно вот никаких там особых чувств естественно но это идеальный город в результате получается дети не знают своих родителей они воспитываются государственных учреждениях городом управляет метафизик и он нарекает кстати каждого ребенка по имени эта должность переходе к тому кто оказывается самым мудрым самым способным к проблеме это конечно метафизик как мы понимаем речь идет о каком-то идеальном обществе это опять антиутопия но почему это все время позиционируются самими авторами как идеальное общество задаем вопрос который отвечать на ответить на которую совсем не сложно они создают картины идеального общества и это идеальное с точки зрения тех тем управляют а с точки зрения того кто управляет то если они пишут свои трактаты для того кто собирается управлять общество они подсказывают удобнее всего управлять теми кто стандартизова кто вот вот это вот это вот это вот это вот все чувствуете То есть очень странно, когда люди, которые, ну понимаете, не собираются быть правителями, подключаются к этому общественному какому-то движению и бегут, и рискуют своей жизнью, или даже кладут на алтарь своей жизни, на алтарь утопий, которые даже созданы не для того, чтобы они хорошо жили, а просто чтобы было удобно править. Это удивительно. По какому-то странному выверту сознания принципы, описанные в утопиях, вот это коммунистические, социалистические, какие-то там социально-националистические, много таких, они оказываются идеями, которые вдохновляют народные массы. Массам-то зачем это? Ведь это же не для них написано, не для их жизни, это написано для правителей, чтобы управлять. Не иначе, как пневматическая магия какая-то, а? Не кажется вам? Ну я, конечно, шучу, но знаете, в каждой шутке. Ну а непосредственно исследователи Кампанелло знают, что он жил в существовании этой утопии и видел себя правителем города. Ну, конечно. Да, он сидел в тюрьме, но

он был астрологом, и он рассчитал, что в 34 года будет Великая конюнция планет 24 декабря 1603 года. И, ну, по его натальной карте выходило, что он будет освобожден в этот день, и все, и вот он возглавит, и все будет, как бы он станет этим великим метафизиком. Но не получилось. Заканчиваю нашу лекцию.

Лекция 9 Классическая рациональность и наука Нового времени

9.1 Социально-исторические и идеологические условия формирования науки Нового времени

Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.).

Ряд войн общеевропейского масштаба: коалиция французов, англичан, шведов, против династии Габсбургов (Австро-Венгерская империя). Династия Габсбургов была католической, однако с ними воевали как протестанты, так и католики. Это война за господством над Европой.

Используемые наемные армии содержались не только за счет государства, но и за счет грабежа захваченных городов и сел. Мирное население серьезно страдало, и часто солдаты истребляли мужское население захваченных городов. Ужасающие события войны: Варфоломеевская ночь, Магдебургская резня и др.

На этот период приходится также Малый ледниковый период и эпидемии чумы.

В Европе в 1650-х годах население сократилось настолько, что в Баварии для восстановления населения церковные власти разрешили многоженство.

Эти события отразились на мировоззрение людей. Если в эпоху Возрождения двигателем новизны были люди, воодушевленные культом фортуны, то в этот период «подарки фортуны» были исключительно негативными.

Европа стояла на грани совершенно незавидной судьбы быть задворками Османской империи: идея фикс Османской империи завоевать Европу и превратить ее население в мусульман. Исполнением этих чаяний мешают лишь, знаете, такие дикари (так сами османы называли жителей России), которые в 17 веке вдруг вмешались в этот расклад. Османскую империю в этот период подтачивают казаки, которых спонсирует Иван Грозный.

Вестфальский мир (1648 г.)

После окончания войны заключается Вестфальский мир, устанавливающий Новый европейский порядок. Его основные положения:

Принцип государственного суверенитета — независимость и верховенство государства в международных отношениях, а также по отношению ко внутренней власти. Включает неделимость, единство территории и принцип невмешательства во внутренние дела страны.

Государство национального типа — принцип единой границы, очерчивающей единую территорию, в пределах которой устанавливается единая государственная власть.

Принцип международного права как координации отношений между государствами. Это было потребностью не правящих элит, а буржуа — тех, кто в этот период старается наладить жизнь, чтобы вести торговлю, развивать ремесла, и т.п.

Буржуазные отношения, которые в тот период сложились, возникают из бургов — городов, созданных для реализации профессиональной деятельности, купечества и ремесленничества.

Черты представителей буржуазии:

люди достойной профессии (судьи, адвокаты, прокуроры, нотариусы, врачи и хирурги, цирюльники, купцы-negoцианты);

владение мануфактурами;

владение пригородными землями;

жизнь в собственном доме.

Буржуа — это новый благородный человек, который при этом не имел юридического статуса благородства как наследные дворяне, аристократы.

Революции, возникшие в XVII в., не продиктованы нищетой народа. Народ в это время не духоподъемен, и находится в состоянии выживания.

Бертон «Анатомия меланхолии»: «Что нигде не слышу новые вести, обычные слухи о войне, о бедствиях, о пожарах, наводнениях, грабежах, убийствах, резне, метеоритах, кометах, привидениях, чудесах, призраках, захваченных селениях или осажденных городах, смешение бесчисленных клятв, ультиматумов, помилований и указов, прошений и тяжб, ходатайств, законов, возвзваний, жалоб и обид. Мы слышим это каждый божий день»

Восстания народа поднимают возникший слой крупных буржуа, которые становятся новыми лидерами мнений, а в последствии — социально-политического порядка.

И

Буржуазный тип отношений — это капитализм. Капитал — это средства, используемые для получения прибыли и роста производства.

В рабовладельческом и феодальном обществах производство продукта в единицу времени было преимущественно стабильным. Капитализм принципиально основан последовательном увеличении производства товаров в единицу времени.

По концепции Макса Вебера. Основанием капитализма являлись не экономические потребности, а идеальные, культурные, духовные. Так, в XVI-XVII вв. развивался пуританский капитализм, представители которого противостояли роскоши феодалов.

Пастор Ричард Бакстер считал, что человек должен искать воздаяние в исполнении своих профессиональных занятий, а Господь, который заранее знает, кто будет избран, а кто проклят, указывает нам на избранность. Заработанные деньги должны бытьпущены в рост, а оставшиеся после этого — на благотворительность.

Техническая основа развития капиталистической формы хозяйствования — развитие машинного производства. Мануфактуры — довольно крупные предприятия, основанные на ручном труде наемных рабочих с применением ремесленной техники. Для мануфактур свойственно разделение труда на отдельные производственные операции. Самая распространенная форма раннего капиталистического производства; предшествует машинной индустрии (фабрике).

Буржуазные революции.

Первая буржуазная революция в Нидерландах (сер. XVI – сер. XVII вв.). В Нидерландах развивается пуританский (аскетический) капитализм. Это двигатель европейской буржуазной трансформации, а также лидер машинизации процессов.

Английская революция (1648-1660 гг.). Имело место знаменитое смещение короля Якова II Стюарта, а также казнь короля Карла I.

Великая французская революция (1789–1799 гг.)

Эти революции не были однородными. Они никогда не были процессом, в которых одна лидирующая сила побеждает и переустраивает социальный строй. Их начинают одни люди, которых потом смещают или казнят. Их продолжают другие люди с другими целями. Тех людей тоже смещают, и т.д.

Идейным основанием буржуазных революций и буржуазных трансформаций вообще была эпоха Просвещения.

Эпоха просвещения — XVIII век.

Важно, что это новое мировоззрение формируется уже не в университетской среде, и уж тем более не в университетах монастырей, какого-нибудь там школ соборных.

Нет, это люди, которые вот как раз новые интеллектуалы, да, нового типа.

Возрождение — это платоновская академия, такие кружки по интересам,

но они, понимаете, вот как бы все равно в особом месте. Люди собраны в особое место, похожие чем-то на академии античные.

В Средневековье интеллектуальная элита, то есть те, кто формирует вот этот вот фон интеллектуальный, это университеты и монастыри. Они между собой как бы даже сражаются, да, ну как бы за первенство. Два дискурса — университетский и монастырский. Но мы как бы с вами делаем акцент на университетский, потому что они действительно были прям во всем победителями, в каждом дискурсе нет, такого не происходило.

В античности это академии разного рода, да, это гимназии, там, да, вот это, ну такие вот,proto-социальные институты науки.

Что же это в новое время, в просвещении? Это светские салоны.

Но если мы присмотримся к каждому из них по отдельности, это совсем не философы, это совсем не лидеры мнений вот в таком смысле, знаете, интеллектуального разума. Это публицисты. Это вот скорее современные медийные фигуры.

Возникли модные люди. Они собирались в светских салонах. Один из таких светских салонов, это вот салон Марии Терезы Жоффрен

, куда в течение целых 25 лет сходились представители новых интеллектуальных сил Парижа. Собирались художники, ученые, философы эпохи просвещения, такие как Дидро, Вольтер, Даламберг, Гальбах и другие.

если мы начинаем смотреть, что эти там ведро и доломбера сделали, мы не найдем философских трудов серьезных. Исключением, пожалуй, оказывается только Руссо. Вот он писал там прям много основательно.

Ну, трудно сказать, насколько это, прям философия в чистом виде, потому что систему- то он не создавал. Но, тем не менее, хотя бы много написал. Вот.

Остальные писали работы им публицистического характера.

производство идей стабильное, было связано с формированием энциклопедий.

Энциклопедия

предлагала набор знаний по всевозможным аспектам: и история, и технологии, и какие-то понятия, но только в новом идеологическом ключе.

это идеология либерализма. Салон вообще, это первое воплощение политической партии.

А вот теперь партия это по политическим предпочтениям, по тому, что вы считаете предпочтительным в социальном укладе. Так появляются политические партии, и вот они возникают именно в таких светских салонах.

Что такое идеология? Само слово появилось во времена французской революции. Де Трейси, изобрел его для того, чтобы формировать науку идей.

Ну, даже почитай, разберите слово на составляющую. Идея, идея, логия наук,

это стало формированием программы действия, программы действия для достижения определенных целей каких-то субъектов политики.

Эти субъекты политики могут называться классом, могут называться партией, как сегодня, могут называться общественным слоем, но, в общем, в таком целостном, социальном пространстве всегда есть такие выделенные субъекты политики, которые очень нечетко фиксируемы, и вот у них должна быть какая-то, ну, чувствуется, что должны быть какие-то выразители наших идей.

Выразители этих идей становятся политиками, несущими определенную диалогу. Но надо отличать партию все-таки того периода от партии в современном смысле слова.

В современном смысле слова мы говорим о массовой политической партии. Тогда все-таки партия это вот эти светские салоны, в которых это группа единомышленников, которые собираются, обсуждают какие-то процессы политические, политические, предлагают решения, а дальше они идут непосредственно уже и выступают в каком-нибудь парламенте.

Что дает идеология? Почему

она формирует основу для легитимности власти. Легитимная власть это та власть, которой доверяют, которую признают правомерный, правомочный граждане данного государства.

чтобы большинство признавало, власть легитимная, оно должно знать, а какие идеи власть-то разделяет.

Это нормальный процесс осуществления любого государства. Основа для легитимной власти, для новых политических сил, для буржуазии, которые тогда формируются. И как раз явились просветители. У всех, у всякой власти есть своя, как бы, вот эта основа. А просветители, которые формировали идеологическую основу для новой власти, то есть для буржуазной власти, это так называемая рациональная форма легитимности. И ее характеристика, ее содержание это либерализм.

В истории либерализма не было работы, которую можно было бы назвать ключевой.

Она складывается из многих трудов таких философов как

Томас Гоббс, Джон Локк, Адам Смит, Шарль Луи де Монтескье, Бенджамин Франклайн.

что такое либерализм? Еще раз, это философско-политическое течение, да? Но это еще и политический проект, и политическая культура. А еще должна быть успешная идеологема.

Ключевая идеологема либерализма — борьба за свободу. По мысли ее создателей, свобода, это не то, что определяет человека, это то, что должно, как бы, в борьбе осуществляться.

Понимаете, как бы, перевес упал не на слово свобода, потому что никто не знает что-то такое и не знал, а на слово борьба.

По мысли философа, свобода — это то, что определяет человека. И, кстати, философы будут тщательно подчеркивать принцип свободы, свободы.

А вот в политике укрепилась акцент на борьбу.

Понятно, что капитализм встал на ноги в ходе буржуазных революций, когда буржуа были угнетаемыми. Они кричат, надо бороться с угнетением. Боремся с угнетением и политически, достраивая новые законы. И как бы, буквально в виде там сражений.

Но постепенно буржуазия же сама стала угнетателями. Убившие дракона

становятся драконом. Да? А как бы, понимаете, она же не может уже кидать клич борьбу с угнетением. Нет, так уже нельзя, потому что тогда бороться будут с тобой.

Соответственно, ну, например, ну, хорошо, какое-то долгое время еще этот клич работает, но он уже работает в социалистическом ключе. Это тоже один из модусов либерализма. Хотя они там были врагами, как политические партии, но тем не менее, это модус как бы либерализма в широком смысле этого слова. Потому что базовая идеологема тоже борьба с угнетением. Да? Но социализм в какой-то там форме случился, и современное общество даже не социалистического типа, это уже не борьба с угнетателями. А либерализм-то существует, он будет по-прежнему бороться. Да? Он будет по-прежнему бороться за что-то. И уже это будет борьба за свободу социальных меньшинств. Да? Вы понимаете, о чем я говорю. Это свобода, борьба за вот там еще за чью-то свободу и так далее.

То есть он уже до бреда доходит, но либерализм, это, как сказать, вот это вот, если он прекратит работу этой идеологемы, он остановится. То есть эта идеологема, это быть против, бороться за что-то. Это идеологема, которая является перпетум мобили губерализма. то есть она уже как бы уходит в массы.

Политическая культура это то, что разделяет уже не философы, не какие-то даже там в отдельные. это вот то, что как бы становится принципом такого нормального поведения обычных людей, скажем так, не философов. То есть политическая культура быть против становится основой либерализма. То есть смотрите, быть не за, а быть против. Ну, соответственно, как бы чем я занимаюсь, будучи там политически активным человеком в духе либерализма? Я нахожу, против кого я воюю. Я не предлагаю, что сделать, что против, а я не предлагаю, за что я. Я всегда озвучиваю против чего. Перманент, вернее, претенденты на роль зла перманентно обновляются. Еще раз повторюсь, что в новое время это позволило состояться европейскому обществу. Далее это породило кризис того общества, которое, собственно, и создан был этим, этой идеологией. А теперь мы как бы к мировоззренческим установкам просвещения.

Вот это те понятия, которые вы должны знать, понимать, которых вы должны уметь рассуждать. То есть, какие, скажем так, измы,

Какие максимально широкие принципы формируют мировоззрение просвещения?

Ну, во-первых, рационализм. Это приоритет рассудочно-логического, критического мышления. Культ разума. Слово рационализм, от слово рацию. Рацию переводится разум.

Эвдемонизм.

Это этическое направление, которое признает главным принципом это чувство счастья.

Я это говорю не случайно, потому что позднее мы с вами, когда будем рассуждать, если у нас получится рассуждать о всяких хартиях вольности, то вы обратите внимание, что в некоторых появляется принцип права человека на счастье. Ну, то есть право на свободу, право на и право на счастье. Почему? Поэтому что Вальбах, Гальбах, Дитро, Вальбах, Господи, Вальтер, Гальбах, Дитро, они в своих вот таких лозунгах, публицистических работах очень часто говорят про то, что счастье является критерием и категорией практически повседневного опыта. Понимаете, счастье, оно обретается вот прямо здесь, в этой жизни и прямо сейчас, сегодня. Вальбах на свое счастье это право каждого человека. Конечно, никто не сказал, что такое счастье, но чувствуете, им не надо. Никто не скажет, а что это, свобода это, а что, а вот счастье это, а что, главное ты

борись за него, борьба за счастье. но очевидно, что в нем присутствует, ну, счастье, понимаемое просветителями, это в основном мотивы какие? Благополучие, комфорт, благополучие и комфорт, то есть связь с категорией пикурейства, где счастье, это отсутствие страдания. Ну, опять же, упрекать их за это не приходится, что называется, посмотрите вокруг, ну, представьте себе в этой ситуации, посмотрите вокруг, а вокруг, пардон, трупы, которым очень не хочется стать. Соответственно, ну да, действительно, просто вот это вот, просто нормальная еда, просто нормальная постель, просто все живы, что называется. Звучит как по-буржуазному, да, как-то вот, ну, фу, но, опять же, в тех условиях совсем не фу. В тех условиях это действительно высший принцип существования.

Утилитаризм. Это направление в моральной философии, и вообще в мировоззрении, согласно которому в основе морали лежит принцип пользы. Т.е., что полезно для нашего счастья, то и благо.

Польза в утилитаризме как философском направлении это счастье для большинства людей, благосостояние для большинства людей.

Благосостояние тогда это состояние безопасности, состояние комфорта и состояние, ну, что-то у тебя есть в качестве собственности, что ты можешь, считать своим. Поэтому принцип собственности, он ключевой, конечно, для буржуазии и принцип вот такого утилитарного подхода, утилитарного благосостояния.

Все эти установки формируют проект модерна. Ключевой идеи, которая, вот это, она формируется на идее бесконечного увеличения счастья. бесконечного увеличения, сейчас скажу, вот счастье, как движение сообща, вместе. Каждый будет счастлив только тогда, когда в обществе будет гармоничная такая, гармоничная страна, когда всем всему будет хватать. Когда всему всему будет хватать, соответственно, это и будет счастье для каждого.

Это такое просто устремленное будущее, непонятно, когда заканчивающийся процесс, в основе которого лежит, конечно же, библейский принцип эсхатологический, то есть Библия в свое время развернула античное, зацикленное время.

В античности мы слили время цикличным. Вот идет, развивается время, значит, двигается, двигается, потом сгорает весь мир и снова начинается все то же самое. Причем то же самое настолько то же самое, что может быть родиться такая же вот я и будет сидеть вот так пальцем, показывать экраны, говорить то же самое. Понимаете, да, что имеется ввиду? Вот, вот эта цикличность времени ее, по сути дела, разомкнула Библия, потому что там было сказано, что Бог однажды сотворил все сущее и однажды в таком виде, в котором мы это сущее знаем, оно закончится, конец там, да, история, конец этого, и наступит некое новое состояние реальности, которое вот там связано с определенными событиями, и, соответственно, человек в этом как-то участвует, он должен сейчас проявить некоторые усилия для того, чтобы вот там потом оказаться в этом новом состоянии блаженства.

То есть эта идея полностью берется на вооружение, но только содержание ее уже связано не с религиозными моментами, не с Богом, а как бы берем в свои руки счастье. Тем более, что счастье благосостояние, тут Бог по большому счету не он его может обеспечить, а вот как бы идея социального прогресса.

Вот здесь у меня на слайде написано с позиции морали, это актуальность пруденции. Что это такое? Ну, смотрите, пруденция это благородство. Пруденция рули, правила благородного человека. Или принцип надлежащего по обстоятельствам.

Но это, знаете, как бы вот то, что я сейчас вам говорю про мировоззрение, про эвдемонизм и утилитаризм, то, знаете, с этим, со звездочкой тут, бо-

лее сложно. Почему более сложно? Потому что прочувствовать разницу между прежними идеалами морали и вот новым идеалом морали не очень просто. Что имеется в виду? Вот мораль, например, эпохи античности, эпохи средневековья и возрождения, это все-таки героическая мораль. Ну, возрождение уже в меньшей степени, но все равно это мораль героическая. Героическая мораль основана на принципах все-таки самопожертвования. Ты жертвуешь. Ты жертвуешь собственной жизнью или комфортом или еще чем-то. Поэтому это мораль воином. Ты же жертвуешь воином, ну, то есть в пределе это мораль воином. Воин жертвует комфортом и собственной жизнью ради чего-то, ради социума, например, ради своих сограждан. Как бы государство не понималось, но всегда воин жертвует чем-то в первую очередь жизнью. То есть не обязательно я не буду, что каждый воин погибает, но он готов на это. Готов. Поэтому как ни крути, воины по праву получали статус элиты общества. Ну, по праву. Вот что не говорите. Во всеми. То есть вот это вот средневековый идеал аристократавоина это нормально. Почему? Потому что тот, кто жертвует, тот, кто готов пожертвовать ради тебя свою жизнь. Ну, кем ему быть как не аристократа. серьезно. Надо же понимать, да? И вот какие-то такие вот, ну, как бы назовем это так, ну, правильные времена, что ли, военные всегда были элиты. И это совершенно понятно, закономерно и вполне себе обоснованно. Вот. Тогда как с эпохи нового времени как бы меняются ситуации. Морально это то, что благоразумно. И согласитесь, может быть, не очень благоразумно жертвовать свою жизнь вроде других людей. Да? Ну, как бы, ну, чисто вот с какой-то интересной такой ситуацией, в которой чувствуется какой-то душок. Извините. Я сейчас не хочу никого убить, потому что ну, вдруг у кого-то такая мораль, да? Но, тем не менее, уж и не могу не высказаться по этому поводу. Тем более, что вот этот принцип надлежащего по обстоятельствам, он был известен еще римским юристам, древнеримским юристам. И они тогда этим принципом на самом деле обосновывали все, вплоть до каннибализма и там вплоть до убийства родителей. Ну, то есть, это как бы такой адвокатский прием, который говорит, что ну, в этих условиях это было морально. Ну, что-нибудь там. В этих условиях это было морально. И вот, действительно, принцип пруденции, он активизирует эти позиции. Ну, в этих условиях, извините, это морально.

Секуляризм — это естественное состояние вот того мировоззрения, того мировоззрения, потому что мы сами, Бог уже не участвует так активно в нашем вот, ну, в формировании нашего блаженства. И оно уже не за пределами, оно не в посмертии, оно не после страшного суда, оно здесь уже в благосостоянии. И, собственно говоря, для того, чтобы, ну, как бы вот эта религиозность, она не требует прежних форм.

И секуляризм нового времени, эта тема-то старая, да, но секуляризм нового времени связан с антиклирикализмом, тоже еще одно понятие.

Антиклирикализм, то есть против клира, против института церкви.

Вот понимаете, то есть как бы религиозная составляющая, она изымается из обычной религии и переносится на какие-то объекты, на любые. Самая распространённая секулярная религия, видите, у неё такое название, секулярная религия. Или, например, внецерковная религия. Такие названия можно встретить.

Ну, вот самый пример, такой для нового времени пример секулярной религии, это культ науки. Культ науки.

Просветители считали, что наука должна стать новой религией европейского общества. Они называли ее естественной религией. Отсюда, кстати, постоянные оговорки про храм науки, да, слышали такое? Ученые, первосвященник храма

науки. Они говорили это буквально. Вот мы это сегодня метафора, а тогда это было буквально. Так вот, роль ученых, о которых мы дальше поговорим, роль мировоззрения, механицизма, о котором мы дальше поговорим. Знаете, в чем заключалось по преимуществу? В том, что наука стала новым типом мышления, а не новой религии. Тогда как именно вот как бы дух просвещения, тесно связанного с масонством и тому подобное, толкал ее на то, чтобы стать новой наукой и продолжать все вот то, что продолжало там это вот магия, возрождение и тому подобное. Понимаете, алхимия и тому подобное.

9.2 Гносеологический поворот в философии Нового времени и её роль в формировании научной рациональности

То есть сейчас мы будем с вами пытаться понимать, исследовать, как формировалась научная рациональность, то есть наука в современном смысле этого слова. когда мы ее уже не связываем с магией, с алхимией, с масонством, с какими-то тайными знаниями, герметической матерью и тому подобное.

Почему гносеологический поворот? Потому что акцент уже ставится не на антологии учений о бытии, а на учений о познании. Гносеология. Но тем не менее, смотрите, общая для всех философов и публицистов и не публицистов того периода все-таки категория активности. Она ключевая на тот период вообще для всех людей европейских. Почему? Потому что она ключевая для буржуа-предпринимателей активность. Для научного метода, для философии. Силы и вещества они просто наблюдаются, они активно измеряются, активно. Потребность описать, систематизировать все природное богатство, вот эти вот категории учета, классификации, порядка. Они в науке активно развиваются. Классифицируются и упорядочиваются все. Небесные тела, гармонизуются представления астрономического характера, биологическая систематика возникает. То есть кладовая природа активно активно человек стоит рядом и записывает так, что у меня в распоряжении, у меня в распоряжении то-то и то-то. То есть природа противопоставлена субъекту познания. Человек приобретает свой статус вот знаете, такого вот распорядителя. Новый статус, новый, высокий статус человека, он распоряжается своей кладовой. Природа это лишь то, что ему принадлежит и чем он может распоряжаться. это такая вот форма активного начала.

Чувствуете, человек всегда был весьма значим, но всегда по-разному. Я даже подчеркну это.

античность, космоцентризм, мировоззрение. И там человек это микрокосмос, отражение макрокосмоса. Макрокосмос. Макрокосмос отражается в микрокосмосе. То есть человек значим постольку, поскольку он тоже космос.

Теоцентризм. Да, весь взгляд, все внимание на Бога, но человек тоже крайне важная фигура. Человек, ну я говорила, что раб Божий это никоим образом никогда не было уничтожительным каким-то, уничтожительной характеристикой. Почему? Потому что это формула римского права. Когда раба продавали, говорили, это раб, не знаю, Цезарь, например, отныне такой это раб Цезаря. А когда христиане крестились во имя начислены рабами Божими, они как будто тем самым говорили, я больше не раб никого. Больше я не раб ни Цезаря, ни Помпея, я больше не раб никого. Все, теперь я раб только Бога. То есть это юридическая форма. А так человек это животное призвано стать Богом.

Помните, да, Зианцин выражение?

В эпоху возрождения человек он творец. Ну, творец, конечно, по преимуществу как маг, но тем не менее гомо-виртуозу. То есть он подчиняется реальность. Какими формами? Другой разговор, но он подчиняется реальность. Вообще, помните, да, первый капитализм, поплыть в море мрака, вообще никуда вернуться с кораблями набитым золотом. Вот так вот. Вот это вот.

А в эпоху нового времени не космоцентризм, не теоцентризм, не антропоцентризм, а натурацентризм. Натурацентризм, то есть человек обращает, ну, как бы природа становится ключевым объектом исследования, а человек это тот, кто ей распоряжается. Человек это тот, в кладовой природы главное распорядить.

Категория субъекта приобретает максимальную значимость. Но субъектом надо было человеку еще стать. Почему? Потому что я сегодня с двумя мониторами сижу, не распечатала, поэтому так временами зависаю, простите.

Декарт

Обратимся к Декарту, который вводит эту категорию субъекта как того, кто обозначает именно человека.

Наверняка вы уже понимаете, что раньше, до эпохи нового времени, субъектом называли просто подлежащее предложение. Субъектом может быть все что угодно. Например, стол это субъект деревянности. То есть это то, к чему деревянность относится, как его характеристики.

Или, например, субъектом может быть космос. Подлежащее предложение такое стоит во всяком случае.

А Декарт сделал так, в смысле так передумал категорию субъекта, что субъектом становится только человек. Он происходил из обнищавшего дворянского рода, недолго учился в университете в Пуатье, праздновременную службу, участвовал в битве Хакина. И вот на войне формируются его предпосылки механистического взгляда на человека.

Я ввожу понятие механицизм, пока его не объясняю.

Механицизм уже будет ключевое слово, да, для этой эпохи. А почему возникло его понимание человека как механизма, как такую, ну как бы куклу, которая, да, оживляет Бог, дух, там подобное, но она как бы устроена как механическая кукла.

Оттого, что слишком много трупов видел, и более того, он эти трупы препарировал, и сам себя он называл великолепным мастером препарирования. Он как бы очень, ну как сказать, проникся этим делом, он хорошо, будучи, ну, мыслителем, хорошо проник в специфику вот этого вот, всего дела, и развивает идеи о том, что человек-то, по сути дела, машина, но только машина живая. И он с этими идеями, он пишет там небольшую работу, обращается к своим учителям, к иезуитам, но он учился, потому что доунин, все это в иезуитской школе. Но они, мало того, что не поддержали его начинание, они его как бы сочли опасным, и дальше всю остальную жизнь, он опасался их преследованием, переселился в Голландию, как вы понимаете, протестантскую страну, где пишет рассуждение о методе, чтобы хорошо направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Мы его кратко называем рассуждением метода. А в приложении к этой книге Декарт опубликовал свои исследования по натуральной философии, по оптике, геометрии и по математике, по алгебре. Ну, то есть, все, что мы сегодня связываем в науке с достижениями Декарта, например, Декартовую систему координат и еще некоторые моменты геометрической геометризации алгебры, мы,

оптические исследования, для него это все-таки приложение к философии. Его публикации, его идеи получают популярность, вызывают восхищение кардинала Ришелье, то есть, никто там его, с закатольки-то его не преследовали. Он предлагает издать труды Декарта во Франции, но Декарт уже никому там не доверяет, он отправляется в Швецию по приглашению королевы шведской, а в дороге он постудился, в итоге заболел и скончался, а многие считают, что его отравили.

Так вот, Декарт всю жизнь искал некой свободы от ограничений, да, свободы для себя, для своей мысли. И только свободный, говорил он, является самостоятельным, только когда он может сказать «я сам». Самость – это главное для философии Декарта. Я сам. Это то, что говорит он, объединяет всех людей. У всех есть эта самость. Это и есть основание свободы. Чувствуете, философы-то всё-таки идут по понятиям, да, не лезут в понятие свободы, не просто борись за свободу. Борись, а зачем бороться-то? Ты объясни, да? Просто найди себе уменьшательный, борись, ну извините, нет, так философ не может мыслить. Это такая мысль недоброкачественная.

Философия всегда обращает внимание на доброкачественные мысли. Вот.

Для Декарта основание свободы – это самость. Самость можно обнаружить тогда, когда сомневаешься. Вот это ключевая позиция. Ты вот эту самость, самостоятельность, самость можешь обнаружить тогда, когда сомневаешься. Причем сомневаешься во всем. Смотрите, он как говорит, можно сомневаться в том, что это помещение там, такой-то формы. Можно вообще сомневаться, что здесь помещение. Можно сомневаться в своем уме. Можно сомневаться, а вы существуете или нет вообще? Может, вы мне снитесь? Я могу сейчас спать, и мне снится, что я просто веду лекцию. Я могу сойти с ума, не будет казаться, что я преподаватель философии, а вы в это время просто эти не аспиранты, а эти как санитары, которые наблюдают за моим поведением. Понимаете, да? Можешь сомневаться во всем, но единственное, в чем я не могу сомневаться, это в том, что я в этот момент сомневаюсь. Вот. Единственное, в чем не получится сомниться, в факте самого сомнения. Поэтому это и есть основание самости. Все, на что указывает мне естественный свет, естественный свет – это разум, да, разум, вот так они тогда называли, естественный свет. Есть сверхъестественный свет – это откровение, ну, Библия. А есть естественный свет. Еще раз. Все, на что мне указывает естественный свет, никоим образом не может быть сомнительным, поскольку из самого факта моего сомнения вытекает, что я существую. Когита эргосум. Я существую, потому что сомневаюсь. Мысли, следовательно, существуют. Ну, все вот это, то, что вы знаете, известное, оно основано на этом понимании самости, как сомнения. А вот то, что уже никоим образом не, как сказать, то есть вы во всем сомневаетесь, все, отбрасываете, отбрасываете, отбрасываете, выходит на что-то, что несомненно. Принцип непосредственной достоверности. Он ставится, Декарта, на первое место в познании. Это принцип интеллектуальной интуиции. А в чем мы можем, ну, то есть в чем мы не можем по Декарту сомневаться, это в первую очередь в математических истинах. Ну, то есть, например, то, что 2 плюс 2 равно 4, мы сомневаться не можем. То, что 2, это вот такое число, которое включает именно вот, ну, это количество, и не может быть то 2, например, то 2 яблока, то 3 яблока, то 5 яблок. Для нас это настолько очевидная истина, что дальше у нее уже никуда нельзя двигаться. Понятно? Так вот, для Декарта крайне важно философское исследование вот этого интуитивно-очевидного, несомненного. И при этом все-таки откуда мы берем-то вот эти несомненные истины? Вот эти вот идеи разума, они так еще называются, обязательные, базовые идеи разума, на которых по-

том выстраивается все остальное, все здание. Мы их берем только из того, что Бог не обманывает свое создание в моментах абсолютной достоверности. Вот так вот. То есть у Декарта все-таки гарантию человеческого познания обеспечивает Бог. Вернее, Бог есть гарантия человеческого познания, причем не просто абы какой, а именно добрый Бог. Ну, например, если Бог такой игривый, который любит подшутить даже, я же не говорю, обманывать, даже подшутить, например, возьмем, то все рассыпается, вся концепция Декарта рассыпается. Тогда Бог скажет, ну смотри, интуитивно очевидно и какую-нибудь там ерунду на аккаунт. Да? Поняли? Еще раз. Мыслью следует, не существую. Интуитивно очевидно это несомненное, а несомненное обеспечивается всемогущим, благим Богом. Это называется, вот это несомненно, интеллектуальная интуиция. Это прямое непосредственное постижение сути дела. Математическое знание. Что за вот эти вот врожденные идеи, которые обеспечены нам Богом и которые есть интеллектуальная интуиция? Еще раз. Например, идея числа, идея формы, ну фигуры и аксиома равенства. Вот это базовые вещи, но там есть еще ряд. Ну их хотя бы назовите, будет нормально. Идея числа, идея формы и аксиома равенства. Ну у меня тут достаточно большие цитаты, они потом, помоему, я их даю. Сейчас посмотрю. Да, вот, ну, как бы некоторые цитаты, вы, пожалуйста, их просто сами потом самостоятельно прочитайте. Хорошо? Извините. Так вот, благодаря свету разума человек может сделать природу своим предметом. У него есть эти интуитивные идеи, которые ему позволяют, то есть это инструменты, которые позволяют человеку и только человеку быть хозяином вкладовой природы. Сделать природу своим предметом. А слово предмет означает то, что напротив, воспринимаемое. То есть человек как бы отделился от природы, вот есть человек, а есть природа. И вот природа, она несколько так отдельно. Природа — объект, человек — субъект. И в гносеологии Декарт формирует направление рационализма. Рационализма. То есть наше познание основано на идеях разума, вот этих вот несомненных идеях разума. На том, в чем сомневаться вообще уже не приходится. Дальше. Рационализм. Соответственно, смотрите, вот есть мыслящая субстанция, это человек со своими врожденными идеями, со своим рационализмом, со своим разумом, да, вот это все. И есть природа протяженная. Имеется в виду, это то, что не разум, не человек, ну, то есть все остальное. Философия называется дуализм субстанции или субстанциональный дуализм. Не погружаясь в эту тему, она довольно интересная, она тоже несет много всяких последствий. Если что, на семинарах, пожалуйста, проговорите этот момент. Проговорите и момент его метода. Я его только обозначаю здесь, он достаточно простой, понятный на всяком случае даже вот в письменном виде, потом я выложу презентацию. Вот. Несколько особняком стоит его физика. То есть, да, конечно, физика, это физика механистическая, а мы про механицизм скажем чуть дальше, да, чуть позднее. но тем не менее, как бы, она такая, как сказать-то, еще вчерашнего дня. Вот все-таки, как ни крути. Вадикавта Вселенной это вихри в вихрях. Ну, догадайтесь, вихри где происходят? Конечно же, в пневме, тонкой материи, в, как сказать, в эфире. Вот. Ну, знакомая, да, история. Но, все-таки, Декарт рассматривает их механически, эти вихри. Он не говорит о пневме, которая проникает там в душу и тому подобное. Наоборот, он уделяет, вот есть душа, а есть материя. И путать их больше не будем, нельзя. То есть, он противостоит, как бы, вот этому, вот этому магизму, как может, разделяет душу и материю на две части. Но, опять же, у этого есть последствия. Но, во всяком случае, понятно, почему он это делает. Это, как бы, такая идея, но соединение от прежних умозрительных вот этих конструкций. Так вот, вот этот эфир, он уже становится просто, как

бы, субстанцией, в которой заворачиваются разного рода вихри. Эти вихри и есть водоворот такого эфирного моря, это и есть движение небесных тел. Они захватывают небесные тела. Поэтому небесные тела двигаются. Ось вращения проходит через Солнце, поэтому всё-таки всё крутится вокруг Солнца. А каждая планета ещё крутится вокруг себя, потому что вот эти вихри эфирного моря, её, как бы, всё, обеспечивают всё это движение. спутники. Спутники двигаются благодаря меньшим вихрям, и они, то есть, окружают тоже каждую планету. А все тела падают на Землю, потому что подталкиваются в ходе вот этого движения вихревого мельчайшими невидимыми частицами вихрей, флюидами. Ну, то есть, чувствуете, там какая-то смесь аристотельской физики и какими-то вот такими новых идей. Вот, как бы, такая философия и физика Декарта.

Мы остановились на том, что Декарт ставит саму проблему активность познающего разума. активность познающего разума сильнее всего. Этот мотив акцентируется философией Фрэнсиса Бэкона. Давайте про него немножечко.

Лорд-канцлер Бэкон, то есть это не хухра-муха, знаете, и это очень многое объясняет. Все-таки принцип полезности науки, он выдвигает на первое место. Но он действительно заботится больше всего о государстве, о людях.

И принцип полезности, да, что все действие наиболее полезно, то есть знание наиболее истинное. И вот как раз принцип утилитаризма в таком философском воплощении, ну, Баркон Дуз тоже, что называется, очень многое сделал для этого. но как бы максимально полезно он предлагает работать в качестве, ну, ученому, в качестве экспериментатора.

Он говорит, что действительно мы будем, то есть как можно быстрее и эффективнее выяснить тайны природы можно с помощью пыток. Для него эксперименты это пыточная природа. Опять же, ну, лорд-канцлер Бекон понимает, что говорит, да, и вот представьте себе человек, ну, конечно, представлять не очень предлагать такое, но тем не менее, представьте себе пытки. как можно быстрее выпытать у испытуемого какую-то утаиваемую информацию. То есть нужно правильно ставить вопросы, да, и так, чтобы ответ был только да или нет. Вы же понимаете, да, так меньше всего возможность обмана там или еще чего-то.

Поэтому вот он и называет природа есть, эксперимент это испанский сапожок, надо, значит, заточить в него природу, чтобы она выдала нам все свои тайны. Ну, такая разновидность пыточных. Но надо сказать при этом, что вот это распространенное мнение, что именно он предлагает экспериментировать, экспериментировать, еще раз экспериментировать, нет, это не его позиция.

Его позиция не экспериментализм, а эмпиризм. Я объясню сейчас, погрузимся чуть полнее. Значит, он создает свой проект, он государственный деятель, создает свой проект великого восстановления наук на основе союза опыта и рассудка. Это произведение новой Атлантиды. Она издана посмертно. Да, там очень много всего того, что вы можете встретить раньше других, более ранних этапах развития науки. Там описываются идеальные государства, орден Соломонова храма. Да, для него наука все-таки это немножечко религия. А может, и не немножечко. Целью храма является овладение силами природы. И у него, конечно, есть вот эти мотивы герметических установок. Маг, там, тот, кто подчиняется материи. У него магия, кстати, входит в нормальное, ну, как бы, вот это вот, в науке, нормальный набор наук. То есть, да, видите, я к чему сейчас сделаю ремарку, почему мы не можем взять и сказать, вот, все, в 17 веке начинается новый тип науки. А куда Бека наденем? Куда его новую Атлантиду денем? Там магия еще выше крыши. Куда мы Декарта денемся его вихрями в эфире, эфирными вихрями и так далее. Ну, нельзя такие границы провести.

Это, как бы, слишком схематично будет. Поэтому мы выстраиваем перед вами историческую картину науки, развития науки вот так вот последовательно. А в реальности ничего нет вот такого, знаете, ну, схематичного. Да? Поэтому обращаю еще раз внимание на вот такие вот как бы двусмысленности в работах, которые, тем не менее, не мешают науке последовательно осуществлять новый тип рациональности. Продолжаю. Про Бекона. Так вот, в этом ордене храма, в ордене великого храма, Соломонова храма, есть такие товарищи, как наблюдатели. Особая группа ученых. Они добывают по всему свету тайное знание. Они коммерсанты света, так называемые. Вот. Но эти коммерсанты света, им предлагается развивать новый метод. В противовес умозрительной философии, говорит он, нужно искать логику изобретений. Нужно открывать с помощью индукции. то есть умозаключение от частных единичных случаев к общему, от отдельных фактов к обобщениям. Вы понимаете, что это на самом деле очень по-новому трактует разного рода даже прежние знания. Попробуйте собрать индуктивно теорию пневмы. Попробуйте собрать индуктивно теорию пневмы. не соберете. Но нет таких частных фактов, на основе которых вы выстроите всю вот эту концепцию. То есть по сути дела вот этим подходом индуктивным он разрушает умозрительность прежних концепций. Еще раз подчеркну этот важный момент. Когда он предлагает начать собирать факты природы, их анализировать, выстраивать таблички, в которых писать их сходства и различия, все стойки, вы становитесь эмпириком. Тогда как тот же, например, Аристотель или Фичинос Бруно или даже Схоласты, которые, конечно, наук природы не занимались. Я сейчас говорю про те, кто природой занимался. Ну, в смысле, не занимались, но меньше степени. Вот. Они не начинали от элементов. Хотя, конечно, у Аристотеля в его биологии очень много эмпирических факторов. Но он все-таки, его физика, она не эмпирическая. Умозрительные, да? Мы создаем умозрительные концепции, которые как бы все объясняют. Тогда как Бекон предлагает индуктивный метод, а это означает, обращая внимание на частные, конкретные моменты. Мы сравниваем, говорит он, данные о схожих предметах, предлагает составлять таблицы. Мы находим общие черты в них, в результате получаем обобщение, знание обобщенного характера. Конечно, Бекон знает, что у метода индукции есть пределы применимости. Ну, условно говоря, мы рассмотрели первого лебедя, второго лебедя, третьего, двадцать первого и так далее. Мы сказали, что все лебеди белые. И понятно, что у этого индуктивного обобщения есть уязвимое место ровно до тех пор, пока мы не встретим черного лебедя. Эта теория будет работой. Но тем не менее, метод индукции все-таки приводит к общим выводам, которые могут быть равновероятными. Ну, например, лебеди как белые, так и черные. Ну, сейчас пример не очень подходящий, но тем не менее, равновероятные выводы. Так вот, чтобы проверить равновероятные выборы, он предлагает ставить эксперимент. Понятно, да? Когда у него экспериментализм-то включается? Чтобы проверить равновероятные выборы. Так вот, это позволяет по Бекону создать знания закона образного характера.

И он таки установил некоторые законнообразные знания. мы не назовем это закон но тем не менее. Сравниваем многие ситуации. Бекон установил, что теплота связана с движением частиц. Понимаете? это вот как раз такой эмпирическая закономерность. Он просто наблюдал некоторые моменты и выводит эмпирическую закономерность.

Социологические опросы, например, они тоже, они же не приводят нас к законам природы социальной, законам социальной природы. Они говорят нам об эмпирических закономерностях в социуме. Ну вот, таким образом. Бекон не особенно участвует в споре о том, как же все- таки мы познаем, благодаря чему?

Благодаря опыту или знанию. То есть вот в этом кнасологическом споре он не участвует, но тем не менее на его работах основываются многие исследователи сенсуалисты.

Дж. Локк

Обратимся к сенсуализму. То есть ставится вопрос как человек познает? Что первично? Опыт или интеллект? Разум. Сенсуализм чувствует от слова чувство говорит о том, что все-таки первичны именно данные чувств слуха, обоняние и тому подобное. Не важно.

То есть основание надо искать в чувственном опыте. Сознание, говорит Джон Локк, это чистая доска, на которой опыт пишет свои письмена. Ну, то есть чистая доска имеется в виду эти восковые вот эти как бы возвращенные таблички, на которых сознание оттиски оставляет. Да, дорогие мои, это все еще отголоски теории пневмы. Помните, там пневма как бы в оптический центр попадает, глаз, да, по оптическому нерву, и оттиски оставляет на внутренней пневме эти оттиски фантазмы, которые вот и есть знания. Вот у него примерно что-то похожее, только он использует это немножечко уже более метафорически, как бы саму пневму уже не упоминает, но тем не менее. И возникает спор с Декартом. Они, кстати, ну, как бы спорят, ну, как сказать, спор заочный, да, когда публикуешь, когда ты публикуешь свой рот, и говоришь, а вот Декарт не прав, а он говорит, а вот там. То есть Лог согласен с Декартом, что самость, субъектность, самостоятельность это общее для всех людей, когда они в сознании, подчеркивают. Когда они в сознании, у каждого есть самость, самостоятельность, субъектность. Но все эти субъекты живут в разных условиях, и будучи одинаковыми, как бы, ну, нулевыми от рождения, они наполнены разными влияниями, разными оттисками, да, и, соответственно, они становятся разными людьми. По-разному видят мир, по-разному познают. И эту, как бы, разность надо ценить, потому что это и есть влияние общества. Отсюда все идеи о том, что общество выстраивает личность. Чувствуете, как много закладывалось эпоху нового времени? Рационализм Декарта говорит о том, что есть некие врожденные идеи, которые позволяют нам самость иметь с самого начала. Это, как бы, категория личности, которая с вами, ее никто не выстраивает, она своя. А другая позиция, сенсуализм, говорит, нет, от общества зависит, что там будет с вашей личностью. Потому что разум чистая доска, нет никаких врожденных идей. Понимаете? То есть, это вроде бы спор о том, как человек познает, но в итоге этот спор формирует множество вот серьезных как бы разветвлений в других областях знания, в других областях мировоззрения. И постепенно все большую значимость приобретает принцип различия. Вы наверняка слышали, что новое время связано с культом индивидуализма. То есть, вот этот индивидуализм. Но это и есть философское обоснование свободы. Нужно иметь самость как некую самостоятельность. И различие здесь оказывается ключевым моментом. То есть, философ акцентирует не то, в чем мы похожи, а то, в чем мы различаемся. Но, конечно, под это должна быть подведена онтологическая база.

Лейбниц

Это мыслитель, которого я, знаете, про него лучше вообще не говорить, чем говорить мало. Великолепный, конечно, представитель философии нового времени. И вообще, он универсальнейший мыслитель нового времени. Он намного

опередил свое время во многих областях знания, поэтому он не всеми-то и признан. По сферам деятельности он юрист, дипломат, тайный советник юстиции в России, кстати, наемный алхимик в области общества разнокрэйцеров, придворный историк и так далее. Чем только он не занимался. Список областей в науке, которые мы получили в развитии благодаря Лебнице, вообще неохватный. Но я подчеркну одну важную идею, связанную с категориями тождества и различия. А именно ноль и единица. Метафизические аллюзии чисел нуля и единицы. Надо сказать, что он самостоятельно развивал теорию универсального исчисления, согласно которой можно было бы построить машину, которая могла бы мыслить. Ну как мыслить? Она могла бы помогать людям выбирать правильные идеи. Ну то есть, например, у нас с вами спор, мы подошли к этой машине, чик-чик-чик, она нам высчитала, кто прав. И мы все согласились. Ну типа, ну это же машина, нам не надо дальше спорить. То есть чувствуете, наше различие важно, но надо все-таки находить форму единства, и он предлагает создать такую машину. Понимаете, да? Про образ чего это было. Но она у него не получилась, она, как бы, осталась незавершенным проектом, но в ходе работы над ней он выходит на принцип нуля и единицы, то есть двоичного исчисления. Он за него очень радует, говорит, что это очень удобное вычисление, предлагает его всем домам, там пишет письма, в смысле королевским домам, пишет письма ученым, говорит, давайте пользоваться нулевой единицей. Но он не хочет применить ее для этой машины для мысли, то есть пока вот этого соединения не произошло, ноль единицы и вот эта машина для мысли. Но это не арифметр, это как бы проект уже именно думающей машины. Но тем не менее Лебниц как-то на этом нуле и единице привлекает его очень серьезное внимание. Почему? Потому что в этот период, тесно общаясь с азиятами, он обнаруживает в их письмах, там разного рода публикациях, он обнаруживает учение и дзин китайское. Но они же в этот период активно ездят по миру, активно там участвуют в миссионерской деятельности, в образовательной деятельности. И вот доносят до Европы разного рода сведения о других культурах. И, кстати, Лебниц очень ценил китайскую культуру, считал, что она самая продвинутая. И считал, что Россия, почему он так интересовалася Россией, участвовал активно в ее жизни, научной жизни, он считал, что Россия это будет главный мостик между вот этой великой китайской культурой и европейской. Он как бы предлагал такие политические проекты и российским правителям, и китайским, и так далее. Вот такая у него была идея интересная. И плюс ко всему вот это вот ноль и единица получает у него метафизическое значение, потому что Идзин, это книга перемен китайская, она в определенном смысле, ну, тоже может быть интерпретирована в этой логике двузначной, да, почему? Потому что, ну, если вы когда-нибудь посмотрели, что это такое, там такое гадание, которое, ну, типа, король, в смысле, как сказать, орел-решка, ну, теснули единица, или, то есть там вот эти парные две, как бы, два элемента, как бы, противоположные, они играют ключевую роль. И он им предлагает дальше пользоваться этими элементами, тем более, что это очень хорошо сочетается с его метафизикой. Он, кстати, мечтал, что вот ему медаль дадут, когда он уйдет, и на ней будет надпись «Все может быть выведено из ничего, все, что нужно, это единица». Лебедь пришел к выводу, что лучший из возможных миров, наверное, вы слышали, да, идеи лучшего из возможных миров, то есть, ну, миров может быть очень много, Бог может состоять любой мир, может быть состоит миллиарды миров, для него это, что называется, не проблема. Вот. Но мы живем в лучшем из возможных. Это мир, в котором огромное разнообразие явлений следует из минимально возможного числа предпосылок. А из нуля единицы можно вывести бесконечное количество

других чисел, умозаключений и так далее. Поэтому его так порадовала китайская книга перемен, которая, по сути дела, любое состояние опишет вот из этих двух элементов, парный пример. В метафизическом смысле у лебницы нуль это и есть тождество. Ну, смотрите, все сливаются и превращается в ноль. Это полная конкурентность. Мы, условно говоря, тождественные, и это делает, ну, как сказать, если мы абсолютно тождественные, то мы неразличимы, правильно? То есть мы есть нуль. Но Бог, говорит лебец, когда взывает к бытию, когда говорит кому-то, кому-то, будь, то он осуществляет различие. То есть чувствуете, он ноль как бы перестает быть нулём, появляется единица. Всё, что существует, говорит лебец, существует лишь благодаря различию, неконкурентности. Поэтому все люди видят мир как бы из центра мироздания. Ну, наверняка, вы это и по себе замечали. Складывается устойчивое ощущение в ходе жизни, что, ну, я в центре мира. Не в смысле, я там главный или какая-то ещё, ну, просто я всё вижу вот из своей позиции, а все остальные это как бы периферия, да? Ну, как бы это вот, они наверняка, ну, ну, как сказать-то, ну, понятно же, что я наблюдаю мир, и вот я как бы из него, я в центре этого мироздания. И только, ну, будучи уже взрослыми, мы понимаем, что ведь точно так же и другой человек воспринимает, он центр мироздания. Ну, условно говоря, давайте современную лексику применю. Я как бы реальный игрок, да? А остальные кто, получается, эти самые, да? Списывая слово. Подскажите мне, не игровые персонажи, как? NPC. NPC, да. Все остальные NPC. Я как бы, ну, я-то реальный, да, остальные NPC. Вот примерно так же, ну, я огрубляю очень, преувеличиваю. То есть, каждый так думает. И Ленин в этот момент очень уловил и говорит, что душа Испонада, такая вот единственность, которая наблюдает мир, отражает его. и вся совокупность знаний, это, по сути дела, синтез знаний разных монад. То есть, все действительно в центре, действительно все в центре мира. То есть, вот столько, сколько нас, душ, столько и монад, столько, простите, и центров мира. И получается, что мы все смотрим мир, как бы, из своей позиции, да? Из своей позиции. Нам видно, несколько иначе мир, чем вот другим. И в этом наша ценность говорит о. Монада есть перцепцию, аппетитус и виз, то есть, восприятие, стремление и сила. Вот это и есть устройство мироздания. А чтобы сочетать все эти взгляды из разного, это означает найти возможность из миров, возможность этого сочетания. И вот наш мир, это лучший из таких вариантов. Понимаете? Бытие означает различие, но ведь это означает основу для противоречия. Мы же по-разному видим мир. Значит, мы в чем-то будем противоречить друг другу. Значит, в чем-то будет страдание, потому что противоречие могут дорастать до страданий, до зла. И Ленин говорит о том, что надо мужественно принять это обстоятельство, ну то есть то, что в мире есть зло, потому что зло – это плата за различие. Это плата за вот это неизбежное смещение смысла, которое возникает благодаря тому, что мы каждый в своем центре, мы каждый не NPC. А Бог – это трансцендентный субъект, его творение, поэтому наилучший из миров. Не потому, что в нем все довольны, ничуть не бывало, не потому, что в нем нет зла, он говорит, это нелепая фантазия. А потому, что все остальные формы единства различного, единства различающегося, невозможны. Ну, или они как бы, они возможны для Бога, но невозможны для того, чтобы это было наше, нашим существованием. Бог же сам есть бесконечное различие, бесконечное разнообразие, бесконечное богатство. Поэтому никогда не было изначального тождества, никогда не было изначального нуля, а бытие и сразу же взрыв разнообразия. Ну, по-моему, очень красивая философия, я не говорю, что там одна единственная история, но она красива, как мысль. Вот, но скажем честно, все-таки тому времени такие мысли были еще

пока не созвучны, он как бы вперед смотрел. Для научного познания все-таки 17-18 веков, куда было важнее найти сходство, то есть тождество явлений в качестве законов природы. Но, смотрите, все равно, я хочу подчеркнуть, философское мышление уходило в этот момент в разрыв с научным. Как бы наука, философия разделялись, эмансипировались друг от друга. Вы же понимаете, что это сыграло науке огромную пользу. Если бы науке до сих пор занимались философы, ну, мы не знали бы науку в той форме, которую мы знаем сейчас. Хорошо или плохо, мы оценок не ставим, но тем не менее, определенно нужно было, чтобы когда-то наука разошлась с философией. И вот в таких вот идеях, да, в идеях там Леменца, несмотря на то, что они много сделали для науки, но все-таки философия эмансипировалась от естественно-научных исследований. А сама философия тем самым продолжает исследовать разум, анализирует, как отражает разум реальность. Вот. И постепенно выходит к мысли, которые сегодняшние ученые в тот дом разделяют и даже понимают. Речь идет о том, что реальность все-таки разумом конструируется, а не просто отражается. Да, не просто пневма, там, глаза попадают или еще что-то там, какой-то образ. А все-таки мы конструируем реальность.

Гоббс и Юм

Он утверждает, что разум сам конструирует причинность. мы не можем утверждать, говорит философ, что причины и следствия это свойства самой реальности. Реальность может быть устроена как угодно. То есть сегодня, например, после дождя земля мокрая, завтра, после дождя земля мокрая, и миллионный день происходит все точно так же, земля после дождя мокрая. И мы говорим, что дождь здесь причина намокания земли. Но на какой-нибудь день может случиться по-другому. Но только Юма это не всемогущество Богу отсылает, а просто к определенным, ну как типа, давайте, говорит, будем здраво смотреть на свою позицию. Мы не знаем реальность во всей ее полноте. Мы же не будем жить, ни один из нас не будет жить там 50 миллионов лет. Скажем, не один из нас, ни один из нас миллиона жить не будет. Но имеется в виду, что мы же не узнаем то, что будет, вот, ни один из нас не узнаем, то, что будет там какую-нибудь такую эпоху или было. Поэтому давайте просто примем, что причинность это наша привычка разума. Мы ищем вот эти привычки, ориентируемся на них и тем самым конструируем знания.

И. Кант

Во многом на основе его представлений формируется позиция Канта. Кант очень сложный мыслитель, очень такой, как бы это сказать, красивый, красивый, да. Почему? Потому что там прям все соединено, все в одну красивую конструкцию, все как бы, знаете, красивая архитектура, она выстроена, идеально, не подкопаешься, стоять будет вечно. И все-таки позиция Канта стоит вечно. Как его не пытались разобучить, как его не пытались оспорить, патиковать, Кант все-таки стоит столь же твердо его здание, его философию, как и в самом начале своего появления. Так вот, Кант радикализовал идею субъекта в контексте свободы. Субъект, говорит он, это тот, кто не предумышленный, не специально, но все-таки сам формирует, сам конструирует свой предмет. Иными словами, действительно, только постольку, поскольку разум сам конструирует образ реальности, человек свободен. Потому что, если не сам, то тогда на него влияют либо там какие-то, в общем, какие-то воздействия он испытывает, и, соответственно, ну какая же свобода? Где же свобода личности, если он не сам,

не самостоятель? Вот интересный момент, То есть чувствуете, это все-таки за- слоны все от принципа магии. Если мы возьмем позицию Канта, то никакая магия вообще невозможна. Вообще, принцип. Как бы его не полюбили, товарищи, возрожденцы. Смотрите дальше, что он рассуждает. Почему так важен принцип свободы? Наука, а он сам был ученым, у него был, так называемый, докритический период, когда он был астрономом, ну то есть создавал физические, астрономические концепции. И они до сих пор некоторые работают. Поинтересуйтесь этим моментом специально, я не буду покружаться, меня он интересует как философ в данном случае. Вот. И Кант, будучи ученым, прекрасно знал, что наука существенно продвинулась в понимании таких вот механистических процессов. Механика же это представление о линейной причинности, ну условно говоря, А толкает Б, Б толкает С, С толкает Д, все подчинено вот этой вот линейной причинности. Причем одна и та же причина всегда порождает одно и то же следствие. Наука того периода, ну Ньютонская, чуть позднее скажем об этом, она ведь как сказала, если у частицы та же самая масса, она толкает, не толкает, она движется с тем же самым импульсом, то это в принципе даже неразличимые частицы, да ведь? То есть они, все, масса импульсов падает, мы даже не будем говорить там о том, что, ну там, какие-то цветы, например, различаются у частицы. Вот. Действия и противодействия, вот что мы должны изучать. А Кант задает вопрос, а как быть тогда с событиями морального характера? Если мы говорим о выборе и ответственности, о свободе, да, потому что свободен только тот человек, кто на самом деле может позволить себе, ну, например, даже пожертвовать собой. Это его выбор. А если он этого не может делать, почему? Ну, например, потому что боится смерти, значит, он не свободен. Или, например, он дал милости на него, потому что, например, у него такая жалостливая натура. Ну вот он очень эмоционален, но он плачет от любого, он увидит что-нибудь в несчастье, как он человек, плачет он, да, вот такое. И он просто не может быть. У него последняя копеечка, вот она последняя, но он настолько жалостлив, настолько у него вот это вот чувство, как сказать, сострадания развито, что он это последнюю копеечку отдаст. Так вот, по канту, это не свободный поступок. Это поступок под действием причин и следствия. Вот эта вот жалостливость стала причиной его действия. Значит, это не свободный поступок. Его можно оценивать как угодно хорошо, но он плох тем, что он не свободен. Тогда как по-настоящему свободный поступок, это когда я поступаю, например, ну, даю милость мне, не из жалости, да, ну, то есть я как бы понимаю, что да, действительно, ну, то есть как сказать, меня не толкает собственная жалостливость. Это мой выбор свободный. Я могу дать, могу не дать. И понимаете, да, я могу, там, ни под каким дурманом я не нахожусь и жертвуя собой не потому, что у меня какой-то там, не знаю, какое-то воздействие на меня оказали либо идеологические, либо там, не знаю, там, магические, как угодно. А я жертвуя свою жизнь, например, будучи военным, да, потому что я действительно выбираю защитить вот тех вот людей, которые за моими спинами. Это мой свободный выбор. Вот конкретно очень. И поэтому принцип свободы и принцип вот этого вот самостоятельности решения для Канта очень важен. Но как быть, наука говорит, все подчиняется причинам и следствиям. Все. Как быть со свободой? Ведь свобода это риск принять то иное решение. И разум должен быть сам себе законодателем. Это и есть совершеннолетие мюндишает разума, согласно Канту. Причем свободны все. Никто не может восприниматься как средство для достижения цели, ведь каждый сам реализует свой выбор. Это вот этика Канта основана на категорическом императиве. Категорический императив. Давайте я оставлю эту тему у нас вопрос не по этике, но вы, пожа-

луйста, запомните, категорический императив это крайне важно. Я иду дальше. Наука не видит возможности для свободы. Казалось бы, ну, давайте откажемся от науки, чтобы сохранить концептуальную возможность свободы. Но Кант, в чём его действительно открытие, он идёт другим путём, критическим, то есть путём внимания к нашему разуму. Он соглашается с тем, что причина это наша способность видеть реальность так, а не иначе. Реальность, как она нам является, и он вводит понятие феномен. Реальность, как она нам является, феномен. И вот феномен это то, что, ну, мир для нас. Но мы должны допустить, что реальность сама по себе, для себя, в себе, ноумен, и она может быть совершенно иной. Ну да, то есть мы видим, что всё подчиняется причинам и следствиям, всё разворачивается во времени, а время и есть категория причин и следствия, если так думаться, что вот, ну, вот реальность такая, какой мы и видим, она, это феномен, это просто то, как нам является, а реальность сама по себе может быть, например, вне категории времени, то есть всё есть сразу, всегда и везде. Она может не подчиняться, тогда она и не будет подчиняться категории причин и следствия. Вспоминайте этот самый Нолоновский «Интерстелл», да, помните, как там он изобразил, ну, они там изобразили, вся команда изобразили, вот это состояние пятого измерения, когда всё сразу есть, да, там же, чувствуете, категория причин и следствия, всё меняется местами, всё становится, ну, как бы уже не выстраиваться в линейку, одно следует за другие и так далее. Невозможно, что времени-то нет, что будет раньше, что дальше. Ведь причина – это то, что раньше следствия. А если категория раньше, позже не существует, вот, мы должны допустить, что мир, реальность сама по себе не та, которую мы воспринимаем. Познать Ноумен нельзя, говорит Кант. Вот такой запрет. Вещь в себе непознаваема. Ноумен – это вещь в себе. Вещь в себе непознаваема. Это допущение Ноумен, которое позволяет не видеть реальность глазами только науки. Понимаете? Сейчас я посмотрю у нас в данном случае этот статус твоего дела. Да. Есть тут цитаты кантовские. Достаточно много. Понятие Ноумена взято чисто в проблематическом значении, остается не только допустимым, но и необходимым. Наш рассудок приобретает... Ну, в этот случай его читать сложно, я даже не буду зачитывать. Потом почитайте, ладно? Сами попробуйте разобраться. Если хотите понять Канта, ну вот, и не вчитываться прям, это сложно, я понимаю, сейчас не до этого. Хотя вы вступление прочитайте. Вот вступление, там очень много лица. Критики чистого разума. Вступление. Предисловие критики чистого разума. Много даст вам. Уже. Даже это уже будет много. Так вот, смотрите, дальше. А как же разум формирует эту картину реальности? Разум формирует картину реальности с помощью тех инструментов, которые в него встроены. Понимаете? Я слово инструменты беру в кавычки. Инструменты, которые встроены в каждый наш разум. Ваш, мой и все такое. Это и есть то, что Канта называет трансцендентальный субъект. Не буду сейчас покружаться. А что это за инструменты? Это априорные способности. Априорные. Априорные, то есть доопытные. Доопытные. Нам не нужно какой-то опыт получить, чтобы эти инструменты приобрести. Что это за способности? Первое, пространство и время. Вот пространство и время, это не то, как мир существует сам по себе. Это то, как разум ощущает действительность. Это тот инструмент, которым разум может эту действительность нам дать для осмысливания, для понимания. То есть определенная конструкция возникает, вещь для нас. Канта называет это априорные формы чувственности. Я понимаю, что сейчас я вам это все не объясню и не сделаю так, чтобы все стало понятно. Я просто набрасываю пока то, с чем вы будете разбираться. Конечно, спросите еще на семинарах. Будет там какой-то другая монада вам объяснит, которая видит

мир с другой стороны, да, и расскажет вам, как это. По-другому расскажет. Собидашься, срезонируйте. Кто-то срезонирует с моими объяснениями, кто-то и так далее. Смотрите, вот еще раз. Пространство и время это априорные формы чувственности. То, с помощью, те инструменты, с помощью которых мы формируем вот такой, а не другой, такой, а не другой вот образ действительности. Помимо форм чувственности, большую роль играет и способности рассудка, то есть категории. Категория причинности, необходимости, количество, качество отношений и модельности. Это априорные формы рассудка. То есть смотрите, когда мы пытаемся о чем-то судить, разобраться в чем-то, мы хотим, мы невольно ищем, во-первых, а что было причиной, а каковы следствия. Кант говорит, кто вам сказал, что в реальности это есть. Тем более, что в реальности у одного события никаким образом ни одна причинность, даже если так разобраться. Совокупность немыслимого количества обстоятельств может быть интерпретирована как причина. Но мы же, мы так устроены, что мы найдем какую-то одну причину, выделим ее в качестве главной, назовем это причиной. Ну, вот это как бы такое грубое объяснение. Априорные формы чувственности и рассудка принадлежат субъекту. Они не субъективны, в том смысле, что у одних один образ реальности, у другого другой, у третьего. Они субъектны. Это не индивидуальные особенности восприятия, это то, в чем мы единообразны. Так нас просто разум устроит, человеческий разум. Кант говорит о человеке как таковом. Так вот, наука выходит только на мир явлений, где можно говорить о времени, о форме пространства, о причинах и следствиях. Анализирует мир тел и отношений. То есть она погружается в явления глубоко, но все равно будет упираться в самое дно. А это дно есть наш разум. То есть те конструкции, которые в него встроены, те инструменты, которые в него встроены. Даже само понятие природы возможно только потому, что так, а не иначе устроен наш разум. Таким образом, Кант на самом деле додумал до конца концепт декартовского субъекта, самости, категорию свободы. Субъект это не тот, кто выбирает, кто является, выступает лишь пассивным началом. Ну, то есть просто воспринимает. Кант это не субъект, правильно говорит Кант. Вот только если ты конструируешь реальность в некотором смысле, набрасываешь на него сеть, свою сеть понимания, то это означает, что ты являешься свободным познающим разумом. Вообще свободный. Да? Принцип свободного субъекта предполагает, что ты сам конструируешь свою реальность. Но при этом чувствуете как до этого понять. Хочешь быть свободным субъектом? Будь. Но только тогда прими следствие этого, прими неизбежное концептуальное следствие, а именно мир сам по себе, реальность сама по себе от тебя скрыта, она непознаваема. Реальность сама по себе в этом случае, если ты самостоятельный свободный субъект, для тебя непознаваема.

9.3 Формирование экспериментально-математического естествознания в XVII-XVIII вв. Основные черты классической научной картины мира

Все, что мы связываем с современной наукой, это вот как раз вопрос о формировании экспериментально-математического естествознания.

Новое время — это эпоха, когда закончился натурфилософский этап развития науки, который связан с методом умозрительности, метафизические концепции, временами, которые даже уходят в какую-нибудь там герметизм.

Метод классической науки — это новый тип рациональности, новый тип разумности

Кеплер. Переходный период между наукой прежнего типа и наукой нового времени. Трактат «Новая астрономия»: «Моя цель в том, чтобы показать, что небесная машина должна быть похожа не на божественный организм, а скорее на часовой механизм. Я показываю, каким образом физическая концепция должна быть представлена посредством вычисления и геометрии.»

Он усиливает то, что сделал Коперник, взял и математически устройство Вселенной, предложив гелиоцентризм. При этом не сама идея гелиоцентризма была прорывной, а обоснование этого математически.

Вот эту линию продолжает Кеплер. И при этом продолжает ее в духе механицизма. Механицизм это когда мир похож на механизм. Само по себе машина мундий, вот это выражение, это античное выражение. Его придумал еще Овидий, по-моему. То есть, его используют в Средневековье, называя мир машиной. А вот новая наука начнет это говорить почти буквально, что, ну почти буквально, совсем буквально, что мир, скажем так, гораздо больше похож на машину, чем на все остальное.

Но тем не менее, конечно, для самого Кеплера большое значение имело со всеми последствиями теория пневмы, то есть, теория эфира. Тело Солнца является источником силы, приводящей в обращение все планеты. Почему? Потому что оно испускает эфир, который формирует водоворот, он охватывает всю Вселенную.

Все небесные тела у него обладают душой. Они реагируют на определенные гармонические пропорции. Душа является системой резонаторов по его концепции, а эти резонаторы можно писать математически.

Галилео Галилей. Человек такой, трезвый, мыслящий, несклонный к излишней метафизичности, вот, он искал простые математические формулы, которые соответствуют наблюдаемым эффектам.

принципиальная новизна его подхода заключалась в том, что следствия этих формул должны были проверяться специальным экспериментом.

он сознательно выбирает новый метод и противопоставляет методу умозрения, то есть, аристотлевскому методу, противопоставляет метод Архимеда. Галилей пишет об этом, что надо брать за основу метод Архимеда, потому что Архимед, хотя и выстроил свое положение в виде аксиом, но справедливость этих аксиом, он обосновывал не логикой или умозрением, а практикой.

То есть, например, вот есть аксиома, что рычаг работает в зависимости от пропорции длины рукавов, ой, простите, плечей, да, каких рукавов, плечей. Вот. Он выстроил такую математическую формулу, создал, грубо говоря, какую-то аксиом определенную, а затем он строит машину, машину, буквально машину, которая подтвердила бы или опровергла это положение теоретическое. Вот, по сути дела, именно это Галилей называет механикой, чувствуете, потому что механикой свою работу называют Архимед, он механик, да, он не какой-нибудь там арестователь, умозрительные конструкции, он механик. И Галилей, поэтому свою работу тоже называет механикой. И он призывает механиков-то опираться на конкретные математические расчеты.

В диалоге о движении Галилей резко раскритиковал метод Аристотеля, ну, конечно же, нашим врагов университетских, потому что университет до сих пор тогда еще живет по законам, что называется, физики Аристотеля и тому подобное.

Вот. Он был немножечко бунтарем, читал лекции на разговорном итальянском языке, не на латыни, за исключением сложных доказательств. Их он излагал на латинском, чтобы математические выводы могли и, ну, как бы все более такие образованные читатели осознать.

в 1632 году была опубликована книга «Диалог о двух главнейших системах» Птоломейской и Коперниковской, в которой Галилей кроме разговора об астрономической картине мира много внимания уделяет именно физике. Он опровергает аристотельскую концепцию движения в этой работе, формулирует принцип относительности, то есть внутри равномерно движущейся системы все физические процессы протекают, так же, как и внутри покоящиеся, то есть мы не заметим движение, если будем равномерно двигаться.

Постольку, поскольку он опирался на Коперниковскую книгу, которая находится в индексе, находилась в индексе запрещенных книг, туда она попала, почему? Напомню, потому что в этой книге святая палата узрела магию. Помните? Джордана Бруно Солнце, такой вот магический новый бог, который в центре мира, в центре мироздания. И Коперник говорит, что Солнце в центре мироздания, разбираясь они не стали. Все, что в центре мироздания, не все работы, которые там ставят Солнце в центр мироздания, это еще одна очередная магическая работа, поэтому все в интере запрещенных книг.

Но Галилей в своей работе честно говорит, а он был каноником, он был как бы церковным человеком. Он говорит о том, что нет, неправильно, Коперник не говорил ничего про то, что вот там Солнце это новый бог. Коперник просто математически рассчитал то, что рассчитал, и это очень правильно все это работает. И я обосновываю на основе принципа Коперника вот как раз гелиоцентризм. И, конечно, его за это не осудили бы, вот вплоть до какой-то смертной казни и тому подобное. Ничего подобного и не было.

Галилей и инквизиция, тема интересная вообще на самом деле. На Галилея наехали на самом деле иезуиты, очень серьезно наехали. Вот если бы иезуиты довели до конца своего расследования, то вполне возможно Галилей бы поплатился жизнью. Почему? Потому что его-то обвинили именно в. Дело в том, что Галилей написал книгу о присуществлении, ну то есть это превращение хлеба и вина в кровь и тело Христа. Причем там не было никаких антирелигиозных, антицерковных идей. Он просто по-новому трактовал. Чисто вот религиозно, она даже никак не входит в список научных работ в Галилее. Из-за этого он столкнулся с иезуитами очень серьезно. Иезуиты пытались его арестовать, вот так вот, посадить его в тюрьму.

И за него вступил один из друзей, Папа Римский. Папа Римский был друг Галилея. И чтобы спасти его от этого, что называется, суда, его подвели под другой суд. Суд о том, что он использовал в своей работе книгу из индекса запрещенных книг. Галилей сказал, все понял, осознал, признал, исправлюсь. Вот. То есть, ничего ему не грозило, он понавили хозяина тюрьмы, не хозяин, а директор, начальник тюрьмы просидел, положенный сок, вышел из этой тюрьмы совершенно здоровым, но полных сил, никаких не было над ним пыток и истязаний, ничего это не поддерживает ни один исторический документ, это опять пытанка очередная.

То есть, я не говорю, что он не подсказал от религии, да, потому что иезуиты тоже религиозные народы, но нет, нет инквизиции, скажем так, инквизиция в этот случай его как раз спасала. Вот, он вышел и после уже выхода из тюрьмы написал свою главную, еще одну главную работу, начало и получил признание очень такое, ну, почти, всеевропейское, это точно, был очень популярен, и, что называется, не вышел каким-то разбитым стариком, это неправда.

Галилео Галилей, положил начало процессу инструментализации науки. Двухчленное отношение наблюдающий—субъект (наблюдаемый объект), дополнился теперь третьим — научным прибором.

Вообще, в это время к теме прибор, как предмет, с помощью которого мы видим мир, получает свое очень такое активное развитие. Долгое время исследующие мир старались не использовать никаких, ни линз, никаких очков, очки были изобретены в Средневековье, и мы видим много портретов, когда люди в очках, но вот в качестве исследователей очки или линзы старались не использовать, потому что считалось, что они вносят искажения (потому что очки задерживают пневму, искажают).

Галилей отбросил концепцию пневмы разного рода, отбросив и эти беспокойства.

это вечная проблема, но на определенный момент Галилей ее решил и создал очень большое количество приборов, в том числе механических.

все это потребовало, во-первых, как сказать, само время. Развитие военного дела поставило задачи расчета оптимальной дальности полета снаряда, артиллерии же, да, уже, всякие другие динамические проблемы. Кто будет решать? Будет решать ученые, разумеется, все эти расчеты производить.

Вот. Дальше подзорная труба крайне была важна, да, опять же, ну, военное дело создает техническую науку, а военную, вот эту подзорную трубу можно же превратить в телескоп, да, соответственно, появляются специфично научные инструменты, то есть инструменты как таковые, видите, военные не парились, я там вижу, пневма там мне фантазм дает, или я вижу, я просто лучше вижу, я вот так вот приглядываюсь, вижу там, кучку людей, а когда я приглядываюсь, я в этой кучке могу разглядеть уже где там, понимаете, да, вопрос об ней у военных не стоял, и поэтому они сказали, так, все делаем, и не паримся, а соответственно, ну, вот это как бы более трезвомыслящее отношение к прибору, потом и в научный, как бы, курс тоже смещается.

Изобретение микроскопа сразу же положило начало микроанализу, да, из крупнейшей открытия в самых разных областях, итальянский биолог, мальпиги, исследует строение внутренних органов животных, вписывает структуру растений.

Роберт Гук усовершенствовал микроскоп и пришел к выводу о клеточном строении растений, даже вводит понятие клетка,

тут же нужно упомянуть биолога Левенгука, очень важная, да, фигура, пожалуйста, уточните, проанализируйте, поисследуйте эти, о роли этих имен, этих людей.

Для развития физики большое значение имело изобретение телескопа.

первым вариантом был телескоп, более ранний там, его авторы, Литл Сгейм и Литл Сгейм, не помню, второй, зрительная труба, а вот следующий шаг, это был Галилеевский телескоп, и, в общем-то, благодаря нему увидели, ну, Луну в совершенно новом облике

Особую роль играли появление механических часов с более точными делениями, да, то есть, когда уже там минутная стрелка, не просто час, но минутная стрелка, для физики это крайне важно, чтобы исследовать динамические характеристики.

Эвангра Агаций, он предлагает даже имя собственное для современной науки, вот чтобы, понимаете, не путаться с тем, что наука в античности, наука средневековья, наука нового времени, он предлагает имя для собственной, ну, то есть, собственное имя для современной науки, называет её технонаука, потому что, говорит он, эта наука, и приходится с ним согласиться, она уже имеет

дело не просто с реальным миром, она имеет дело с реальным миром, преломившимся через научные приборы.

Одной из важнейших его книг является беседой доказательства, касающихся двух новых наук. Это была научная сенсация. В ней, этой книге, он как раз вводит определение силы, скорости, ускорения, равномерного движения, инерции, средней скорости, среднего ускорения, импульса. И многие исследователи считают, что теория импульса «Галилея» это переработная теория импетуса средневековых схоластов, мertonских схоластов.

Исаак Ньютон. Он родился в год смерти Галилея, в своём труде «Математические начала натуральной философии» обобщил открытие Галилея и добавил к ним третий закон, закон всемирного тяготения.

Он активно занимался алхимией. То есть Ньютон как раз это такой учёный, который не перешёл ещё из прежней науки в тип новой науки. Да-да-да, вот как ни странно. Вроде, эта наука новая, типа называется ньютонаанская, но сам-то Ньютон был алхимиком по преимуществу. Более того, когда ему прислали письмо, Роберт Гук прислал ему письмо, предложил Ньютону решить ряд проблем вычисления теории планетных движений. А в ответ Ньютон написал, что в его возрасте затруднительно заниматься уже всякой ерундой. Его куда больше интересует алхимия. И вот он просто, в силу того, что он был талантливым человеком, мыслительно талантливым, он предложил Гуку поставить эксперимент по проверке теории Коперника.

он начал решать задачу, которую ему Бог послал. Вот. И создал вот новую механику, Мирренскую механику. Было отчётливо сформулировано сам подход к природе, да, то есть к тому, что нужно, понимаете, какой был подход. Помните, знаменитая Ньютоновская, я не изобретаю гипотез, я гипотез не измышляю. То есть, давайте будем анализировать только то, что можно эмпирически наблюдать и описывать это.

Ньютон в предисловии к первому изданию говорит, новейшие авторы, подобно древним, стараются подчинить явление природы законам математики, но в данном случае он говорит законам таким умозрительным, а я же намерен заниматься тем, что относится к силам, притягательным и напирающим.

То есть, естествознание позиционируется как исследование сил, математика в нём не цель, а средство, метод. Галилей проводит серию опытов с маятником, ну, чтобы проверить выводы Галилея, убеждается в этих, ну, в том, что Галилей прав, как сказать, обобщает эти выводы, выводит категории массы как единственной причиной гравитационного взаимодействия, масса — это нужные свойства вещества, вес — это сила тяжести, действующая на тело, то есть динамика Ньютон, да, она позволила решать любые задачи о положении движущегося тела. Вот. В этом важно. Положение движущегося тела. И реальность стала рассматриваться как совокупность движущихся тел. при этом пространство и время абсолютно. Это вместелище этих тел. Сон, что абсолютно это означает, что они никак не влияют на сами движения, да, этих тел. Они безотносительно, так называемые, к движущемуся телу. Все движения рассматриваются механическими, то есть они могут быть подвергнуты количественному анализу.

При этом, когда его спрашивали, а его очнити на спрашивали, ну, а вот это всемирное тяготение, это, благодаря которому яблоко падает на землю, и луна падает, бесконечно падает на землю, и другие небесные тела находятся в состоянии вот этого всемирного тяготения к другим телам, как его понимать? Но вот тут Ньютон ускользнул от ответа и придумал эту концепцию. Я не измышляю гипотез. Потому что он был бы вынужден сказать, что вот это всемирное

тяготение им понимается самим, всё-таки магическим.

Как вот эта вот всеобщая связь у Джордана Бруно. Да?

Для него, вот как бы, он же не случайно был химиком, это была сфера его интереса, главная сфера его интереса, по большому-то счёту. Вот. Для него абсолютное пространство, вот это вот, в котором осуществляется тяготение, это, по его выражению, «sensorum dei», то есть чувствище Бога. Это некое, скажем так, ну вот, тело Бога. То есть, если мы с религиозной позиции отнесёмся к Ньютону, ну, не обратимся к Ньютону, то станет понятно, что, конечно, он еретик. Ну, то есть, он разделяет позиции пантеизма, пространство — это божественная самореальность, некатегория времени, отсюда и дальнодействие, принцип дальнодействия.

То есть, например, вот, упавшее яблоко на землю действительно перераспределяет весь вот этот вот расклад сил во Вселенной, причём мгновенно, мгновенно, сразу же, не там, не на волнах эфир, а вот мгновенно и сразу же, просто Вселенная знает. Почему знает? Потому что это и есть тело Бога, чувствище Бога.

в основном прикали за принцип дальнодействия и за то, что он, ну ты давай, объясни, что это за всеми текотениями. А что, посредством чего он осуществляется? Поэтому очень долгое время в Европе всё-таки рулила теория Декарта. Декартовская концепция признавалась всеми, ньютоновская далеко не всеми. И критерием истинности закона тяготения Ньютона, вообще теории механики Ньютона, да, стал вопрос о форме Земли. Согласно теории Ньютона, она должна была быть сплюснута с плосов. По теории Декарта она должна была быть вытянута.

И вот поэтому, чтобы выяснить правоту либо Ньютона, либо Декарта, была проведена специальная, вот специальная экспедиция в Перу и Лаплангию. Она подтвердила сплюснутость полюсов и всё, ньютоновская теория победила.

В научных теориях того периода ещё много того, что мы назвали бы метафизическим или даже герметическим.

, но существенные изменения коснулись самих подходов к науке, потому что меняется культурно-исторический контекст. И вот какова же научная картина мира, новой реальности.

Что такое научная картина мира?

Что она включает?

категория причинности, то есть жёсткий детерминизм или лапласовский детерминизм. Детерминизм, это означает причинность. Почему она жёсткая? Поэтому что вот она, одна причина, одно следствие, вечная, неизменная вот эта вот связь. Дальше всё это выстраивается в линейную причинность, во времени разворачивается. и, соответственно, если мы знаем, как говорил лаплас, положение всех частиц в определённый момент времени, знаем их массу и знаем ускорение, с которым, ну, там, какое-то действие на них оказывается, то, вернее, знаем импульс, да, ускорение, то мы в итоге можем проследить эту причину и следствие как глубоко в прошлое, так и далеко в будущее. То есть мы знаем всё, мы можем узнать всё. Нам нужен только такой разум, или, ну, в общем, да, такой разум, который бы мог удерживать в своей, как говорится, в своей памяти, в своих расчётах положение всех частиц и их массу импульс. Тогда всё, мы можем, например, описать состояние мира через 200 лет, ну, в абсолютности, то есть где вот какой конкретный человек, там, где конкретная сущность.

линейный детерминизм, он напрямую связан с категорией деизма. Деизм — это религиозная позиция, противостоящая принципу теизма: Бог личность, который постоянно участвует в реальности, постоянно её как бы, ну вот, че-

рез чудеса, через другие какие-то моменты он управляет реальностью. А деизм предполагает, что вот всякие разные, как сказать, внеплановые, внеплановые воздействия на реальность исключены, даже божественно. всё, ничего уже больше не вот эту вот машину, она заведена один раз, машина мира, и она фурычит. Нам нужно лишь выяснить, как она устроена, тогда мы сможем её управлять.

Вот, она фурычит, и вот тут, конечно, механицисты разделились, одни, механицисты разделились, одни говорят, ну, эту машину Бог заводит каждый раз, еще не каждое мгновение, она, да, она построена им однажды, но он заводит её каждое мгновение. Например, Лейбниц был таким механицистом, он говорит, нет, что Бог заводит каждую часть, то есть Лейбниц не был деистом,

Он (?) был деистом, потому что он говорит, что один раз Бог завел эту машину и больше не вмешивался, но даже не важно, кто был деистом, просто эта позиция разделялась многими.

Кант был очень против деизма, он говорил, что деисты не отвергают веру в Бога, но они признают лишь первосущность или высшую причину, да, то есть Бог это первая причина, а дальше он не вмешивается. Но он говорит, что справедливый будет сказать, что деист верит в Бога, а атеист верит в живого Бога. Ну, сам, конечно, был не деистом.

Деизм, как религия, довольно быстро умер, не очень строго рассказывал про религиозную реальность.

Принцип редукционизма. Редукционизм означает, что реальность выстроена, начиная с элементов малых, то есть от малого к большому, снизу вверх, и узнавая, как, как сказать, узнавая специфику взаимодействия малого, ну, например, молекул, там, атомы, да, мы в конце концов узнаем характеристики целого.

Редукционизм противостоит холизму, то есть это противоположная позиция, согласно которому свойства целого определяют свойства элементов.

Это две методологические стратегии, которые борются в истории науки, истории мировоззрения, ну, то есть они вполне себе такие противо, ну, как сказать, противоречащие другу, но вот расцвет редукционизма это, конечно, этап механицистической науки, картины мира.

О появлении статистики. Наука нового времени активно изучает теорию случайных явлений.

Ну, вы понимаете, да, раз ты утверждаешь принцип линейного детерминизма, то тебе всё-таки приходится разобраться с категорией случаев, например, с игральными этими самыми кубиком, да, игральными костями. Как же всё-таки так получается, что мы не можем предсказать поведение игральных кубиков? Этим особенно занимался Лаплас, тот же самый, он и есть на столколовой теории вероятностей. Этим активно занимались многие-非常多的 исследователи. Так рождается наука статистика.

Почему статистика? Потому что совершенно в духе времени, вот в этих случайных процессах основоположники теории вероятностей нашли законы, то есть из случаев подчиняются законам. Но правда, по их мнению, это был лишь промежуточный вариант. Теория вероятности не окончательная. Мы, согласно теории вероятности, можем сказать, сколько раз из, например, из ста бросков монета упадет на решку или на орла, да, можем сказать. Но мы не можем, теория вероятности не скажет нам, какой это будет случай-то.

И по, согласно Лапласу и другим исследователям, это лишь, ну, пока тот самый демон-то не существует еще, да, вот мы еще немножко поднапряжемся и в конце концов какой-нибудь, какой-нибудь нам там интеллект поможет все-таки исключить категорию случайности и мы будем знать каждый раз, как

монета падает, да.

А другим исследователям крайне понравилось, что теперь вот этот хаос социальный может подчиняться определенным закономерностям, определенным закономерностям.

И вот здесь я фразу Кетли, это страховщик и основатель теории статистики. Он просто пишет, ну, чуть ли не религиозный текст насчет того, насколько прекрасно, что теперь вся, он даже дает категорию такую, выводит категорию социальная физика, что вся, весь вот как бы аспект связанный с волей, со всякими там разными преступлениями, ну, и вся вот этот социальный хаос, да, кто-то влюбляется, женится, там, умирает, преступление совершают, в тюрьму садится, вот этот весь хаос, оказывается, можно посчитать.

Смерть, преступление, брак, рождение детей, это область исследования Кетли, он выводит статистические закономерности в этой области и делает вывод, нет свободной воли человека ни в деле брака, ни в преступлениях, есть лишь социальная физика, подобная образец становится преобладающей, социологические исследования выходит на это, они вдохновлены идеей того, что вот в этом хаосе социальном принципиально есть порядок, а я напоминаю, что парадигма порядка, контроля, это и есть ключевая идеологема этого мира, она воплощена здимо во многих автоматах

институциализации науки, появлении науки в социального института.

дело в том, что до вот как бы определенного периода все эти фундаментальные законы природы, они были делом энтузиастов, но постепенно эти энтузиасты осознали, что требуется не просто материальное влияние для того, чтобы проводить эксперименты и тому подобное, а требуется связь с государственной властью, и они смогли убедить королевскую власть в то, чтобы, ну, вот наука интересовалась, стала областью интереса государственной власти, а так как к тому времени уже, наверное, вы обратили внимание, что наука это коллективное дело, тот же Ньютон пишет письма, да, Лебнеев пишет письма, так называемые невидимые колледжи образуются, когда вот эти письма зачитывают в публикации, понимаете, то есть уже это дело коллективное, вплоть до того, что в конце концов именно коллектив исследователей выбирает, какая теория правильная, ньютонаовская все-таки, физика-то правильная, или декартовская, помните, даже экспедицию собрали, две экспедиции, вот, соответственно, вот эта вот идея, коллективность науки плюс государственная власть формирует социальный институт науки, и ее первым взаимовоплощением становится Академия наук, они конкурировали с университетами, тем более, что университет это область тогда влияния папы по большей части, а вот, ну, а если протестантские страны, то, конечно, не папа, но все равно это может быть религиозная какая-то там мужчина, вот, а Академия это всегда связь с государством.

Лекция 10 Рождение неклассической науки

10.1 Социально-исторические и философско-мировоззренческие предпосылки кризиса классической науки. Философские основания неклассической рациональности

10.1.1 Социально-экономические и политические условия

Значит, 19 век, 19 век и вообще период далее 20, начало 20 века для многих исследователей, исследователей культуры, я про это говорю, это период социоцентризма. Вот помните, у нас был античность, антропоцентризм, средневековье, теоцентризм. Ой, простите, что я вам говорю? И не поправляете, сидите там меня. Опять никто не слушает? Я сейчас вот всем вот тут не знаю, что сделаю. Нет, я вам на экзамене сделаю. Слушаем. Так вот, давайте. Античность, космоцентризм, да, правильно. Средневековье, теоцентризм. Возрождение, антропоцентризм. Дальше новое время, это как натуроцентризм. И вот 19 и начало 20 века это социоцентризм, потому что социальные процессы, они настолько активно пролили, что невозможно это игнорировать. Все подчинено именно трансформации изменениям в социальной жизни. И, соответственно, философия такая, и новые науки социальные появляются и так далее. 18-19 век. Давайте вспомним, а где же нам искать тот самый социальный слой, там то вот народное единство или дискурс или социум, как это ни назовите, вот этих людей ресурсных, вовлеченных, но, важно, ранее не учитываемых. Кто будет двигать-то процесс? Я про это уже говорила, и мы как бы по сторонам смотрим. Сегодня это, ну, одна группа там позавчера, это другая. А вот что было в 19 веке? Это, конечно, США. Вот появилась эта страна. Страна действительно энтузиастов, как вы понимаете. Это изгои, это авантюристы, решившие построить новый Рим. Да, это действительно так, и поэтому не Колизей, а Капитолий, это не просто так. Это холм, да, и так далее. Много там не просто так. Ну, то есть мы построим не просто новую страну, где мы тихонечко будем жить. Не-не-не, это сразу же вызов. Мы построим новый Рим. И причем этот Рим изначально мыслился, не пытались они строить, не какой-то Рим, знаете, позднего периода, когда это вот, или вот, как сказать, Рим позднего США, я бы так это назвала, когда вот эти крылья Кондора пытаются в своих лапах удержать весь мир, мир сопротивляется, он его клюет и так далее. То есть это не поздний Рим такой, времен разрата и попыток удержать расползающуюся империю. Это Рим ранний. То есть в смысле работоспособности, риска тесной сплоченности и презрения к трудностям. Я немножечко сейчас в Рим погружусь, только буквально на пару минут, для того, чтобы вы поняли, что такое

США раннего периода. Удовольствие для римлян, это даже особое слово, удовольствие, это синоним соблазна, чувствуете? Ну, слово имеется в латинском языке. Добродетель для римляна, это мужество воина, именно виртус, я про него как-то говорила, вспомните. Виртус как способность менять реальность. Это мощнейший вообще ресурс человека, виртус, да? А позор – это то, что бесславно, безымянно. Даже любовь в римском языке – это рассудочность, это не какая-то там страсть или там восторг, или что-то такое это слово «выбирать». Вот о чем ранние США.

И первое, что мы должны тут вспомнить, это война за независимость 70-е годы, да, 70-е, 80-е годы 18 века, то есть 1775 и 1783. Это освободительное движение в Северной Америке, но тогда еще трудно говорить про государство Соединенных Штатов, но мы сейчас не будем это особенно акцентировать. Когда колонии, британские колонии, начали бунт против митрополии, против Британии, в ответ это произошло на принятие актов, то есть Англия приняла ряд актов, которые подрывали экономическое развитие колоний. Ну вот возникает война за независимость. Она сложная, мы не будем там, ну как бы, анализировать. В любом случае, в 1776 году была подписана Декларация независимости, которая была переработана Томасом Джэфферсоном. Мы потом о нем еще поговорим. И вот в Декларации было сказано, мы считаем самоочевидным следующие истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами. Вот, по сути дела, это сказанное Джэфферсоном, оно будет руководящим для политики, в том числе и в Европе. То есть все-таки я вам пытаюсь сказать, что началось США. Это там вот это вот все, как бы, то, что потом на Европу перекинулось в 18-19 веках, в конце 18-го и в 19-м. Почему это было сказано Джэфферсоном? Ну потому что он как бы прямо говорит, да мы тоже люди, мы, да, мы колония, мы как бы тут вот, ну, мы тоже люди, и вы будете с нами считаться. Вот этот принцип равноправия, тем не менее, был весьма таким специфичным, он распространялся только на белых мужчин-собственников. Имеется в виду не на индейцев, с которыми встретились европейцы в Северной Америке, то есть коренные жители Америки, и уж точно не рабы. Они не включались в политическую общность. Тот же Джэфферсон был вполне себе работоговцем, да. Но почему это стало возможным? Да потому что он следовал на самом деле принципам Римской империи, да, принципам, которые озвучивал Цицерон, это римский автор, надеюсь, вы знаете, и принципам Джона Локка. Джон Локк – англичанин времён, там, 16-17 век, вот это вот, времён этого периода, то есть более раннего. Мы про него говорили в прошлый раз, но немного, конечно. Так вот, оба, и Цицерон и Джон Локк были вообще-то рабовладельцами. Да, да, и Джон Локк тоже, только в особом смысле. Цицерон прямо, естественно, был рабовладельцем, и он считал, что рабство, я сейчас цитирую его фразу, рабство обусловлено самой природой, которая дарует лучшим людям владычество над слабыми, для их же пользы, имеется в виду, для пользы слабых. Ну вот так они считали в древнем риме, понимаете, да. Локк – это отец европейского либерализма, отец практически европейской действительности, создатель концепции прав человека, но он был крупным инвестором в английскую работоговлю. Была такая компания, королевская африканская компания, которая на западном побережье Африки захватывала, или покупалась у местных жителей, покупались рабы, пленники, да. Они вывозились в Южную Америку в колонии, которая в районе вот Карибского бассейна создавала. Эти колонии существовали. Колонии именно британские в Южной Америке. Что значит в этих колониях было? Ну там на вырученные деньги, вот именно на вырученные с рабства деньги, ну вот

представьте себе, закупили рабов на западном побережье Африки, привезли, в эти колонии продали, да. И вот на эти деньги покупалось кофе, табак, какао, сахар, и везли с Европы. То есть там прибыль была сумасшедшая. Вначале первая прибыль, потом вторая прибыль. Так что все, что мы сегодня любим, да, какао и, что называется, сахар, и табак, и кофе, это, по сути дела, построено на самые кровавые деньги. Вот на самые кровавые. Почему? Да потому что рабство на плантациях, вот этих карибских плантациях, плантация с сахарного тростника, оно было в разы более жутким, жестоким, нежели положение рабов в Риме, или даже потом в Северной Америке. Это английское рабство, про которое удивительным образом мы почти ничего не знаем. А знаете почему? Потому что историография и написана, по сути дела, англичанами. Поэтому давайте немножечко переписывать. Английское рабство такое уникальное, в этом смысле такое прокси-рабство, да, не на своей территории, как вы понимаете. И это было самое жуткое рабство в истории человечества. Но тем не менее, в этот же период рождается базовая концепция прав человека. Опять же, озвучиваю, как это позиционировалось в те времена. Не сегодня, да, а в те времена. Что имелось в виду? Нарушение человеческих фундаментальных прав и достоинства происходит тогда, когда с кем-то обращаются таким образом, что по мнению их, имеется в виду тех, с кем обращаются, для них было бы лучше не родиться, чем жить такую жизнь. Понимаете? Вот так это было. То есть из чего выискивать права человека? Давайте посмотрим на ситуацию, в которой человек говорит, мне было бы лучше не родиться, чем жить так. Вот из этого родилась концепция прав человека. И по всей видимости считалось, что молод рабы, в жизни рабов не было ничего такого, из-за чего стоило бы не рождаться. И вот, кстати, я просто вам хочу подчеркнуть, что вот это акцентирование рабства именно на североамериканском рабстве, я его никоим образом, что называется, не одобряю, но тем не менее, это ведь тоже британская позиция. Они как-то смазали вообще историю собственной королевской африканской компании, чтобы вот там рабство, вот там ужас. Третья, хотя, ну, понимаете, что было.

Отмена рабства тоже это же период. Но тут тоже, мы не верим британской эстраграфии, лезем, как говорится, глубже в источники и понимаем, что вообще-то отмена рабства произошла не в Британии, и вовсе даже не по тем причинам, что в Британии. Вначале, ну, рабство отменяли всю человеческую историю, и первые такие отмены рабства, разумеется, были в эпоху Судневековья. Первые, кстати, кто отменил рабство в эпоху Судневековья – это ирландцы, потому что, ну, вот христиан, они были одним из первых христиан в Европе, они отменили сразу же рабство. Но мы говорим про вот это рабство, которое в новое время, да, завелось активно, то есть второе пришествие рабства, такое более страшное. Так вот, его вначале как бы отменили в России, в России, которая в тот период, в конце XVIII и XIX веке, активно присоединяла Причерноморье. 1783 год – это присоединение Крыма к Римской империи, а потом в ходе русско-персидской войны, это 1804 год, Россия запретила вот эти вот невольничьи рынки, которые были очень распространены в Причерноморье, в Крыму, в Грузии, ну, вот в нынешней Грузии, да, конечно, это была не Грузия, ну, понимаете, да, о чем речь идет. Там османское еще рабство было. И вот, когда эти территории вошли в состав Российской империи, сразу же, Александр I, запрет невольничих рынков просто жесточайший. Очень долго бунтовали вот эти вот земли, типа, ну, мы так всю жизнь жили, будем жить, нет, не будете. Вот, дальше. Ну, и уже в 30-х годах 19 века Британия запретила рабство, но в силу экономических причин. Почему? Ну, потому что все-таки у них в Британии уже появляются колонии другие, в этих колониях выращиваются хлопок, и он оказывается до-

роже, чем хлопок североамериканский, хлопок, который выращивался рабами. Стало быть, рабы это плохо. Или, например, сахар из сахарной свеклы, да, стал конкурировать с тростниковым сахаром. И, соответственно, тростниковый сахар, который выращивается рабами, тоже плохо. Рабство надо запретить. То есть, опять же, смотрите, запрет рабства вроде бы и там, и там, все хорошо, но мотивы разные, да, мотивы разные. В любом случае, вот эта вот определенная борьба Британии и США всегда существует, до сегодняшнего дня очень активно существует. На тот период, что это происходило, в результате этой борьбы, я бы так сказала, США отомстили. Они из Америки с любовью отправили в Европу революцию, идею революцию. Маркис Лафаэт такой вот был, очень интересный человек. Я не писала, я его тут не писала. Ну, в принципе, это не важно, просто интересный человек. Ну, запишите, потом поинтересуйтесь его жизнью. Знаете, я не знаю, почему фильм до сих пор прям по нему не сняли. Ну, ладно. Так вот, богатый французский авантюрист, его, на самом деле, его имя это Жильбер де Матье, авантюрист, постоянно курсирующий между Францией и США. И вот он активно способствовал тому, чтобы революционные настроения из Америки развернулись во Франции. Возникает революция. И возникает вот это вот знаменитый европейский документ о правах человека, который является уже образцом для всех остальных революций. Но, тем не менее, было кое-что изменено. Если у Джейфферсона, в общем-то, там право на счастье было зафиксировано, то здесь стало право на собственность. Ну, еще было отменено право народного восстания. Вот таким образом. Политический процесс очень бурный. И сразу скажу, что основой политических процессов вот этого периода является, конечно же, не философская проработка темы прав человека. Ее вообще-то, ой, если и начали, то много-много позже. То есть возник вопрос, хорошо, а что такое человек, что такое его естественное право, это намного позже. Вначале все-таки политику двигала риторика. Никакая не философская работа по формированию концептов, понятий и тому подобное. А вот теперь давайте подумаем, что такое риторика как основа политики. Это важная тема, дорогие мои. Прошу обратить на это внимание. Я не то, чтобы даже для экзамена, а вот просто для того, чтобы быть взрослым человеком. То есть еще раз, научная база политики нового времени – это не философия, это даже не наука, это риторика. А что такое риторика? Риторика, помните, в эпоху Возрождения – это пневматическая магия. То есть это манипулирование магом фантазиями человека. Естественно, в новое время никто уже не говорит о магии. Но тем не менее, по факту, это действительно манипулирование фантазиями человека. Почему? Потому что вырабатывается очень конкретный инструментарий. Работы по риторике активно писались, мы их читаем и понимаем. То есть опираться, говорят, нужно в своей речи на топосы. Топос – это аристотелевское понятие, понятие из его концепции риторики. Топос – это общее место. Ну вот, например, я вам говорю, красть плохо. Это общее место для нас всех, потому что мы все разделяем. Ну, действительно, красть плохо. Или, например, вот такой топос может быть. Например, топос в определенном дискурсе. Все бабы дуры. Понимаете, если вы берете определенный дискурс, где это общее место, с вами дальше будут согласны по многим положениям. Или наоборот, там все мужики-козлы. Я не одобряю эти топосы, ни в коем случае не предлагаю вам разделять это общее место. Я просто объясняю, как это работает. Вы приходите в компанию обиженных женщин, говорите, все мужики-козлы, и все, и вас готовы слушать. Понимаете, вы топос, вы двинулись с топоса. Итак, так вот, политика этого периода, территорика в первую очередь и движется с топоса. Например, вот вы сегодня можете услышать в политике, весь цивилизованный

мир – это вот этот топос. Никто не вдумывается, а почему мужики- козлы, а почему бабы дуры, а почему, что за весь цивилизованный мир, да? Просто топос, он как бы все, он пробивает дорогу к вашему сознанию, если вы с ним, ну, если это тоже разделяете как общее место. И, соответственно, там уже фантазмы, да, вы можете рулить фантазмами как угодно. Общее место не анализируется, в него не погружаются, из него выводятся рассуждения в каком-то направлении. Вот серьезно, это, по сути дела, то же самое заклинание фантазмов. Но, смотрите, возрождение было более честным. Оно не называло это каким-то здравым смыслом. Не называло это, ну, истинно. Оно говорило, это магия. Мы работаем, мы манипулируем, мы честно говорим, что это просто манипулирование человеческим сознанием. Вот, сегодня это называется здравый смысл. И, кстати, если вы будете внимательны, вот зайдите на сайты, на которых прям выложены методички Госдепартамента. Я их анализировала именно с точки зрения, как это работает, какие инструменты. Мне, что называется, неинтересно там, что они говорят, но, тем не менее, вот как это, то есть вам предлагается вначале найти фразу «мост». Так вот, фраза «мост» – это и есть топос. Например, главная ценность человеческой жизни. Кто будет с этим спорить? Никто не будет с этим спорить. Вот с этим вы пробиваете дорогу, да, соответственно, сознание. А там уже манипулируете чем угодно. Поэтому всегда обращайте внимание не то, что вам говорят. Вы люди, интеллектуальные элиты этой страны. Поэтому вы должны обращать внимание не на то, что вам говорится, а в первую очередь на то, как вам говорится, какие инструменты использованы. Уловили топос. Согласитесь или не согласитесь с топосом? Понимаете вы его, не понимаете? Вот в это вот надо разбираться. Ну ладно, всё. Это как бы такое философское отступление. Возвращаемся к XIX веку. Вот таким вот топосом выступили, конечно же, права человека. Никто не знал, что это такое. Все права были разные, но достаточно было встать и сказать, там, права человека требуют и всё. Дальше вы слышите, что требует. И тем не менее, что такое право человека, почему это всё-таки разные вещи. Вот, например, у Цицерона на него очень сильно опирались. Цицерон – право на жизнь, право на безопасность, право на счастье. Вот такая вот была интересная, интересная права, да. Улобка – право на жизнь, право на свободу, право на собственность. У Джейфтерсона – право на жизнь, право на свободу, право на стремление к счастью. Чувствуете разные очень вещи, поэтому, ну, всегда уточняйте, права человека какие? По лобку, по Цицерону, по Джейфтерсону. Серьёзно, очень разные концепции. Вот. В любом случае, это стало инструментами, этот топос стал инструментом политики. И сегодня, ну, с тех пор, вернее, как говорит Валер Стайн, один из самых известных таких философов политики, ну, он просто база. Не то, чтобы я полностью разделяю его позицию, но он база. Его не знать, как говорится, если вы занимаетесь политикой, нельзя. Не политикой, а политикой, как философией политики. Так вот, в 19 столетии, говорит он, возникли три основных течения политической теологии. Вот он так это называет. Консерватизм, либерализм и социализм. Вот таким образом. Просто имейте в виду, да? При этом он считает, что идеология, которая в тот период развивается, помните, либеральная идеология, мы про это говорили, это способ справляться с тем, что навалилось на людей времен французской революции. Это нормализация революции. Нормализация вот этих вот катализмов. А катализмы, что называется, баловали. Баловали историю людей 19 века, помимо вот этих социальных потрясений, замечательные климатические катализмы. Мы не будем поддаваться убеждениям, что только мы сегодняшние с климатом, что называется, сражаемся. Нет, конечно, это были времена, всегда, во все времена, случались такие бурные пе-

риоды, именно климатического. И вот, например, год без лета знаменитый. У нас даже был доклад по этому поводу очень интересный. Это как раз голодные сороковые, когда взорвался вулкан там город. Ну, я вам просто зачитаю слова капитана судна, Остинской компании, который был свидетелем этого взрыва. И, ну, как последствия его. Пепел падает на нас дождем. Общий вид окружающей действительности был воистину ужасен, тревожен. К полудню свет, который был еще виден в восточной части горизонта, исчез, и непроницаемая тьма окутывала небеса. Тьма оставалась настолько густой до конца дня, что я никогда не видел ничего подобного, даже самой темной ночью. Было невозможно увидеть даже свою руку, держа ее близко к глазам. Ну, понимаете, да, это, конечно, такое было, ну, серьезное, очень серьезное извержение, которое, по сути дела, на какое-то время серьезно изменило климатическую ситуацию. Был кризис сельского хозяйства. Например, в период Великобритании начался период экономической депрессии. Торговля сократилась, резкий род безработицы, неурожай, завышение цен на хлеб, заболевания там сельскохозяйственных культур, фитофтороз и так далее. Очень, как бы, тяжелая ситуация. Народ в этом смысле сочинял страшные сказки. И вот на этом фоне родилась замечательная история о Франкенштейне, о докторе Франкенштейне, его монстре. И вы понимаете, при чем здесь, почему я там разместила фотографию Мэри Шелли. Люди собирались, грелись как могли, если что могли, что называется, придумывали страшные сказки.

Тем не менее, смотрите, конец 18-19 века, в Европе происходит промышленный переворот. Надо было выживать. Люди очень активно подключали машины, уже руками не на работе, чтобы выжить. Начинается этап развития экономики, который называют индустриальным. Выделяют две стороны промышленного переворота. Еще раз повторю, конец 18-19 век, это кризис сельского хозяйства, развитие индустриального общества. Первая фаза – это переход от ручного труда к машинному, а затем появление новых областей, областей экономики. Во второй половине 19 века возросло значение нефтяной промышленности. Потом освоение электричества, кстати, за 50 лет. Насколько, как говорится, трудные времена толкают человечество. Новые отрасли промышленности возникли. Электрохимия, электрометаллургия. Химия вообще получила бешеный импульс к развитию. Началось производство искусственных удобрений, и естественная необходимость к этому привела. Синтетических взрывчатых веществ, потому что горное дело активно развивалось и так далее. Простите. Теперь социальная сторона промышленного переворота. Речь идет о формировании общества, связанного с фабричным производством. Фабричным производством – это наемные рабочие и собственники средств производства. Ну, это в данном случае буржуазия. Вот. Обратите внимание вот на эту ситуацию. То есть кризис традиционного общества в своей завершающей фазе. Кризис традиционного общества в своей завершающей фазе.

10.1.2 Философские основания

И вся эта социально-экономическая и политическая сложность эпохи повлияла на формирование особого мировоззренческого феномена, на формирование романтизма. Романтизм – это, по сути дела, реакция на глобальную трансформацию. На вот эту вот, как сказать-то, с одной стороны, очень оптимистическая реакция, с другой стороны, очень пессимистическая. Это конец XVIII века, первая половина XIX. Чувствуете, мы пока еще не говорим о новой науке. Романтизм – он в пределах классического этапа, но уже кризис. Романтизм – это,

значит, идейное и художественное явление, выступающее реакцией на мировоззрение, просвещение. Оно, как происходит само слово понятие, а слово «роман». Ну, роман как литературное произведение. А ведь в романе что главное? Это фабула, повествование о некоем случае, о некоей драме, о происшествии, о чем-то особенном, то есть выпадающем из фона повседневности. Вот. Поэтому романтизм – это о чем-то особенном, о том, что выпало из фона повседневности. Романтики называли себя духовными революционерами. Они обещали новую культуру, новую гениальность, новую религию. Кстати, они тогда были сатанистами, мама не горюй. Почему? Ну, потому что сатана мыслился романтиками как борец. Бунтарь против роли бога. Да, бунтарь против роли бога. Можно, конечно, много говорить, с чего это сами романтики взяли. Имеется в виду не то, что он бунтарь, а то, что этот бунт вообще-то, ну, как сказать, ну, что этот бунт имел именно то смысловое значение, в которое в него вкладывалось, вот так вот назову. Но мы про это сейчас говорить не будем. Романтика интересует сам пафос вот этой борьбы, чувства, выраженные с особой силой. Пафос – это чувства, выраженные с особой силой. Это всегда событие на грани, да? Поэтому я немножечко вам картинок просто покажу, чтобы, так скажем, проиллюстрировать. Я же искусствовед-то, понимаете, бывшим не бывает, а алкоголик. Поэтому картинки – это мое все. Ну вот, 18-й год, 19-го века, знаменитая картина Фридрих «Странник над морем туман». На самом деле эта картина – это, по сути дела, ну, икона романтизма. Это всегда человек, который стоит на какой-нибудь там бурной такой вот природной стихии, и он ее активно там вот как-то изучает внимательно. А мы видим лишь его такую вот в некотором смысле фигуру напротив, да? Вот он напротив стихии. Конечно же, это врубелевский демон. Можно много говорить, что это было связано с самим психическим состоянием, как говорится, самого врубеля, но дело-то не в этом. Дело в том, что эта фигура, она вот очень такая, хотя стиль – это уже символизм, но неважно, это очень романтическая фигура. Вот он, тот самый сатана, который как бы бунтует против Бога. Ну, конечно же, это любимый нами Брюлов, который не только нами любим, один из покупаемых художников во всем мире, последний день Помпеи. Это когда красота катаклизма показывается в полной мере. То есть красота даже страшных событий. Плод Медузы. Медуза – это был корабль такой, он потерпел кораблекрушение, и на плоту там долгое время спасались люди совершенно страшным образом. Они там кого-то кушали, они там... Ну, в общем, такие страшные вещи были. Но, понимаете, романтики умеют делать из страшного красивое. Из какого-нибудь монстра сделан прекрасный литературный персонаж, из какой-то ужасной трагедии человеческой сделана красавая картина. Жирико – один из романтиков. Вот сюда же, пожалуйста, в Делакруа – «Свобода знаменитая ведущая народ». Здесь как раз изображены события Великой Французской революции, то есть то, чем Америка заразила Европу через нашего Лафаэта. Не нашего, я просто про него говорила. Самое, конечно, для меня, как искусствоведов, это всегда было удивительное, я уж не могу не поделиться, пожалуйста, обратите внимание, это курьезность романтического пафоса. Ну, тяжело смотреть много романтических картин, потому что постепенно ты начинаешь замечать на переднем плане мужика без штанов. У тебя возникает вопрос, ну ладно, здесь еще понятно, все-таки, ну, как будто одежда потерялась, там что-то на тряпке порвали. Почему он на баррикадах? Что делает на баррикадах мужик без штанов в одном носке? Это загадка, дорогие мои. Я спрашивала у ведущих искусствоведов, моих учителей. Почему? Никто не ответил. Поэтому вот оставляю вас с этой загадкой, надеюсь, что вы подумаете после лекции об этом. Я много думала, не нашла ответа. Конечно, это

очень курьезные вещи, вот надо его замечать. Ну, прекрасная картина Брилова, всадница. Но вы можете себе представить, что вот так вот сидеть на лошади, которая вот это исполняет, очень нереально. Дорогие мои всадницы, которые, знаю, присутствуют среди нас, ну, оцените, да? Ну, вообще не вариант. Или вот, например, еще прекрасная картина романтизма. Почему я вам в конце показываю такую картину? Потому что хочу, чтобы вы оценили, что романтизм – это все-таки еще и усталость от самого себя, от этих вот бурных перемен, от того, что это какое-то бурление, которое, по сути дела, ни к чему не приводит. Чистое бурление ради бурления. То есть романтики постепенно начали понимать, что вот эти вот рыцари, которыми полны, значит, тексты и картины, рыцари, причем любых эпох, они рано или поздно возвращаются домой, усталые, такие вот несчастные, ну, по красивой природе зато. Давайте теперь как бы про мировоззрение романтизма поговорим поглубже, чем это делается в изображениях мужиков без штанов на переднем плане. Значит, романтизм связан с такими понятиями, как индивидуализм и субъективизм. Но вы должны понимать, что вообще новое время связано с этими принципами, а именно индивидуализм и субъективизм. Что такое индивидуализм? Ну, вас об этом могут спросить даже. От слова индивидум, то есть нечто далее неделимое, то есть все, мы делим, делим, делим сложную систему на части, на элементы, и вот нечто далее неделимое. Кстати, элемент тоже означает слово далее неделимое. Вот. И смотрите, на мир, человек нового времени, который в парадигме редукционизма находится, в парадигме индивидуализма находится, он живет все тем же редукционизмом. Если вы еще не освоили, что такое редукционизм, рекомендую вам это, ну, как бы понять. Редукционизм и, наоборот, холизм. Редукция сведения, ну, к элементу, к малому, к части. Холизм – это примат, приоритет целого. Вы понимаете, что это существует и разная оптика взгляда на реальность. Очень разная. До нового времени по преимуществу существовала оптика холистическая. Холистическая. Когда, смотрите, индивидуальная жизнь и ее потребности – это как бы только часть. Есть что-то больше. Есть что-то больше. Человек, он мыслится, его характеристики, его смысл жизни, его значения. Все мыслится из большего. А что такое больше? Это, может быть, божественная реальность, может быть, понимание через призму рода, через призму народа, через призму традиции, понимаете, или даже семьи. То есть это вот так то, что мы связываем с традиционным восприятием реальности. Но я вам предлагаю вот эти вот несколько устаревшие уже понятия традиционное общество, нетрадиционное общество, ну, их знать, но все-таки больше на философские какие-то позиции опираться, а речь идет все-таки об оптике взгляда на реальность. Так вот, человек, ну, скажем, холистического склада, это не только люди там средневековья, это и современные люди. То есть я прекрасно понимаю этих людей, сама к таким отношусь. Это все-таки, ну, то есть я рефлексируюсь, я понимаю, у меня оптика вот такая. Я не хочу другую. Я ее понимаю, я ее знаю, я знаю, в чем ее ценность, но тем не менее, вот моя такая. Я уважаю людей с другой опикой. Дело, как бы, понимаете, надо всем давать жить свою жизнь. Поэтому, как говорится, мы не будем говорить, какая оптика хорошая, какая плохая, но надо ее особенности видеть. Так вот, оптика прежних времен, оптика холизма, да, этот человек, он из большего всегда. Теперь в новое время возникает иная оптика. Но она не то, чтобы возникает, такие люди всегда были, но она как бы получает приоритет. Потому что в свое время, помните, как бы вот это вот социальным слоем, энтузиастом стали буржуа. А как многие исследователи считают, буржуа это в первую очередь психологический тип. Ну, ладно, тут спорный достаточно. Просто я это озвучиваю. Так вот, оптика

редукционизма. Индивидуальная жизнь, ее потребности, это в центре. Вот, то есть ты как бы, ну, как бы, это оптика сокращения, понимаете, несколько сжатия зоны видимости. У человека нет оптики, как бы, такого, чтобы я, жизнь и посмертие, да, только жизнь. И эта жизнь складывается, ну, скажем так, вот из конкретных повседневных, очень актов, они важны, крайне важны. Вот, из частных, как бы, род складывается, или народ складывается из частных жизней. Они первичные, и они важнее. Род, он как бы, вот, это просто результат сложения, да. Тогда, как видите, в холистической логике, например, род или народ будет, как бы, ну, как сказать, тем целым, что характеризует частное. А в логике редукционизма будет наоборот. целый род народ будет таким, каким вот совокупность частного позволит. Вот такие вот разные оптики. У человека нового времени как бы нет телескопа, мировоззренческого телескопа. Он его как бы убрал в сторону, да. Или ему просто не дают в него посмотреть, говорит, что, дурак, что ли, так вообще не делают, нельзя так, ты чё, ты чё, дурак, чё. Ну, понимаете, да. Это вот, ну, такая вот идёт, ну, это же как бы не просто все, как бы, заживут свою жизнь, вы же ещё и подчиняется определённым социальным нормам, если подчиняешься, конечно. Так вот, плюс, какой плюс у этой новой оптики? Повышенная активность с точки зрения мироустройства вокруг себя. Вот если ты видишь себя, в первую очередь, индивидуализм, да, субъективизм, ты будешь постепенно как бы замечать, что у меня здесь непорядок, здесь непорядок. Надо бы мироустроиться вокруг самого себя. И Европа этим активно занялась. Европа начала, вот, по сути дела, эта новая оптика, она позволила заняться, ну, скажем так, вот она, повседневной реальностью, повседневной жизнью. То есть чувствуете, да, всегда очень разные вещи. С такой оптикой трудно жить, выполняя какие-то задачи большие. Большие задачи. Не знаю, крестовый поход точно не отправишь. Да и просто на войну человек вряд ли пойдёт. Ну, мы видим это, да. Вот. Или там, он не будет жертвовать своей жизнью. Он будет её беречь, потому что у него это всё, что есть. Он больше ничего не видит. И от него нельзя требовать, чтобы ты чё? Он будет в воспоминаниях к насилию, да. Ну, ничего, что нельзя, куда деваться. Но он-то это, вы его не вдохновите. Он будет в воспоминаниях к насилию. Он согласится, может быть, но будет в воспоминаниях к насилию. Тогда как человек другой оптики, наоборот, вдохновится. Сейчас пойти и пожертвовать свою жизнь ради чего-то более значимого, крестоносец или депостовую. Да, пожалуйста. Ради народа, ради Бога, ради народа. Разная оптика. Так вот, романтизм – это обострение смены этой оптики. Понимаете? Романтизм – это эпоха, когда эта оптика поменялась, и всё вот из взгляда, реализуется из центра человека. Роман – переживание чувства постоянно, да? Вы читали роман, это переживание чувств по поводу чего-то там произошедшего. Всё, всё в мире. Есть лишь повод по поводу для этих переживаний. То есть это так называемая романтическая продуктивность. Немножечко она временами зашкаливает, и человек начинает переживать уже из-за чего-нибудь, из-за чего вообще не стоит переживать, и у него возникает тревожное расстройство. Так вот, это на самом деле такое вот последствие романтического видения реальности. Роль субъекта предельно усиливается. Атом – это отдельный человек, атом общества – отдельный человек, кризис традиционного общества. Я просто сейчас вам накидываю вот эти вот смыслы, которые, я думаю, вам и так известны. Но смотрите, что происходит, почему вот этот вот путник, вот этот вот крестоносец, такой печальный, усталый, и он больше не имеет сил, чтобы что-то вообще предпринять, не только потому, что он старый. Я сейчас немножечко, как вам так, как иллюстрацию это описываю. Потому что, смотрите, ведь всё ложится на плечи отдельного

человека, и надо сказать, что за это нам, сегодняшним, все наши тревожные расстройства, они как раз связаны с тем, что в эпоху Нового Времени на атом возложили все функции человечества. Ведь прежнее традиционное общество, смотрите, ты принадлежишь, например, к сословию воинов, ну ты и воюешь. Ты принадлежишь к сословию клириков, ну так ты, как говорится, разбираешься в этой теме, а ты вот там другое сословие, ну так ты и правишь. Я как бы об этом не думаю. Есть вот люди, которые разделили свои роли в обществе, да, общество как целое. А теперь всё должно быть в одном человеке совместиться. Человек должен быть образован как профессор. То есть помните, высшее образование обязательно для каждого человека, кто это придумал, кто это проподвинул. Это же не было в качестве нормы никогда. Это идея Гюста Конта. То есть образование должно включать науку. Все должны знать науку так, как только вот возможно. Да, в итоге её никто не знает. Вы потом, когда начинаете работать в науке, вы полностью переучиваетесь. Но тем не менее, все должны потратить годы на то, чтобы это было освоено. Человек должен быть реализован в профессии, как, я не знаю, там, гений последний. Почему? Потому что, ну, ты должен быть достойным буржуа. Ты должен быть успешным капиталистом, успешным предпринимателем. А как иначе-то? Ты должен быть воином обязательно. Ну, не женщиной в данном случае, мужчиной. Потому что всеобщая воинская обязанность сформируется во времена французской Великой революции. Понимаете, да? Конец 18-го, начало 19-го века. То есть, давай, давай, ты там и высшее образование получил, и в зону профессии. Дальше. Он должен обладать полноценным знанием добра и зла в политическом смысле. Потому что представительская демократия, ты уже теперь сам выбирай. Ты как бы разбираешься во всех политических вопросах и имеешь возможность выбрать достойную власть. Вы понимаете, да, насколько это вот, ну, как бы, сложно взять и разобраться сегодня у всех политических программах. При том, что вы занимаетесь, например, какими-то совершенно другими делами. Ты должен обладать богословским полностью, всем ресурсом. Ты должен выбрать, что называется, вот себе религиозное вот это состояние, или отказаться от него. Потому что тебе как бы, ну, вот, да, сам иди изучай Библию, вот всё, всё сам понимай. То есть нетрудно увидеть, нетрудно понять, что такой человек – это утопичный идеал. Но человек не может это всё вместить. Закономерно, что возникает не только настроение героизма, да, такой тип героического человека, но и тип романтика, который устал. Он устал на его плечах всё время мира. Он перестаёт действовать, потому что в этих условиях невозможно действовать. Это уход в себя, это в свою тоску уход, уход как бы в определённое самобичевание. Я не годен, я не тот, я не этот. Понимаете, да? Чувствуете, как в личном, даже в сегодняшнем, отражается историческое. Очень люблю такие вещи, и постоянно на них указываю пальцем. Надеюсь, вы что-нибудь заметили в этих указаниях. Таким образом, романтизм, я обобщаю тему романтизма, это и продолжение, и критическая реакция на проект модерна, на идеи просвещения. Именно в искусствах, в художественных образах реализуется и восторг, и ужас. Осознание того, что какая-то мощная инерция тянет тебя куда-то помимо твоей воли. И, соответственно, это реализуется и в люциферианский бунт, вы помните, где мы говорили, да? И одновременно в сопротивлении этой силе, и в пессимизме, как осознание невозможности, просто ты плывёшь по течению. Вот очень богатое время, богатое мировоззрение, связанное с эпохой романтизма. Прошу любить и жаловать, что называется. А теперь ближе к науке. Продолжается поиск облика науки. Это, что называется, не шутка. Выбор облика науки. Наука по-прежнему решает, какой ей быть. Помните, вот вы уже много прошли в исто-

рии науки, и я вас призываю ещё раз это осмыслить. Наука попробовала себя в качестве философии, на турфилософии, на турфилософский период, да? И сказала нет. Она сказала нет. Мне нужно что-то другое. Она попробовала себя в одном из видов на турфилософии, а именно в герметизме, в магии, в алхимии. Она активно это попробовала, эпоху возрождения, помните, да? Это ещё тоже на турфилософский период. И в принципе она тоже сказала нет. Не моё. Затем она попробовала себя даже в форме религии. Это, например, Рогюстконт и религия как, вернее, наука как объект религии, как объект поклонения. И тоже очень быстро сказал нет. Давайте, говорит, что-нибудь другое. И вот она продолжает себя искать. И вот наступает новое время.

Ой, простите, наступает эпоха романтизма. И знаете, что мы обнаруживаем? Мы обнаруживаем, что снова влияет, возвращается наука к герметизму. Причём в таких острых формах, которые прям трудно даже себе представить. Вот про это мы очень мало знаем. Я уверена, даже в учебниках философских про это очень мало написано. Но есть исследователи, мы к ним активно обращаемся. Мы, что называется, не пренебрегаем важными исследованиями, обращаем внимание на всё. И вот один из таких романтиков, учёных был Гёте. Я вам показывала, да, его картину, в смысле, его тут вот этот слайд. Ведь Гёте на самом деле не хотел, чтобы его запомнили поэтам. Он хотел, чтобы его запомнили учёным. Он активно, как бы, в своей задаче видел активное сопротивление ньютоновской физики. Поэтому он серьёзно повторял те же самые опыты, те же самые эксперименты, которые проводил Ньютон. А какие эксперименты проводил Ньютон? Подчеркну здесь, Ньютон не мог провести эксперименты и не проводил связанных с теорией гравитации. Там было, по сути дела, математическое исследование и расширение принципов галилеевской физики. А вот в оптике Ньютон активно проводил эксперименты с призмой. Он смотрел на то, как вот там вот разлагается свет. И Георгий воспроизводит ньютовский эксперимент с призмой очень активно. И, как говорится, увидел нечто новое. Это удивительно. То есть он, дело в том, что не просто посмотрел на призму, он начал смотреть на разные виды света. Например, отражение света в зеркале, он пытается преломить, и свет, который прошёл через цветное стекло. Цвет в тени, в сумерках, на разных цветных поверхностях. Или подносил глазам, или подальше призму ставил. Понимаете? То есть он безумное количество экспериментов провёл и обратил внимание на то, что спектр или другая форма цвета исчезали при определённых обстоятельствах. То есть, верите, сопротивляясь ньютоновской физике всеми силами, он пришёл к несколько иным, к несколько иной оптике. Другое дело, что мы-то сейчас развеем ньютоновскую, но тем не менее, вот имейте в виду, что Гёте предложил свою оптику. Он говорил, что только если на светлой поверхности, которую он рассматривает, нет тени, то тогда, да, появится знаменитый спектр. А вот стоит появиться тени, тот цвет меняет... Вот это вот, ну как сказать, я ведь сама эти опыты не проводила, я не могу ему писать. Я лишь привожу слова Гёте, ну в смысле, вернее, как бы то, что он описывал в своих произведениях и, соответственно, то, что мы можем себе представить. Так вот, он делает вывод, что цвет — это степень темноты. Цвет — это не разложение спектра, это степень темноты. А разлагает на спектр, по сути дела, человеческое восприятие. Вот человеческое восприятие — это центр и источник цвета. Он говорит, вот если я стою так по отношению к призме, цвет появляется, ну, разложение на спектр. Если я стою по-другому, он не появляется. Если я призму ставлю там, цвет появляется, цвет не появляется. Чувствуете, моё восприятие здесь ключевое. То есть, вот в этом результате с появлением и восприятием цвета Гёте установил, что когда человеческий глаз

видит цвета, он по сути видит свои собственные возможности. Они просто реагируют на раздражителей. Что-то похожее на Канте, если вы понимаете, о чём я. Вот цитата из его учения о цвете. Можете поинтересоваться. То есть, субъект и объект, говорит он, непрерывно взаимодействуют. Нет отдельно, нет субъекта и объекта. Всё, что мы знаем, всё наше познание реализуется вот в этой вот связке, состыке объекта и субъекта. Объект продолжает, является продолжением субъекта, а субъект является продолжением объекта. Это очень интересная мысль, которая на самом деле далеко вперёд уходит, если вы понимаете, о чём я. Ну, надеюсь, в конце курса поймёте, даже те, кто сейчас не понимает. Дальше. Ну, немало времени Гёте посвятил и опровержению механицистического подхода к действительности и механицистического образа природы. Надо сказать, что многих в Европе даже в эпоху Возрождения, даже в эпоху Нового Времени коробило от выражения «мир машина». В первую очередь, это были англичане. Англичане вообще слово «машина» использовали в качестве ругательного слова. Да ты машина, это сначала, что ты как что-то нечеловеческое. Вот. Ну, сейчас не так, а вот как бы раньше так было. И немцы отчасти, ну, как бы, как лебницы, например, ну, да, машина, конечно, может, машина, но другая, не та, которую вы имеете в виду. Мир, говорили они, скорее организм. Не машина, но организм. А организм чем отличается от машины? Он имеет свою историю, он имеет свою эволюцию. Машина такая создана, такая вот живёт. А всё, говорят, вот романтики, имеет свою эволюцию. Мир живой и развивается. Отсюда установка органицизма. Органицизма. И вот вам некоторые оппозиции, да, по отношению к механицизму. Механическое противопоставляется органическому, вернее, органическое противопоставляется механическому. Холизм противопоставляется редукционизму. Я надеюсь, что вы понимаете.

Но, тем не менее, романтическая мысль, отказываясь от науки нового времени, она как бы недвигается вперёд поначалу. Она движется назад к возрождению, к флагистону, к пневме, к плероме, к теплороду, к седеризму, к огненной перстихии и тому подобное. То есть, к натурфилософии. Мы называем это романтическая натурфилософия. Ещё раз подчеркну, да, этап науки классический, этап науки классический, но в нём есть место натурфилософии, а именно романтической натурфилософии. На основе иенского кружка братьев Шлегель, ну, это вот как раз, как, знаете, Платоновская академия в эпоху Возрождения, так вот этот иенский кружок для мыслителей эпохи Возрождения. Там Шеллинг, Навалис, Гёте, Шлирмакер, Гердер, фон Гумбольд и много-много других мыслителей эпохи романтизма, вот они как раз состоят членами этого кружка. И они активно изучают природу. Но смотрите, их основными темами становятся уже несколько иные предметы, не те, которые изучал Ньютон, Галилей и, например, там, Роберт Бойли. Их основными темами становятся электричество, магнетизм, психическая жизнь человека. Вот таким образом. Они активно, на самом деле, тоже цитируют Гермеса Трисмегиста, и они ищут то, что пытался, о чём пытался говорить Гермес, ну не пытался, он говорил о едином. вот этот поиск всеохватной единой первой субстанции, то есть они пытаются найти плерому, они пытаются найти пневму. Чувствуете, возрождение говорило, что она просто есть. Почему? Ну, в конце концов, Аристотель сказал ей, значит, есть. Чего надо ещё по этому поводу? А тут-то уже эпоха экспериментаторов, видите, эксперимент уже вошёл в историю науки, он вошёл вместе с Галилеем, он вошёл вместе с, вот, ну, со многими- многими-многими учёными. И, соответственно, вот это вот новое поколение учёных, учёные-романтики, романтические натурфилософы, они пытаются найти эту самую пневму, ну, с помощью разных приборов. Помните, да, приборы очень, как бы, важная часть

новой науки, инструментализация. Помните, технонаука, надеюсь, вы это понимаете.

Ну, давайте, пример вам приведу, чтобы не быть голословной. Риттер всю жизнь искал связь электричества и магнетизма, открыл несколько законов. Дальше. Эрстет, надеюсь, вы тоже знаете, он был ученик Шеллинга Гёта, он исследует активное электричество. Почему он исследует? Потому что он видит именно в электричестве эту самую плерому, первую субстанцию, кневму. Он говорит, вот она, кневма, мы, наконец, её нашли, его трактат «Дух в природе». В феномене гальванизма, вы наверняка слышали, что Эрстет открыл феномен гальванизма, то есть животное электричество. Риттер нашёл доказательство, он увидел в этом доказательство вот этой вот единой мировой субстанции, единой мировой души. Электричество, говорил, он считает, вернее, он считал, что электричество бывает металлическим и биологическим. Ну вот он там многое ещё чего разработал. В том числе он как бы создаёт научную концепцию астрологии. То есть его воздействие небесных сил осуществляется уже с помощью электричества. Он говорит, электромагнитическое единство Вселенной. Ну посмотрите, как это интересно. То есть наука развивается нелинейно. Она не просто вот кто-то там открыл, там что-то и попала, знаете, наука попала. Да нет, это такие вот блуждания в самой разной области. Вряд ли мы бы сегодня так хорошо знали электричество, вообще вряд ли бы даже заинтересовалась наука электричества, если бы в своё время такие вот товарищи не решили, что ах, вот оно что, пневмоты, есть электричество. Давай его активно исследовать. Ну то есть Риттер, тот самый, да, простите, я сейчас про Риттера почему-то, но Риттер и РСТ, они открывают, что электролиз, электрокапиллярные явления в ртуке, ультрафиолетовые лучи, в поиске пневмы они это всё открывают.

Пристли, наверняка, очень вам известный учёный. Он был учёный-экспериментатор и одновременно священник, униат. Так вот, он свою научную деятельность воспринимал как продолжение религиозной борьбы. Он униат, то есть, ну, против принципа триединства выступала определённая вот как бы религиозная традиция, это униат, ну, это английская традиция. Вот он ищет доказательства униатского, то есть единого, ну, как сказать, Бога, без принципа Троицы, ищет его в природе, ну, он же тоже как бы не без герметизма. И вот он тоже предложил видеть её в электричестве и попутно открыл кислород. Вот так. То есть в учебниках вы встретите, что там Пристли открыл кислород, что Риттер открыл эти самые ультрафиолетовые лучи, что Эрстет открыл галлиническое электричество, да, всё это вы видели. Но теперь вы поймите, что они искали, когда это нашли. Вот такие мистические настроения натурфилософов не означает пренебрежение экспериментов. Вот всё, что угодно, эксперименты они делали. То есть чувствуете, сам эксперимент науку не рождает. Рождает как бы союз определённого стиля научной мысли и уже эксперимент. То есть эксперимент плюс стиль научной мысли. Потому что, ещё раз повторю, вот вам, пожалуйста, герметическая натурфилософия, которая активно экспериментирует. Можно из этого современную науку увести? Нет. А из чего-то да, она появилась. Где это? И вот тут я обращаю ваше внимание на роль природознацев.

Я про них постоянно говорила, упоминала. Пожалуйста, вспомните всё, что это говорилось. Вот если вы действительно хотите понять историю науки, то без природознацев не обойтись. У меня статья на эту тему написана. Я ничуть не рекламирую своё творчество, но если хотите погрузиться в эту тему ближе, ищите оболкина становление научного дискурса. Его в списке литературы нет, потому что список составлялся тысячи лет назад и вообще не мной. Хотя надо бы его исправить, конечно.

Давайте как раз обратимся во внимание на вот этот, когда возник союз природознацев и вот таких вот учёных, учёных. Исследования теплоты. Исследования теплоты начинаются традиционно. Это поиск первой субстанции, флагистон, теплород, кневма. То есть герметические исследования. Но их надо было в ходе вот этих исследований одно общество решило, а надо бы вывести их на практику. Вот эти принципы воплотить в практике, в промышленности. Это так называемое лунное общество конца 18 века. Интереснейшая история. Она также редко описывается, но поинтересуйтесь. Уж найти сегодня несложно. Это было тайное общество. Тогда все общества были тайные. Я не знаю, какие-нибудь общества были не тайные. Они собирались естественно в период Новолуны, в Black Country. Основателем, один из основателей, активистом этого общества был дедушка Дарвина, Разум Дарвин. И вот здесь широко обсуждалась идея необходимости выхода тайной науки. Но вы помните, что весь герметизм это тайная наука. Так вот, нужно выйти на практическое поле, в промышленность. И вот тут включаются товарищи природознатцы, которые смотрят на эти герметические поиски, говорят, ну да, ну да, а надо-то вам что сделать? Какую машину построить? То есть чувствуете, моряки, технари, разного рода, вот такие вот люди, которым раньше пренебрегали, они же не учёные, они же там копошатся в земле, в своих там металлах, какие-то инженеры, господи боже мой, кому они интересны. Так вот, Уолтон и, вы спросите, Болт и Уолт, крутые, боже мой, сейчас скажу, Мэтью Болтон и Джеймс Уатт, наконец-то, Мэтью Болтон и Джеймс Уатт, они были члены лунного общества, но они в то же время как бы, имели выход на вот эту среду природознания. И они такие, знаете, приземленные достаточно такие, такие, ну, как сказать, без этих вот парений в натурфилософских каких-то высиях, они говорят, нам бы надо назначить сумму за использование паровой машины, но чтобы она вошла в общее потребление, нужно как-то заинтересовать покупателей. И вот они измерили количество теплоты в соответствии с работой лошадью за единицу времени в фута фунта. Да? Помните, лошадиные силы. И дальше в дело шел рекламный ход, то есть установка и обслуживание паровой машины осуществлялись бесплатно, но взималась стоимость одна треть суммы, которая образовывалась из экономии на стоимости корма для лошади. Ну, сейчас я так объясню. То есть, эту работу должна сделать паровая машина и лошадь. Сколько нужно кормить лошадь, то есть, сколько это стоит, чтобы лошадь сделал эту работу? Вот это стоит столько же. Так вот, мы с вас возьмем одну треть этой суммы. Рекламный ход удался. И паровая машина пошла, что называется, в народ. Ее стали покупать, а отсюда же возникла идея измерения эффективности паровой машины в лошадиных силах. Но это, что называется, ладно, самое главное, что из этого возникла идея механического эквивалента теплоты. мая, мая, карно, гельм, гольц, джоуль. И вот, когда мы читаем эти имена, мы вдруг обращаем внимание вот на что, что романтическая натура философия постепенно расслоилась. В ней остались, с одной стороны, сторонники чистого герметизма, это Риттер, Окен, Фехнер, Оствальд, А с другой стороны, ее ярые противники. Они называли вот эту герметизм, называли досужими выдумками, бред и так далее. То есть впервые какие-то ученые назвали герметизм бредом.

Это были, вот они, Фрис, Сентеллер, Майер, Гельмгольц, Больцман. Ну, некоторые имена, я уверена, вам известны. Некую среднюю позицию заняли вот Рстет, Либих, фон Гульбольд. Если вам интересно вот это расслоение, а оно весьма интересно, то обращаю ваше внимание на тексты Порус, такой исследователь Порус. Вот он именно выделяет среди ученых этих вот, это расслоение начинается. И именно тогда, кстати, появляется понятие оккультизм. То есть

наука, вот эта вот единая, пока дни дифференцированная среда, наконец-то разделилась на оккультизм, все, герметизм пошел своей дорогой. И наука, наука пошла своей дорогой. Вот, по сути дела, мы имеем дело, впервые мы имеем дело с появлением научного стиля мысли, научный стиль мысли. Понимаете, эксперимент уже был, но требовалось до конца, но до конца 19 века вырабатывался вот этот вот научный стиль мысли. теперь давайте обратимся конкретно к тем исследованиям. Ага, подождите, значит, не к тем исследованиям мы обратимся. Мы сейчас обратимся к кризису научного, не, не к кризису научного, к кризису классического мировоззрения, то есть пойдем от философии. Можно было бы, конечно, сейчас пойти сразу же в науку, к Больцману, да, рассказать, что там Больцман делал, и мы поговорим об этом. Давайте вначале поговорим о более широкой палитре, тем более, что нам так удобнее по времени сделать.

Маркс и Энгельс Речь идет о философии, о кризисе, именно такого кризиса классичности в философии, ну, в мировоззрении в целом широко, в философии. И я призываю вас обратить внимание вот на нескольких философов, не то, чтобы это были, ну, все, да, но это очень важный философ, ключевые, я бы сказала. Давайте, вначале, конечно же, движение в сторону материализма, движение в сторону материализма очень активное, уже, понимаете, даже не столько какого-то такой в качестве борьбы с атеизмом, хотя, конечно, товарищ Маркс очень боролся с клиром, очень боролся с религиозностью, штамповал какие-то даже мифы по этому поводу, но неважно. Во всяком случае, вот этот материалистический тренд, он появился в это время, и не случайно вот эти истории материализма, это был бестселлер 19 века, и жизни Иисуса, то есть это материалистическое истолкование религиозных позиций, это тоже был трендом вот просто таким, всеобщим, ну, знаете, бестселлер. Так вот, философия Маркса начинается с политической борьбы в самой гуще вот этого вот развивающегося буржуазного общества. Обращая ваше внимание на его ранние труды, например, экономико-философский рукописи 1844 года. В них он исходит из простого, очень простого наблюдения над обществом. Собственник затыкает рот правоведу. Ну, он сам был юридически подкован, образован, поэтому он прекрасно понимает, что вот этот нарождающийся капитализм, он ставит под сомнение все прежние формы легитимности, то есть все, что приносит прибыль, вот это легитимно, а то, что там право, неправо, это уже, знаете, закрывает рот, что называется. В этом проявляется на самом деле и ограниченность самого Маркса. Я, я на время подтверждения его теории, это очень интересная вещь. Смотрите, сам Маркс не может выйти за рамки буржуазного мировоззрения. Сам Маркс буржуазен до крайности. А в чем это проявляется? Он считает, что все самое главное решается в вопросе экономики. Вот экономика это самое главное. Экономика это что? Это, ну, есть прибыль, нет прибыли, что называется, ну, как говорится, есть ресурсы, нет ресурсов. А вот все другие формы культуры, все другие формы заинтересованности человека. Искусство, политика, наука, религия, право, это все что угодно. Все по Марксу есть надстройка над экономическим базисом. то есть чувствуете, вообще-то он рассуждает как буржуа. Главное, это все-таки экономика. Главное, что мы зарабатываем, как мы зарабатываем, почему мы зарабатываем, а как бы все остальное это вторично. Но тем не менее, что называется, вот, как бы, ну, ну, ну, в общем, сами порассуждайте, насколько Маркс одновременно ограничен этим рамками буржуазного мировоззрения, но в то же время, ведь сам факт этой ограниченности показывает, что буржуазное мировоззрение, оно, как бы, захватывает человека фундаментально. Тезис бытие определяет сознание. Наверняка вы знаете, это

материалистическая философия, бытие определяет сознание. Только в данном случае слово бытие не надо рассматривать так же, как его мысль упромедить. Надо по-правильному перевести это слово, видите, перевод-то с английского, а в английском языке бытие и существование не различаются. Это большая проблема для философии, поэтому надо правильно прочитать это. Существование определяет сознание. И все, смотрите, становится понятно. Условно говоря, если ты 18 часов в день вкалываешь на работе, где требуется физическая сила на износ, то вряд ли ты напишешь философскую концепцию. Ну, согласитесь, тривиальный, на самом деле, тривиальный вывод. Правда, ну, вот, как бы, не знаю, честно могу сказать, моя личная жизнь вполне себе запровергает. У меня есть работа, физическая работа, вроде с дермом, конюшня у меня есть. Но, тем не менее, как-то я пишу философские работы, в принципе, как бы, он-то, видите, как считал, не просто по времени у тебя не будет сил, а у тебя как бы сознание перестроится, сознание перестроится, ты просто не сможешь. Не сможешь. Ну, нет, сможешь. Можно убирать говно полдня, а потом написать философскую работу. Можно. Ну, ладно. Что называется, это мой личный спорт с Марксом, он в экзамен не идет. Ладно? Да, договорились. Еще раз подчеркну, производительные силы определяют отношения людей. Вот это как бы база марксистского анализа. История представляет собой закономерную смену общественно-экономических формаций. в основе вот этого изменения противоборства социальных сил, которые Маркс назвал классами. Ну, я тут говорю Маркса, я подразумеваю все-таки Маркса и Энгельса. Сейчас не буду рассказывать про то, как они там различались, они сильно различались. И Маркс активно, особенно активно критикует последнюю из этих формаций, как он говорит, последнюю, это капитализм. Когда развитие человека, как личности, подавленной эксплуатацией, стихией рынка и процессом роста капитала. В чем как бы истина Маркса? Можно долго спорить с тем, что его концепция общественно-экономических формаций, она себя, в общем-то, изжила. То есть время, ну, действительность показывает, что, ну, не так общество называется. Но, тем не менее, Маркс очень, как говорится, никто не сохраняется в философии просто так. И Маркс, это он полное право занимает философия, ты прекрасный мыслитель. А почему? Вот, мне кажется, вам не стоит забывать о концепции отчуждения. Вот прям подчернитесь и красненьkim, отчуждение. Я про него немножко скажу, уточните, разберитесь, поинтересуйтесь. Так вот, Маркс говорит, смотрите, самая большая проблема заключается в том, что продукт труда и сам труд отчуждается от человека в условиях наёмного труда и автоматизированного производства. Он много пишет о машине, он много пишет о фабриках, он много пишет о наёмном труде. Отчуждение труда. А труд-то, говорит, и сделал человека. Труд и есть наше основание быть человеком. Помните, труд сделал человек из обезьяны человека, простите, вот. А труд в условиях наёмного капиталистического производства оказывается отчуждённой реальностью. Вот это отчуждение, это основная категория Марковой критики. И отчуждение может быть не только, вот знаете, на фабриках. Например, отчуждение продуктов творческого. Я, например, публикую книгу, и книга перестаёт мне принадлежать, она разбирается на такие смыслы, с которыми я могу быть не согласна. Правильно? Или там, статья, не важно. Это тоже отчуждение. Но Маркс это не критикал, потому что, видите, ну вот это что называется неизбежный процесс. Но тем не менее, это тоже категория отчуждения, которая крайне важна. А теперь смотрите, вот с чем связано. В чём не классичность Маркса? Ведь Маркс очень много пишет про то, что рационализм – это наша сила, наука – это наш двигатель и так далее. Но я сейчас обращаю ваше

внимание, а потом вы поймёте это, например, Больцмана. Человек – это совокупность социальных отношений. Человек как элемент – это, по сути дела, то, что принцип редукционизма-то разрушает в максимальном понимании. Ведь смотрите, человек, его как атома нет. У него нет личного сознания, у него есть только общественное сознание. Он есть совокупность социальных сил. Чувствуете? Из целого. Целое отражается в частном. Целое отражается в частном. Вот эта холистичность – это и есть интересный такой вот кризис уже, ну, как бы, мысленно, нового времени. Вот этого подхода редукциониста. Маркс, надо сказать, романтик, конечно. Вот я сейчас немножечко отвлекусь, чтобы просто фигура Маркса стала у вас более выпуклой. Она, понимаете, советская, как бы, ну, советская наука, советская философия слишком затёрлась. А Маркс, конечно, романтик. Он был сатанистом по молодости. Он писал стихи такие сатанистские. Ну, тогда, на самом деле, многие это делали. То есть я не то, чтобы обвиняю Маркса, просто чтобы он картинку рисует. Думайте, почему они такие бородатые с ангельском. Потому что они решили копировать, одновременно пародировать ветхозаветных пророков. Они моду ввели. Это панки 19 века, дорогие мои. Просто панки тогда, вот, ну, не брились аналоза, а наоборот, бороды отрачены. Вот если вы видите фотографии, где какие-то вычурные бороды или эти самые, как их называть, усы, имейте в виду, моду ввели Маркс с ангельком. Вот. Более того, он писал страшные сказки в духе вот Мэри Шелли, да, Мэри Шелли. Вы можете почитать книгу его дочери. Она описывает Маркса домашнего, Маркса как папа. Я вас умоляю, слушайте, какие страшные сказки он рассказывал детям, дети его обожали. Дети, конечно, прожили страшную жизнь, ну, там, погибло их очень много. Они жили постоянной бедности. Маркс же не работал, Маркс же был этим содержантом у Энгельса. Вот. За эти труды ему мало платили. И он постоянно в бедности жил. И вот он рассказывает своим детям сказку про одного владельца игрушечного магазина, который постоянно беден, никак не может продать свои игрушки. И поэтому он, значит, ну, как сказать-то, он стал продавать свои игрушки дьяволу. Вот. Эти дьяволы, вернее, эти игрушки претерпевались самые там страшные переключения. А потом они сбегали из ада и возвращались к кукольнику. Вот. По-моему, это, ну, такая, знаете, история. Говорит, мы, говорит, мы, как это, дочь его описывает, мы, говорит, боялись страшно. Не знаю, может, поэтому мне сколько там двое, по-моему, дочерей покончили с самоубийством у Макса. Ну, я не знаю. Ну, как-то, понимаете, то есть вот такой панк. Романтик бунтует. Понимаете? Вот. Я как бы прошу вас, ну, поживее воспринимать эту засаленную фигуру. Она сложная, она двусмысленная, она никаким образом не какая-то такая простая. А, Маркс, не знаю. Не-не-не. Ее нужно погружаться, в тему отчуждения надо погружаться.

Шопенгауэр Вообще. Следующий. А это уже усталый романтик. Помните тот самый рыцарь, который возвращается? Это Шопенгауэр. Его философия. Немножечко о ней. Его философия называется волонтаризм от слова воля. Волонтаризм. По Шопенгауэру, бытие следует соотносить вовсе не с разумом. Ну, то есть, ну, не разум, основа всего существующего, бытие и тому подобное. Это так, как это рассказывает классическая мысль. А нужно рассматривать основой всего существующего некую иррациональную силу чистой воли. от слова хочу. Воля не вот в узком смысле слова надо. Не-не-не. Вы понимаете, это как бы в немецком смысле слова lust. Вспоминаете, если вы знаете Рамштайн, ich habe kein Lust. Я не имею воли, я не имею желания означает. Я не имею воли действовать, я не имею желания действовать. Ich habe kein Lust. Ich habe это

самое. У меня нет желания. Или will. Два слова для, ну, как минимум, два слова для слова желания или воля, или, ну, в общем, как бы в немецком языке это более сложное понятие, чем в русском. То есть воление означает желать. Так вот, основа жизни это такая вот иррациональная сила чистого, безличного желания. Когда вам говорят слить с потоком, будьте осторожнее. Уточните, а точно не с потоком желания. Вот, смотрите, эту иррациональную силу он и назвал философией в ней. Философию, описывающую эту иррациональную силу, Шопенгауэр назвал философией жизни. И, пожалуйста, это понятие тоже подчеркните. Философия жизни это многие авторы, многие философы, родоначальник Шопенгауэр. И они говорят о жизни как о той иррациональной силе, которая нас захватывает. Она подчиняет нас себе. Кому-то от этого, ну, временами хорошо, но в основном это вообще-то достаточно такая злая сила. Во всяком случае, Шопенгауэр это точно. Так, смотрите, он, кстати, опирается в основе своей на Канта и на понятие вещь в себе. Но он нарушает запрет Канта и дает объяснение этой вещи себе. Говорит, это воля, мир как воля, мир как желание. Вот она, вещь в себе. Некая надсубъективная, не чья-то конкретная, а просто космическая, космическая, бессознательная воля. Он говорит об этом так, воля волит. То есть не кто-то что-то желает, а воля. Желание желает, воля волит. Эта сила заставляет всё существующее чего-то хотеть. Хотеть существовать, хотеть жить, хотеть развиваться, хотеть размножаться, хотеть достигать целей, хотеть развивать науку, хотеть что-то там выстраивать, хотеть политических изменений. Он говорит, это всё воля волит. И это основа жизни как страдания. Почему? Потому что чувство неудовлетворения, это и есть основа воли. Ведь желание двигается неудовлетворением. И он говорит, что это же источник воли, неудовлетворения. Ну разве есть, говорит, удовлетворение, а его нет? Удовлетворение одаривает нас в итоге только скучой. Вы достигаете желаемого и скуча. И вы снова что-то хотите. Вы достигаете и снова достиг, а нет, скуча. То есть мы постоянно оказываемся в разных потоках воления, желания, не получая при этом ни счастья, ни успокоения. Вся природа, вся человеческая культура – это различные проявления воли. В науке это появляется в полной мере. Поэтому брать научный образ мысли в качестве какого-то инструмента достижения счастья – худшее из-за блужданий. Чувствуете, да? Это вот уже такой антисентизм в определенном смысле пошел. То есть еще раз. Брать научный подход к реальности в качестве инструмента достижения счастья – ха-ха, говорит Шопенгауэр, это худшее из-за блужданий. Тогда вопрос, а что все-таки нам делать-то, да? Что делать-то по Шопенгаузеру? Он и говорит, что надо раствориться в такой форме деятельности, которой удается потерять индивидуацию. То есть вот свою как бы отдельность удается потерять. Свою собственную субъектность удается потерять. Вот это станет трендом мыслей на весь XX век, как потерять свою субъектность. Как бы нам раствориться? Но надо сказать, что сам Шопенгауэр это не выдумал. Он взял это из буддизма. Он активно интересовался буддизмом, вообще индуистской философией и буддизмом в частности. Но он ее трактовал по-своему. И вот Шопенгауэр видит возможность раствориться в целом, но при этом как бы оставаться собой только в искусстве. Когда человек говорит, он творит, например, поэзию, да, или там музыку сочиняет, или там картину пишет, он как бы забывает себя, да? Он активен, но он забывает себя. Ну, такой вот как бы выход видит Шопенгауэр. Видимо, нам надо всем... Ну, во всяком случае, может, не помешает заниматься такой вот формой активности.

Кьеркегор Дальше. Это тоже философия. В смысле, еще философия жизни, она связана, например, с другим, очень интересным, ну, рано очень умершим философом Кьерке Гором. Он критикует рационализм за то, что... Рационализм, помните, да, вот эта вот ориентация на разум, культ разума. Он критикует эту позицию за то, что она заставляет человека видеть только то, что выражено в общем, в понятиях, в логических умозаключениях, в каких-то строгих научных положениях. И, говорит, сосредоточившись на этих вот всеобщих характеристиках, философия потеряла реального человека. А реальный человек, конкретный человек, он может говорить только о жизни. Не... Вот это всеобщая-то чистая абстракция. А вот жизнь, она конкретная. А в жизни что важнее всего? Переживание. Жизнь, она переживается. То есть жить означает переживать. Проживать, переживать – это накоренные слова, только разные приставки. И они не меняют суть содержания вот этого слова. Философия, говорит, он не имеет права отказываться от переживания, как истока всех тем, всех проблем. Поэтому анализ сущности человека должен уступить анализу места его существования, экзистенции. То есть Гиркегор – основатель экзистенциализма.

Ницше И я бы хотела сосредоточиться на все- таки ключевом для конца XIX века философии Ницше. Он очень сложный. Я даже не берусь вот как бы вам... Не берусь даже надеяться на то, что я сейчас опишу всю философию Ницше, так как... Ну, чтобы вы ее поняли. Единственная моя задача – это вот убрать... Извините за вульгаризм, нафиг. Тот образ Ницше-философа, который наверняка вы встретите в интернете, в самых расхожих вот таких вот... И даже в некоторых учебниках по философии. То есть, когда Ницше просто антиморалист, антихристианин, анти, скажем так, анти... Все разумное, вечное и доброе. То есть, такой подлец и практически фашист. Глупости, большие глупости. Ницше, конечно, нигилист. Вот это, давайте скажем точно. Нигилист от слова такой борец. Ну, такой, знаете, нет для меня никаких авторитетов. Я нигилист. Но, а кто тогда не нигилист? Тогда все были нигилисты, антихристиане, антиморалисты. Ну, помните, я говорила вам, какие книги были бестселлерами. Тогда это модно, тогда это нормально. Но на фоне вот этой моды Ницше уделяется как хороший философ. Он исходит из уверенности, что слабым человеком, который, ну, не может противостоять более сильным, там, социальным или физически даже, всегда владеет стыд и желание мести. Как бы, это, вот эта воображаемая месть, то есть всегда этот человек слабый, всегда живет воображаемой местью, говорит, Ницше, он будет только понять, да, рессентимент. Таким образом, говорит он, и формируется мораль рабов. Мораль рабов, то есть мораль сильного, это я действую в своей силу. Неважно, какой, да, там, социальный или там, где-то. Вот я действую в своей силу или ментальной силы. А мораль рабов, это не иметь возможности действовать из сил, потому что нет силы, но при этом жить вот этой вот моралью рабов, да, из сентиментов. И вот он говорит, история человечества в одно прекрасное или непрекрасное время переворачивается, и мораль рабов становится лидирующей. И он это связывает с христианством. Он говорит, что мораль рабов – это христианство. То есть это те самые слабые, те самые хилые и убогие, которые решили противостоять, как бы сказать, противостоять сильным. Но как они не могут же напрямую противостоять, наши слабые, да, поэтому они выдумали некую моральную философию, моральные идеи, в которых, например, милосердие – это хорошо, а не милосердие – плохо, в которых, например, значит, ну такое, ну скажем, как сказать-то, ну подставь вот там щеку, да, вот это вот. Типа это ценно, а вот мо-

раль сильных не ценна. Сразу же могу сказать. Конечно, Ницше очень плохо знал историю христианства, и, конечно, я думаю, что те первые христиане, которые были, а, мученики, вторые были солдатами, в-третьих были строителями новой эпохи, они, конечно, посмеялись бы, сказали, что мы-то, это мы-то, да, слабые, да? А, это мы слабые, ну ладно. Вот, они бы, конечно, посмеялись, и я вместе с ними. Но, понимаете, Анидши-то смотрел на вокруг себя христианство, он ведь не на то, он, на самом деле, туда не заглядывал, в этом смысле он слаб, как мыслитель, но он силён как мыслитель, анализируя вот то христианство, которое вокруг него, а он знал, о чём говорил, он из пастырской среды, у него семья была, отец был пастырь. И вот, то есть, понимаете, он критикует, по сути дела, то христианство, которое вокруг него, а уж говорить про то, что вокруг него было христианство, реально очень сильно отличающееся от того, что в начале эпохи, в начале христианской эпохи, ну это, как говорится, очевидно, да? Поэтому Ницше, он, как говорится, не останавливается на критике вот этого христианства, ведёт дальше и настаивает. Человек, который представляет собой прирождённого господина, так вот, если только такой человек обладает состраданием, то сострадание имеет цену. То есть, смотрите, если ты, будучи сильным, можешь противостоять любому, но просто не тыкаешь его палкой в глаз, не потому что ты, что называется, ну, как сказать, не можешь, а потому что ты не хочешь этого делать, потому что тебе жаль этого человека. Вот только это сострадание имеет силу. То есть не сострадание слабых, а сострадание сильных. Поэтому что? Только, ну, как сказать, ну, давайте будем сильными, предлагает он человечеству. Он негодует, если под милосердием прячется всего лишь обычная человеческая слабость. Разве это не, что называется, это даже уже не критика христианства, а это критика фундаментальная? Говорит, если уж ты, говорится, силен, ты можешь себе позволить быть милосердным. Если ты слаб, твои милосердия ничего не значат. Он настаивает. Если вы хотите быть антихристианами, пожалуйста, будьте, но будьте последовательны. Станьте кардинально иными. Уничтожьте мораль как таковую. Он ставит эксперимент. А давайте уничтожим мораль как таковую, если она основывается на слабости. Я, говорит, вокруг себя не вижу морали сильных. Я не вижу сострадания сильных. Я вижу вокруг себя сострадания слабых, которые кучкуются в кучки и начинают давить друг друга, называя это христианской добродетельной. Он просто не позволяет быть христианином или моральной личностью в силу некой привычки или в силу традиции. Или в силу какой-то такой, понимаете, ну, типа так принятым. Я с людьми, я с кучкой. Вот это он считает, я знаю, что я задержалась по времени, но я опису закончу. А именно это он видел вокруг себя. Философ негодует. Среди тех, кто, например, нынче живет в Германии, живут, ну, то есть нынче в Германии, живут в свободе... Сейчас я поставлю коротенькую цитату, как бы сократить. То есть большинство тех, кто сегодня проникнув в свободом мысли самых разнообразных сортов происхождения, прежде всего, среди них много таких, у которых трудолюбие, уничтожило все религиозные инстинкты. Они уже не знают, для чего нужны религии. Они только с каким-то тупым удивлением как бы регистрируют их наличие в мире. Они вовсе не враги религиозных обрядов. Нет, они будут выполнять религиозные обряды полностью, если требуется в известных случаях. Ну, там много-много больших такие цитаты, да. Вот. Но это равнодушие в религии и есть смерть христианства. Вот этот труп христианства, который он наблюдал вокруг себя, он и активно осуждает. И он выдвигает свой знаменитый тезис. Бог умер. Да? Ну, а только почитайте, пожалуйста, что имеется в виду. Бог умер, потому что это мы его убили. Этот мир, говорит он, не заслуживает Бога. Мы

слабые. Мы используем религию для оправдания собственной слабости. Так пошла тогда нафиг такая религия, говорит он. Ну, вот вам и антихристианство. С той же требовательностью и непримиримостью он ополчается на моральные устои, которые не на религии основаны, а на идее общественного прогресса. Да? Он говорит, ваш общественный прогресс – это тоже слабость. Вот он, его цитата. Я ее здесь не писала. А нет, кто исследует совесть нынешнего европейца? Та-та-та-та. Почитайте. Общественный договор, о котором говорили Лок, о котором говорил Гокс и многие другие мыслители, вот для Ницше это слабость, но только обряженные в одежды социальной морали. Так вот, Ницше предпринимает безапелляционное разоблачение всего того, что в европейской культуре считается разумным, истинным по умолчанию или в силу модных положений. Он говорит о том, что... А давайте все мы, все идеи доведем до конца. Вот, например, говорит, тогда вошла в моду положение, в тот период вошло положение, в моду положение Дарвина о том, что человек... Ну, это не положение Дарвина, положение дарвинизма, его сторонников. Что человек – это, ну, как бы животное, да? Человек – это обезьяна. Еще раз, Дарвин этого не говорил, но тем не менее, вот, и там, его, как бы, последователи это активно развивали. Да, давайте, говорит Ницше, доведем до логического конца эту установку, не будем останавливаться на полпути. Если человек только животное, то речь может идти только о потребностях и реакциях, правильно? Ну, давайте говорить только о потребностях и реакциях. Но, говорит, стоп. А почему возбуждение сильного, например, реакции хищника, должны быть в каком-то там... Вернее, мы должны исключить, ну, как бы, как нечто такое неправильное. А вот реакции, например, жертвы хищника должны оценивать как что-то там ценное, как моральное. Ну, вот, скажем так, миролюбие. Миролюбие – это, говорит, если мы животные, то миролюбие – это будет мировоззрение или, так скажем, реакция кого? Зайчика. А миролюбие не будет реакцией волка. А почему, говорит, мы должны быть животным, травоядным? А давайте, говорит, будем волками тогда. Почему нет? И тогда давайте все-таки право сильного и будет рулить. Мы должны перестать притеснять действительно сильные проявления животного начала. Ну, если человек – животный, да? Воля к власти – только она источник и основа исцеления от дыхлевшего человечества. Воля к власти – единственное, что имеет ценность, поскольку в условиях прогнивших в своих основах рациональности – это единственное, что можно назвать настоящим. Вот тут можно очень много говорить. Но я закончу разговор о Ницше вот какой мыслью. Ницше сделал себя полем битвы вот этих вот идей. Он буквально взрывал свой мозг вот этими доведенными до конца принципами, понимаете? И этим он великий философ. Не каждый так решится. Проговорить до конца все принципы, которые являются общими местами. Общее место, помните, да? Ну, как бы все разделяют. Ну, все говорят, действительно, ну, человек – это животное. Ну, смотрите, не так, как это говорили святые отцы, это животное, призванное стать Богом, а просто животное. Со своими просто реакциями, просто импульсами, имеется в виду этими инстинктами, просто там какими-то гормональными обстоятельствами. Ну, как, что животное? Так давайте будем, понятно, какими животными. А? По-моему, сильно. Почему я говорю, он сделал себе полем битвы? Потому что он сошел с ума. И последним, так скажем, вот этим вот актом, когда его, значит, сознание буквально разорвало на части, на части разорвало, да, на два, на два, на две части. Это было утро 3 января 1989 года. Ницше вышел из своей наемной квартиры в городе Турини, и вдруг он видит изводчика, который сбивает лошадь, да? Это очень известная такая тема, она и в фильмах встречается, и в разного рода. Ну, в общем, это та-

кая известная тема. И вот Ницше с криком бросается через площадь, обнимает дрожащую лошадь за шею, стараясь защитить её. Это я к чему это говорю? Почему я это рассказываю? Потому что, ну, не берите в голову образ Ницше, как человека, который просто как бы негодует по поводу милосердия, потому что он сам такой немилосердный. О, нет, в нём милосердие живёт ещё, как живёт. Он старается защитить эту лошадь, потом он теряет сознание, и после этого оказывается уже в больнице. Его сознание разделилось на два, на такую диаду. Он называл себя Дионисом, это то яростное, да, дионисийское начало. Он в авторождённом, то есть это имя Диониса. И распятым, догадайтесь о комнате. Умер 25 августа 900 года. И всё, что вы знаете про то, что Ницше – это вот основоположник нацизма, это, пожалуйста, ну вот не надо этого, да. Во-первых, он умер за долгами нацизма, не мог предсказать даже там итальянский фашизм, не говоря уж про, собственно, немецкий. Во-вторых, он очень критично относился к соотечественникам. Он мало кого любил, но немцев он не любил больше всех. И уж точно он бы не одобрил. А во-вторых, там была его сестра, которая прибрала все рукописи к рукам. А когда всё-таки, ну она-то прожила гораздо дольше, когда всё-таки власти пришли нацисты, я уж не знаю, то ли спасая свою жизнь, то ли пытаясь там, ну как говорится, на волне подняться, она вот их ей, собственно говоря, пристроила к этому дискурсу новому. Поэтому, ну что называется, если уж кого-то обвинять, то в том, что какие-то идеи Ницше попали в обойму нацистов, немецких, да, фашистов, это всё-таки сестру его надо.

Фрейд Значит, смотрите, философская мыс XIX века, с одной стороны, формирует такие радикально нигилистические, критические настроения, а с другой стороны, даёт интерпретацию вот этому стихийному чувству протesta как такого, да. Поэтому, вот как это сказать-то, какие-то философы сосредоточились, например, на политической активности, какие-то сосредоточились на этой активности внутренней, какие-то на мировоззренческой, а были философы, которые сосредоточились в кои-то веке на психической жизни и там сопротивлении, которое нам же оказывает, собственно, психика. Да? Ну вот мы что-то захотели, а не можем. Или наоборот, мы вроде этого не хотим, а делаем. Понимаете, да? То есть оказывается, вот эта вот стихия, это неподконтрольная сила, она живёт ещё и в человеке внутри него. Это называется психоанализ. На самом деле Фрейд вообще-то хотел создать физику психики, и он говорил о том, что психика – это машина, да? То есть в духе вот человек – машина, по сути дела, но уже не часы, а тепловой двигатель. То есть она накопит, а потом выдаёт работу. И эта работа абсолютно автономна от нашей воли. И поэтому очень важно понимать, что психоанализ – это было всё-таки, с одной стороны, как бы, ну, вроде, это же другое, это же не так философия, но он очень в духе того времени. Далее Юнг развивает сферу бессознательного, ну, не только Юнг, не только, как говорится, в таком, ну, там очень много последователей у Фрейда, но вы чувствуете, открывается целая область знания. Целая область знания. Она вообще-то называется наукой, по этому поводу есть сомнения, я бы назвала это искусством, но я не навязываю эту точку зрения, вполне возможно называть это наукой. Всяка, в общем, в этом случае Фрейд очень хотел, чтобы это была наукой. И сегодня действительно, ну, психология, как минимум, она существует в научном дискурсе совершенно как бы спокойно. Но психоанализ, вот тут у меня, конечно, с вами, насчет того, что это наука. Это прекрасное искусство, и оно может кому-то очень нравится, кому-то может не нравится. Ну, чувствуете, да? Скорее-то, ну, опять, это как бы, это, опять же, личное мне-

ние, да? Но чувствуете, в целом, я сейчас обобщаю этот наш разговор, вот, в целом, искусство того периода, оно называется модернизмом. Вот помните, был модерн, а вот модернизм. И опять же, не только потому, что я искусствовед, а в силу того, что это очень показательно, искусство всегда очень показывает, что происходит с обществом, что происходит с этим миром. Вот я вам покажу примеры модернизма и объясню, как это связано с наукой. То есть, понимаете, искусство предчувствует то, что будет потом в науке и, в конце концов, в обществе, в каждой голове. Так вот, модернизм, основные характеристики его какие? Это отказ в той или иной мере от образа, ну, то есть, реалистичного восприятия мира. Это стремление к отвлеченным, или так, по-другому сказать, к абстрактным образом. Они передают не столько внешнюю суть предмета восприятия, сколько его преломление восприятия. Чувствуете, как вот этот цвет у Гёте. Цвет – это не что-то объективное, а это скорее результат нашей способности видеть. Свет и тень. Так и тут. Вот, например, импрессионизм от слова впечатление. В этих вот мазках, которые сливаются в фигуры, их можно увидеть, а можно не увидеть. Я как сейчас помню, мы сидим с моим спутником в Эрмитаже напротив картины Клода Мане. Ну, у него много подобных картин, там, значит, пруд изображен. Я искусствовед. Я изучала и тысячи раз смотрела или в репродукциях, или в подлинниках импрессионистов. Я была, знаете, таким очень самотвёрдым искусствоведом, очень люблю до сих пор эту сферу своей деятельности. Вот. И я не видела того, что вдруг увидел другой человек. Он говорит, ой, смотри, я там ёщё один человек где. А вон там женщина, смотри, и вдруг я понимаю, что у него из мазков сложилась фигура там, что женщина. Да, ты что, сверлила? А, смотри, ты там женщина. А там, смотри, лодка. И вот, то есть, и так несколько раз. Я была в шоке. То есть, действительно, так это работает, понимаете? Какое-то сознание вдруг в реальности вычленило, ну, в данном случае, в картине, вычленило какой-то образ. Он говорит, на, смотри, и вот я вижу. Это вот импрессионист. Чувствуете, да? Вроде бы, как сказать, всё есть уже в картине, но на это надо ёщё увидеть. Или вот внутреннее состояние, которое тоже рождается в этой эпохе экспрессии. Ну, понимаете, не без этого. Постимпрессионистический Ван Гог или его крайне такие проявления, как экспрессионизм. А тут просто обращаю внимание на то, какой техникой это написано. Особенно Ван Гога хорошо смотреть в подлинниках. У нас, слава тебе, Господи, в Эрмитаже много Ван Гога прекрасная вещь. Вы просто проникнетесь этой энергетикой, этой экспрессией, которая рождается. Или вот вам экспрессионизм, да? Мунг знаменитый. Понимаете, да, о чём я говорю? А вот сейчас я вам выхожу ближе к абстрагированию. Конечно же, его начинают разного рода кубисты, разного рода, как сказать, такие вот художники, разрывающие академизма, так это назовём. Что здесь имеется в виду? Смотрите, вот, например, этот самый, Господи, я сижу и вспоминаю автора. Ну, я уверена, вы знаете, скажите, самый известный кубист. Пикассо, слава тебе, Господи, спорта. Так вот, это, значит, портрет, один из портретов Пикассо. И все долгое время удивлялись, почему люди, изображённые на этих портретах, себя узнают. Ведь Пикассо всё сделал для того, чтобы реалистичность была разорвана, рассыпана на части. Почему же? И не только сами они себя узнают, но и те, кто их знает, тоже узнают. Да, это же он. Вот. А как это добивается Пикассо? А таким образом, он сохранял абсолютно как бы неизменными базовые пропорциональные позиции лица. Ну, например, там расстояние от носа до губ, расстояние между глаз, там расстояние, там, ну, понимаете, такие вот базовые пропорциональности. математические он сохранял, и, оказывается, этого хватает. То есть абстрактные категории, какие-то математические пропорции

могут, оказывается, тоже являться фактором восприятия реальности. Понимаете? И вот я как бы перевожу ваше внимание, к чему я это всё рассказываю, к принципам абстрагирования. Ну, вот уж совсем абстрактное искусство, супрематизм Малевича. Пожалуйста, не рассказывайте мне про то, что это плохое искусство, это хорошее искусство. Надо просто его понимать, и надо вот так вот встать перед красным или чёрным квадратом и объяснить, что это такое. Мне это удавалось не единственное. Вообще-то, каждый раз мне удавалось показать, что это хороший художник. Ну, вот, пожалуйста, ещё Кандинский, или это Миро, не помню. Беспредметность, да? Абстракция. И вот давайте теперь возвращаемся к науке. И мой тезис, который, я надеюсь, вы мне вернёте на экзамене, усиление роли абстрагирования в научном знании. Чувствуете?

10.2 Кризис

Вначале в искусстве всё, мы больше реальностью как бы не занимаемся, мы занимаемся абстракциями. А потом это проявилось в науке. Что такое абстрагирование? Это поиск тождества многообразия, поиск того, чем это многообразие объединено. И, конечно же, математика на самом деле это будет самый первый кандидат на процесс абстрагирования. Почему? Потому что вот перед нами пять предметов, которые вообще ничем не связаны. Ну, сами придумайте, какие. Ну, вообще ничем не связаны. Но они связаны. Чем? Какой абстракцией можно описать их, ну, как сказать, как нечто целое, как нечто схожее? Конечно, математика. Их пять. Понимаете? Мы их можем посчитать. И вот математика это одна из высших форм абстрагирования. И одновременно самая самая нам, так сказать, привычная. Да? Числа. Они нечто общее и абстрактное для самых различных объектов. Люди оценили способность чисел упорядочивания их восприятия, мира, отвлекаясь от индивидуальных особенностей предметов, ну, с самого начала человеческой культуры. И вот я вам Гейзенберга, которого, ну, работу, в смысле, Гейзенберг много писал философских работ, вот цитаты за мной из работ. С точки зрения современной математики отдельные числа не так важны, как сама операция счета. Освоив счет, люди сделали решающий шаг в сферу абстракции. Абсолютно, да, что называется, ну, такая понятная мысль и справедливая. Но при этом, смотрите, Гейзенберг же говорит, всегда можно убедиться в том, что математические формулы правильные, но не в том, существуют ли в действительности объекты, к которым они могли бы относиться. Вот как. То есть, смотрите, математика, да, она может быть, как говорится, она хорошо описывает реальность, но не факт, что нашу. Не факт, что ту, которая существует. Вот. И поэтому существуют как бы, ну, вот, плюсы и минусы вот этого абстрагирования. С одной стороны, мы можем очень многое описать и объяснить, а с другой стороны, мы рано или поздно столкнемся с ситуацией, когда мы не сможем убедительно сказать самим себе, что мы все еще описываем реальность. Дальше. Отмечаем еще один важный момент. Абстрагирование связано с конструирующим мышлением. с конструируем. То есть мы как бы конструируем реальность, понимаете? Вот. И тенденции вот этой вот абстракции в искусстве, как мы понимаем, они перешли границу, за которой вот искусство уже ну, как бы потеряло связь с действительностью, да? Ну, вот я вам показала последнюю работу, покажу еще раз. Вы можете без названия определить, что это? Ну, конечно, никогда вы не определите. Все, что угодно, да? Вот. И в данном случае как бы связь с реальностью, она потеряна, она осознательным художником потеряна, но к этому шел. Надо было сделать. Ну, ему

так хотелось. А вот в науке-то мы бы не очень хотели, да, чтобы наука разорвала с реальностью, чтобы полностью ушла от нее. Вот поэтому, смотрите, надо понимать, надо понимать, раз искусство предчувствует такую возможность, то мы должны тоже, как учёные, должны понимать, что наши конструкты, идеальные, абстрактные конструкты, могут потерять связь с реальностью. Как бы всегда чувствовать эту опасность. Ну и вот, наконец-то, мы пришли к науке нового, к новому типу, к неклассической, но опять же, вначале, как сказать, пройдемся по пути, вот скажем, кризиса в науке. Мы до этого говорили о кризисе мировоззрения, о появлении неклассической философии, философии жизни, а теперь вот о появлении неклассической науки, как бы опять немножечко отступаем в 19 век, даже в начало 19 века. Так вот, середина 19 века уж точно, это как раз процесс, период кризиса классической науки. Конец 19 века и начало 19 века это уже не классическая наука. Пожалуйста, не путайте, да? Вот, классическая наука это новое время, середина 19 века это кризис классической науки. Конец 19 и начало 20 это новый этап вне классической науки. Это схема, это, что называется, вот та самая абстракция, но она еще имеет какую-то связь с наукой, с реальностью, поэтому, пожалуйста, не пренебрегайте этой схемой. Уже в середине 19 века начался процесс осознания пределов в классической физике. Процесс был болезненный, поскольку вера в ньютоновскую физику была огромна. Но, тем не менее, смотрите, я вам уже рассказывала, что ньютоновская физика очень многих вещей просто не описывала, очень многих явлений. Например, она не описывала электричество и магнетизм. Правильно? Правильно. Но люди-то хотели ее описывать, тем более, что они искали эту пневму. И надо было работать с этим вот феноменом, феноменом электричества и магнетизма. РСТ обнаружил связь между электричеством и магнетизмом. Помните, мы это говорили, обрадовался, что нашел пневму, но другие исследователи, другие мыслители, они, в общем-то, отнеслись к этому по-другому. А что это за другие мыслители? Вот те, которых отнесли уже, как бы, как сказать, к негерметистам. Помните, да, мы говорили о расслоении среди учёных? И вот одним из таких негерметистов был Майкл Фарадей. Он поставил опыт, который подтвердил то, что изменяющееся магнитное поле вызывает электрическое поле. Надо сказать, что он и ввел понятие поля, потому что он просто не мог в терминах классической физики назвать то, что он обнаружил. Ему пришлось, как сказать-то, отставить в сторону термины прежней науки, сформировать новое. Это и называется кризис того понятия материи, которым располагала прежняя наука, классическая наука. Единственное, что было, была проблема для Фарадея, он был из бедной семьи, он не получил фундаментального образования, он был, знаете, таким вот экспериментатором, природознатцем. То есть он очень хорошо мог работать с природой, с инструментами, но у него не хватало математических знаний, вот этих вот теоретических знаний совершенно. И он не смог свои открытия представить в математической форме, но книгу-то издал «Экспериментальные исследования в области электричества». И на его работу обратил внимание Джеймс Клав Максвелл, который происходил из совсем других кругов, он получил великолепное образование, он был этим вундеркиндом, он там в 10 лет поступил в Нинбургский университет, и как раз математические знания были его ключевым интересом. И вот он знакомился с трудами Фарадея и сразу же заметил проблему в тех интерпретациях силовых линий, которую тогда разделяли большинство учёных. Тогда какой был принцип основной? Принцип дальнодействия, помните? Дальнодействия. И он распространялся на представление о физических, электрических флюидах. Ну, флюиды, вот принцип дальнодействия. А Максвелл предпочёл видеть

силовые линии, пронизывающие пространство. Он назвал их трубки тока, ввёл в рассуждения научные такие представления, как скорость потока и разница давления. Ну, он просто аналогия с гетродинамикой. Электрический потенциал, разность напряжения, вот это вот всё. В итоге он смог перевести идеи Фарадея на язык математики. И он написал статью о Фарадеевых силовых линиях, причём выслал её самому Фарадею. Он был сначала, который, вернее, Фарадей был ошарашен совершенно эти сложности математического аппарата, но всё-таки разобрался. Человек-то умный был, да. И, ну, вообще-то, пришёл в восторг, да. Сказал, что, ну, вот поэтому мы говорим Максу Фарадею. При жизни Максвелла не обнаружилось то, что он предсказывал. Он заявлял, что свет это электромагнитная волна, предсказал существование других электромагнитных волн. При жизни Максвелла их не обнаружили, а сейчас, как мы знаем, их достаточно, ну, то есть мы знаем большое количество электромагнитных волн и оптического спектра. Таким образом, понятие поля существенно скорректировало прежнее понятие материи. Прежняя классическая система понятий и математических абстракций уже не удовлетворяла исследователей. Понимаете, словаря не хватает. классическая физика, физика Галилея Ньютона не дала всего словаря, которым можно было описывать природу, описывать действительность. И в первую очередь описывать такие явления, как электрические, магнитные и электромагнитные явления. Второе, как бы, кризис, второй проблемой стал статистическая физика. Вот она тоже столкнулась с тем, что, ага, а где наша статистическая физика? Вот она. Совершенно невозможно, что называется, описывать классическим словарем, словарем классической науки, некоторые новые понятия. Статистическая физика изучает явления макроскопического такого свойства, да, то есть систем, состоящих из очень большого количества одинаковых частиц, например, газ, да. То есть,смотрите, классическая физика могла исследовать такие автономные частицы, их взаимодействия. А вот эта вот физика, термодинамика, статистическая физика вышла на явления, которые, ну, нельзя, как бы, они в реальности, нам нельзя выделить, особенно тогда нельзя было выделить одну молекулу газа, да. Мы имели дело только, учёные, люди имели дело только с большими объёмами. И вот Роберт Бойл показал, что отношение между давлением и объёмом газа можно так описать, как результат множества ударов отдельных атомов о стенку сосуда. Ну да, а как это описывать, какими понятиями? И, понимаете, вот термодинамика не складывалась из тех понятий, которые располагала прежняя физика. Поэтому возникла как бы новый подход физики, когда большое число частиц в макроскопических телах описывается в новых статистических закономерностях поведения тела. И это поведение, как выяснилось, достаточно быстро в широких пределах не зависит от конкретных начальных условий, от точных значений начальных координат скоростей частицы. Если вы поняли, что такое классическая физика, нюденовская физика, то вы поняли, что это вообще-тоссора. Мы поссорились, называется. То есть, если классическая физика, физика Лапласа, ну, в смысле, физика Лапласа, Лапласовский детерминизм говорит о том, что всё зависит от конкретных начальных условий, мы можем просчитать, если мы будем демонами, да, особыми такими, мы могли бы знать, зная начальные положения, конечное состояние системы с точностью, если мы знаем начальные координаты скорости, то вот статистическая физика, имеется термодинамика и тому подобное, говорят уже, а вот нет, не можем. Учёные были вынуждены согласиться с тем, что процессы, происходящие в таких системах, описываются макроскопическими величинами. То есть это такие понятия, которые неприменимы к атому, например, то есть к индивидууму, к отдельной молекуле или

атому, неважно. Например, что это за понятие? Давление. Понимаете? Давление – это характеристика, которая описывает только, как работает ансамбль, как работает какая-то, ну, коллективная такая вот форма существования, то есть много молекул, да, или температура, да, мы можем, ведь когда мы говорим о температуре, мы же не говорим о температуре атомов, мы говорим о той характеристике, которая связана, то есть на атомном уровне это движение, а вот на определённом другом уровне это температура или концентрация, то есть вот эти все понятия, они расширили представление физики о реальности, уйдя тем самым от только классического, от классических абстракций, только от классических абстракций. Ну и вот мы теперь приходим напрямую уже к неклассической физике, мы приходим к теории относительности, к теориям относительности Альберта Эйнштейна, который вот эти пределы классической физики и её панихидной системы уже совершенно определённо обозначил как вчерашний день. Но при этом, смотрите, никто из них, вот из этих людей, которые здесь перечислены, они не хотели вообще-то разрушать механику Ньютона, они её хотели обобщить. Но вот в ходе этих процессов обобщения возникает новый подход к реальности, новый тип науки и новые, соответственно, даже виды науки. Специальная теория относительности, это 100, да, специальная теория относительности разработана Эйнштейном, хотя ранее к ней пришёл Планкаре. Ну, Планкаре – это вообще особая история в истории науки, где, как говорится, он только не сказал новое слово, но проблема была в том, что он никогда новые вот эти свои идеи не дорабатывал. Поэтому существует даже в научном дискурсе такой спор. Эйнштейн или Планкаре – это типа за кого, да? Ну, я в нём не буду участвовать, если позволите. Поэтому дальше про Эйнштейна. Работа 1905 года к электродинамике движущихся тел. Она была основана на преобразовании Лоренца, если вы... Ну, как бы я сейчас не буду сильно погружаться. То есть, по сути дела, речь шла, на самом деле, просто о расширении Галилеевской системы представлений. Но вот эти координаты, вне эти преобразования Лоренца позволяют преобразовывать пространственно-временными координатами при переходе от одной инерциальной системы к другой. То есть, они описывают такие эффекты, как замедление хода времени и сокращение длины быстро движущихся тел. Да? Вот. Ну, каких быстро? Быстро, то есть, приближающихся к скорости света. Ну, а скорость света, как вы понимаете, она ключевая как в специальной теории относительности, так и в общей теории относительности. Поэтому, первый вывод, который был сделан Эйнштейном, это фундаментальное такое следствие специальной теории относительности, вывод о том, что вещество не может двигаться со скоростью света. Вещество, скорость вещества, любого атома, всегда меньше скорости света. Еще раз повторюсь, несмотря на эти вот такие неожиданные какие-то, достаточно интуитивно неожиданные выводы, все-таки специальная теория относительности опирается на три постулата Галилея, они, которые всего лишь несколько расширены за счет преобразования Лоренца. И к ним добавлен еще один постулат о постоянстве скорости света во всех системах отчета. Еще раз повторяю, вообще Эйнштейн, или там, тем более там какой-нибудь, какой-то, да, здесь тут никто, вот здесь, и честно, не хотел вообще опровергать классическую механику. Все к ней относились, ну, как-то, это, ну, база физики, да, но все равно получается так, что механика остается классической позади. Ньютон считал, что пространство абсолютно, а Эйнштейн показал, что пространство это такой сложный физический объект с определенными качествами. Оно способно как бы растягиваться и искривляться, и сжиматься, да, таким объектом становится и время. Ньютонская концепция предполагала, что течение времени одинаково во всей

Вселенной. Отрезки времени, условно говоря, минута, она что здесь минута на Земле, да, что где-нибудь в другой части галактики или вообще Вселенной. Да, часы не в состоянии сказать нам, насколько быстро вот эти интервалы времени идут, да, но количество этих интервалов можно совместить в любой там, во всех системах, в любой системе, которая расположена там в галактике, здесь, в поле тяготения, не в поле тяготения и так далее. А Эйнштейн показал, что это не так. Он сказал, что эффект замедления времени и даже отставания часов, он заметен при скоростях близких к скорости света. Время замедляется тем сильнее, чем выше скорость. Ну вот, отсюда гипотетический вывод. Время останавливается, когда достигнута скорость света. Время останавливается, когда достигнута скорость света. Он мысленный эксперимент назвал, что будет, если двигаться вместе параллельно с лучом света. Такой мысленный эксперимент и описывает как вот остановку времени. То есть, смотрите, почему это вот ключевое положение недостижимость скорости света? Потому что сама этот постулат о недостижимости скорости света порождает категорию причинности, оставляет ее неизменной. Ну смотрите, принцип причинности опирается на что? на существование времени. Причина раньше следствия. Не одновременно причина раньше следствия. Если времени нет, то нет и причины. Нет и следствия. Все одновременно, все здесь и сейчас. А если мы достигаем скорости света, то времени нет. Поэтому вот почему так важен, ну во всяком случае для Эйнштейна, принцип скорости света. Принцип, не скорости света, а принцип недостижимости скорости света. А если мы допустим возможность сверхсвестной скорости, то, конечно, мы имеем возможность путешествовать во времени. Опять же вспоминаем фильм Интерстелл. С понятием пространства, как вы понимаете, естественно, связаны не только наши там скорости, разумеется, и так далее. Кстати, я сейчас выпускаю из внимания, а вы, пожалуйста, сами поинтересуйтесь, принцип эквивалентности скорости и движения в поле гравитации. Эйнштейновский знаменитый принцип, знаменитый его лифт, тоже мысленный эксперимент с лифтом, да. Пожалуйста, поинтересуйтесь, почему. Потому что, конечно, в поле гравитации мы скорости света не достигаем, но как позднее там возникла идея о черных дырах, где гравитация настолько мощна, что в ней тоже все вот эти эффекты сокращения объемов и растяжения времени вплоть до его остановки, они как бы выполнимы. Это вот принцип эквивалентности. А теперь к геометрии. Геометрии, да. Эксклидом были сформулированы положения такой геометрии, которая интуитивно воспринимается нами как единственная достоверная. Ну, она вот геометрия действительного мира. А это мир как бы плоскость, мир такая, ну, как сказать, емкость или доска, на которой все происходит. А вне классической науке такое положение вещей ставится под сомнение. Причем, ну, вина за это лежит, конечно же, на самом эвклиде. И нет, это не вина, это вина в кавычках, разумеется. Это победа гениальности эвклида, потому что один из, одно из пяти аксиом, которые он формулирует в своих началах, один из постулатов похож на теорему. То есть требует, как бы, чтобы, ну, доказательство было. Она звучит так. Предположим, что имеется прямая линия, точка вне ее. Тогда через эту точку можно провести одну и только одну прямую и параллельную первой. И как бы хочется доказать. И эти занимались математикой. Немецкий математик Гаусс, это 18-19 век, ну, в смысле, его деятельность, конечно, 19-го, теперь около Индии приходится. Он понял, что эвклидова геометрия это только геометрия плоскости. Но мы же можем представить себе геометрию искривленного ландшафта, искривленной плоскости, искривленной реальности, да? Например, геометрию шарика на Дутова. И вот Гаусс, рассмотрев последствия перенесения эвклидовой геометрии

на искривленную поверхность, только в двух измерениях, он заметил, что пятый постулат вот этот перестает быть справедливым. Невозможно провести ни одну параллельную другой линии. И сумма сторон треугольника оказывается не 180 градусов, а больше. И так далее. Римман успел создать неевклидовую геометрию, хотя прожил только 40 лет. Он обобщил геометрию Гаусса на три измерения. Вот понимаете, геометрия Гаусса это еще плоскость, два измерения. А Римман обобщил на три измерения. То есть речь идет об искривлении трехмерного пространства с положительной кривизной. Это полностью порвало с принципом наглядности. Вон, вспомните, мы говорили про это абстрагирование. Это уже то, что невозможно представить. Это уже разрыв с реальностью, с представимым. Ну, конечно, математика это не может останавливаться, естественно. И Римман это не интересовало. Можно представить его построение, нельзя, неважно. Он дал способ выполнять расчеты и предсказания именно для искривленной трехмерной поверхности. Ну, хотя там сохранялась связь с евклидовой геометрией. То есть в малых областях, в малых очень областях, в малых приближениях евклидовая геометрия вполне справедлива. Другая же евклидовая геометрия это независимо только от друга разработанные Николай Лобачевский и Иоанн Шболиев. Их интересовала математическая возможность, когда через точку, расположенную в непрямой, можно провести бесконечно много параллельных линий. Бесконечно много параллельных линий. Эта геометрия описывает пространство трехмерного пространства с отрицательной кривизмой. Так вот, Эйнштейн рассмотрел возможность вот такого искривления физического пространства, трехмерного искривления физического пространства, потому что геометрия позволила ему это делать. И он в этом смысле опирался на геометрию Риммана и Клиффорда. Но Эйнштейн это интересовало не сами геометрические свойства пространства, а то, как это связано с гравитацией. С гравитацией. И он предложил новую теорию гравитации, просто обобщая теорию, специальную теорию относительности. И вот тут мы выходим в принцип эквивалентности. Смотрите, наблюдатели, которые летят ли в лифте, идущим вверх, с ускорением, равным ускорению земного тяготения, не почувствуют отличие от действия земного тяготения. То есть инерционное поле, создаваемое ускорением, будет точно такое же, как и поле гравитации, если вы скоростью уравновесите. Он сосредоточился на этом феномене, на этой идее. И сделал вывод о том, что луч света, который искривляется, проходя у края солнца, это вот связано с искривлением пространства. То есть не луч вот там отклоняется, его не притягивает каким-то образом солнце, как вот у Ньютона, да, помните? Притягивает с помощью принципа дальнодействия. Просто так вот, ну, просто вот притягивает и все. А надо сказать, что Ньютоновская идея дальнодействия всегда очень не нравилась Эйнштейну. Не потому что там, там, алхимия или еще что-то такое. Нет, просто, ну, как бы незакончено. Наука некрасива, потому что. Вот. И гравитационное взаимодействие, как предлагает Эйнштейн, это не тяготение, вот это вот, да, вот, как сказать, там, симпатии взаимные, да, просто притянуло и все. А потому что, условно, как будто Вселенная знает вот все, что происходит, вот, помните, чувство лица Бога и так далее. А потому что масса искривляет пространство. Он приводил образ, когда сын ему объяснял, что такое его теория. Он говорил, выставь себе резиновую пленку и на нее положили апельсин. И вот, как бы, до этого все, что лежало ровно на пленке, начали скатываться туда, в эту ямку. Но только надо это представить в трехмерном измерении. Двухмерный, трехмерный. Солнце искривляет пространство вокруг себя, как любая материя. Но, понимаете, масса огромная. И в этом искривлении движение любой другой материи идет по самому кратчайшему пути, просто

по геодезической линии. Рейнштейн сформулировал большинство физических теорий, общей теории относительности, однако долгое время не мог сформулировать их математически. Он просто не знал подходящего математического аппарата. И вот тут ему очень существенно помог его друг Марсель Гроссман. Он был как раз специалистом-математиком в недавнем, на тот период недавнем, в недавней области математики, недавно возникшей области математики. Она как раз и развивалась на представлениях о искривленных пространствах. Вы понимаете, что вот абстракция полностью вступила в свои права. Искривленные трехмерные пространства сидят математики и спокойно занимаются этим темами. И тут это понадобилось физикам. То есть вроде бы то, что имеет какую-то вообще отвлеченные какие-то такие вот абстрактные характеристики, физикам понадобилось тензорное исчисление. Так вот, Гроссман познакомил Эйнштейна с этими работами, Риммана, Кристофеля и Ричи. И вскоре под руководством Гроссмана Эйнштейна владеем тензорным исчислением, приступил к формулированию уравнений, которые описывают идеи общей теории относительности. Вот таким образом выведенные эти уравнения позволяют определить, насколько и как именно искривлено пространство у данной массы или там внутри массы. И он там показывает, что время в сильных гравитационных полях течет медленнее. Он, кстати, сделал вывод о том, что и доказал, что его уравнение сводится к уравнениям Ньютона, когда вот, значит, скорости небольшие или поле гравитации недостаточно мощное. Ну, в смысле, искрение пространства и времени. Вот. Но он не смог решить ряд уравнений. Ряд уравнений, которые бы закончили его теорию. Понимаете? Ну, потому что это особое, как бы создать уравнение, решить несколько разной вещи, да? За него это сделал астроном Кларл, Карл, простите, Шварцшидт. Вот он последний у меня в списке. И овите, как много. Поэтому делать слайды я уже просто, ну, не стала, извините, да, их лица. Ну, вот. В это время Шварцшидт был добровольцем на русском-немецком фронте, да? Он умирал в госпитале в это время. Но вот, знаете, какая сила заинтересованности, какой математик. Он успел найти до смерти на свои решения для сферического распределения масс, которое послал Эйнштейну. Эйнштейн очень был рад, ну, вот, всё решение есть. И очень удивительно, что из этого решения выходило одно следствие, которое начало беспокоить Эйнштейна. При достаточно высокой концентрации масс пространство искривлялось так сильно, что область внутри вот этих вот искривлений определенного радиуса казалась как бы отрезанной от остальной Вселенной, пространство становилось похожим на бутылочное горлышко или на воронку, а на другой стороне как будто бы имелось её зеркальное отражение. Чувствуете, да? Куда наука запрыгнула от человека, от его мысли глубины, неописуемой, человек, который в это время умирал в госпитале. Вот. Эйнштейн назвал этот феномен пространственным временными мостиком. Вот мы переходим с вами к следующей. Очень такой сложной науке чувствовать и общую относительность прямо скажем непроста.

10.3 Роль квантовой механики

А квантовая механика, как мы все знаем, ешё не простее. В начале XX века понятие материи претерпевает существенную трансформацию. Существенную трансформацию, причём это касается как онтологических, так и гносиологических позиций. Напомню, онтологические позиции, это то, что касается того, ну I end what for, which isabilir, which is ОНТ, ontology, which is accomplished. А

есть гносиологические позиции, ещё раз напомню, гносиология, учение о познании, науках о познании, и соответственно, вот эти изменения касаются того, как мы познаём реальность. Квантовая механика внесла существенные изменения в том, как мы с помощью каких-то подходов к реальности познаём реальность. И здесь, конечно, ключевая фигура – это Макс Планк. Опять же, человек, который совершенно не хотел конца классической физики, классической механики, он всего лишь хотел исправить один из серьезных недостатков классической теории. А я напомню, с этого все и начинается. Как говорится, достаточно ковырнуть в каком-то там миропредставлении, казалось бы, целостном и на века существующем, какой-то один элемент, и все посыпется. И я сознательно напоминаю вам о первом таком ковырянии, простите, да, которое происходило в Средневековье. Схоласти ковырнули концепцию Аристотеля, его физику, сковырнули и создали, ну, просто на основе такого умозаключения и отчасти наблюдения, о том, что воздух действует как сопротивление. Он говорит, да нет, ну воздух же действует. Мерпанские схоласти, напоминаю. Там теория импульса родилась, из которой потом теория импульса. А вот Макс Планк, он, по сути дела, по сути, ну, как сказать, изучал излучение. И вдруг у него так получилось, что оно излучается порциями. Их назвали квантами. Он так их сам и назвал. Но они непрерывно, ну, квантами, да, то есть порции, а как бы дискретно. Вот есть континуально, это волны, континуально связаны. А есть дискретно порциями. Но только за несколько лет до него было доказано, что свет имеет волновую природу. Представляете, как он расстроился? Ну, она же волновую природу имеет. И хотя сам Планк только заделывал дыры в одном из уравнений классической теории, тем не менее получилось, что свет одновременно и частицы и волна. Вот так вот. Корпускулярно-волновой дуализм. Корпускулярно-волновой дуализм. Запоминайте эти фразы, потом там в слайде будет. В 1923 году. В 1923 году. Видите самое длинное имя? Луи Виктор Пьерре Монде Брой. Как вы понимаете, не зря у него такое длинное имя. Он был французским принцем. Ну, то есть вот этих кровей, да, аристократических принц. Королевская династия. Конечно, французы уже не имели короля, но тем не менее династия существует. Так вот, он показал, что взаимодействие электронов с излучением легче всего понять, что электроны ведут себя то, как частицы, то, как волны. Более того, он вёл представление о том, что свет может иметь двойственную природу. В смысле, что не только свет может иметь двойственную природу, но и вещество, вообще любое вещество. Любая материальная система имеет двойственную природу. Она и корпуску, ну, как бы материальная такая вот, да, отдельная изолированная сущность. И волна. И он предложил достаточно простую формулу. Чем больше масса объекта, тем больше длина его волны, то есть меньше частота. Поэтому, например, мы не замечаем частоту такого объекта, как Земля или Солнце. Понимаете, слишком большой объект, частота просто очень-очень маленькая. Для мезомира волновые свойства материи, говорит он, практически не проявляются, но они есть. А вот для микромира длина волны очень мала, соответственно, частота очень высока, и мы видим вот эту вот осцилляцию. То есть вот это волновые-то свойства. Песня, песня, песня. Эти идеи явились основой диссертации Деброяля. Но она выглядела настолько абсурдной, настолько дикой, что комиссия предпочла бы, конечно, послать его куда подальше, отвергнуть диссертацию даже на стадии рассмотрения. Но он-то ведь королевского происхождения, да, он же аристократ высших-высших- высших слоев. Диссертацию было нельзя ни принять, ни опровергнуть. И комиссия пришла свалить это трудное дело на эксперта, так честенько бывает, да. И экспертом стал Эльберт Эйнштейн. А, как вы понимаете,

Эльберт Эйнштейн далеко не тривиальный мыслитель. Он любил всякие такие вот, ну, парадоксальные идеи. И он был впечатлен идеей Дебройля, поддержал ее полностью. И уже спустя 4 года американские физики Клинтон Девинсон и Лестер Джеммер экспериментально доказали, что электроны обладают волновыми свойствами. Они обнаружили картину дифракции электронов. А позднее было показано, что частицы любого вида дают такую же картину. То есть вещества действительно обладает волновыми свойствами. Математическую форму такого представления о корпускулярно-волновом дуализме. А я подчеркиваю, это прям уже резкий разрыв с прежней концепцией материи. Прежняя концепция материи какая? Корпускулы, которые просто взаимодействуют. Вот это и есть наши атомы, молекулы, которые взаимодействуют. И вот наша материя. Но оказывается, материя еще обладает характеристиками поля, характеристиками волны. И совсем странно, характеристиками волны частицы. Математическую форму таким представлением придали независимо друг от друга Шривенгер и Гейзенберг. Вернер Шривенгер и Гейзенберг. Правильно, с немецкого. Ну, мы привыкли к Гейзенбергу, поэтому я буду так говорить. Хотя, ну, прекрасно понимаю, что, конечно, не Шривенгер, а Шривенгер и Гейзенберг. Гейзенберг. Да и не Эйнштейн, а Айнштейн, конечно же. Сама знаю немецкий язык, поэтому он говорил. Но буду говорить, как мы привыкли. Так вот. И они включили вот эти вот вероятностные представления, статистические представления, статистический подход, включили в это понимание, вот этого дуализма. Напомню, что такое вот эти вот статистические или вероятностные причинности. Известно, сколько людей погибнет в ближайший год, да? Но невозможно заранее предсказать, кто погибнет. Так и квантовая теория. Она позволяет предсказать, что три атома из 10 в ближайшие 10 минут распадутся, потерпят радиоактивный, претерпят радиоактивный распад. Но она не даёт возможности узнать, какие им... Волна, которая Дебройлем понималась в физическом смысле, вот какая-то волна, да, физическая, у Шривенгера и Гейзенберга становится волной вероятности. То есть вот там, где волна имеет максимальную амплитуду, для нас это означает максимум обнаружить там частицу, то есть проявление корпускулярности в материи. А там, где волна имеет минимальную амплитуду, мы обнаружим лишь что? Ну, дифракционную картину. Волны в этом обнаружены. То есть квантовая теория оказывалась статистической. И она, получается, накладывала определённые ограничения на наше знание о поведении объекта. Мы можем знать, ну, лишь вероятности. Это и есть копенгагенская интерпретация квантовой механики. Копенгагенская интерпретация квантовой механики. А Гейзенберг предлагает принцип неопределенности. Нильс Бор предлагает принцип дополнительности. О них, пожалуйста, чуть полнее там сами проработайте. Ну, это, в общем, довольно известная вещь, но, тем не менее, если вам они очень известны, то проработайте. Это как раз более полное воплощение принципа корпускулярно-волнового... Ох, у меня там пропущена буковка, но не важно. Корпускулярно-волнового дуализма. Сейчас сделаем вот так. Корпускулярно-волновой дуализм. Копенгагенская интерпретация как раз, ещё раз подчеркну, сосредотачивается над вероятностных толкований. Ну, чуть-чуть про принцип неопределенности. Смотрите, на атомном уровне, говорит он, имеется некая размытость. Ну, нельзя одновременно измерить импульс или координату частицы. При измерении импульса нарушается положение частицы. Почему это происходит? Ну, просто представьте себе, что вы изучаете там какую-то, ну, какой-нибудь там электрон. А чтобы его увидеть, да, ну, как сказать, там, измерить, понять его состояние, нужно же фотономос... Ну, как, минимум один фотон направить вот в сторону... Ну, в смысле, ну, чтобы он отразился, этот

фотон от чего-нибудь, да, как вы понимаете. А представьте себе, для таких вот этих областей, материи, для таких вот маханьких объектов, что означает удар фотона? Ну, всё, положение изменилось. То есть, как минимум из-за этого. Получается, как сказать, мы можем либо одно, либо другое узнать. Вот эта вот неполнота знаний в системе нормально, говорит Этель Резинга. Это нормально. Мы должны с этим, ну, просто согласиться. Вот. Нильс Бо. Он развивает этот принцип неопределенности. Он говорит, электрон ведёт в себя то, как частица, то, как волна, и эти аспекты дополняют друг друга. То есть, существует только по отдельности. И всё зависит от способа измерения. Положение и импульс частицы зависят от того, как мы их измеряем. А дальше возникла большущая проблема с прохождением, с опытом, с экспериментом прохождения электрона сквозь две щели. Наверняка вы все об этом наслышаны. Если не наслышаны, пожалуйста, те, кто, ну, как-то раньше не интересовался этой квантовой механикой, ну, найдите в интернете этот опыт, его описание, его визуализацию, и поймёте, о чём речь. То есть на экран, расположенный позади, щели, две щели, направляется пучок электронов. Когда щель одна, картина такова, что можно говорить, ну, вот, что электроны проходят через неё в качестве частицы. Проходят, проходят все. Просто там, ну, как бы на экране обнаруживаются вот эти вот элементы, элементы ударов, да, скажем так, ну, картины ударов. То картина выглядит... А дифракция — это, ну, как сказать, дифракционная картина — это след волны. Такие там, ну, как сказать, надо было картинку-то вам всё-таки нарисовать, ну, в смысле, не нарисовать, показать, но я-то всё-таки, видите, общаясь с учёными, уже много надеюсь, что вы все прекрасно понимаете, о чём речь. Я тут вообще философ, а вы все естественные, всё, ничего не знают. Так вот, если уменьшить интенсивность пучка вплоть до одного, то интуитивно, да, так скажем, с точки зрения здравого смысла мы можем предположить, что электрон пройдёт через одну щель, через ту или через другую. И мы обнаружим картину чего? картину вот этого удара, да, ну, как бы результат удара в качестве каких-то вот его отражений. Но есть и щели две, на практике вдруг при достаточно долгом проведении опыта показана и фракционная картина, то есть волна. Электрон — это волна, которая размывается перед тем, как попасть в установку, как бы проверяя, какая щель открыта. И вот на основе этого эксперимента развелось огромное количество других интерпретаций квантовой механики. Их прям много. И они на самом деле множатся. Одна из самых известных — это многомировая интерпретация Хью Эверетта. Про неё можно много говорить, но, во всяком случае, сегодня её можно даже посмотреть в разных фильмах. Это концепция многих миров. И он говорил, что это спасает на самом деле причинно-следственную цепочку, потому что уже нет какой-то такой вот проверки, как это электрон проверяет. На самом деле, электрон совершенно спокойно проходит через одну щель. Но мы же видим только это в одной реальности, в одном мире, в одной вселенной. А в другой вселенной пошёл через другую щель. И вот эта дифракционная картина, то есть часто повторяющийся опыт, это некое последствие эха многомирности, многомировой интерпретации. Когда он это рассказал, конечно, очень сильно покрутили пальцем вискар. Вообще он даже заболел из-за того, что его многомировую интерпретацию, мультиплей, его как бы не восприняли. ни физики, ни нефизики, не восприняли. Он заболел из-за этого. Но тем не менее, его учитель, Джеймс, да, Джеймс, он как раз взял и эту тему развел. И сегодня на основе этой многомировой интерпретации создаётся новая физика, это называется цифровая, физика цифровой реальности. Ну ладно, это уже другой разговор, это современность, и физика далека, прям скажем, полноценных. Это концепция математической вселенной.

Она далека от своего, как говорится, воплощения полноценного, но книги выходят с завидной регулярностью. Надо сказать, что всё это результат деятельности аспирантов одного учёного. Вот Эверетт был аспирант этого, и вот его другие аспиранты, они вот так продолжают эту линию. Но другие интерпретации, пожалуйста, попытайтесь сами выяснить, это невозможно, чтобы я сейчас их все озвучила. Дальше. Ну, конечно же, квантовая механика всегда пытается сформировать какую-то атомную модель. То есть попытки соединить принцип наглядности и математически экспериментальный, какой-то вот, каких-то математически экспериментально найденных истин в отношении микромира. Одна из самых первых, это модель Томпсона, пункт Пудинг с изюмом. Посмотрите картинки, найдите. Я не стала даже их тут как бы восстанавливать. Не потому что это неинтересно, что это вы сами прекрасно найдёте, хоть какая-то, может быть, для вас станет попытка что-то будет самостоятельное изучение, потому что на самом деле, не знаю, как в других группах, в моей группе довольно прискорбная работа происходит с материалом лекционным, материалом лекционным площадь вообще тяжело, прям вообще. Надеюсь, в остальном группах не так. Надеюсь, это я плохая. Это я плохо преподаю. Да. Так. Сейчас, секундочку, у меня тут опять небольшие проблемы с материалом, в смысле с техникой, это нормально. Это ненормально, дорогие мои. Сейчас, секунду, у меня просто залились компьютер, который дальше-то нам предлагает. Никак. Ладно. Сейчас, значит, дорассказываю с этим самым, без каких-то там помощников. Я вам предлагаю только два варианта эволюции моделей атома. Планетарная модель Бора-Рейзенфорда, Боро-Рейзенфорда. Есть другие модели. Мы будем очень рады послушать. То есть это вам как бы, понимаете, даже по поводу пантеромеханики, пожалуйста, на экзамене озвучивайте, рассуждайте по поводу любых. Вот холистических концепций можете, или там интерпретацию Нейман. Пожалуйста. Цифровую там, как угодно. Просто умейте рассказать про то, как эти концепции кардинально меняют представление реальности. Или модель атома тоже. Пожалуйста, на этом основе. Но я, конечно, особенно хочу подчеркнуть все-таки роль, опять же, инженерного знания. Потому что без всех этих вот, ну как бы теоретические, теоретические позиции, все хорошо. Но крайне важно, что наука выходит на создание новых инструментов анализа.

Помните, инструментализация науки продолжается. рентгенология, рентгенография, она настолько серьезно продвинула науку, насколько вообще возможно. Поэтому что даже все то, что мы знаем сегодня в биологии, фундаментальной биологии, например, о гене, да, о генетике, это же возможно только потому, что рентгенография этих молекул была осуществлена. То есть вот как бы от Санкрги они почему смогли вот эту мануку, потому что у них были наглядные рентгены, ну как наглядные, смутные, конечно, тем не менее, рентгены, вот эти вот рентгеноснимки. Это очень важно. Про это поговорите. Другие инструменты науки, которые были связаны с открытиями в сфере в сфере неклассической науки.

10.4 Основные черты неклассической КМ

Так вот, неклассичность науки теперь в целом. Мы говорим с вами здесь только о физике, но это же несправедливо. Наверняка, неклассичность проявлялась в других науках. Конечно, она проявлялась в меньшей степени и вообще, вот знаете, как Маркс создал свою концепцию общественных формаций, только опираясь на, по сути дела, английское общество, и оно с трудом было примени-

мо там, вот где-то там для русского общества, для там какого-то еще, а что-то может для восточных обществ. Ну, так вот, удел этих самых абстрактных моделей, которые к одним более-менее подходят, а к другим уж вообще не подходят. Но ведь на самом деле и наша концепция вот этого деления на классическое, не классическое, там, на т.д. Она тоже абстракция, мы же это не скрываем, да? И она, естественно, ну вот к физике хорошо подходит, потому что на основе ее и создана, да? А вот, например, к биологии уже хуже, но тем не менее. Вот смотрите, что в биологии не классичного в это же время? Конечно же, это исследование именно генетическое. Вот генетика это яркое проявление, по сути дела, не классичности. Начинается с Дарвина это, тем не менее. Смотрите, что, почему? У Дарвина не классичность проявляется в какой форме? А в то же самое, что у Маркса. Вот поразмышляйте по поводу своих наук, а я вам пример дальше, вы просто почувствуете. Смотрите, как Маркс сказал, что, по сути дела, ну, нет вот этого атома человека, как и отдельного сознания, а есть вот такой холистический, да, подход. То есть, сознание человека это некая, ну, как бы, констилляция социальных взаимодействий и, соответственно, вот отражение в индивидуальном сознании всяких разных социальных сил. То есть, коллективное измерение субъекта. То же самое у Дарвина. Если бы мы говорили в терминах классической науки, рассматривали исключительно в терминах классической науки теории Дарвина, теории эволюции, ну, Дарвина, теория эволюции, то мы бы были вынуждены сказать, вот сейчас, простите меня, биологи, но мы бы были вынуждены сказать, что когда-нибудь какая-нибудь обезьянка родила человека. Серьезно. И это не просто пустые слова, потому что в биологии очень долго шел спор, а когда происходит смена видов. И, например, такие философы, как мыслители, ученые, как Сент-Илерс, отец и сын, они даже новую науку развили, называется тератология, то есть наука о бородах. Они говорили о том, что виды новые возникают благодаря родствам эмбриона. Вот эмбрион подвергся каким-то там воздействию, ну, урод родился, так вот это вот и есть, ну, это мысль 18 века. Так поэтому вот как бы это и есть новый вид. Но, правда, не все новые виды так сохраняются, а только те, которые потом выжили и когда-то там... То есть когда-то какое-то вот уродство, какой-то обезьянки на уровне эмбриона позволило осуществиться тому, что все-таки родился человек. Да? Понимаете, да? Современная теория эволюции так не мыслит. А как она мыслит? А оказывается, единица эволюции это популяция, это не особь, популяция. То есть чувствуете коллективные измерения. Так же, как в термодинамике мы не рассуждаем уже об отдельной молекуле, мы рассуждаем только об ансамбле. И поэтому у нас такие понятия, как температура, давление, концентрация и так далее. Так и тут. Все, мы в терминах индивидуального, редукционистского такого подхода рассуждать о теории эволюции не можем. Единица эволюции популяция. Вот такие подходы и изменения в разных науках возникают. Вот этот кризис, несмотря на то, что он очень показательный на материале физики, тем не менее, возникает и в других науках. подумайте, посмотрите, обсудите с преподавателями. Один из таких форм вашего, подсказка в ходе этого рассуждения, я предлагаю обратить внимание, а с помощью каких методов изучаются, какие-то там знания возникли в этих науках. Если эти методы связаны с той же самой рентгенографией, то как минимум мы твердо можем быть уверены, что это уже не классичность. Или, например, появляется очень много математических абстракций, математического моделирования в этой науке, ну, значит, это тоже уже не классичность. И теперь сам, как бы, обращая ваше внимание на последний слайд и последнюю нашу тему, это не классическая научная картина мира, надеюсь, мы быстрень-

ко это все общим и расскажем. Значит, ну, первое, смотрите, я немножечко, может быть, не в том порядке пойду, как здесь, потому что в разные времена писались лекции, презентации создавались, неважно. Давайте первое, значит, системность. Системность и некая универсальность теории, то есть возникают эти теории, которые снова претендуют на универсальность, но возникает проблема объединения. И одна из важнейших вот таких принципов, как сказать, объединения порождает философские исследования. Философские исследования. Как бы наука снова становится отчасти философией. Пример. Эйнштейн и Бор. Спор Эйнштейна и Бора. Ведь о чём спор? Помните, играет ли Бог в кости? Эйнштейн говорит, Бог не играет в кости, Бор говорит, что, ну, как бы он не говорит это прямо, ну, вроде как играет. О чём речь? Пожалуйста, не говорите, что речь идет о каком-то там, чистом случае и тому подобное. Нет. На самом деле, Эйнштейн спорит с Бором о том, что статистическое понимание, что такое играть в кости, это означает, как сказать, ну, заниматься той деятельностью, которую может описать только теория вероятностей. Он говорит, Бог мыслит линейной причинностью. То есть Эйнштейн в некоторых вопросах оставался очень классичным. Он как бы одной наглой был во вчерашнем дне. И говорит, нет, Бог, это линейная причинность. А Бор спорит с ним, говорит, нет, Бог, это вероятностная причинность. И, пожалуйста, вот вероятностный детерминизм в нашем слайде можно совершенно как бы, ну, интересно и, в принципе, достаточно легко описать с помощью Бора, с помощью спора Эйнштейна и Бора. Вот. Еще один момент. Многовариантность моделей действительности. Почему это возникает? Да потому что надо все объединить. Надо же, наконец, создать какую-то такую похожую картину мира, которая была времена в исторической физике. Вот там все было объединено. В исторической концепции не подкопаешься. Там метафизика соединяется с физикой, физика с биологией, биологией, биология снова с метафизикой, космос, человек, социальная структура общества, экономика. Все срастается, понимаете? Все вот не подкопаешься. Правда, все чисто умозрительно. И начнешь только, говорится, практически проверять и выяснять, что даже камень падает не так, как описывает Аристокий. Но им-то было и не надо. И них эмпирическое знание стояло далеко на заднем плане. Вот. А нам-то надо. Наша современная наука это наука эмпирическая, экспериментальная и так далее. Нам нужно, чтобы это все с реальностью вот так вот состыковалось. И приходится платить таким вот, скажем, ну, какими-то нецельностью картины мира. Эйнштейн очень вот по этому поводу переживал. Смотрите, его уравнение такое, ну, если записать его в максимально упрощенном виде, будет выглядеть так. Тензор А и тензор Б. То есть, тензор А равно тензору Б. Тензор А описывает кривизну пространства, чувствуете, это поле, а тензор Б материю, которая вызывает искривление. Это самое простое объяснение. Чувствуете, там материя, вызывающая искривление, а здесь поле. И будучи мыслителем, ну, как бы ориентированным на красивое, на полноту и системность и целостность, он говорит, ну, ведь должно быть либо только материальное, либо только полевое. И он склоняется к полевому. Первая часть, говорит, он, ну, в смысле, та часть, тензор Б, я не помню, какая-нибудь, какая-нибудь часть, это электромагнитное поле, не связанное с гравитационным, да, мы даже полевую-то не можем связать. Вот есть гравитационное поле, а есть электронное, простите, электромагнитное. И он поставил вопрос, не является ли вся реальность, вот эти все взаимодействия, проявлением одного и того же поля. Ну, как вот это происходит с объединением электрического и магнитного взаимодействия. Вот, он начал, в 25-м году начал работать над единой теорией поля. но в своих работах он игнорировал планетовую механику, почему? Потому

что она опирается на статистическое понимание причинности. Нет, говорит, вот пока вы линейную причинность не встроите в плантовую механику, я вообще эту науку за, ну, как бы, уже окончательную, за полностью реализовавшуюся считать не буду. Вот таким образом. Это как бы, то есть единая картина мира, нет, она постоянно ищется и из этого предлагаются много вариантов, много-вариантная концепция действительности. Дальше, ну, линейный детерминизм, вероятностный мы объяснили, потребность, системность, универсальность, ну, отчасти я тоже это объяснила, да? проблема субъект объектной связи. Начиная с Гегеля, фуху, с Гегеля, с Гёте, надеюсь, вы помните, о чём я говорила, или там записали, или потом как-то так зафиксируете, исходя из презентации, но, в общем-то, ситуация такая, что уже Гёте сказал, субъект объект связан. Не просто свет распадается на эти самые, на спектр, ну, белый свет, да, на спектр, а способность человека и ситуации, ну, то есть, можно создать такую ситуацию, когда человеческое восприятие увидит это, когда человеческое ситуация, когда человеческое восприятие реализует это вот распадение на спектр. То же самое в квантовых экспериментах. Можете вспомнить про Каташи и Эрингера, да? То есть, наше измерение, наше наблюдение, по сути дела, влияет на реальность. Как это понимать? Либо как, ну, как бы, как статистически, то есть, я пока не знаю, но вот открываются и узнают, либо как-то чуть ли не магически, то есть, в современных некоторых интерпретациях, квантовой механике, очень много говорится про наша способность воздействовать на реальность. Мысли, например, да, мы можем воздействовать на реальность. Чувствуете, это прям прямой путь обратно в теорию пневматической инфекции. Как бы, надо понимать, что происходит в науке. Когда вам говорят, ну, это научно, же основа на квантовой механике, вы говорите, да, на квантовой механике и еще возрожденческой теории магии. Когда мы действительно можем влиять на реальность силы и мысли. Конечно, как всегда, в такие вот переломные какие-то такие процессы, как это, не процессы, а переломные для науки эпохи, это один из хороших таких, да, очень важных фигур в истории науки. Речь идет о, не говорю, пытаюсь вспомнить, значит, Томас Кун, Томас Кун говорил о научной революции и периоды нормальной науки. В периоды нормальной науки ничего особо не происходит, накапливается на материал, обосновывается вот такое. А есть периоды революционные, один из таких был рождение классической науки, но ведь не классическая наука, это тоже революция. Так вот, в эпоху вот этих революций всегда обостряется проблема случаев. Как нам понимать причинность случаев и вероятность? На этом основан спор Нильса Бора Эйнштейна, Альберта, да, на этом основано очень многое. Принцип причинности в новой науке, вот в неклассической, не отменяется, но опять же обостряется. Как понимать вот то обстоятельство, что все-таки вероятности рулят, вероятности рулят. то есть, что мы можем сказать, я завершаю свою лекцию, что наука в тот период, в период не классической науки, пережила те условия и оснастляла те проблемы, которым был задан большой кризис. Но кризис не в смысле ой, все плохо, я вообще слово кризис не рассматриваю как что-то, что плохо. Почему? Ну, потому что это не только моя особенность, потому что само слово, что означает кризис. Кризис – это переход. В самом слове кризис нет никаких аллюзий на какие-то страдания, ничего подобного. Кризис – это просто переход. Вот, наука не классики – это в нормальном смысле слова кризис. Переход к пост не классики, переход к исследованию хаоса, случая, вероятности, ну, вот, просто в ее в остроте. И к совершенно новому образу реальности. Мы тут сразу же столкнемся с вами уже с категориями цифровой реальности и тому подобное. Вот. Но если как бы завершать нашу лекцию вспоминая романтизм, то я вам

предлагаю Гейзенберга статью, прочитать ее и осмыслить «Картины природы о Герте и научно-технический мир». То есть Гейзенберг это тот, кто, собственно, создавал квантовую механику, кто двигал, а он, знаете, был кто среди других представителей квантовой механики лидер? Отец, его отцом считали. Ну, кто-то был там, не знаю, блудный сын, кто-то был там борец, кто-то был какой-нибудь там этот самый диссидент, а вот он был отцом. И поэтому ему как бы, ну, он посчитал необходимым и возможным всё-таки обобщить общие достижения неклассической науки. И вот этот, как бы, ну, вывод, он отчасти повторяет всё-таки некоторую такую, ну, с настроением такое было. Ну, во всяком случае, это не просто какая-то оптимистичная картина, да, а всё-таки это картина такого некоторого вопроса, мы точно правильно идём. А мы вообще туда вот ходили, в этот наш крестовый поход, и мы вот возвращаемся, такие отчасти усталые и немножечко печальные, почему-то, потому что мы скорее поставили ещё больше проблем, чем решили прежние. Вот. Но это не какой-то пессимистичный вывод, это просто я вас хочу познакомить с мировоззренческими такими идеями самих творцов новой науки, неклассического этапа.

Лекция 11 Постнеклассическая научная картина мира

11.1 Технологический детерминизм и технократизм. Искусственный интеллект и его влияние на развитие общества

11.1.1 Технократизм и технологический детерминизм

XX век — это время развития Большой науки. Научно-техническая революция и Большая наука повлияли не только на облик самой науки, но и изменили облик общества в целом. С 60-х годов XX века в развитых странах начинает формироваться технократизм.

Технократизм — это общество, в котором власть принадлежит научно-техническим специалистам. Социальная структура технократического общества базируется на отношениях уровня образования и квалификации. (Тогда как в традиционном обществе структура основана на отношениях происхождения, а в капиталистическом обществе — на отношениях собственности.)

В таком обществе инвестиции в собственное образование всегда имеют прямые положительные последствия для человека. Например, в Японии и Южной Корее общества обладают явными чертами технократизма, т.е. от образования зависит будущее людей.

Чертами технократизма обладало и общество Соединенных Штатов до 90-х годов, до кризиса системы высшего образования, когда нарушилась прямая связь между уровнем образования и уровнем последующих доходов.

Основоположником концепции технократизма является Ф.У. Тейлор. Это американский инженер, который в начале XX века перешел к новой организации труда на своих производствах, а впоследствии выдвинул идею, что общество должно быть основано на отношениях квалификации. Согласно Тейлору, власть должна принадлежать инженерам, потому от них зависит благополучие всего общества.

Для технократизма характерен *принцип упреждающего проектирования*, согласно которому жизнь общества организуется таким образом, чтобы ограничивать действия людей и предотвращать незаконную деятельность (например, закрытые до оплаты турникеты в метро). Дальнейшее введение ИИ в различные сферы жизни будет и далее рационально ограничивать действия людей.

Технологический детерминизм — теоретико-методологическая установка в философских и социологических концепциях, исходящая из решающей роли техники и технологии в развитии социально-экономических структур.

Эту концепцию предложил американский социолог науки Торстейн Веблен(«Инженеры и ценовая система», 1921). По Веблену, власть должна принадлежать научно-техническим специалистам в области политики вообще.

Политику можно технологизировать, что успешно происходит в современности. С помощью политической технологии политики влияют на общество, в частности на принятие решений в рамках избирательной кампании. При высокой квалификации политтехнологов личные качества самих политиков утрачивают решающую роль.

Для технократизма и технологического детерминизма количественным измерением уровня развития техники является уровень производства энергии. С появлением атомной энергетики стал важен учет технологии, с помощью которой энергия производится.

(Впрочем, например, в 2000-х годах считалось, что доля использования возобновляемых источников энергии главным образом определяет уровень развития общества. Однако в последние годы «зеленая» энергетика показала свою несостоятельность.)

11.1.2 Искусственный интеллект

Зарождение дискуссии об искусственном интеллекте связано с именем английского математика Алана Тьюринга, который в 1950 году опубликовал статью «Может ли машина мыслить?».

В статье обсуждалось, можно ли заставить ЭВМ думать подобно человеку. В качестве проверки был предложен ныне знаменитый тест Тьюринга, который сравнивает способности предположительно разумной машины со способностями человека.

По сути, если проверяющий человек не может понять, общается ли он с человеком или с ЭВМ, то машина успешно проходит тест. Тест Тьюринга в таком классическом виде довольно быстро был подвергнут критике, в дальнейшем были предложены более сложные варианты (например, «Китайская комната»).

Тьюринг приходит к выводу, что искусственный интеллект невозможен, аргументируя это следующими возражениями:

- *Возражение леди Лавлейс.* (Ада Лавлейс — математик XIX века и одна из первых программистов). Компьютеры могут выполнять действия лишь в рамках своей программы, т.е. неспособны выйти за ее пределы. С современной точки зрения данное возражение неактуально (например, существуют алгоритмы машинного обучения без учителя).
- Аргумент естественного поведения. Невозможно создать исчерпывающий набор правил поведения для искусственного интеллекта, который бы соответствовал бесконечному разнообразию внешней среды. Можно лишь отметить, что и сам человек действует шаблонно, стереотипно, не всегда учитывая каждое изменение.

Современные ИИ относятся к т.н. *слабому*, или *прикладному, искусственному интеллекту*, который может решать ограниченное число специальных задач. Вопрос о возможности существования *сильного ИИ*, который полностью бы имитировал мыслительную деятельность человека, либо в принципе обладал своеобразной мыслительной деятельностью, по сей день остается *открытым*.

Влияние ИИ на развитие общества

Повсеместное внедрение искусственного интеллекта приведет к смене технологического уклада. Это приводит к коренному изменению занятости человека в

производстве и вообще в экономике.

Большое количество профессий окажутся невостребованными, при этом возникнет необходимость в новых профессиях. При таком переходном периоде люди будут массово терять работу.

В силу этого введение ИИ необходимо тщательно планировать. Однако это приводит к конфликту интересов в рамках бизнеса, где введение ИИ может существенно снизить расходы и повысить темпы производства.

ИИ является серьезным фактором в конкуренции между странами, поскольку страны, успевшие развить инфраструктуру для искусственного интеллекта, окажутся на новой ступени технологического развития, еще больше увеличив отрыв от развивающихся стран.

Этапы исследования в области искусственного интеллекта

- Первый этап (50-60-е гг. XX века) — время становления исследовательских программ, формирование круга задач, первые попытки исследований в этой сфере.
- Второй этап (60-90-е гг. XX века) — формирование классической научной дисциплины «Искусственный интеллект».
- Третий этап (2000-е годы) — активное коммерческое использование достижений в сфере ИИ.

11.2 Становление кибернетики и различные варианты трактовки ее предмета и функций

Термин кибернетика встречается в диалогах Платона, где оно означает искусство управления кораблем и его командой.

В научный оборот данный термин был введен в 1830 году Андре Мари Ампером, французским физиком и естествоиспытателем. Он опубликовал многотомный труд под названием «Опыт о философии наук», где классифицировал все известные научные дисциплины. Согласно Амперу, **кибернетика** — это наука об управлении *государством*, которая должна обеспечить гражданам этого государства разнообразные блага.

В дальнейшем на протяжении XIX века под кибернетикой стал пониматься любой управленческий процесс. Например, согласно Б. Трентовскому, **кибернетика** — это наука об управлении *человеческими группами*. Основной целью управления является человек во всей его сложности.

Люди не математические символы и не логические категории, и процесс управления — это не шахматная партия. Недостаточное знание целей и стремлений людей может опрокинуть любое логическое построение. Людьми очень трудно командовать и предписывать им наперед заданные действия. Приказ, если кибернет вынужден его отдавать, всегда должен очень четко формулироваться. Исполняющему всегда должен быть понятен смысл приказа, его цели, результат, который будет достигнут, и кара, которая может последовать за его невыполнением, — последнее обязательно (Бронислав Трентовский)

В 1948 году вышла книга Н. Винера «Кибернетика или управление связью в животном и машине». Винер считал кибернетику частью теории информации. По Винеру, **кибернетика** — это наука об *общих закономерностях* процессов управления и передачи информации в машинах живых организмах и обществе.

Наблюдая за развитием определения кибернетики, можно заметить постепенное расширение ее предмета — от экипажа корабля у Платона до любой системы у Винера.

11.3 Информация как важнейшее понятие науки XX века

Понимание информации как ознакомление другого человека с каким-то знанием, сохранялось до середины XX века. В связи с прогрессом технических средств массовых коммуникаций и с появлением электронных вычислительных машин отношение к понятию информации в науке изменилось.

Прежде всего, начинаются попытки количественного измерения информации. В 1948 году вышла статья «Математическая теория связи» Клода Шеннона и Уоррена Уивера, двух американских математиков, в которой использовались вероятностные методы измерения количества информации.

Также была предложена **математическая схема связи**, согласно которой любая схема связи состоит из шести элементов:

- источник информации,
- передатчик,
- линия связи,
- приемник,
- адресат,
- источник помех.

Например, в коммуникации лектора и студентов это:

- память и мышление лектора,
- голосовой аппарат лектора,
- электронная линия связи,
- слуховой аппарат студентов,
- сознание студентов,
- шум, потеря данных, нарушения речи и т.д.,

соответственно

С точки зрения этого подхода, **информация** — это сигнал, который уменьшает степень неопределенности у получателя. Мера уменьшения степени неопределенности может быть только вероятностно в силу неодинаковой реакции разных адресатов на одну и ту же информацию. Например, продвинутый ученик, читающий вне занятий учебник, и обычный ученик испытывают разное снижение неопределенности от информации, предоставляемой учителем на уроке.

Распространение математической теории связи в частности и на социальные процессы привело к информационному повороту в науках. В 60-х годах XX века понятие информации и информационный подход как основа методологии получают общий научный статус. Так, коммуникацию вне зависимости от природы системы можно исследовать с точки зрения теории связи и с точки зрения теории информации.

Н. Винер рассуждал о том, что информация является новой субстанцией наряду с материей и энергией, которая обладает собственным бытием. По Винеру, **информация** — это обозначение содержания, полученное нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему нас и наших чувств.

Свойства информации для получателя или потребителя:

- *Полнота*.
- *Актуальность* — соответствие нуждам потребителя в данный момент времени.
- *Достоверность* — свойство информации не иметь скрытых ошибок (при этом достоверная информация со временем может стать недостоверной).
- *Доступность* — свойство информации, характеризующая возможность ее получения данным потребителем.
- *Релевантность* — соответствие информации запросу потребителя.
- *Защищенность* — степень невозможности несанкционированного использования или изменения информации.
- *Эргономичность* — удобство формы или объема информации с точки зрения потребителя.

11.4 Формирование синергетики и ее основных понятий

Синергетика (от др.-греч. — совместная деятельность) — междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем.

Синергетика изначально заявлялась как междисциплинарный подход, так как принципы, управляющие процессами самоорганизации, представляются одними и теми же (безотносительно природы систем), и для их описания должен быть пригоден общий математический аппарат.

С мировоззренческой точки зрения синергетику иногда позиционируют как «глобальный эволюционизм» или «универсальную теорию эволюции», дающую единую основу для описания механизмов возникновения любых новаций подобно тому, как некогда кибернетика определялась, как «универсальная теория управления», одинаково пригодная для описания любых операций регулирования и оптимизации: в природе, в технике, в обществе.

Первое использование данного термина связано с докладом профессора Штудгартского университета Германа Хакена «Кооперативные явления в сильно неравновесных и нефизических системах» в 1973 году. Западногерманское издательство Springer в 1975 году заказывает Хакену книгу. Уже в 1977 году монография под названием «Синергетика» выходит на немецком и английском языках. В

1978 году книга была переиздана, а вскоре вышла на японском и русском языках. Издательство Springer открывает серию «Синергетика», в которой выходят все новые и новые труды разных авторов.

11.4.1 Научные школы (течения) в синергетике

В синергетике к настоящему времени сложилось уже несколько научных школ. Эти школы окрашены в те тона, которые привносят их сторонники, идущие к осмыслиению идей синергетики с позиции своей исходной дисциплинарной области, будь то математика, физика, биология или даже обществознание.

В числе этих школ — брюссельская школа лауреата Нобелевской премии И.Р. Пригожина, разрабатывающего теорию диссипативных структур. Это открытая система, которая оперирует вдали от термодинамического равновесия. Иными словами, это устойчивое состояние, возникающее в неравновесной среде при условии диссипации (рассеивания) энергии, которая поступает извне.

11.4.2 Основные элементы синергетической концепции самоорганизации

Объектами исследования являются открытые системы в неравновесном состоянии, характеризуемые интенсивным обменом веществом и энергией между подсистемами и между системой с ее окружением (средой).

Различаются процессы организации и самоорганизации. Общим признаком для них является возрастание порядка вследствие протекания процессов, противоположных установлению термодинамического равновесия независимо взаимодействующих элементов среды (также удаления от хаоса по другим критериям). (Организация, в отличие от самоорганизации, может характеризоваться, например, образованием однородных стабильных статических структур.)

Поведение элементов (подсистем) и системы в целом, существенным образом характеризуется спонтанностью — акты поведения не являются строго детерминированными.

Основных понятий синергетики

Открытая система — система, которая непрерывно взаимодействует с ее средой. Взаимодействие может принять форму информации, энергии, или материальных преобразований на границе с системой, в зависимости от дисциплины, которая определяет понятие. Открытая система противопоставляется понятию изолированная система, которая не обменивается энергией, веществом, или информацией с окружающей средой.

Самоорганизация — процесс упорядочения (пространственного, временного или пространственно-временного) в открытой системе, за счёт согласованного взаимодействия множества элементов её составляющих.

Бифуркация — нарушение устойчивости эволюционного режима системы, приводящее к возникновению после точки бифуркации спектра альтернативных сценариев эволюции.

Аттрактор (лат. притягиваю к себе) — точка или множество точек (замкнутая кривая), к которому стремятся параметры состояния диссипативной системы, конечное состояние диссипативной системы.

11.5 Особенности постнеклассической научной картины мира

- Широкое распространение идей и методов синергетики. В синергетике показано, что современная наука имеет дело с очень сложноорганизованными системами разных уровней организации. Синергетика в перспективе может дать науке общий язык для описания, как мира природы, так и общества и человека. Таким образом, она олицетворяет интегративную тенденцию развития современной науки.
- Закрепление понятия «информация» в фундаменте естествознания, математики и гуманитарных наук. Информационный подход находит все больше и больше применений в различных сферах научного знания.
- Укрепление парадигмы целостности. Осознание необходимости глобального всестороннего взгляда на мир. Эта парадигма проявляется:
 - в признании единства природы, общества и человека;
 - человек находится не вне изучаемого объекта, а является частью, познающей целое;
 - сближение гуманитарных и естественных наук;
 - сближение разных типов рациональности в научном мышлении.
- Укрепление и все более широкое применение принципа коэволюции. Изначально этот термин применялся в биологии для обозначения совместной эволюции различных биологических объектов и уровней их организации. Теперь это понятие охватывает обобщенную картину всех мыслимых эволюционных процессов как материальных, так и духовных систем.
- Усиление роли междисциплинарного подхода в исследованиях. Объектом современной науки все чаще становятся сложные системы, исторически развивающиеся системы и, так называемые, человекоизмерные системы (медикобиологические, системы «человек-машина» и т.д.). Изучение подобных систем невозможно в рамках конкретной научной дисциплины из-за предметной узости последней.
- Широкое применение философии и ее методов во всех науках. С одной стороны, идет активная рефлексия науки над собственными онтологическими, гносеологическими, аксиологическими и другими основаниями методами философии науки. С другой – современная наука вплотную подошла к проблеме соотношения материи и сознания и ряду других философских проблем.
- Методологический плюрализм. Осознание недостаточности единственной методологии для познания всех сторон объекта, особенно сложной системы. Истоком этого процесса является сформулированный Н. Бором принцип дополнительности. Ряд представителей современной философии науки (П. Фейерабенд) доводят эту мысль до признания «методологической анархии».
- 8. Ослабление требований к жестким нормативам научного дискурса. Еще В.И. Вернадский писал «научная творческая мысль выходит за пределы

логики. Интуиция, вдохновение – основа величайших научных открытий, в дальнейшем опирающихся и идущих строго логическим путем».

- Преодоление разрыва субъекта и объекта в познании. Уже на этапе неклассической науки стало очевидно, что, по выражению Э. Шредингера, «субъект и объект едины». Один из основателей квантовой механики В. Гейзенберг отмечал, что следует уже говорить не о картине природы, складывающейся в естественных науках, а о картине наших отношений с природой. Примером может служить так называемый «антропный принцип» современной космологии, который устанавливает необходимость появления во Вселенной субъекта-наблюдателя.
- Усиливающаяся математизация научных теорий и увеличивающийся уровень их абстрактности и сложности. Адекватное использование методов кибернетики, синергетики и информатики в научных исследованиях требует знания математического аппарата этих дисциплин, что особенно актуально для представителей социально-гуманитарных наук. В естественных науках эта тенденция также усиливается из-за изучения принципиально ненаглядных объектов и построения все более сложных моделей, объясняющих действительность.

Лекция 12 Философия XX в. о языке и человеке

Однако прежде чем перейти непосредственно к антропологическому и лингвистическому поворотам современной мысли, нам нужно понять, во-первых, почему именно эти вопросы о природе человека и его языковой способности вышли на первый план, а во-вторых, что, собственно, нового было сказано. Все времена давались ответы на вопрос «Что такое человек?» Ну и проблемы языка в его связи с сознанием, познанием и так далее осмыслились, ну, прямо в рамках платоновской концепции эйдоса, в средневекового спора об универсалиях, декартовских правил руководства разума и так далее. Нам это нужно, ребят, поскольку сегодняшняя тема важна для каждого не столько как для ученого, сколько как для человека, чтобы понимать, почему все вокруг именно так, разрозненно, раздроблено, многомерно. Почему ведущие умы сегодня задаются именно такими вопросами об искусственном интеллекте, о языке в его связи с сознанием и действительностью, о духовности, о поисках устойчивых оснований, в том числе для социально-политического миропорядка. Давайте ради этой задачи исторически откатим немного назад по сравнению с прошлой темой о постной классике, восстановим контекст, осмыслим, на какой почве и какие семена были посажены или, не знаю, разбросаны неклассическими мыслителями. Об этом вы уже в курсе, так что полезно нам начать с закрепления и краткой систематизации уже знакомого материала. Несмотря на то, что будет много имен, большинство из которых на самом деле вам уже знакомо, давайте настроимся прежде всего на восприятие основных идей. А их не так уж много, просто они с разных ракурсов будут рассматриваться. И это полезно, потому что позволит нам многогранно охватить предметы нашего сегодняшнего исследования человека и его язык. Хорошо? Готовы? Ну тогда погнали. Принято считать, что поворотным временем, повернувшим к собственной современности, стал XIX век, преимущественно его вторая половина. Мы это время называем не классическим этапом, а в зарубежной литературе модерн. Вам это слово знакомо в английском *modern*, новый, современный. Латинский корень в разных европейских языках повторяется и имеет сходное значение. В русском это заимствованное слово, от которого, например, модернизировать, в смысле осовременивать, и в нем нам слышится также улучшать, совершенствовать, оптимизировать. Название модерн в отечественной традиции это скорее обозначение периода в развитии искусства, чем культуры в целом и философии в частности. Но поскольку хронологические рамки совпадают, вторая половина XIX-XX столетий, и базовые идеи имеются в виду одни, как для искусства, так и для философии, науки, мы будем отождествлять понятия неклассической философии и философии модерна, переосмыслиения которой затем родился постмодерн, в качестве состояния или самоощущения современного человека уже конца XX-XXI веков. Отметьте себе сразу, что специфика модерна по сравнению с предыдущими эпохами заключается в низвержении абсолюта или отказе

от него. Имеется в виду, что современность со всей трезвостью осознает, что первое, что нам открывается, когда мы ищем устойчивые основания, это то, что их нет. Мы можем на ровном месте взять и решить, что есть единое основание первопричины и первоосновы всего. Например, это античный порядок Логос, или средневековый Бог-Творец, или новоевропейский мыслящий разум. Но ничто не гарантирует нам, что мы правы. Во-первых, вот история, в которой меняется это представление о самых фундаментальных основаниях всего. А во-вторых, в окружающей доступной нам действительности мы реально наблюдаем изменчивую природу, текущую стихию жизни, трансформирующиеся социальные взаимоотношения, в которых нет ничего нерушимого, вечного и неизменного. Тогда, чтобы не впадать в непродуктивные иллюзии, а ведь чем они лучше других объяснений мира, от культа тотемного крокодила до теории всемирного заговора, начнем с признания того факта, что по-честному мы не знаем, есть ли эти безусловные неизменные основания. И если есть, то какие они? Эта мыслительная ситуация потерянности, растерянности перед открывшейся безусловностью получила в европейской традиции название преодоление метафизики. Но давайте по порядку. Для того, чтобы хорошо понять суть этой идеи, вспомним с шестой нашей темы, античность, вторая часть, что такое метафизика. Метафизика со времен Аристотеля, первая философия. Дисциплина, занимающаяся вечными, неизменными, сверхприродными, первоначалами и первопричинами всего. Она подвергается критике в рамках неклассической философии, поскольку бытие начинает представляться как текущее, изменчивое, множественное. То есть сама возможность говорить об антологических основаниях как единых, вечных и неизменных ставится под вопрос мыслителями 19-го столетия. Прежде всего, Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем, Сёрином Киркегором, Агюстом Контом, Карлом Марксом, Зигмундом Фрейдом и Фридрихом Ницше. Вроде бы все должны быть знакомые вам имена. Видя несостоятельность метафизики в том, что она предлагает фиксированную картину мира, которая по определению не может в себя вместить всю полноту бытия, философы неклассического толка замечают, что в истории имеет место смена этих метафизических представлений и в конечном счёте ни одно из них не может быть принято за абсолютно истинное. Представления об этих вечных и неизменных началах и причинах всего трансформируются в истории европейской цивилизации. Логос, Бог, разум. Да и последнее основание. Автономный мыслящий субъект оказывается вторичным. Вспоминайте десятую тему. По отношению к социально-экономической реальности по Марксу, к бессознательному по Фрейду, к иррациональности самой жизни по Ницше. Несмотря на рационалистический пафос предшествовавшей эпохи просвещения, мыслители XIX века понимают, что в реальном человеке зачастую главенствуют ни разу. Мы во многом зависим от социально-политической среды, великолепной страстью и естественными инстинктами. И с другой стороны, мир вокруг постоянно изменяется. Нет ничего абсолютно устойчивого и нерушимого. В природе имеет место эволюция, а в культуре исторически одна картина мира сменяла другого, третьего, так что приходящие и наши представления и верования. Гдестина? На что опереться? Неклассическая философия имеет мужество посмотреть реальности в лицо и заявить, опереться не на что. Все наши картины мира всего лишь нами созданные конструкты, ограниченные и полностью действительности не соответствуют. В связи с этим и возникает идея о том, что от метафизики как фиксированной картины мира так или иначе следует уходить. Однако хотелось бы подчеркнуть один важный момент. Такая позиция вовсе не предполагает, что надо в таком нигилистическом, то есть отрицающем жесте

отринуть всю предшествующую философскую традицию. Каждый настоящий крупный мыслитель от Парменида и Гераклита до Декарта и Ганта понимает подвешенность над бездной любой метафизики, условность любых наших умственных построений. Настоящая мысль всегда антология, которая, во-первых, начинает с вопроса, а не с каких-то догматических утверждений. И во-вторых, старается иметь дело с бытием, как оно есть во всей полноте и парадоксальности, выдерживая это напряжение и не спеша давать бытию имена. Поэтому было бы слишком грубо и утрированно говорить, что современность преодолевает Плутона или Декарта. Нам бы хоть на небольшую долю по-настоящему их прочитать и понять размах их мысли. Речь о преодолении наших непродуктивных ходов мысли, которые от трудности иметь дело с парадоксом подсовывают нам наше сознание, желающее успокоиться на удобных схемах и стереотипах. Для обыденного сознания, Маркс безусловно прав, нужна идеология, какое-то простенькое объяснение мира. Но нам с вами, как исследователям, занимающимся изучением реальности, как она есть, такой путь иллюзии не подойдет. Так что последуем мужественно за теми мыслителями, которые как раз стараются разобрать костные, неработающие представления о действительности, чтобы расчистить наше видение. Формируются в русле преодоления метафизики две тенденции. Одни мыслители предлагают буквально отказаться от нее, перестать задаваться метафизическими вопросами, поскольку у нас о них не может быть опыта. Дескать, так логично поступить рационально. Если мы принципиально не можем знать, например, есть ли у мира начало или он существовал вечно, существует ли Бог, уничтожается ли душа со смертью тела и так далее, то и не стоит растрачивать себя, пытаясь постигнуть непостижимое. Следует сосредоточиться на том знании, которое можно добыть с помощью опыта. А с другой стороны, ряд мыслителей обращает наше внимание на то, что несмотря на невозможность дать окончательные ответы на метафизические вопросы, человеческое существо не перестанет ими задаваться. Об этом, кстати, предупреждал еще и Мануил Кант в предисловии к своей критике чистого разума. Да, это вроде бы нерационально, однако в нас эта необходимость осмысления даже таких превосходящих нашей способности вещей не нами самими вложено. Поэтому продуктивнее такое наше парадоксальное положение в бытии принять и учитывать иррациональные стороны человеческого существа, также множественность возможных ответов на метафизические вопросы, но все же при этом не оставляя попыток философски осмыслять бытие в его полноте изменчивости и парадоксальности. Множественность возможных онтологических оснований и текучесть бытия отражаются в многообразии новых философских подходов. Возникают как рационалистически ориентированные направления философии, так и учитывающие фундаментальную иррациональность бытия в философских течениях. Для примера перечислим некоторые неклассические подходы именно в этом ключе. Линию позитивизма, постпозитивизма с современной его версией в виде аналитической философии неокантианства, неорационализм, марксизм и его развития в диалектическом материализме и неомарксизме. Самое современное уже 21 века направление спекулятивный реализм вместе с его основанием так называемый объект ориентированный или бессубъектный антологий мы отнесем к рационалистически ориентированным течениям. И с другой стороны философский психоанализ, экзистенциализм, герминевтику, структурализм и постструктурализм с более широкой его версией постмодернизма мы представим как подходы, учитывающие помимо рациональных, также иррациональные аспекты мира и человеческого бытия. Это условная съемка, просто чтобы вы ориентировались в названиях. Самое главное, общее, объединяю-

щее эти подходы здесь следующее. В ситуации преодоления метафизики задача неклассической философии становится не дать знания, представления о человеке и мире, не нарисовать определенную картину мира, как это делалось в рамках метафизики, но дать человеку орудие понимания, вдохновить его на то, чтобы он сам выходил к осмыслинию бытия и собственных оснований, потому что неклассическая философия нам показала, единых универсальных оснований нет, и на что-то субстанциальное мы не можем с надежностью опереться. Таким образом, ни один из этих подходов уже не может претендовать на единственность и абсолютную истинность, поэтому полезно понимать их взаимную дополнительность. Исходя из разных оснований, различные направления помогают нам увидеть мир и положение человека с разных ракурсов, обратить внимание на различные совокупности проблем. Вспоминайте позднюю античность, похожую на сегодняшний наш контекст, и очень ситуация похожа на переходную эпоху Возрождения. Вот и особенностью современной философии по сравнению с эпохами стабильных метафизических оснований является множественность или плорализм всевозможных концепций, подходов, направлений. Они всё равно едины в своём истоке, поскольку отталкиваются от одной и той же ситуации открытия безусловности, но различные буквально как разные точки зрения на одно и то же, как относительные позиции в поле, которое создано принципиально нерешённостью вопроса об абсолюте. И ещё раз, это не значит, что абсолютно нет, равно как и не значит, что он есть. Всё напряжение, всё буйство, многообразие современной мысли держится тем, что этот вопрос принципиально открыт. Так вот, за что, как вы думаете, естественно, схватиться в первую очередь в ситуации, открывшейся под ногами бездны безусловности? Ничего нового по сравнению с античностью и Возрождением. За себя. А кто такой я? Кто вообще действует или что? Как понять окружающую стихийность и непредсказуемость? Мною управляют мои бессознательные желания и страхи. Мною манипулируют какие-то социально-политические силы. Как? Через язык в том числе. Но как понять бессознательное, если очевидно, что у сознания для этого нет инструментов, да и разум только что низвергли всеми возможными способами с места главного метафитического основания? Как обрести свободу? Как увидеть истину, если я понимаю реальность только через язык? А порядки говорения мне навязывают. Моя нация, моя социокультурная ситуация, политические настроения вокруг. Вот такой круг вопросов возникает. Первый из которых, что же такое человек? Кто такие мы? Второй же связан с языком. Поскольку я хочу понять, а не выросив в языке, не смогу.

12.1 Антропологический поворот неклассической философии

12.1.1 Определение

Реально большинство этих направлений разрабатывались практически одновременно, параллельно в диалоге друг с другом. Но я бы пытаясь хронологически расположить в порядке появления. Также необходимо показать вам как рационалистически ориентированные подходы, так и те, что иррациональные аспекты учитывают. Самый главный вопрос, как нам быть в этой вот такой странной плоралистической ситуации. Мне, например, пришлось заняться философией ради выяснения этого. И пройдя сквозь огонь, воду и немного медной трубы, могу ответственно заявить. Я нашла, что все небезнадежно. И хочу с

вами поделиться этим. Давайте соберем самые продуктивные идеи. Начнем с определения. Антропологический поворот от греческого антропос-человек заключается в переориентации философского внимания мыслителей на проблематику человеческого бытия с вопросов об общей методологии познания и о метафизических первопричинах всего существующего в мире. Справедливости ради стоит отметить, что начался он, по сути, с нового времени, особенно благодаря Рене Декарту и Эммануилу Канту, поскольку уже в рамках классической рациональности эти мыслители утверждают приоритет субъекта, его активность и ключевую значимость в картине мира, хотя внимание и было смешено к его познавательным особенностям. Поэтому там мы говорили о гносиологическом повороте. Далее, как вы помните, не классические мыслители вроде Фридриха Ницше доводят Декартовский принцип сомнения до всевозможных пределов. Если Декарт как бы гипотетически прикидывает в голове, что, дескать, можно сомневаться в любых наших привычных знаниях, то Ницше начинает разоблачать всё и вся, вскрывая несостоятельность принятых ценностей, любой метафизики в целом и обоснование человека на мыслительной способности в частности. Хотя как бы он это сделал, если бы не мыслил сам? Поэтому мы говорим, что Ницше попадает в парадокс лжеца. Однако благодаря этому снова обнажается непонятность и безосновность нашего собственного человеческого бытия, настроение, которое передалось в наше сегодня. В условиях потери надёжных устойчивых ориентиров, что мы обозначили как преодоление метафизики, естественно, искать опору в себе. За что ещё хвататься, если всё в мире поплыло, рассыпалось, стало сомнительным, недостоверным, неочевидным? Поэтому мы и говорим, что при попытке вынуть себя из этого болота за волосы, как в Бронненхаузе, встаёт не меньший вопрос, чем по поводу оснований мира. Что такое человек? Эта проблематичность была замечена первыми неклассическими мыслителями XIX века. Однако если человек не рациональный мыслящий субъект, то и ни в каком другом определении схватить существу человека не получается. Как быть? Что делать с этой растерянностью перед невозможностью дать ответы на подобные метафизические вопросы? В конце концов, что делать? Делать-то что-то надо, а то некомфортно.

12.1.2 Позитивный проект О. Конта

Первым эти настроения улавливают и на открывшиеся проблемы отвечает французский мыслитель Акиуст Конт. Рассматривая со своей позиции историю европейской цивилизации, Конт в курсе позитивной философии выделяет смену трёх стадий поступательного хода человеческого разума, то есть различных способов осмыслиения мира в рамках различных эпох. Мыслитель провозглашает эту концепцию как открытие закона трёх стадий, который объясняет не только историческое развитие общества, но и смену взглядов на мир в течение жизни отдельного человека. То есть история общества повторяет стадии взросления. Конт пишет, я вам буду цитировать и отмечать тезисом. Значит, этот закон заключается в том, что каждая из наших главных концепций, каждая отрасль наших знаний последовательно проходит три различных теоретических состояния. Состояние теологическое или фиктивное, состояние метафизическое или отвлечённое, состояние научное или позитивное. На первой стадии человек выявляет за всеми фактами абсолют, видит устроенность всего при помощи божественного проведения и сам стремится к абсолютному знанию, пытаясь постичь первые и конечные причины всех поражающих его явлений. Цитирую далее. В метафизическом состоянии сверхъестественные факторы заменены отвлечён-

ными силами, которым приписывается способность самостоятельно порождать все наблюдаемые явления. Объяснение явлений сводится к определению соответствующей ему сущности. То есть человек осмысляет всё в терминах некоторых постоянных, абстрактных внутренних оснований, сущностей. Наконец, как пишет Конт, в позитивном состоянии человеческий разум, признав невозможность достигнуть абсолютных знаний, отказывается от исследования первых причин, начал и назначения всего, поскольку мы, как конечные внутримирные существа, не можем постичь ни замысла Творца, ни внутреннюю сущность ве-щай в себе. Зато мы можем познавать взаимосвязи явлений, объяснять последовательность фактов, с которыми имеем дело, и обобщать эти закономерности, используя их для целей ориентирования в мире и поддержания собственной жизни, достойных условий человеческого существования. В этом и заключается прогресс науки. Программа вполне декартовская. Позитивное знание, как его определяет Конт, это знание, которое можно продуктивно использовать для жизни, которое ясно объясняет эмпирические факты и основывается на опыте, а не содержит суждения, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, напри-мер, существование сказочных фей, или которые скорее запутывают наше со-знание, чем проясняют реальное положение вещей. К таким суждениям он отно-сит большинство метафизических высказываний о мире, о Боге, о душе. Прежде всего, позитивным является научное знание, соответствующее критериям ясно-сти, истинности и объективности. Надо записать значение этого слова. Позитив-ное. Во-первых, реальное, не химерическое. Во-вторых, полезное, не негодное. В-третьих, достоверное, надежное, не сомнительное. В-четвертых, точное, не туманное. В-пятых, положительное, продуктивное, в смысле организующего, а не разрушающего. И, наконец, относительное, не абсолютное. Абсолютное зна-ние, которое, например, можно предположить, есть у Бога, не зависит от фактов и не привязано к ним. Относительно всё связано с вещами и с другим знанием, хотя и уточняется, но в ходе роста. Тогда как абсолютное рasti не может. Конт обращает внимание на то, что благодаря развитию науки удается достичь ре-альных ощущимых результатов, в связи с чем наука провозглашается высшей формой знания и впервые мыслится не только как самостоятельная от филосо-фии область деятельности, но и как превосходящая её по своему значению для общества. Вспоминайте с темы 4. Мы с вами уже с этим понятием имели дело. Это мировоззренческая установка, называется сцентизм. Однако это не означа-ет, что от других феноменов культуры следует отказаться. Сам Конт прежде всего философ. Он просто переосмыслияет задачи философии. Теперь она не должна быть теологией и не должна строить метафизику, иллюзорные и эндог-матичные конструкты, но должна стать, выражаясь словами неопозитивиста Морица Шлика, деятельностью по прояснению смысла, в том числе смысл на-учных суждений, в силу какой логики и методологии они формулируются, на чём основываются и для чего служат. Несмотря на возникающие затруднения, позитивистская концепция оказалась чрезвычайно популярной в эпоху бурного развития естественных и формирования социально- гуманитарных наук. Бла-годаря позитивистским взглядам, прежде всего самого Канта, в первой по-ловине уже XX века точные математические методы познания по образцу есте-ственных наук будут вводиться в исследования по истории, психологии, лингви-стике, социологии, политическим наукам и так далее. И значительно потеснят в этих областях традиционные описательные и интуитивно-аналитические ме-тоды. Что же касается основной задачи позитивной философии по Канту, она должна прежде всего исследовать методологические проблемы науки и отве-тить на следующие вопросы, программные для дальнейшего развития всей по-

зитивистской традиции. Каковы критерии определения научного знания? Этот вопрос носит название проблемы демаркации или развлечения научного и ненаучного знания, чем прежде всего сам Конт занимался. Далее, каким образом из опыта добывается научное знание? Это проблема понимания категории опыта и проблема поиска так называемых атомарных фактов, то есть на что в опыте можно с достоверностью опереться. И, наконец, как соотносится выраженное в языке научное знание с эмпирической действительностью? Этот вопрос касается проблем языка науки и интерпретации опыта. Развитие классического позитивизма продолжается в эмпириокритицизме. Давайте пару слов отметим о замеченной Эрнодском Махом черте нашего познания. На опыте мы видим не голые факты, а уже смотрим на все как бы через призму той или иной интерпретации. На чувственный опыт в ходе осуществления научного познания накладываются уже имеющиеся у нас начальные знания и представления. То есть ощущения на самом деле не являются непосредственной достоверностью. Их никак не отделить, не очистить от примесей уже имеющихся у нас представлений. И возникают вопросы. Существует ли реальный мир, если между мной и миром всегда ощущения? Каков тогда статус научных законов, если мы не можем познать закон ощущений? Ну что Мах дает вполне позитивный, позитивистский ответ. Научный закон может не совпадать с реальностью, однако при этом он не теряет своей значимости, поскольку дает положительный эффект в форме упорядочивания нашего опыта. Если он работает для нас, что-то помогает понять и как-то применить для собственной пользы, то почему бы им не пользоваться? Даже если в мире самом по себе нет этого закона, если никто в мир его не вложил, мы ведь можем себе его придумать и как инструмент продуктивно использовать. Далее мы срезали этого направления, которые концентрируются на логическом анализе языка. Их называют неопозитивистами или логическими позитивистами, среди которых, помимо упомянутого Морица Шлика, давайте отметим Рудольфа Карнапа, которому принадлежит идея преодоления метафизики логическим анализом языка, а с другими выдающимися представителями этого этапа, в частности, особенно с Людвигом Витгенштейном, мы познакомимся на второй паре в рамках следующего нашего экзаменационного вопроса о лингвистическом повороте. С такими постпозитивистами, как Карл Поппер, Томас Кун, Майкл Палани, Пол Фераппент, мы с вами уже знакомы по первым темам нашего курса. И вы помните, наверное, что эти мыслители занимались основными вопросами развития науки, а также вне рациональными компонентами познания, творческими, интуитивными и так далее. Но этот материал у нас уже в достаточном объеме был, поэтому здесь не будем про них повторять. Самое главное, давайте отметим такой момент, почему у нас вообще позитивизм вдруг попал в вопрос про антропологический поворот, когда речь вроде бы о познании и этапах его развития. Мне лично симпатичен классический позитивизм Конта прежде всего целостностью его идей и социальным проектом. Конт занимается наукой не в первую очередь. Наука у него инструмент создания добротного общества. В XIX веке именно Аугуст Конт ввел термин социологии. Он сам, правда, был не очень им доволен, пользовался часто другим физико-социумом, который более наглядно отражал вхождение строгого научного метода в пространство социума. С мистификациями пора покончить. Социум, если он здоровый, не муравейник, а сообщество, содружество разумных существ, подчиняется законам таким же точным, как звездное небо. Порядок и прогресс, то есть живое равновесие функций и рост. Вот двигатель истории. Социум не может не упорядочиваться и не расти, если убраны помехи для этого. Так что надо браться за трудную, практическую, но радостную

работу. И в законе поступательного развития общества, с которого мы начали выше, давайте заменим следующее. В трёх стадиях, которые проходят у Конта всякое знание, богословской, теологической, метафизической и, наконец, позитивной. Первая богословская вовсе не ошибка. Вообще позитивная философия никогда ничего не отвергает, как ничего в истории человечества не было зря. Ломать приходится только то, что начинает уже мешать прогрессу и само готово уйти, как скорлупу ореха, когда он готов уже прорастать. Сначала из первобытного состояния, пусть в воображении, пока в мечте, но стремление к познанию уже позвало из хаоса природного окружения, из лабиринта страстей в мир света, смысла и надежды. Так ребёнок мечтает воображать себя птицей, но это не заблуждение и не ошибка, хотя построить летательный аппарат может только взрослый человек. Конечно, при этом придётся расстаться с мечтательным охватом всех мыслимых миров и верховного бытия, но зато становится знание, на которое можно надёжно опереться сейчас и в предвидении. Особенное верное предвидение — надёжная проверка позитивного знания. В астрономии, которой исследуют самые простые и общие явления, предвидение стало возможным давно. Задача физики сложнее, её выход на позитивный уровень совершился позже. В химии, тем более в биологии. Позднее всех позитивным знанием, допускающим предвидение, становится по контуру физико-социума, социология. Мне нравится контовский посыл. Пусть мы не знаем, есть Бог или нет. Пусть не можем постичь первопричины и первоосновы мира. Давайте оставим эти вопросы открытыми. Но здесь и теперь мы родились, и надо что-то делать. Давайте позитивное, продуктивное делать. Посмотрим, что мы можем. Познавать, выявляя конкретные эмпирические закономерности. Это само по себе интересно и увлекательно. Можем изобретать полезные техники, чтобы друг другу помогать, лечить болезни, облегчать тяготы нашей жизни. Можем творить, выражать, осмыслять, организовывать, оптимизировать. Так давайте этим и заниматься, а не деструктивным или туманно-мистическим. Я надеюсь, выбирая науку сегодня, вы делали тот же этический выбор, желая заниматься по крайней мере неразрушительной деятельностью, а собственно человеческой, созидательной и приносить пользу. Пусть маленькую, но конкретную, работющую. И в этом ваша бесконечная ценность. Поскольку, как говорит Конт, нет другого спасения, исключая химерическое загробное, кроме как в родном роде, где продолжатся все человеческие достижения и где продолжусь я в моих потомках и в моих изобретениях. То есть позитивное, позитивистское мышление с необходимостью социально. И Конт предполагал, что человек всё теснее будет солидаризироваться с другими в обществе, находя личное счастье во взаимной поддержке, в самореализации в качестве разумного, познающего и приносящего пользу индивида, которому социум и даёт возможности пространства для творческой, созидательной, организующей работы, в которой способности каждого пригодятся. Это и должно, согласно Конту, стать советской моралью добротного общества. Как этого достичь? Как победить деструктивные и мистические настроения, иллюзии и разрушительные? Всеобщим, доступным для всех научным образованием, говорит Конт, в котором верховное место и должна занять такая позитивная философия, которая по замыслу своему социологии. Красивое решение. И ему современность во многом последовала. Я думаю, что не безуспешно. Хотя, конечно, как мы видим, не все хотят образовываться и учиться свободно мыслить. Что ж, возможно, социальные потрясения последних лет побудут молодёжь больше выбирать исследовательскую деятельность и разработку новых технологий в качестве продуктивной жизненной стези. Ну, а наше дело не гасить этот огонь в собственных сердцах и продолжать нести

науку в массу.

12.1.3 Проект «универсального» человека

У Карла Маркса и его друга и коллеги, соавтора многих трудов Фредриха Энгельса, нам в данном контексте интересна концепция универсальной сущности человека. Хотя, понятно, этой идеей их творчество не исчерпывается. Началось всё с того, что эти мыслители были возмущены эксплуатацией одних людей другими. Прежде всего, в XIX веке это эксплуатация труда рабочих капиталистами, владельцами производственных предприятий. Но и в предыдущие эпохи обнаруживалось, что правящие свои общества так или иначе подчиняли себе остальных, концентрируя собственность в своих руках. То есть, по мысли Маркса и Энгельса, каждый человек в таком неравноправном обществе вынужден часть своих возможностей негласно отдавать на реализацию другим членам общества, теряя при этом свою изначальную универсальность. Также в рамках капиталистического уклада он, вложив в произведенные товары свой труд, отдает их, они не являются его собственностью. Этот феномен авторы называют отчуждением, имея в виду отдавание от себя частью своих естественных возможностей, способностей и результатов труда, как бы в пользу других. А это означает автоматически отстранение от себя неполноту собственного бытия. Маркс критикует разделение труда из-за того, что за каждым человеком закрепляется определенная работа, которая принуждает его отказаться от осуществления других видов деятельности, что в итоге негативно оказывается на каждом отдельном человеке и на обществе в целом. В результате получается, что одни люди эксплуатируют других за счет разделения труда и института частной собственности. Это неправильное устройство общества, в котором, как полагают Маркс и Энгельс, человек не может быть свободен и счастлив. Мыслители критикуют предшествующие эпохи за навязывание искаженного мировоззрения высшими классами низшим. Это не просто объяснение устройства мира и места человека в нем, но буквально ложные идеологии, призванные прикрывать классовые интересы, обосновывая необходимость подчинения этих низших социальных слоев той или иной власти, выжитям, главам, родов в первобытном обществе, аристократической власти в античности, церковной в средние века и так далее. Но на самом деле, как замечают Маркс и Энгельс, изначально в своем свободном состоянии человек – универсальное существо. Он способен заниматься совершенно разными видами деятельности. Каждый может и управлять, и изготавливать какие-то предметы, и обучать других, или, скажем, исполнять какое-то художественное произведение, роль, песню, танец, и никакие факторы, ни социальный слой, ни пол, ни раса, ни то, чем занимаются родители, не могут определять, указывать человеку, чем именно, и что чем-то только одним он должен заниматься. Поэтому коммунистический строй мыслился как цель, которой капиталистическое общество должно стремиться, поскольку только в рамках коммунизма, предполагающего отсутствие частной собственности разделения труда, никто не будет заинтересован в искажении картины мира. И человек может стать счастливым, получив возможность воплощать все свои способности, заложенные в нем как в универсальном существе. Например, с утра пойти порыбачить, днем заняться производством обуви, а вечером пописать стихи. Затем, в отсутствие денежной системы, обменять сделанные товары на необходимые вещи, произведенные другими. Но мы говорим, что это утопия. Почему ее не удается воплотить? С одной стороны, если всматриваться, тут действительно много подводных камней. Например, что делать, если я буду производить про-

дукты, которые никому не нужны, со мной никто не будет обмениваться, значит, это все равно принуждение, и придется не своими хотелками заниматься, а учить спрос со стороны других. И что делать с теми, кто захочет отдохнуть, а не работать? Маркс Энкельс просто искренне верит, что свободный человек обязательно сам захочет трудиться. С другой стороны, говоря об универсальности человека, на мой взгляд, они видели слишком абстрактно. Забывая об одном из самых главных качеств, которые делают человека собственным человеком — осознание собственной конечности. Абстрактно, да. Вроде бы каждый способен абсолютно к любому виду деятельности, от пения до решения дифурров, от приготовления пищи до написания философских работ. Но как только мы вспомнили о своей конечности, все перемагничивается в этом поле. Оказывается, что я не хотела бы тратить часть драгоценного времени в своей жизни на виды деятельности, которым не чувствую интересов и способностей. И если не получу в этой деятельности особого смысла, что называется, душа к этому не лежит. И, может быть, мне бы даже хотелось выучить много языков, владеть мечом или в совершенстве кататься на коньках, подставьте сюда свой личный опыт. Но чувствую, что важнее мне потратить время своей жизни на другое. А все возможности я не успею перебрать и абсолютно во всем реализоваться. Гипотетически, да, любого можно обучить тому, что способен делать кто-либо из людей. Но как быть, если мне интересно другое? И я хочу успеть осуществить то, что кажется лично для меня более смыслодержательным. Поэтому другая положительная сторона конечности в пространстве. Хорошо, что есть другие, что мне не все подряд придется самостоятельно делать. И отдав часть своих якобы нереализованных способностей другим, я только стану счастливее, получая, простите за оксимурон, действительную возможность отдаваться тому, к чему как раз имею наибольшие способности и что мне наиболее интересно. Пусть другие выращивают, охотятся, готовят пищу, шьют одежду, производят электричество, управляют государством. А я буду исследовать и преподавать. Тоже полезно что-то для этих других делать. И возможно это даже лучше для целостности общества, когда понимаешь, что мы взаимозависимы и при этом взаимосвободны, когда каждый делает свое. Так что мне плутоновская утопия идеального государства как-то ближе по духу. Однако и марксистское видение человека тоже во многом продуктивно. Понимание универсальной сущности человека, если не буквально его применять, обязывая всех в рамках коммунизма заниматься по чуть-чуть всеми видами деятельности, то оно как бы обнуляет настройки и возвращает к тому же истоку, из которого в том числе мысль Плутона. Никакие обстоятельства не могут детерминировать самореализацию человека. Пусть будет счастлив в любом занятии. То есть речь здесь о том, что человек — существо открытое, и следовательно, хорош тот социально-политический порядок, который это учитывает. Два каждому человеку равные возможности для самореализации. А это означает прежде всего обязательное поголовное, добротное, разностороннее образование и воспитание, плюс, соответственно, равный доступ к равнообразным профессиям, рабочим местам и трудовым отношениям. Вот это как раз, на мой взгляд, самая правильная идея, которая реально была осуществлена в рамках отечественной социалистической организации общественного бытия. Понятно, было много минусов и сдержек системного характера, да и чрезвычайно тяжело обеспечить единство целей и ценностей на таких огромных территориях. Но идея, которая, к сожалению, постепенно забылась и выветрилась в этом строе, что все это ради человека на самом деле. Не на содержаниях надо зацикливаться, вообще не надо зацикливаться, а обеспечивать открытость и равенство возможностей.

Ну, это так, мое мнение. Просто хотелось бы, чтобы вы, самое главное, ловили эту амбивалентность марксистской идеи. Еще раз. С одной стороны, особенно в современных условиях текучести и непредсказуемости полезно быть разносторонним человеком. Наверное, совсем универсальным все-таки в реальности невозможно стать. Но широкое образование и получение навыков в различных занятиях и ремеслах это тот неотчуждаемый ваш собственный капитал, который поддержит вас в жизненных перипетиях. Просто, чтобы вы не боялись. Если даже по совершенно случайному стечению обстоятельств потеряете место работы, там, не знаю, предприятие закроют, или ваша узкая специальность окажется невостребованной, или жизненная ситуация заставит иначе зарабатывать на жизнь, вы не пропадете, если умеете делать разные. А главное, готовы учиться новому, осваивать новый вид деятельности, быть может, не менее интересный, если присмотреться, чем текущее занятие. С другой же стороны, важно не впадать в дурную бесконечность поисков себя путем перебора возможностей и попыток реализоваться во всем подряд. От ведения канала о фитнесе и, там, не знаю, блога о рукоделках, до занятий наукой и игрой на гитаре. Тут большая опасность распылиться и как раз потерять себя, поскольку в условиях ограниченности времени и физических сил просто невозможно одновременно всему отдаваться с равным энтузиазмом. И главное во всем одновременно достигать успехов, получать удовлетворение. Короче, продуктивнее нащупывать золотую середину между одним видом деятельности и многообразием возможностей.

12.1.4 Психоанализ

Для Зиммунда Фрейда. Человеческое сознание оказывается обусловленным не только извне, как у Маркса за счет определенной социально-экономической среды, в которой мы рождаемся, но и изнутри. А тут уже совсем сложно становится понять природу человека, если открывается в качестве фундамента ее внутренняя иррациональность. Выдающийся психоаналитик показывает обусловленность, подавляющая части нашей деятельности, наших ценностей и стремлений, иррациональным, бессознательным, которым мы принципиально не можем управлять, и силы которого полностью перевести на осознаваемый уровень не удастся. То есть мы не только зависим от меняющихся, неконтролируемых отдельными индивидами внешних условий, но и от неизвестности внутренней. По Фрейду сознание вторично по отношению к бессознательному и является лишь рационализацией наших животных в лечении и инстинктов. Поскольку мы не можем реализовать в обществе все наши стремления к удовольствию, наталкиваясь на моральные запреты, мы вынужденно придумываем, рационализируем свои желания, чтобы для других выдать их за нечто правомерное с точки зрения общественного мнения, а всевозможные старания человека, психоанализ сводит к компенсации различных комплексов, с детства свернувшихся в нашим бессознателем. Значит, смотрите, к чему приходит Фрейд. Сознание — это всего лишь порождение бессознательного, которое придумывает рационализация, чтобы для окружающих людей наши инстинктивные, бойные и аморальные желания выставить в качестве как бы разумных, правильных, защищенных и поэтому, по видимости, безопасных для остальных. Но на деле всегда ведет либидо. Как все объясняет Фрейд. Бессознательно погружена не только та часть нашей психики, которая называется «Оно», ответственное за животные инстинкты, страсти и желания, но и неосознаваемые нами до конца части «Я» и «Сверх Я». Последнее представляет собой такую контролирующую инстанцию, которая выбирает в себя функцию совести нашего внутренне-

го надзирателя и судьи, а также содержит идеальный образ «Я», к которому заставляет нас стремиться, наказывая в случае неподчинения или если мы дали волю желаниям «Оно» в чистом виде. Конечно, пытаясь все-таки как-то понять бессознательно, Фрейд, как и многие другие что-то утверждающие о новых основаниях негативических мыслей, не попадает в парадокс лжеца. То есть мы его можем спросить, в чем тогда истинность его подхода, если это тоже может оказаться всего лишь рационализацией глубинных желаний и завуалированных комплексов, ложной по определению. Но идея Фрейда оказалась продуктивной для понимания природы человека и сложной структуры личности. Фрейд обращает внимание на то, что человек рождается аморальным. Ребенок не знает сначала о совести, не умеет контролировать свои естественные влечения и тупо стремится к удовольствию. В то время как родители или воспитатели на первых этапах играют роль как раз такой внешне контролирующей и наказывающей инстанции. Затем ребенок интериализирует, то есть принимает вовнутрь принципы общественной морали, правильного поведения, самоконтроля и так далее. Но часть этого формируемого сверх-я уходит бессознательно и дает впоследствии различные психологические травмы и комплексы. Так что нормальных по Фрейду нет, все более или менее проблемные и несчастные. Хотя у намеченного Фрейдом направления было много и до сих пор немало последователей, мне кажется, самая знаковая фигура Жака Лакана, французского психоаналитика и философа. В 20-30-е годы XX века Лакан, пытаясь разобраться в действительных основаниях бессознательного и его проявления, концентрирует свое внимание на языковом измерении человеческого бытия, стараясь разобрать, как среда языка влияет на человека, формирование его личности и выстраивание взаимоотношений с другими. Так в его философии возникает особое понятие дискурса, которое дословно переводится как «речь». Однако подразумевается не обязательно конкретное озвучиваемое кем-то высказывание, но в широком смысле область того, о чем в определенном порядке может быть нечто высказанное. То есть язык понимается как среда, которая организована неоднородно. Существуют различные области бытия, которые описываются языком различными соответствующими способами. В пределе у каждого человека определенный способ говорения. Лакан использует популярный в начале XX века структуралистский подход к исследованию языка. Об этом у нас в следующем вопросе будет подробнее, так что пока не заморачивайтесь. Но поэтому его концепцию называют структурным психоанализом, то есть исходящим из распознания языковых структур, которые с различным наполнением воспроизводятся в человеческом обществе и управляют нашим сознанием. Для Лакана важно такое понимание языка, как разделенного на различные способы говорения, чтобы с одной стороны попытаться по специфике речи пациента понять природу его психических нарушений, а с другой, чтобы показать действия бессознательного во взаимоотношениях человека с другими, вскрыв разрывности, как бы языковые пропасти между «я» и другим. Мастер-те говорит, что поскольку психоанализ должен строиться как наука о бессознательном, исходить следует из того, что бессознательное имеет языковую структуру. Из этого тезиса выведена топология, призванная дать отчет в том, как складывается субъект. То есть обратите внимание, субъект в данной концепции уже, конечно же, тоже далёк от новоевропейского первичного автономного мыслящего сознания. Он складывается динамически из действия бессознательного и отражается в языке. Лакан предлагает буквально прочитать бессознательное как своеобразный текст. Методологически это выражается в работе аналитика с речью или записями пациента, в которых он нечто высказывает. Например, рассказывает о

своих сновидениях. Соединяя фредистский подход в психоанализе с структуралистскими практиками расшифровки языка мыслитель приходит к пониманию неразрывной связи трёх измерений человеческого бытия реального, воображаемого и символического. Эти три составляющие в своей динамике изменчивости по мнению исследователя отражают структуру человеческой личности. Лакан изображает их геометрически в виде колец Баромео. Если рассыпать одно из них, то вся система развалится. То есть все три эти момента обязательно должны присутствовать, чтобы мы могли говорить о том, что перед нами человеческое существование. Человеческое существование по лакану проходит в динамике трансформации этих трёх взаимно переплетённых измерений. По сути дела, от реального как такового мы фундаментальным образом отделены посредством интенсивно используемой именно человеческим существом прослойки воображаемого, которые, например, животные слабо осваивают и даже пользуясь воображаемыми структурами не отдают себе в этом отчёт и не развивают способность к воображению. Приведу пример, но не лакановский, а свой, поскольку я этим много занималась, изучая развитие интеллекта и феномен игры, когда животные играют. А у них много игр. В охоту, состязания, защиту, заботу и так далее. Они как бы представляют себе то, чего на самом деле нет. Скажем, кот хочет реализовать свои охотничьи инстинкты, но рядом нет ни мышки, ни птички, поэтому он способен увидеть жертву в какой-нибудь смятой бумажке или в мячике и может за этими предметами гнаться, сам запускать лапки, останавливать, выслеживать из-за угла. Человек уже может играть во всём, представлять себя с самого глубокого детства кем и чем угодно и менять правила игры. То есть, например, кошка вряд ли станет воображать себя сама жертвой, испугавшейся мышкой или летящей птицей. Её игры отвечают лишь природой, при природой заложенном стремлении. А вот человек способен на себя примерить любую роль, придумать и поменять правила любой игры. Это свидетельствует о каких-то особых отношениях человеческих существ с пространством воображаемого. И здесь для человека основополагающий статус имеет, во-первых, язык, а во-вторых, другой. Данное открытие как раз принадлежит Лакану, который выявляет в развитии человека так называемую стадию зеркала. На этой стадии все дети в период 6-18 месяцев начинают постепенно, во-первых, различать пространство слов, то есть языка речи, от вещей и событий мира. Они приобщаются к тому, что посредством слова можно управлять событиями. Вы же знаете феномен детских приказов, когда малыш года от рода усвоив всего несколько слов взрослого языка, говорит «дай, пойдём, на ручки». Он буквально управляет миром как царь, вызывая по своему желанию те или иные события. Во-вторых, в этот период дети начинают отделять себя от окружающих других людей и как следствие узнавать себя в зеркале. Лепетная речь постепенно заменяется способностью к выражению на естественном языке, если ребёнок погружен в среду общения с другими. Причём стимулируется это развитие не только когда родители или воспитатели общаются между собой и с ребёнком, учат произносить слова и обозначать им предметами, но и в ответ на речь, в том числе лепетную других детей. Человек вообще от рождения отвечающее существо, всё в мире замечающее и готовое к деятельности участию, освоению всего, что к нему приходит. Если же на данном этапе малыш не находится в среде общающихся других, как это бывает в случае детей маукли, которых воспитывают животные, такой человек никогда не станет уже собственно человеком с человеческой системой восприятия. В более позднем возрасте его невозможно будет научить языку и пониманию смысла, поскольку способность к неограниченному доступу в измерение воображаемого не была в нужный момент стимулирована и развер-

нута в его сознании. Когда же ребёнка учат говорить, он начинает понимать, что слова и вещи не совпадают однозначным образом, то есть символическое измерение, язык в широком смысле, не накладывается абсолютно тождественным образом на реальное, то есть на окружающее положение вещей. другой со своей позиции видит меня и то, что в данный момент общения с ним не видно мне. Поэтому между нами возникает такое топологическое пространственное различие. Мы представляем буквально разные точки зрения. И это различие включает в осознание человека понимание некой разницы потенциалов, пролегающих между различными акторами, между словами и вещами, в пределе между собой и миром, вследствие чего и возникает представление о себе как отдельной от мира и других самостоятельной единицы. Происходит осознание границ своей воли. Я не могу управлять миром полностью, поскольку он не мною строит. Я не могу управлять другими, полностью вжившись в них. Они сами такие же, как я, отдельные непривычные миры. То есть взрослея, младенец начинает обращать внимание с одной стороны на различие собственных состояний в связи с изменениями в окружающем мире и в собственном теле, а с другой на различие себя и мира, вещей в мире, других слов, вещей и так далее. Так уже к 2-3 годам формируется самосознание и активно начинается использование воображаемого как инструмента пространственно-временного ориентирования в нём. В какой-то момент в возрасте от 2-3 лет происходит первый элементарный акт рефлексии. По латинским частям слово «догадывайтесь» это складывание, удвоение, когда мы впервые от сплошного переживания смены аспекта, то есть того, как мир по-разному поворачивается к нам, обращаем своё внимание на то, что дано — это всё мне. То есть открываем тождество. Вот я. И одновременно, значит, различие. На этом построена, собственно, человеческая система восприятия на элементарном акте развлечения одного и того же самого, в данном случае, самого ближайшего себя. Проговорим чётко, важный здесь момент о связи воображаемого границы различия и другого с большой буквы или категории иного как такового. В мире самом по себе нет границ. Они возникают только в наших представлениях о мире, в нашей голове. Это понятно, да? Или вы сможете глазами различить на квантовом уровне и показать мне точно, например, где реально заканчивается стена и начинается воздух. А цветущее дерево, аромат которого далеко растягивается, плоды которого съели птицы и животные, а живое тело, обновляющееся, видящее, дышащее, злющие звуки, слышащее и так далее, где реально его границы? С другой стороны, эмпирически нам каждый раз встречаются уникальные во времени и пространстве люди, деревья, стены и так далее. Но мы можем их отождествить с соответствующей идеей дерева вообще, человека вообще, стены вообще, благодаря тому, что в воображаемом пространстве нам доступны такие абстрактные образы. А в реальном этих образов самих по себе нет. Нет березы вообще в реальном лесу и идя по улице, вы никогда не встретите, например, женщину вообще, только конкретных представителей из прекрасного пола. У животных другая система восприятия. Для них мир остается окружающим миром, только тем, с чем они имели за свою жизнь чувственный контакт, только положением вещей и спектром собственных состояний, хотя они, безусловно, тоже запоминают что-то, смутно пользуясь некоторыми структурами воображаемого. Но человек может представить себе те места и исторические эпохи, в которых он никогда не был, может представить, что в каких-то условиях чувствует другой человек, хотя сам не испытывает непосредственно того же самого. Короче говоря, человек может выходить за свои собственные границы, но возможным это становится только потому, что он вообще понимает идею границы или различия. По крайней мере, почему-то

люди чрезвычайно активно осваиваются с границей различия, встроено этой категорией буквально все свое бытие и мощнейшим образом развивают воображающую способность. Так что не будем категоричны, не будем игнорировать факты и забывать, что у многих лучших млекопитающих воображение тоже есть. Например, собака может посчитать щенков, слон вспомнить в засуху из детства, путь к удаленному источнику воды, орангутан, исхитриться использовать подручные средства, чтобы добраться за сладкими фруктами и так далее. Короче, главное, мы, ребята, не рождаемся людьми, а только становимся собственно людьми в меру развития способности к неограниченному воображению и освоению идеи чистого различия, иного как такового. Но это означает разрыв и потерю внутреннего единства. Поэтому психоанализ и концентрируется на, так сказать, фундаментальной травме человека, которая отличает его способ бытия от животного. Вот это открытие лакана о природе человека. Таким образом, по мысли лакана, для человека реальное становится принципиально недоступным своей первичной сущности, поскольку мы работаем со всеми вещами и феноменами нашей действительности через воображаемое, выражая его для других через символическое. Однако реальное, конечно же, никуда не девается, но, как говорит живой классик, словенский комментатор и интерпретатор лакана Словой Жижик, начинает для нас функционировать в модусе нехватки, как отсутствующее недоступное, пустое место. Отсутствие прямого доступа к реальному и подсознательному учитльному для человека, поэтому он пытается прикрыть это пустое место. Бессознательное как раз выступает стихия, тянувшая нас к этому недоступному реальному. Так как мы постоянно ощущаем нехватку чего-то в своей жизни и обычно не можем понять, чего именно не хватает, наше бессознательное подкидывает нам объекты желания, завладеть которыми мы начинаем стремиться. В том числе мы сами можем потенциально стать объектом желания другого. Нами могут захотеть завладеть в различном смысле от подчинения в любовных отношениях до управления нашим сознанием в рамках политической или экономической сферы. Поэтому человек также стремится выстроить защиту от потенциально опасного другого, формируя для него образ себя, который полностью с ним самим не совпадает. Принято называть этот несовпадающий образ симулякром. Согласитесь, мы по-разному ведем себя с различными другими, показывая себя с разных сторон разным людям. Мы одни для друзей, другие для родителей, третьи для коллег и так далее. Мы как бы постоянно играем разные роли в разных образах, защищая себя от проникновения других в наше настоящее я. До конца другой не может поглотить наше я, потому что он принципиально занять наше место и быть нашим способом не может. Однако иногда в обход выстраиваемый нами внешней защиты кому-то все-таки удается начать управлять нашими желаниями, частично нами завладевая изнутри. Что касается внутренней составляющей наших желаний, достижения вот этого недостающего, если даже достижение каждого конкретного желаемого происходит, например, захотели новое платье, пошли купили, то, естественно, полное удовлетворение никогда не наступает, мы принципиально не способны как конечные существа занимать все желаемое реальное, а не достает нам всего в целом. Да еще и имение чего-либо не означает того, что этим самым мы получили к желаемому прямой доступ во всей полноте. Имение это один из способов взаимоотношения с чем-то, который, тем не менее, существует лишь в нашем воображаемом и не ведет к поглощению этого чего-то в качестве реального для себя. В качестве заплатки на месте не хватающего реального воображаемом выстраиваются картинки и образы, которые рисуют для нас уже достигнутое желаемое, принося нам этим некоторое наслаждение. Эти сцена-

рии реализации желаний получили название фантазмов. С одной стороны, действительную осмысливающую активность в нас могут замещать эти фантазмы. Они всегда приходят извне, из ситуации, взаимодействия с другими, поэтому на самом деле они нашими-то не являются. Фантазмы начинают действовать вместо нас настоящих. Этим сейчас чудовищным образом пользуются рекламный дискурс и идеологическая пропаганда. Через рекламу, изображающую красивый образ жизни, нам навязывается желание что-то конкретное купить, в том числе и для того, чтобы якобы символически обеспечить свой образ для другого. Самый безбидный пример. Нам навязывают что круто ехать, отдохнуть в теплые страны, райское наслаждение и многие мечтают о каких-то супер красивых местах, абсолютном комфорте, строят планы, а в итоге разочаровываются от антисанитарии в некоторых отелях, им не везет с погодой, где-то местные могут обмануть или обокрасть приезжих, кожа на солнце обгорит, подцепим какую-нибудь заморскую заразу и так далее. То есть картинка красивой жизни завладевает нами, мы начинаем верить в то, что если копим это предлагаемое, то достигнем удовлетворения. Ясно, что такого рода попытки удовлетворить свои желания приносят лишь одну боль и мы ведем несобственное существование, отдавая сюда во власть фантазмы и этим закрывая свое видение реального. Значит, на деле, наоборот, отдаляясь от реального. Это касается не только рекламы, но и пропаганды в СМИ и соцсетях, которые заставляют людей верить в угодную властям картинку реальности. С другой стороны, мы видим, что манипулирование бессознательным людских масс формирует косвенным образом и саму реальность. Например, создав образ врага в сознании людей, можно заставить их поверить в то, что соседний народ плохой, несправедливый, поэтому с ним надо воевать. Хотя на самом деле соседний народ такие же люди, просто говорящие на своем языке, с некоторым вкладом жизни, несколько другими культурой и привычками, не хуже и не лучше, а просто другие. То же самое и с экономической реальностью. Жижек в 1989 году в своей книге «Возвышенные объекты диалоги» приводит забавный пример, которым он предсказал реально случившееся в 2020 году в начале пандемии. Возможно, вы помните этот мент. В магазинах полным-полно туалетной бумаги, но вдруг появляется слух о том, что туалетная бумага это дефицит. Каждый думает, очевидно же, что бумаги много на полках магазина, однако наверняка найдутся простаки, которые в это поверят и начнут скучать бумагу как сумасшедшие. Пойду-ка я куплю парашапас на всякий случай. То есть не обязательно реально должны существовать люди, верящие этим слухам. Срабатывает механизм в нашем воображаемом. Хотя вроде бы мы всеrationально понимаем, что изначально этого дефицита нет. Результат будет один. Дефицит туалетной бумаги. Это прекрасная иллюстрация того, как наше воображаемое формирует реальность. Конечно, надо понимать, что возникновение фантазмов в нашем сознании неизбежно. К тому же приятно для человека, однако с ними необходимо бороться в себе, преодолевать их, поскольку действия фантазмов разрушительны. На самом деле мы, например, не просто хотим купить платье, а для чего-то, поскольку представляем, как можем представить в красивом виде для желаемого другого или как сходим в ресторан в таком образе и к нашей персоне будут прикованы взгляды. Эти мечты, когда мы их воображаем, приносят сами по себе удовольствие. Мы стремимся воплотить фантазма в действительность, однако при этом напрочь забываем, что-то лишь сценарий в нашем голове и реальная полнота настоящего никогда не совпадет с тем, чего мы хотим, потому что мы, во-первых, не способны учесть абсолютно все факторы реальной ситуации, а во-вторых, не можем управлять сознанием, восприятием и поступками других людей. Нам

этого хочется, но мы только в своей голове вообще-то эти неправомерные вещи представляем. Поэтому больно, когда обреально эти наши фантазмы рушатся. На мой субъективный взгляд, похлебнувший на опыте, к чему приводит богатое воображение, чтобы этой боли избежать, самым действенным средством является настроить себя на понимание того, что на самом деле никакой нехватки нет. Это паническая реакция нашего бессознательного на факт нашей конечности. Продуктивнее понять в нашей ситуации и так уже есть все необходимое. Вопрос в том, видим ли мы это или наш взор захламлен иллюзиями, фантазами. Видим ли мы реальность? Например, если нас желаемый человек и так любит, не обязательно тратить деньги на супершикарное одеяние, достаточно просто выглядеть, как обычно, и от этого вас не перестанут любить. Если чувство настоящее, то вполне хватит элементарно следить за собой и умеренно, адекватно одеваться, что называется, быть собой. Зачем из кожи вон лезть, изображая того, кем вы не являетесь? Этим симуляром можно только других обманывать и формировать к себе ненастоящие отношения. А напротив, если человеку вы не нужны, то как не разденетесь, чем не пожертвовать ради него, чем не попытайтесь удивить, добротных отношений не получится. Да, больно разрушать в себе подобные мечты, но зачем растрачивать себя на ненастоящее? Ради людей, которые вас не оценят, что бы вы ни сделали, и остаться с пустотой? Продуктивность сосредоточиться на том, что на самом деле есть, и осмысливать действительность в чистоте. Тогда, даже понимая нечто грустное, к примеру, осознав, что не нравитесь вы человеку, в которого вы влюбились, можно все же испытывать единственную, высшую, собственно, человеческую радость понимания. В конце концов, ребят, минутка мудрости. Извне. Нас никто и ничто до конца не сможет сделать счастливыми, потому что, если мы распространяемся вовне, то теряем единство с собой, становимся несвободны, потому что зависим от того, что вне нас, а в целом можно быть лишь в одиночку. И парадокс в том, что как только мы это мужественно принимаем, занимаясь во всем, что бы мы ни делали, универсальным, собственно, человеческим занятием осмыслением, и не желаем большего, тогда только нам даруются все это необходимое, желанное. Нас начинают другие по-настоящему любить, ценить, уважать, и жизнь наполняется действительным смыслом, когда самое главное вы находите во всем вокруг что-то интересное. Но это уже решение скорее не с позиции психоанализа, а экзистенциализма.

12.1.5 Экзистенциализм

Принято считать, что началось это направление с идеи датского наследителя Сорина Киркегора, бундя против гигельянской попытки все объяснить с помощью тотального рационализма абсолютного духа, еще в 18 веке, ой, прости-те, в 19 веке Киркегор в своем творчестве исследует иррациональную сторону человеческого существования в категориях переживания, страха смерти, отчаяния, свободы, веры, любви. Он обращает внимание на то, что живой человек не какая-то абстрактная сущность, он всегда конкретный, и в своих уникальных условиях зачастую не разумом руководствуется, особенно в пограничных ситуациях предельных переживаний. Иначе невозможен был бы героизм, невозможна была бы живая искренняя вера, настоящая любовь. Это такие смысложизненные вещи, без которых даже со всей своей рассудительностью человек не был бы человеком. Поэтому, говоря о человеке, нельзя игнорировать уникальность и единичность его переживаний, которые никогда не уложатся в универсальную схему. Михаил Михайлович Бахтин в 20-е годы 20-го века, предвосхищая

идеи немецких и французских экзистенциалистов, тоже концентрируется на уникальности каждого реального человека. Единственность и незаместимость положения каждого в бытии говорит не просто об индивидуальности, но означает и то, что о поступках, захватывающих нас делах и происшествиях, любви, дружбе, вере, осмыслению и так далее не может быть теоретического знания. Ведь оно обобщение, которое как раз абстрагируется от уникальности и конкретики реальных обстоятельств. Как пишет Бахтин, философия, пытающаяся вскрыть бытие события, не может строить общих понятий положений и законов об этом, но может быть только описание. Феноменология этого мира события может быть только участно описано. То есть понимание события мысли возможно, если только пропускать все через себя, непосредственно участвуя в проживании, переживании всего, что происходит. В связи с этим, если целью исследования становится осмысление глубинной сущности феноменов человеческого бытия, то действовать абстрагирующими и обобщающими теоретическим путем становится непродуктивно. Истина чистого события в своей полноте будет ускользать из сетей универсальной схемы. Например, любви можно дать какое угодно научное определение, только это не поможет каждому из нас в переживании и понимании реальной собственной любви. Чтобы понять во всей полноте, что такое любовь, ее нужно пережить участным образом, так, чтобы она захватывала все наше существо целиком. Другого пути нет. Не пережив ни разу состояние любви, ничего истинного, никакой любви мы помыслить не сможем. Какими бы теоретическими представлениями, чужими готовыми схемами много не попытались воспользоваться. Смотрели фильм «Умница» Вилл Хантинг? Там как раз психолог, которого играет Робин Уильямс, практикует такой подход по отношению к главному герою. Его молодой Медеймон играет. Этот психолог говорит, мол, парниша, ты много книг прочел, много знаешь, думаешь, что таким теоретическим образом ты понимаешь, что такое по-настоящему любить? Нет. Это только из опыта у частного переживания берется. Только когда ты всегда ставишь на карту, всем рискуешь, страдаешь, все это испытываешь на своей шкуре, вот тогда что-то и можно понять. понять об этом конкретном возлюбленном человеке, о своих чувствах и о настоящем подлинном истинном чем-то, что через тебя в такие моменты течет. Понять себя и понять, что такое жить по-настоящему, это не из книг и не из теории берется, а должно уникальным образом случиться с нами, да еще и чтобы мы приложили усилия к осмыслению этих своих переживаний, не просто отдались им, не придумали, что такое с нами происходит. Тогда, с другой стороны, никакого понимания без внутренней работы не случится, никакой опыт не усвоится. Почему-то в массовом сознании экзистенциализм связывают с чем-то негативным и есть немало мемов про это. Сейчас будет минутка отдыха, пожалуйста, на экзамене не рассказывайте про мемы. Обычно у тех, кто сам не читал первоисточники, складывается расхожее представление, что речь о тоске, отчаянии, обреченности человека. Вот, мол, и Сартер писал драматические произведения, например, «Тошнота». Такое себе название не очень воодушевляющее. Мои друзья, когда я из химии ушла в философию, очень хотели меня поддержать и, зная, что мне близок этот подход, начали выискивать всякие экзистенциальные мемы и мне их присыпать. Ну, много всего присыпали и до сих пор иногда меня потролливают. Это я вам самые безобидные показываю. Просто, чтобы вы не грустили и понимали. Потому что не на этом акцент в рамках данного подхода, а на специфике такого уникального существа, человека, которое прежде всего в его творческой и осмыслиющей энергии заключено. Но, чтобы ее реализовать и преодолеть нашу природную ограниченность, конечно, надо над собой усилия

совершать, работать над собой. А для большинства это печально, потому что лень или страшно. Давайте разберем, каков экзистенциализм на самом деле. В своих основных тезисах он очень похож на стоицизм, с одним только отличием, что сформированы эти положения теперь в свете не классической интуиции без основности, а античные стойки все же исходили из того, что есть некие устойчивые основания всего, пусть и до конца непознаваемые. Название направления экзистенциализм происходит до латинского экзистенция существования, но для человека оно особенное. Мартин Хайдегер осмысляет специфичность положения человека в бытии. Оно экзистенциально по своей сути, то есть, как объясняет мыслитель, это особый тип существования, в котором возможно понимание, выход к смысловому уровню, выделяя особость человеческого положения бытия среди других вещей, мыслитель подчеркивают, что такое положение отнюдь не дает права превосходства этому существу способу понимания бытия. Напротив, наше понимание действительности должно осуществляться в предельной ответственности, поскольку оно задает способ нашего поведения в мире и отношения к остальному существу. Критикуя идею господства человека над природой и нигилистическое отрицание ценностей, доведённое до предела философии Ницше, Хайдегер показывает опасности такого миропонимания. Это становится разрушительно как для самого человека, оказавшегося в ситуации множественности ценностных ориентиров и невозможности выбрать среди них одно устойчивое основание. Это для мира, в котором всё с чудовищными темпами перерабатывается силами безликого производства, не оставляя времени приспособиться к новым условиям. Безответственность по отношению к своему существованию и к существованию всего основного мира начинается с нежелания пробираться к настоящему смыслу действительного положения вещей. Кроме того, в век потребления мы не привыкли замечать действительную хрупкость всего вокруг и, занимаясь лишь паническим обеспечением себя, обустройством своего положения, слишком мало заботимся о человеческой стороне в нас, об осторожном, вдумчивом, понимающем существовании. Хайдегер называет такое стремление, направленное лишь на манипулирование сущим, на обустройство в мире и нежелание при этом осмыслять настоящее несобственное существование. Жан-Пульсартер в своем программном выступлении «Экзистенциализм это гуманизм» более четко выделяет основную идею этого направления, отразившуюся в названии. Для человека не сущность определяет существование, как, например, для предметов форма и материал ножа определяют его назначение, но существование определяет сущность. То есть, во-первых, нам никто и ничто не задает наше предназначение, мы сами должны это решить, и во-вторых, поэтому мы своей жизнью, своим существованием создаем свою сущность, а не так, что заранее есть какая-то предрешенная программа, которую мы реализуем, как по рельсам и не можем ничего иного. То есть, о том, каков человек можно судить по тому, как и чем он наполняет свое существование. Оно как бы открыто и заранее ничто не детерминирует, не принуждает нас ни к определенным занятиям, ни к этическому выбору тех или иных поступков, ни к отношениям с теми, а не с другими людьми и так далее. Именно свободой осмыслиенного и каждый раз уникального выбора и специчен человек. Так, ребята, насчет времени. У нас как бы подходит конец пары, но все-таки давайте добьем до конца этот вопрос немножко подольше. Может, еще минуток 10-15 у нас будет. Хорошо? Склассно? Ну да, как-то прерываться будет. да, давайте тогда до конца этот вопрос добьем и потом уже пойдем на перерыв, потом второй вопрос. Значит, смотрите, экзистенциальная традиция в центре внимания, которой окажется человек во всей своей полноте и парадоксальности, во всей конкретности своих

жизненных обстоятельств выделяет следующие черты специфического положения человека в бытии, которые принято называть экзистенциалами. Во-первых, человек знает о своей конечности и это побуждает его осмыслять. В том числе стремится выходить за границы простого наличного положения вещей и замечать что-то в себе и в окружающем мире. Такие уже знакомые нам мыслители, как Мартин Хайдегер, Пауль Тилех, Жан-Поль Сартр разбирают феномены страха, тревоги, ужаса, которые охватывают нас при переживании опыта небытия. вспоминайте нашу четвертую тему про основание типов культур эпох. Он может возникать не обязательно в форме страха смерти, но проявляться и при осознании безосновности, окружающего хаоса, необеспеченности своего бытия или когда мы в какие-то моменты ощущаем бессмысличество, растерянность. Однако этим деструктивным страхом необходимо мужественно противостоять и опорой может стать открытие в себе уже данного своего уникального способа бытия, исполнение, в котором только и может дать нам полноту жизни наполнить ее смыслом. Так что базовый экзистенциал осмысляющего существование человека отталкивается от знания о своей конечности. Поэтому мы задаемся вопросами, хотим что-то успеть, успеть осуществиться, самореализоваться, а для этого не все подряд полезно. Надо различать что хорошо, а что плохо. Значит, прежде всего думать. с этим связан второй момент. Только у человека поэтому формируется совесть. Само это слово буквально означает совместное ведение, а ведение это устаревшее слово для более привычного нам знания. То есть у меня есть совместное знание. Что это такое? Это эффект возникновения у нас в детстве самосознания. Мы начинаем понимать, что вот я и вот мир. И я о нем столько всего знаю, столько всего мне в этом мире открывается. И вот что мне с этим знанием делать, как его использовать, как в его свете поступать. Я сам с собой начинаю вести внутренний диалог и совершать каждый раз какой-то определенный выбор. И вот это все только дело меня самим собой. Я сам с собой совместно ведаю согласованием морали и собственных желаний, сопререживанием к другим или безразличиям, правдой, ложью и так далее. И поэтому Сартр говорит, что человек открытое существо и наполнение жизни зависит от свободного выбора самого человека, о котором он как бы сам договаривается, только с самим собой. В этой связи Сартр называет человека строящим себя проектом. Поскольку мы не представляем собой предзаданных сущностей, а самим своим существованием характеризуем каждый себя, то своими выборами, решениями ответственны как за свое индивидуальное бытие, так и за всю человечность или, так сказать, идею человека. Насколько в своих поступках мы осуществляемся как достойные существа, мужественные, осмысляющие, честные. Сартр говорит, что мы обречены на свободу, не можем не выбирать, потому что даже если бездействуем, ничего не выбираем, то это уже тоже выбор. Еще интересно, что бывает в некоторых сложных ситуациях, пока мы не решились и не выбрали какую-то из возможностей, мы не сможем понять, правильно ли мы поступили, потому что мы заранее никогда не знаем, во-первых, с какими другими неучтенными обстоятельствами сцепятся наши действия, а во-вторых, что мы сами будем переживать при этом, ведь это всегда новый опыт. Как тогда можно говорить об ответственности субъекта? Я думаю, что она обеспечивается не абсолютным предвидением расчетом, на который мы в реальных условиях, условных ситуациях вряд ли способны, но готовностью извлечь для себя опыт из любых событий, в которые мы попали, осмыслять, перерабатывать этот новый опыт и исправлять свои ошибки в случае их совершения. человек не общее универсальное понятие. Нет ведь человека вообще. Мы всегда, например, либо женщина, либо мужчина, всегда конкретный человек в

определенных обстоятельствах, не идеальный, обладающий каким-то абсолютным знанием или агрективным видением. Поэтому, в-третьих, подчеркивается фактичность нашего положения. Здесь имеется в виду, что нельзя человека судить по каким-либо общим меркам. Чтобы действительно понять, надо рассмотреть всю конкретику факта, его жизненные обстоятельства, уникальные цели и ценности переживания в момент совершения поступка. То есть, те самые факты, они всегда уникальны и единичны для определенного отдельного реального человека в конкретный момент времени, в конкретном месте, здесь и сейчас. Также, поскольку у нас нет предзаданной сущности и нам никто извне не скажет о нашем предназначении, о смысле нашей жизни, это означает нашу оставленность. Меня в свое время поразил в хорошем смысле взгляд Бибихина на этот экзистенциал. Он говорит, что не обязательно вслед за Сартром видеть в этом пессимизм брошенности, обреченности, отчаянного нашего положения. А что, если наоборот, несмотря на всю нашу неприемлемость, нас оставили быть, причем оставили быть свободными? Тогда круто, нам дали шанс, и от нас зависит не упустить его, что-то понять и стать хоть шуточку лучше. Альбер Камю, французский философ и писатель, также осмысляет обреченность человека и трудность, даже абсурдность его положения в бытии. Он говорит, что мы вынуждены постоянно совершать сизифов труд, если хотим быть по-настоящему людьми. Как сизиф поднимает на вершину горы тяжелый камень, после чего тот снова скатывается к подножию и нужно опять спускаться за ним и тащить его наверх. Также, сколько бы мы не разгребали завалы своих печалей, страхов, непродуктивных желаний, сколько бы побед над собой не одержали, эти состояния будут вновь возникать. Но мы не должны сдаваться, даже если кажется, что совершать эти усилия абсурдно. Выход в том, чтобы принять такое наше положение в бытии. Не значит опустить руки, но напротив сосредоточиться на том, что мы действительно можем и взять свою максимальную амплитуду в данных условиях. Про сизиф тоже много мемов есть. Надеюсь, они помогут вам отнести к сложностям человеческого бытия с юмором. И на самом деле юмор это одно из замечательных оружий против страха, поскольку он позволяет дистанцироваться от объекта страха. Давайте продолжим. По этому поводу Рабка Смешно-Мурдашвили говорит такую потрясающую высказку, потрясающую идею. Человек это прежде всего постоянное усилие стать человеком. Это не естественное состояние, а состояние, которое творится. Напоминает возрожденческое определение человека, которое Франческо-Петрашко дает в своих письмах. Человек рожден для усилия, как птица для полета, рыба для плавания. В Амурдашвили замечает, что добро, например, само по себе не делается. Честь и совесть нам не обеспечены автоматически, нужно в поступках стараться их проявлять, в том числе борясь с эгоистическими стремлениями и своими негативными качествами. Естественным образом существуют только хаос и распад. Если мы не сопротивляемся в себе и вовне, но нужно вопреки этим рассеивающим, расстраивающим тенденциям собирать себя непродуктивно, когда мне плохо, когда меня что-то терзает, когда я страдаю. Мне хорошо, только когда я целиком собираюсь на чём-то, на продумывание какой-то мысли, в том числе о том, что беспокоит, или на полной отдаче себя какому-то делу. Кроме того, плохо, если мы откладываем в будущее что-то по типу потом я достигну какого-то полного знания, понимания, вот-вот всё налажу, расставлю по полочкам, ножки свещу и тогда-то заживу. Этого ведь всего нету в реальности, только в нашей голове. А что здесь и сейчас, что мешает мне пребывать во всей полноте здесь и сейчас? Если моя жизнь состоит из череды моментов теперь, то если в каждой я не вкладываюсь во всей полноте, откладываю каждый раз

на потом, то ничего настоящего не останется потом. Такое парадоксальное существо спасти может только творчество. Что в нас собственно человеческого? Творчество смысла во всём, с чем бы мы ни встречали, что бы мы ни делали, от изготовления табуретки до создания стихотворений. Любая деятельность может принести счастье, если я осмысленно этим занимаюсь, ещё что-то новое обогащаюсь знаниями, опытом, если это не проходит мимо меня, как серая обыденность. Я участвую во всём встречаемом своим чётким вниманием. Смысла нет без нашего усилия его производства. С одной стороны, это тяжело, потому что надо постоянно расчищать свой горизонт от схем и стереотипов, бороться с собой, со страхами и желаниями, да и понимание не гарантировано, даже если мы этого очень хотим. Но ведь без настройки своего состояния понимание даром нам не дастся, поэтому не бесполезно готовить себя к моментам озарения. И с другой стороны, это ведь свобода и высшее удовольствие думать самостоятельно, самим стараться разбираться. Никто за каждого из нас так не сможет. Мы свободны в том, думать или нет, а также ответственны перед самими собой, стремимся ли к полноте, к целостности, к счастью.

12.1.6 Итоги

Что такое человек? Это уникальное существо, которое проходит в своем развитии определенные стадии, на каждой из которых что-то теряет, но и что-то приобретает. Так с открытием самосознания к трёхгодам мы начинаем терять изначальную свою гармоничную и естественную слитость с миром и единство с самим собой. Но единство всегда желанно и всю жизнь мы не перестаем стремиться воссоединиться с собой и миром. К пяти годам мы развиваем внутренний диалог совесть, осмысляющий диалог с самим собой, который и должен помогать нам на более сложном уровне, чем у всех остальных животных, достигать единства. Это удивительный приобретение возможность познавать и обрабатывать опыт поступать, свободно выбирать и стараться своими силами улучшать жизнь. В чем смысл жизни? В том, чтобы быть счастливыми. Хотя и счастье у каждого уникально, для него не существует инструкций, но мера одна на все времена. И в этом плане ничего по сравнению с предшествующими эпохами не поменялось. Человек счастлив, если един с самим собой, если осмысляет, стремясь к этому единству, то есть, если обогащается опытом, смыслом и этим как бы расширяет свою душу, а не обедняет ее, не сжимает. Самое важное, что нам сейчас открывается, возможность увидеть, как и в античности, как и в возрождении, это то, что мы уникальные существа, потому что имеем дело с парадоксальностью всего, и вокруг нас, и в нас сами. В нас вдвинуты одновременные противоположности, способность и к добру, и к злу, и логичная рассудительность, и иррациональная спонтанность, и материальная составляющая, и духовная, встреча с многим на опыте, и умение умоз выделять единые законы, взаимосвязи, явлений. С одной стороны, это дарит нам открытость и свободу, а с другой, накладывает огромную ответственность за осуществление собственной жизни и за отношение к окружающему миру. Но Мордышвили абсолютно прав. Человек — это усилие быть человеком, это неестественное состояние. Благодаря лакану мы яснее видим нашу специфику в развитии воображения. Подчеркнем, что не воображение вообще, оно может и непродуктивно функционировать, если мы начинаем жить в модусе нехватки, фантазировать, служа его идеальным образом, который всегда иллюзией, поскольку в реальном мире идеального нет. Но если мы научаемся использовать воображение как инструмент, не подчиняясь ему, можно продуктивно по назначению применять

его для творчества. Если подытожить, это все словами, сказанными уже в 21 веке нашим современникам, итальянским философам Пауло Верно, специфики человека в том, что он не специфичен. Возможно, мы появились случайно, но каким-то чудом увидели ограниченность и хрупкость собственного бытия, встревожились и начали придумывать, как выжить, как себя спасти. Собственно, человеческими способностями, универсальными, обратите внимание на еще один смысл этого маркетинского термина, являются наши коммуникативные и когнитивные способности. Никто, кроме человека, не исполняется в общении с другими индивидами и не обучается непрерывно всю жизнь, находясь именно в этом, в человеческих взаимоотношениях, в понимании себя, смысл жизни. Не в каких-то конкретных занятиях, ребят, мы по-настоящему исполняемся, а в поступках по отношению к другим и в творчестве нового. Заботясь о выживании таких непредспособных существ, мы наизобретали кучу полезных техник, открыли столько всего нового и интересного, но если теперь мир превратился в глобальный конвейер, то это очередной шанс задуматься, как быть. Не мы, не наше с вами поколение довели природу до экологических и энергетических проблем, не мы выбрали родиться в условиях, с одной стороны, скучной рутинны, однообразного, до ужаса, алгоритмизированного производства и товаров, и услуг, и даже научных статей для массового потребления. С другой стороны, в условиях глобальной социально-политической напряженности и нестабильности. Но наша задача в том, чтобы мужественно увидеть это наше дано, воспринять условия, задачи и своими поступками решить, сделать выбор, терять себя на этом конвейере, в том числе идеологическом, или вопреки всему совершать творческий акт, прорыв к по-настоящему новому. Оно возможно только в индивидуальных актах осмысления и только в поступках, в поддержке окружающих таких же потерянных других. Сетева натягивается и от нас с вами зависит, насколько мощно и насколько в правильном направлении будет выпущена стрела и будет ли, не сорвется ли. Сможем ли мы своим творчеством преодолеть конфликты, болезни, все низменное, оправданы ли наши жизни, стремимся ли мы к настоящему или вязнем во внимостях, впишем ли в культуру строчку вдохновения. От ответов на эти вопросы, которые каждый из нас себе задает и от реальности наших поступков в свете такого осмысления зависит, что же такое человек и насколько мы достойные существа. Благодарю за внимание, дорогие друзья. Счастливо буду ответить на ваши вопросы в особенности по такой животрепещущей теме. Сейчас я обратно перекручусь на Google Meet. А ребята? Получается, в итоге вы собрали итоги каждого из вариантов, каждого из направлений? Я постаралась. Вон кто-то руку поднимал. Да, я ребята за презентацией, просто она у меня на весь экран открывается, и я не всегда вижу, если у вас там вы с текстом что-то пишете или там вот эту руку поднимаете, то вы лучше словами говорите. Ну, или сейчас текстом напишите. Вот, если у вас ребят пока и потом что-то созреет, вы всегда можете написать мне на мейл, я вам отвечу. Вот. Я предлагаю пойти на перерыв. Да, листается. Все, отлично, тогда давайте теперь с вами ко второму вопросу перейдем и заглянем в самую сущность языка в его связи со смыслом и пониманием.

12.2 Лингвистический поворот в неклассической философии

Мы будем двигаться как обычно по плану. Предлагаю такую логику. Сначала попробуем сами задаться вопросами, что такое язык и что такое смысл.

Затем познакомимся последовательно с самыми выдающимися мыслителями и направлениями философии уже больше 20-го столетия. По неслучайному совпадению все они занимались с учением именно на феномена языка. Уникальные презрения Людвига Витгенштейна, фундаментальные исследования Мартина Хайдегера и продолжение экзистенциальной аналитики языка в герменевтике его учеником Гансом Георгом Гадемером. Не оставим без внимания и величайшего русского мыслителя Михаила Михайловича Бахтина, который на несколько десятилетий раньше французских философов разработал концепцию диалогичности и труды которого переведенные через полвека будут вдохновлять постструктураллистов на их лингвистический проект. Мы должны будем оговориться об особенностях человеческого языка упирающегося в тайну нашего происхождения и наконец познакомимся с важными идеями структураллистов прошлого столетия. Поскольку ни в одном учебнике по философии науки да и наверное по философии вообще не найти этого материала в таком объеме такой глубине и широте на котором мы сейчас с вами замахнемся будьте предельно внимательны но надеюсь этот вопрос будет удивительным для вас во многом новым а значит расширяющим горизонт и вдохновляющим.

12.2.1 Проблема определения языка и смысла

Язык постараемся воссоздать ту логику, в которой на язык вдруг обратили внимание самые крупные мыслители 20 века, осуществив лингвистический поворот философии. Оговоримся только: поворот от чего к чему? Речь о смещении основного фокуса исследований на проблематику языка небосущности структуры функций и механизмов буквально управления нами нашим мышлением философии господствовавшей до этого проблематики познания вспоминать гносиологический поворот нового времени и растерявшийся перед открывшейся безосновностью первой философии в начале этой темы мы сегодня рассмотрели преодоление метафизики в том числе в антологическом смысле несмотря на то что общение между людьми существует по сути столько же сколько само человечество философия пристального внимания на понятие языка и его роль в человеческом обществе обращается лишь в 20 столетии в эпоху стремительных трансформаций действительности глобальной взаимосвязи и взаимозависимости активизация международного общения интерес возникает к глубинной сущности самого языка поразительным образом участвующего в конструировании нашей реальности и так привычнее всего нам думать что язык это средство общения или или что-то еще или совсем не средство а что-то другое насколько мы понимаем что такое язык когда мы сталкиваемся с вещами настолько близкими и самопонятными в смысле какие могут быть вопросы это же самое ближайшее и понятнейшее для человеческого существа о чем тут говорить полезно останавливаться и удерживать себя от того чтобы не проскочить мимо самого главного самые казалось бы привычные вещи на самом деле таят в себе такие огромные пространства необычного захватывающего и опасно спешить поскорее мимо них не задумываясь отмахиваясь почему опасно потому что так мы рискуем упустить настоящее а упускать настоящее означает жить не по-настоящему то есть в иллюзорном мире в мире готовых решений а значит в мире скучном и обыденном в мире в котором все и так понятно все уже изучено и нет места новому и вот если места новому нет если мы не умеем открывать новое в обыденном то мы обречены на совершенно нетворческое существование на конвейерное однообразие естественно мы как учёные ядром деятельности которых является творчество нового научного знания изобретения инновации мы

не хотим остаться без настоящего подлинного не хотим оказаться на периферии на обочине вдали от творчества так что должны изо всех сил тренировать умение видеть и видеть действительно суть окружающей нас реальности давайте потренируемся это делать например языка как увидеть язык по новому по настоящему возможно ли это что такое язык вот в ответ на этот вопрос сразу же попадается готовая схема сформулированная общественным мнением язык это средство общения или коммуникации то есть такой инструментальный смысл такой казалось бы служебное у него значение при поверхностном взгляде и правда кажется что мы для того чтобы что-то сообщить передать другому берем слова нашего естественного языка родного или иностранного ставим их в определенной последовательности как принято строить предложение и произносим или записываем другой получает сообщение выделяет значение слов и в зависимости от их порядка понимает то что мы ему передали но как тогда объяснить феномен непонимания вы ведь знаете на своем опыте что даже когда мы произносим абсолютно известные всем слова в совершенно грамотном с точки зрения синтаксиса порядке нас сплошь рядом не понимают или понимают неправильно исказяя смысл того что мы хотели донести кому-то может наша интонация не понравится хотя мы ничего такого не имели в виду а у кого-то просто смысл не сложится еще мы можем думать одно а говорить другое вратившись к примеру вскрывать свои истинные чувства ревнем например но вместо того чтобы сказать об этом говорим противоположное мол рад за тебя что у тебя с этим человеком складываются хорошие отношения тогда ребят если смотреть по-честному мы должны будем дополнить наше первоначальное определение язык это не только средство общения но и средство разобщения не только инструмент понимания но и инструмент непонимания с другой стороны бывает что мы не очень хорошо подобрали слова и выражения может быть даже с речевыми и синтаксическими ошибками что-то сказали но другой каким-то чудом понял нас хотя можно было бы сказать точнее и грамотнее или мы использовали в своей речи слова незнакомые другому но человек догадался по контексту о чем идет речь и даже не зная точного значения все-таки нас понял вообще точное понимание большая редкость это буквально чудо почему так происходит потому что слова сами по себе не содержат смысл без нашего участия без усилия осмысливания и очень часто фразы обращенные к нам реплики и даже целые книги остаются для нас просто набором слов если мы не потрудились их понять это происходит поскольку смысл не совпадает со значением а понимаем мы смысл а не значение а значения слов вроде бы всегда даны их определение через другие слова которые изложены в толковых словарях например и более или менее определенные даже если у слова несколько непохожих значений например ключ как источник дверная отмычка и музыкальный символ море как вид водоема и в значении много и кстати язык как орган вкусовых ощущений и как знаковая система так вот мы все употребляем одни и те же слова например любовь дружба семья совершенно обычные повседневные слова но понимание их для каждого человека сопряжено с его собственным видением с его собственной жизненной историей для кого-то семья высшее благо самые родные люди поэтому надо стремиться к созданию семьи ее сохранению и заботе о близких для другого человека с кем к примеру в детстве плохо обращались слово семья будет наполняться чуть ли не противоположным смыслом чего-то тягостного неприятного сдерживающего обязывающего и такой человек может не стремиться к созданию собственной семьи заботе о родственниках заведению детей значение одно семья это совокупность особей связанных родственными связями а смысл для разных людей в нем сворачиваться может совершенно

различный а могут быть вообще неосмыслиенные слова мы часто механически употребляем какие-то привычные выражения клише языковые штампы и даже не вдумываемся в них слова остаются просто словами пустым звуком как говорится и вот на экзамене когда аспиранты приходят отвечать и произносят списанные пустые для них фразы то сразу чувствуется когда экзаменуемые не понимают о чем он говорит просто произнося типа умные слова это не значит что на экзамене следует избегать каких-то конкретных формулировок нет но вы должны показать понимание отдавая себе отчет в каждом слове которое произносите иначе язык сыграет с вами на экзамене дурную шутку став средством разобщения с преподавателем лучше сказать простыми и понятными вам самим словами и пусть даже немного коряло но если вы вкладываете смысл в то что говорите настроенный на понимание собеседник вас поймет и если нужно подправить подсказав более точные слова для выражения вашего замысла герцогиня дает кэрловской лисе потрясающий совет думая о смысле а слова придут сами в ответственные моменты на выступлениях на экзамене ребят очень губительно думать о том как вы выглядите со стороны достаточно ли сложные термины используете и так далее когда требуется лишь одно сконцентрировать все свое существо в момент говорения на смысле на сути того что вы хотите сказать если вы действительно подберутся сами еще моменты непонимания могут быть связаны со всевозможными метафорами и переносными значениями вы же знаете что фразеализм нельзя понимать буквально надо учиться чувствовать когда собеседник имеет ввиду прямые значения слов когда он украшает свою речь сравнениями аллегориями метафорами здесь же раз уж речь зашла об экзамене к примечанию расскажу вам о показательном случае имевшем место в рамках преподавания нашей дисциплины несколько лет назад Светлана Викторовна читает лекцию о средневековых науках и философии и делает знание очень харизматично там есть вопрос про возникновение университетов и увлекшись воссознанием в красках той интеллектуальной атмосферы которая царила в Европе 12 века Анна лекция произнесла метафору средневековый университет это Пьер Абеляр сидящий на лавочке и рассуждающий естественно сказано это было именно в переносном значении потом на семинаре я спрашиваю своих ребят как они поняли что представляется по средневековому университету и кто-то мне на полном серьезе воспроизводит эту фразу как определение мы конечно на душе посмеялись я объяснила тем кто не понял что это метафора но самое печальное что то был не единичный случай и потом на экзамене мы слышали несколько таких же ответов из других групп когда люди бездумно воспроизводили эти слова еще и когда мы пытались поправить возмущались а нам так сказали на лекции и трясли своими конспектами так вот пожалуйста рефлексируйте ребята оценивайте что из сказанного преподавателями является там метафора или их личным мнением и сказано в контексте определенного разговора а что какое-то объективное определение к сожалению на экзамене нередко приходится слышать подобное бездумное воспроизведение вырванных из контекста фраз поэтому ребята вы будущее отечественной науки единственная думающая элита страны пожалуйста осмысляйте если у нас будут недумающие ученые то что тогда удивляться поводу остального населения какая у нас тогда будет страна привносите смысл в свои слова не говорите пустое чтобы самим не превратиться в пустышке

Смысл что же такое смысл и как так получается что он оказывается не совпадает с языком автоматически не присутствует в словах слова максимум указывают на смысл смысл это выражаемое предложение как говорит французский

философ постмодернист Жильдалес смысл тончайшая и неуловимая ускользающая штука существующая только в наших уникальных и единичных актах понимания осмыслиения уникальных и единичных потому что за каждого из нас в нашей голове никто другой подумать не может смысл существует только в момент осмыслиения только в настоящем времени здесь и сейчас и то только если мы совершаем это усилие по осмыслиению его не приберечь на будущее никак не сохранить и не обеспечить ни себе возможность понимания ни другому понимания меня если мы понимаем что-то сейчас это вовсе не гарантирует что мы будем способны понимать в следующий момент или через какое-то продолжительное время нам каждый раз придется начинать заново прокладывать дорожки к смыслу но если мы поняли что-то это обогатило нас каким-то странным образом как бы расширило наш горизонт расчистило наш взор это пожалуй самое приятное человеческое чувство поэтому раз что-то поняв мы стремимся вновь и вновь оказаться в состоянии понимания с временем если мы не будем практиковать осмыслиение тренировать свою способность к пониманию буквально как мы тренируем мышцы тела физическими упражнениями чтобы поддерживать его форме этот эффект чего-то понятого пройдет и без нашего усилия заново творения смысла не вернется

в связи с этим есть такой лайфхак если вы хотите что-то выучить то зубрить и запоминать не особо понимая это совсем не продуктивный путь надо понять и разобраться почему так зачем это нужно как это применяется и тогда от чуда ничего учить не придется вы просто поняв сможете каждый раз заново с нуля воссоздавать нужные знания или способы решения у вас будут в голове возникать нужные ассоциации и все разархивируется так сказать если вы натренировали нейроны в своем мозге выстраивать эти дорожки а это очень хорошо делается когда вы сами что-то ищите в разных источниках рассматриваете с разных сторон и стараетесь разобраться в причинах и здесь можно заметить что

12.2.2 Философия языка Л. Витгенштейна

с помощью языка формируя суждение человек как бы примеривается к миру мы все завешиваем на да нет истинно должно существует не существует хорошо плохо и так далее говоря ту или иную фразу мы набрасываем рисунок того явления события вещи о которых речь естественно этот рисунок не является прямой копией того уникального феномена с которым мы здесь и сейчас имеем дело тем более не есть он сам тем же рисунком в других обстоятельствах можно будет обозначить что-то иное например круг может обозначать в одном контексте колесо в другом мир например я на семинаре по античности кружками изображаю микрокосм космос и ничто не мешает нам в какой-то момент увидеть в нем обозначение скажем города Москва любые наши сколь угодно сложные фразы похожи на схемы в которых мы пытаемся схватить смысл схема от греческого схейн схватывать отсюда несколько следствий во-первых слова нашего языка скорее что-то вроде палитры красок у художника а не готовые картины соответствующие предметам действительности все зависит от нашего выбора как что скомбинировать чтобы показать то есть это просто набор возможностей но определяет смысл высказывания то как мы ими пользуемся умеем ли подручными средствами схватить главное во-вторых одно и то же можно выражать разными словами и лежащий в основании смысл как цель направленность высказывания от этого не пострадает или же наоборот в разных контекстах или даже сказанное с разной интонацией определенная фраза в одних и тех

же обстоятельствах может указывать на разное положение дел например есть разница если я вам скажу идите отдохните или идите отдохните и в третьих данная особенность языка означает что за словами не закреплено соответствие с предметами реальности они призваны не жестко обозначать вещи и явления как мы привыкли полагать нет это сочетание слов их взаимная организация в фразе соответствует связям и корреляциям предметов в мире а не сами слова предметом не то что маленькие АБЦ слова соответствуют предметам реальности большим буквам АБЦ нет мы передаем порядок связей предметов и явлений и слова могут быть заменены другими например W X Y но отношения будут теми же например можно сказать у человека есть априорные формы чувственности или до опыта в нашем сознании уже содержатся структуры в которой потом опыт будет укладываться я выразила сейчас двумя разными фразами один и тот же смысл и кстати умение об одном и том же сказать по разному а также показать на примере достаточно надежные критерии понимания смысла мы на экзамене так и проверяем просим пояснить что стоит за какими-нибудь умными словами которые вы говорите и привести примеры если человек может иначе сказать и проиллюстрировать свое высказывание то скорее всего понимает смысл своих предначальных формулировок и это показать на экзамен самое главное осмысленность понимания поэтому истинные или ложные не слова которые мы подбрали для высказывания и тем более не сама реальность но истинными или ложными могут быть выстроенные нами связи насколько они схватили действительное положение вещей или не схватили ну и точно так же мы имитируем понимание говоря умные слова или по-настоящему поняли и свободно выражать смысл различными формулировками на подобные моменты обращать внимание в своих трудах выдающийся австрийский философ Людвиг Вильгельм Штайнер в окопах Первой мировой он пишет свое известнейшее потрясшее весь интеллектуальный мир того времени произведение логикой философских трактат это просто кладезь концентрированных формул для разворачивания смыслов и расширения своего видения того как все есть на самом деле в первую очередь с нашим языком и отношением к миру через язык говоря о фразе как рисунки передающем то или иное положение дел Штайнер приходит к тому что язык является по сути органом нашей души точно так же как мы контактируем с физическим миром посредством органов чувств получая данные об окружающем мире язык представляет собой бестелесный орган понимания по измериваться фразами ко всему миру в целом далеко за пределами наших органов чувств измерять надо и нет проверять предполагать конструировать свой мир который неизмеримо больше того что мы за всю свою жизнь можем сами познать эмпирически и еще один момент который я хотела бы обсудить с вами из витгенштейновских известных формул границы моего языка означают границы моего мира давайте вдумаемся в эту фразу у нее несколько взаимно дополняющих смыслов самый прямой мы можем понять мир настолько насколько у нас хватает средств языка и способности выражать свое понимание мира то о чем мы не можем ясно высказаться и то о чем мы никогда не слышали по сути для нас в нашем мире не существует поскольку до смысла мы в таких случаях не доходим поэтому в частности необходимо тщательным образом работать над своими языковыми способностями в том числе расширять свои познания в рамках других языков не случайно говоря сколькими языками ты владеешь сколько раз ты человек однако прежде чем бросаться изучать иностранные языки следует конечно же максимально оттачивать навыки выражения своих мыслей на родном о самом глубоком и самом значимом в какой среде мы бы не находились мы все равно думаем на родном языке но есть в этой формуле еще

как минимум один важный для нас сейчас смысл мы как бы просвечиваем все в мире границами или формами выделяем единичные вещи выявляем их отдельные характеристики разграничиваем все и вся иначе не то что науки не было бы вообще человеческого способа мышления не было бы в предыдущем вопросе сегодня мы уже затронули то что формы и границы любого рода различия привносятся в картину мира нашим воображением их самих по себе вне нашего мышления нет например кошка вообще это форма чистая идея благодаря которой мы различаем в мире конкретных кошек но абстрактные кошки вообще в мире на опыте мы никогда не встретим умеем и имеем дело соответственно каждый раз только с отдельными уникальными кошками эта форма нам дана в языке как слово с помощью которого можно упорядочивать действительность ориентироваться в ней и строя суждения примериваясь к миру этими чистыми формами понимать так вот открывается гораздо более глубокий смысл того что границы тут котик всем передает привет кот не кричи извиняюсь ребят значит смотрите более глубокий смысл того что границы моего языка означают то есть не только являются как но и обозначают как процесс действия границы моего мира буквально языковая способность это способность прочерчивать и перечерчивать границы привнося их в мир способность различать и прямое следствие чем более развита наша различающая способность тем более ярок сочин многообразен и глубок мир для нас поэтому то насколько каждый уделяет внимание своему языку или своему языковому развитию настолько все руки границы нашего мира настолько мы способны быть собственно людьми быть способом понимания быть по-настоящему счастливы но

12.2.3 Язык – среда бытия: М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер

тогда язык буквально среда нашего бытия среда в которой существует человек который нас и разъединяет единичными актами творчества смысла и соединяет возможности понимания мира и друг друга Мартин Хайдеггер в своей философии опирается на специфичность человеческого положения в бытии по сравнению с другими вещами и существами как мы с вами уже в прошлом вопросе ответили в предыдущем человеческое бытие отличается наполненностью смысла данное особое положение человека в бытии принято называть как мы тоже уже отметили экзистенциальным от экзистенции особое существо наполненное смыслом то есть можно говорить что человека от всего остального отличает способность к пониманию смысла в пределе смысла вещей смысла мира и смысла своего собственного бытия согласитесь человек не может полноценно быть человеком если не понимает хоть каким-то образом смысл всего мира и своего положения в мире в бессмысленности мы не можем существовать даже если все остальные потребности удовлетворены например есть что кушать какую одежду носить с кем жить и так далее наше существо всегда ищет смысл стремиться понимать а поскольку самая фундаментальная единая основа всего бытия то благодаря чему все есть то для того чтобы все вокруг понимать человек должен хотя бы интуитивно то есть не обязательно проговаривая это для себя понимать смысл бытия Хайдеггер говорил что наше понимание устроено интересным образом бытие отражается в любом человеческом языке в каждом из которых есть слово быть или есть в любом суждении любого языка даже если эта связка опускается как например в русском существует хотя бы в качестве подразумеваемого или сворачивается в глаголе слово есть мы строим наше суждение в целом в рамках конструкции с есть п то есть субъект подлежащая есть предикат сказуемое например по-английски I'm

Catherine присутствует связка M по-французски Je suis Catherine связка Sui по-испански Yo soy Catarina связка Soy я не знаю по-японски Watasiva Catarina Dasu хотя порядок слов обратный чем в европейских языках та же связка Dasu запишите подобные примеры своим именем значит в каждом высказывании нашего языка содержится или как в русском бывает предполагается отсылка к тому благодаря чему есть то о чем в данном высказывании говорится отсылка к смыслу бытия в этом ключе Хайдеггер называет язык домом бытия то есть такой средой через которую понимание смысла становится возможным в детстве мы научаемся пользоваться языком и многие фундаментальные вещи сворачиваются для нас в языке как сами собой понятные однако для того чтобы понимать все в целостности необходимо стремиться разворачивать смысл незаметно свернувшийся в самых привычных словах поэтому мыслитель призывает к особой чуткости и внимательности к языку и действительно всматривание в язык дает очень много для углубления нашего понимания о мире и о себе продолжая такую традицию понимания языка своего учителя Ганс Георг Гадамер разрабатывает особую методологию осмыслиения философского герменевтику от древнегреческого эрминэтике толковательно интерпретирующий это предполагает работу со словом его этимологии то есть происхождение его оттенками и значениями в других языках Гадамер называет язык всеобъемлющий предвосхищающий истолкованностью мира это означает что естественный язык который мы пользуемся всегда в свернутом виде содержит особо интуитивное предпонимание бытия которое в историческом контексте меняется то есть одни и те же понятия в силу различного мировоззрения основанного на различном понимании бытия по-разному нагружены в смысловом плане в различные эпохи вспоминайте хотя бы традиционный в этом отношении пример различном понимании прекрасного в человеческой истории в различных социокультурных локальностях например каноны женской красоты совершенно различных в различных обществах толкование зависит от контекста той ситуации в которой мы себя обнаруживаем от круга вопросов которые кажутся в ней наиболее важными от угла зрения на эти вопросы на прояснение этих моментов и направлены прежде всего герменофтические техники интерпретации таким образом герменофтическое понимание обращает наше внимание на историческую и культурную обусловленность выражения человеческой мысли действительно понять говорящего можно лишь погрузившись в тот контекст в котором сформировались у этого человека представления о мире понятия которыми он мыслит и способ выражения этих представлений в языке то есть недостаточно говорить с человеком на одном языке например по-английски чтобы по-настоящему глубоко понимать позицию другого нужно понимать еще и основания культуры в рамках которой эта позиция сформировалась вспоминайте нашу четвертую тему об антологических основаниях мировоззрения тогда мы действительно будем во всех смыслах слово говорить на одном языке и именно для вот этих вот целей мы с вами в нашем курсе чтобы понимать исследователей других эпох и погружались в тот самый культурно-исторический контекст и старались выйти к наиболее фундаментальным антологическим основаниям каждого периода в любом случае полезно совершать герметические практики обращая внимание на происхождение и разные оттенки не только новых но и знакомых привычных слов и словосочетания это помогает лучше видеть все как оно есть как Хайдеггер говорит бытие высказывается в каждом слове и именно таким образом замалчивает свое существо наш язык одновременно и говорит и умалчивает например слово медведь говорит о том что он знает ведает где мед медведь то есть это любитель меда но вместе с этим умалчивается о том

что это мощный дикий зверь с которым страшно безоружным столкнуться возможно вам тяжело поэтому спешу успокоить без сомнения не все люди обязаны глубочайшим образом всматриваться в существо языка это обязанность прежде всего философов и специалистов вопросов языка тех чьим призванием является непосредственно исследование речи коммуникации и так далее однако заслуга Хайдегера в том что он во-первых обращает наше внимание на связь языка с тем благодаря чему мы и все остальное есть с бытием а во-вторых призывает нас не быть слишком небрежными с языком мы все как не специалисты погружены в язык и работать с языком периодически нам всем необходимо пусть и не включая предельного усилия выхода к смыслу самого бытия всматривание в язык и развитие навыков пользования языком обогащает нас понимание у Хайдегера конечно навека вперед открытие для осмыслиения но еще один примечательный момент из его книги «Бытие и время» давайте здесь тоже отметим почти 100 лет назад вышло в свет это произведение а там наследитель описывает буквально то что происходит с современным человеком который беспрестанно залипает за всевозможные соцсети мессенджеры и навыков ленты Хайдегер показывает как люди вовлечены в пространство болтовни сплетен передачи друг другу каких-то мелочных сведений в русском переводе в «Бытие и времени» это слово не болтовня а толки то есть люди толкуют о том и сём в чём обычно немногого смысла или он не особо ценен всю минуту но это болтовня захватывает мы очень легко заслушиваемся чем-то совершенно повседневным разговором читаем передаём друг другу и обсуждаем не особо ценную информацию ну например мне пишут друзья что вот вышла такая-то озвучка нового сериала а ты уже там начала смотреть или а ты видела новость про там допустим анонс ремейка нашей любимой старой игры или там какая-нибудь знаменитость высказалась в поддержку чего-то а ты что думаешь и так далее так существует язык он живёт актами говорения и в форме болтовни воспроизводит себя через нас хотя бы вот на таком элементарном уровне как бы предоставляя возможность потенциал для осмыслиения и понимая такие сообщения мы используем их как материал для тренировки сознания чтобы хоть в чём-то думать постоянно поддерживать в тонусе свои интеллектуальные способности во-первых а во-вторых обитать в одной и той же информационной среде что и те люди с которыми нам хочется общаться с другой стороны этот момент помог мне глубже понять словосочетание естественный язык сколько в языке воспроизводится генерируется фраз информации которой мы подключаемся и которая чуть ли не питается наше сознание то есть там такая природная естественная автоматичность царит что надо иметь сильную волю и соответственно понимать свою цель чтобы периодически выходить для себя из этой чистой информационной среды на более продуктивный уровень конечно надо подключаться болтовни но чтобы она не рассеивала и не растрачивала наше существо на такой низкий уровень воспроизведения просто информации необходимо использовать это естество языка для действительного осмыслиения например непродуктивно заливать за интересовать летний картинки знаменитостей там не знаю моделей политиков если вы подписаны скажем на художников или дизайнеров на научные паблики или на каких-нибудь рукастых ютуберов которые копаются в электронике и сами что-то создают и черпаете для себя вдохновение знакомясь с такими произведениями или читая практические советы то это достойный продуктивный уровень на котором вы не просто потребляете контент который на самом деле никогда не насытится но соучаствуете в рождении смысла обогащаетесь новым опытом подытожим экзистенциальная аналитика в лице Харри Гера и герменевтика в лице Гадемера приводит нас к тому что язык есть особая среда дающая уви-

деть смысл прийти к нему буквально среда обитания человека но это все также означает что другой думает сам в своей голове или не думает мы не знаем какие у него ассоциации возникают как он воспринимает нас и наши сообщения в пределе абсолютно понять друг друга мы не можем даже если давно знаем человека но принципиально физически не способны переживать то же самое что он переживает видеть вещи в том же свете в котором он видит однако трагедии в этом нет просто смысл живет таким вот мерцающим образом передается только изменяясь то есть когда каждый индивид каждый раз самостоятельно интерпретирует какие-то свои оттенки добавляя свой путь проходя понимая другого в данном ключе к нему невозможно относиться как к объекту с этой иной позиции мы выстраиваем отношения как с другим субъектом имеющим собственный отличный от нашего способ бытия но тем не менее также способный открыть для нас целый мир

12.2.4 «Философия диалога» М.М. Бахтина

по этому поводу потрясающий отечественные мыслители Михаил Михайлович Бахтин философ и литератор еще в начале 20-х годов 20-го века пишет следующее зачитаю вам объемную статью ее конспектировать не нужно просто послушайте и основу идеи для себя отметить когда я созерцаю цельного человека находящегося в ней против меня наши конкретные действительно переживаемые кругозоры не совпадают ведь в каждый данный момент в каком бы положении и как бы близко ко мне не находился этот другой созерцаемый мною человек я всегда буду видеть и знать нечто чего сам он со своего места в ней против меня видеть не может части тела недоступны его собственному взору голова лицо его выражение мир за его спиной целый ряд предметов и отношений которые при том или ином взаимоотношении нашим доступны мне и недоступны ему когда мы глядим друг на друга два разных мира отражаются в зрачках наших глаз этот всегда наличный по отношению ко всякому другому человеку избыток моего видения знания обладания обусловлен единственностью и незаместимостью моего места в мире ведь на этом месте в это время в данной совокупности обстоятельств я единственная нахожусь все другие люди вне меня то есть смотрите каждый из нас уникален благодаря тому что занимает в бытии единственное и незаместимое место ведь мое место физически никто не может встать и психологически переживать мои состояния тоже никто со мной не может поэтому ценен каждый другой и изначально от рождения наделенные каждый своим местом мы все в этом фундаментальном смысле равны друг с другом и поэтому уже взаимно дополнительно Бахтин говорит о специфике человеческого положения в бытии а именно о парадоксальности нашего сосуществования друг с другом мы не можем ни слиться с другим ни избавиться от него совершенно у каждого из нас своя неповторимая уникальная позиция по отношению к другим что с одной стороны дарит нам целостность и единство собственного существования но с другой стороны ограничивает нас от других невозможностью переживать опыт другого за него в его точке тем не менее выстраивая свои дорожки к смыслу одного и того же мы обогащаемся от общения с другим взаимно благодаря друг другу расширяя свои кругозоры по отношению к я этим другим может оказаться не только конкретный человек другое я но и группа людей народ иная культура природа или даже например бог с такими другими необходимо выстраивать диалог необходимо это делать не просто из повседневной бытовой нужды общения с другими людьми или из профессиональной любознательности к природе но и

в целях саморазвития и самообогащения смыслом думаю каждому из нас знакома непродуктивность ситуации что называется вариться в собственном соку так даже на психологическом уровне специалисты советуют делиться друг с другом своими переживаниями и мысли оправдаться к текстам культуры или к общению с природой в ситуации потерянности или глубокого негативного переживания тем более это нужно когда мы не можем разобраться в той или иной проблеме во-первых проговаривание то есть формулирование этой проблемы вслух нам помогает лучше прояснить ситуацию для самих себя а во-вторых другой ценен тем что представляет собой отличную отнюдь буквально точку зрения то есть он смотрит на то же самое с другой позицией пусть и близко к нашей но другой поэтому дает нам ценнейший взгляд со стороны обогащающий наше понимание да и обращающий внимание на то что нам может быть не видно со своего как бы места в принципе тогда общение можно понимать предельно широко например обмен подарками представляет собой непростое перемещение вещей в пространстве но обладает глубоким смыслом для людей и зачастую подарок в который мы вкладываем частичку себя может сказать другому больше чем мы способны выразить словами исследуя в данном контексте природу коммуникации Бахтент подчеркивает что на самом деле единицы языка не отдельные слова или предложения как это полагается в науке лингвистики но целостные завершенные высказывания границы которых определяются сменой речевого субъекта то есть в широко понятом глобальном диалоге настоящие единицы языка фразы индивидов разграничиваются целостностью замысла локальностью каждого говорящего эти единицы должны быть анализируемые непосредством расщепления на отдельные элементы вплоть до звуков и букв а именно исходя из смысловой завершенности высказывания из подвора говорящим средств форм для конструирования своего выражения независимость от того это высказывание допустим представляет собой междуметие эх или целую книгу и даже молчаливый ответ или пауза тоже своего рода высказывания имеющие замысел смысл цель определенного воздействия и так далее

12.2.5 Тайна происхождения языка: молчание и бессознательное

и тут мы подошли к важнейшим двум поразительным отличиям человеческого языка от языка животных в целом языка природы во-первых животные не выходят на уровень смысла на уровень понимания или непонимания символы которые они друг для друга создают оставляя метки железами например запахом задирая кору на деревьях передавая голосом или движениями тела сообщения друг к другу распознаются однозначно тигр почувяв определенный запах оставленный сородичем однозначно расшифровывает послание это территория другой особи пчелы летят в нужном направлении увидев определенный танец пчелоразвек чешуя показывающей в коей стороне поляновскими видами цветов языки животных птиц на самом деле очень богатые многообразны у одного вида проживающего на удаленных друг от друга территориях есть свои диалекты например воробы из Москвы чирикуют по-своему не так как в Екатеринбурге но только для человека возможно различные интерпретации одного и того же сообщения без изменения самого сообщения или вообще его непонимания во-вторых только человек способен молчать в смысле не сказать замолчать промолчать умолкнуть птица не может не заливаться трелями в мае человек способный встретиться с целым миром охватить мысленным взором все почувствовать чудо мудрого мироустройства поразительную сложность

и продуманность всего вокруг умолкать перед этой тайной способной выражать мы сталкиваемся с тем что все не выразить не потому что языка не хватит а потому что мы конечно во времени и в пространстве то есть смертны и не можем управлять другими мы ограничены и в какой-то момент в глубоком детстве мы это впервые осознаем проходя своеобразное второе рождение становясь тогда по-настоящему людьми вспоминайте из предыдущего сегодняшнего вопроса человеческая система восприятия специфичной тем что только она построена на идее границы или чистого различия или еще точнее на идее иного как такового воображение мы оперируем формами абстрактными границами которых самих по себе в мире нет и не просто к ним обращаемся но рефлексируем оттачиваем развиваем эту свою теоретическую способность и опираемся именно на нее во всем жизни для ориентирования в мире для поддержания своей жизни для построения отношений с другими но мы такими не рождаемся мы рождаемся подобными животными но только в среде человеческого общения и пройдя лакановскую стадию зеркала мы затем накапливаем опыт несовпадения слов и вещей опыт смены аспекта результирующийся к 2-3 годам во внезапном появлении самосознания и в этом смысле можно предложить еще одно определение языка выражаемое воображаемое вспоминайте все что мы выше тоже говорили о смысле и далее ввиду открытия отдельности себя и мира возможности посмотреть на себя самого со стороны мы активно осознанно начинаем использовать воображаемое как третье измерение нашего существования наряду с тем что животные практически полностью погружены в символическое и реальное в их достаточно однозначной корреляции и если воображаемым и пользоваться то достаточно автоматически не замечая это за собой например когда играют но также природы у нас нет специальных органов речи мы пользуемся как умеем ртом языком как органом дыхания учимся создавать нужные звуковые эффекты мы не рождаемся уже говорящими на человеческом языке мы способны лишь к так называемой лепетной речи слышали выражение детский лепет представляете себе по сути своей это слоговая проторечь лежащая в основе всех человеческих языков мира кстати согласно исследованиям мы все с полугода примерно начиная активно лепетать сначала делаем это все по всему миру дети абсолютно одинаково потом к году наша лепетная речь начинает приобретать фонетическую специфику той культуры в которой воспитывается человек а к полутора года мы уже начинаем пользоваться словами соответствующего национального языка в среде которого с нами говорят при этом все дети по всему миру изначально лепечат на одном протоязыке правда расшифровать его не удается он слишком иррационален у нас у всех есть способность ко всем языкам и они как бы свернуты в детском лепете это доказывает случай например шизофреника одна из личностей которого в совершенстве владела сербским языком хотя человек реально в своей жизни этот язык не изучал или например русской девушке которая лепетала как потом оказалась на японском родители записали на пленку ее детские монологи а во взрослом возрасте она выучилась на востоковеда имея природную тягу к этой культуре и найдя в какой-то момент аудиозаписи поразилось что это был чисто японский еще интереснее то что ребенок использует лепетную речь не для общения со взрослыми по крайней мере не в первую очередь как именно средства коммуникации и не пытается поначалу имитировать речь взрослых переход к естественному национальному языку дело постоянной языковой практики когда мы 10 миллиардов раз с детьми повторяем нужные слоговые комбинации и поощряем правильное произношение ребенок лепетчатель один в пустой комнате монологами с определенными тональностями по-разному радостно или жалобно серьезно или игриво медлен-

но или быстро и так далее и это для него данная от природы тяга выражать собственные состояния переживания ощущения озвучивать то с чем он имеет дело так оказывается призвание человека в мире дать миру слово причем здесь молчание примерно к 3 годам в детстве мы в той или иной ситуации вдруг понимаем интуитивно конечно не концептуализируя это что мы во всех смыслах ограничены для нас впервые открывается хронологическое время с прошлым и будущим и настоящим как чистым различием скользящей границей теперь между уже отсутствующим прошлым и еще не наступившим будущим мы конечно в пространстве максимум чем мы можем научиться управлять и по-настоящему распоряжаться это на какую-то малую долю только собственное тело и своя жизнь и мир устроен так не нами до нас так что поменять мы тут ничего не можем мы впервые по-настоящему умолкаем потому что не знаем что за этими границами ведь у нас есть только эмпирические свои собственные переживания и состояния и только опыт жизни нет опыта о том что после но вернемся к природе человеческого языка помимо знакомого окружающего мира оказывается есть и совершенно незнакомое причем в этом же окружающем мире и в нас же самих открывается что-то бездонное чуждое непонятное неподконтрольное какие-то законы которыми если не наша воля то все управляется да и я оказывается сам на себя могу смотреть со стороны почему зачем что с этим делать и это не выразить мы умолкаем перед этой тайной но при этом конечно непродуктивно убегать от нее от непостижимого открывшегося в себе же самом уже некуда деться остается только мужественно иметь с этим всем дело всматриваться осмысливать взвешивая каждое слово свое на весах молчания и чутко соблюдать баланс между потоком говорения и глухим молчанием потому что и молчание тоже может быть неверно истолковано кстати интересно мы обычно думаем что человеческая речь создается говорением способностью говорить но нет скорее готовностью слушать молчаливым вниманием другого готовой но только человек способен и я сейчас вам что-то говорю не потому что умеем говорить а потому что вы умеете слушать и готовы меня слушать спасибо вам за это Как, откуда произошёл человеческий язык, мы не знаем. Но это удивительнейшее изобретение. Сейчас, чтобы вы немного передохнули после такого тяжёлого блока для осмысления, я вам расскажу пару баек про язык о молчании. Пожалуйста, вот это не надо на экзамене рассказывать, это будет в рубрике «Шутки, юмора». Но вы также должны понимать, зачем это делается. В каждой шутке есть доля шутки, а значит, доля правды. Существует такая байка, что язык придумали женщины. Кстати, косвенно это подтверждает тем, что девочки раньше начинают говорить, чем мальчики. И антропологи говорят, что первым человеком была в особи женского пола. Но это никакой не феминизм с моей стороны, я его предыдущая, честно говоря. Сейчас вы поймёте, почему. Другая байка. Женщины не способны молчать. В Древней Греции, 6 век до нашей эры, пифагорейская община. Особенностью школы пифагора было то, что ученики жили все вместе, и наравне с мужчинами учились также женщины. Чудрико ходить, жена пифагора, Чиана, первая женщина-философ и математик. Другая особенность. Пифагорейцы обязывались не разглашать учения основателя, только можно было пользоваться для своих целей, для своей жизни, но всем подряд нельзя было рассказывать. Чтобы стать преподавателем, после определенного количества лет обучения, человек, который тоже хочет стать учителем в этой школе, давал обет молчания. То ли на 3 года, то ли на 5 лет. Так вот, у пифагорейцев не было женщин-учителей, хотя многие из них были выдающимися исследовательницами. Потому что ни одна женщина не выдерживала этот обет молчания. Шутки шутками. А я по себе знаю, как

трудно сдерживать эту естественную тягу к выражению, как трудно бывает промолчать, когда даже понимая разумом, что лучше не говорить. Постоянно приходится бороться с собой, и не всегда это успешно получается. Итак, как и откуда взялся? Кем и когда был разработан человеческий язык, мы не знаем. Скорее всего, достоверно никогда не узнаем. Возможно, первоначально эти логические звуковые сочетания мыслились как похожие на те или иные феномены действительности, на которые не указывали. Например, стол, отствовать, стоять, ветер, веять, завывать и так далее. Но язык постоянно изменяется, он буквально живет и развивается, трансформируется, появляются новые слова, устаревшие, уходят в историю. Менять же значение и акценты, правила написания, произношения и составления предложений, а язык, как собственный язык, остается. Единственное, что здесь можно сказать, язык иррационален. Он скорее похож на сон или на бессознательное, чем настроен на логичную, упрядоченную систему. Но все попытки науки и лингвистики сконструировать непротиворечивое знание языке разбиваются, а его парадоксальность. Нет ни одного правила, ни в одном языке мира, у которого бы не было исключения. И если даже в одной своей области, например, в плане синтаксиса, язык строк, например, английский с его жестким порядком слов- продолжений, то значит, в какой-то другой своей области у этого языка будет чудовищный хаос. В английском это произношение. Там исключений больше, чем правил, и проще запомнить, как произносится каждое новое слово, чем знать типичные правила произнесения буквосочетания и расстановки ударений. Русский язык учителя иностранцев тоже чрезвычайно трудно. Большой вопрос. Насколько мы знаем тот или иной язык? Мы им научаемся пользоваться? Успешно или не очень, но буквально так же, как мы в детстве постепенно научились пользоваться своим телом. Насколько мы знаем тело, и можем ли всё рационально о нём знать? Такой же вопрос. Но тут интересно обратить внимание на то, что в обыденном смысле знание о теле или языке – это отдельная пришлопка. Насколько необходимы. Чтобы поднять руку, мне не обязательно иметь представление о том, какие стоят за этим явлением химические и биологические процессы. Чтобы обозначить нечто в мире с помощью языка, мне не обязательно знать лингвистические правила. Например, ребёнок до школы не знает о них. При этом прекрасно говорит, и у него к языку гораздо более сильное чутьё, чем у образованных взрослых. Примерьте к себе. Когда вы хорошо овладели иностранным языком, вы строите в нём фразы не потому, что знаете, каждый раз вспоминаете правила, а потому, что научились его средства использовать для передачи смысла. Вы уже не задумываетесь, в каком здесь времени глагол употребить, поставить ли artikel, какое из множества синонимов, оттенков взять. Даже если с ошибками вы уже говорите на этом языке, видя его средствами смысл. И вот у меня часто бывает, что я не помню, на каком языке я прочитала какую-то идею, потому что, хорошо зная английский и русский, я запоминаю смысл прочитанного, а не слова, в которых он был выражен. Но в этом есть и негативный момент. Найти потом нужную ночную статью трудно, потому что читаю многое, но дома на другом языках. Почему же я сказала, что язык похож скорее на сон? В нём есть настолько уверенный замах на классификацию всего и вся, но который постоянно срывается. Как и во сне сплошные непредвиденные трансформации, которые не по законам логики, вообще не по законам происходят. Вы же прекрасно знаете об этой проблеме классификации. Хотя бы по себе, когда сохраняете что-то на компьютере, пытаетесь распределить по папкам. Статья, которую вы хотите сохранить, это в рубрику по авторам или в папку методы, или в раздел литература по темам. Ну, а уточняя и ветвя каталоги,

мы им попадаем в дурную бесконечность, в которую для каждого отдельного файла будет своя папка, и каждый файл будет дублироваться в нескольких категориях. В общем, оказывается, посмотреть на естественный язык как на систему рациональным образом до конца никогда не получится. И в этом его богатство, полнота, открытость новому и настоящему. Он отражает полностью природу человека, одновременно рациональную и иррациональную.

12.2.6 Структурализм: язык управляет нами?

Наконец, философия структурализма. Также концентрируется на вопросах языка, хотя в достаточно своеобразном ключе. Это направление развивает понимание коммуникации и функционирования языка на основе лингвистической концепции, предложенной швейцарским исследователем Фердинандом де Сассюром. Идея симеологии, как науки, изучающей по выражению Сассюра жизнь знаков в жизни общества, произвела революцию в гуманитарных науках и философии, поскольку предложила рассмотрение влияния языковых знаков на психологию человека, его поведение, ценностные суждения. Этот подход предоставил возможность изучать, как, с помощью каких воспроизведимых нами структур языковые выражения, речь субъектов, конструируют социальную и психологическую реальность. Глот ЛевиСтрос, занимавшийся на основе данного подхода исследованием языков прибытных сообществ, в том числе и тех племен, которые сейчас на земле в таком состоянии существуют, он в Латинскую Америку ездил, показывает, что первичные структуры, воспроизведимые в разных условиях, в разных культурах, обществах, они наполняются разным содержанием, но по своему воздействию на индивидов схожи. Так родилась основная идея структурализма философии, понимая все в бытии как своего рода языки, или знаки, или текст. Выстретители этого направления, кстати, с Лизой Хайдегером, открывают, что языковая реальность, вернее, заложенные в ней структуры языка, во многом управляют человеческим мышлением. В этой связи есть еще одно распространенное определение языка, знаковая система. Вообще говоря, во всем можно увидеть знаки и все рассмотреть как язык. Ведь для нас все что-то значит. Для нас что-то означают те или иные вещи, жесты, поступки, факты, проявления, события. И большой вопрос, есть ли тогда вообще что-то, кроме языка, что-либо непосредственно доступное человеку, кроме знаков? Ведь мы все видим через призму языка. В широком смысле даже у природы есть язык, в котором, например, роль слов играет химические соединения, складывающиеся в предложениях, химические реакции. Символическое измерение человеческого существования заставляет нас мыслить определенным образом, поскольку мы погружены в среду структуры языка, идеологии, пропаганды, рекламы, социальных стереотипов. И вот, например, если какие-нибудь астрологи, спиритологи и прочие мистификаторы хотят современного человека побудить к ним обращаться, они начинают имитировать научный дискурс, ссылаются на якобы большую эмпирическую базу, типа наши практики многим помогли, вставляют псевдонаучные термины, уверенно в форме теории говорят, например, о влиянии чисел на жизнь человека и что он состоит из таких-то чакр, там такие-то энергии текут по каналам, их можно прочистить определенными упражнениями, и это все полезно для здоровья. И человек покупается, потому что воспринимает псевдонаучные фразы, структурированные в форме научной теории, с терминологией, законами и как бы эмпирическими подтверждениями. Но хотя вы понимаете, что это зачастую не количественные данные и вообще эффект барного. Точно так же своя четкая структура есть, например,

о волшебной сказке, почитайте какого-нибудь Владимира Проппа. И вот если в рекламном ролике воспроизводится структура сказки, вы проассоциируете продукт с чем-то фантастически полезным и крутым, и что в конце все будут жить долго и счастливо. Скажем, какое-нибудь лекарство, и герой вступает в неравный бой с вирусами, ему помогают клетки организма, и пройдя трудности, они справляются, и все хорошо. Ну вот мы начинаем верить подсознательно в такое лекарство, как в сильного героя, который обязательно победит болезнь. Жан Бодрияр, французский философ-постструктураллист, осмыслияет эти моменты с другой стороны и приводит примеры власти символического над человеческим сознанием в современном обществе потребления. Зачастую мы покупаем вещи не для непосредственного использования, а для того, чтобы обозначить ими что-то для другого. Книги стоят на полках не для того, чтобы их читать, а чтобы гость, взглянув на обложки, составил для себя определенный образ человека, имеющего такие книги. Мышлина покупается не просто любая, чтобы ездить, но выбирается в соответствии с тем статусом, который человек хочет для себя подчеркнуть в глазах других. То же самое касается марки одежды, которую мы носим, названия ресторанов, в которые ходим, бренды электронники, которые мы пользуемся и так далее. Причем очень часто все это выбирается нами бессознательно. Если мы даже не задумываемся, почему захотели купить кто-то или решили создать себе именно такой-то внешний вид, образ. Но это может означать лишь то, что нами без нашего ведома завладели образы рекламы или социальные стереотипы, которым мы желаем соответствовать. Те самые фантазмы и симулякры, о деструктивности которых предупреждают лакан, жижек и другие современные мыслители. Так вещи, участвуя в создании симуляков, тоже сегодня становятся своеобразным языком, говорящим о человеке. Ну вы понимаете, айфон в кредит или сидеть на хлебе и воде, но ходить в шмотках от Гуччи. Ничего не имею против этих замечательных брендов. Просто речь о том, что вещи, предметы, устройства в современном обществе выполняют не только свои непосредственные функции, но становятся символическим, невербальным языком, который тоже что-то означает, несет какую-то информацию о владельце вещей и настраивает на общение с ним в определенной манере. То есть позволяет распознать претензии человека на определенный статус, его какие-то мировоззренческие установки, социальный класс, уровень достатка, хобби и предпочтения. Но главный вопрос в том, осознанно мы это делаем или бессознательно под влиянием стереотипов, рекламы, идеологии. Если вместо активности нашей собственной мысли в нас начинают бессознательно действовать такие вот конструкции, нами управляют языковые структуры, которыми нас программируют политики, соцсети, СМИ, рекламные ролики и плакаты, то это безусловно печально. Получается, что нашу реальность за нас конструируют, нам ее навязывают, побуждая поступать определенным образом, как выгодно кому-то. В связи с этим постструктураллисты старались максимально разобрать и разрушить наши иллюзии, стереотипы, показать, откуда они берутся, чтобы мы сами выходили к самостоятельному осмыслению. Так что на самом деле все не так печально в плане тотальной власти языка над нами. Свобода открывается в пространстве между словами и вещами в движении осмысливания. В этом моменте сходится подавляющее большинство рассмотренных нами делателей языка. Человека отличает именно способность поднимать смысл, вернее, творить его. Вы думаете, переводом мы занимаемся только с какого-то иностранного языка, на наш родной или наоборот с родного иностранного? Нет, ребята, мы постоянно в общении друг с другом, в слушании и чтении того, что высказано другими, осуществляем перевод внутри своего родного языка. Поскольку

смысл не совпадает со словами, мы постоянно должны его воссоздавать в рамках использования слов и восприятия их от других. Должны каждый раз свои смыслы, которые нам кажутся само собой разумеющимися, переводить на язык понятный собеседнику и наоборот расшифровывать, зашифрованное другими. В пределе с каждым человеком общаемся немного по-разному, потому что переводим свои смыслы каждый раз на языки разных других. Что же касается свободы или несвободы от языка, здесь повторю, все зависит от того, проделываете ли вы эту работу по осмыслинию, задаетесь ли вопросами по поводу расхожих всеми принятых вещей, совершаете ли усилия понимания, прежде всего, себя самих, почему я так поступаю, почему хочу того-то и того-то, нужно ли мне это на самом деле или мне это навязали со стороны и так далее. Рассматривайте всегда максимально широко все позиции, все точки зрения, даже если они вам не близки, тогда вы лучше начнете понимать, что именно и почему вам ближе. Рождайте собственный смысл, не проглатывайте бездумно то, что приходит к вам из вне.